

СФЕРА ТРЁХ ЛУН

Мир теряет прежние краски.

Планета, и так превращающаяся в безжизненную пустошь, замерла на грани разрушения и угасает вслед за Солнцем. Люди уходят в горы, к морю или к полюсам. С экватора расплзается пустыня.

Тайполь — охотник лет семнадцати, которому снятся странные сны. Волей случая оказался на пути у зла в людском обличье, когда нечто безжалостное вторглось в жизнь. Сам того не желая, втянут в события, способные сильно повлиять на его близких, его мир и на нечто большее, ему неизвестное. В этом могут помочь как союзники, преследующие собственные цели, так и враги, одержимые мстью и жаждой бессмертия.

«Конец времен так близок, он ознаменует собой начало нового порядка. Но Хроники не расскажут финала этой истории. Ведь живем мы над кипящей бездной, неизменно готовой погрузить мир в хаос и забвение».

За короткий промежуток сна можно многое пережить: и то, что было, и то, чему никогда не суждено случиться. Вот и сейчас в минуты сновидения нечто определенное угадывается среди картин-грез, оживающих в юном сознании.

Свет луны освещает мужской силуэт. Края одинокого силуэта размыты. Мужчина неслышно вздохнул, вспомнив былые времена.

Войдя в свои покои, он приблизился к колыбели, рядом с которой сидела молодая женщина. Темные пряди волос скрывали половину ее лица с нежными чертами. Она тихо напевала, стараясь правильно вытянуть слова песни на древнем, всеми забытом языке. Ее ангельский голос окутал и пленил сердце вошедшего мужчины.

Мужчина прислушался к словам песни и наклонился, рассматривая ребенка.

— Тебя что-то беспокоит? — прекратив петь, спросила женщина у колыбели, поднимая взор янтарных глаз.

— Да, беспокоит.

— Что именно?

— Мир, и так превращающийся в пустыню, рушится на части. Мы на грани войны. Все валится из рук, а Названные Командоры — неуправляемы. Растет недовольство.

— Еще два года назад я предположила, что это заговор, но ты не прислушался. Неизвестно кто, но весьма влиятельный, расшатывает опоры Империи. Вполне возможно — предатель не один! Все эти восстания, провокации и террор за пределами куполов. Тебе это до сих пор не кажется взаимосвязанным?

— Это-то тут...

— Подожди, дай закончить, — она прикрыла его рот своей ладонью, не дав договорить, и продолжила: — Ты стал мягок. Раскрой глаза пока не поздно... ибо грядет испытание, грядет война. Мир наш угасает вслед за Солнцем.

Эхом вторглись чьи-то слова, развеяв этот сон как утреннюю дымку. Словно сна и не было.

— Поль, проснись! Поднимайся.

Юного сновидца с иссиня-черными волосами разбудил человек, на лице которого проступили приметные морщины в уголках серых глаз. Он бросил Полю флягу с водой и протянул руку, помогая подняться.

Тайполь выше среднего роста, охотник с развитой мускулатурой, лет семнадцати. Странная ухмылка на миг показалась на его серьезном, сосредоточенном лице с острыми чертами. В глаза бросался неровный шрам на его лице, сползающий от правой щеки на шею через область основания челюсти. Выделялся Поль и гетерохромией глаз, одна радужная оболочка которых зеленая, а другая — желтая, точно янтарь.

Человек рядом с ним — Фрэнк, его отец.

Фрэнк лет на двадцать старше сына. Крупный, но ловкий мужчина, скупой на

поспешность, вообще складывалось впечатление, что он совершает движения с некой ленцой в теле. Запястья Фрэнка покрыты старыми рубцами и следами несошедших за долгие годы ожогов. Он не замечал эти шрамы, все так же смотря на мир почти уставшим взглядом.

Фрэнк с усилием поборол желание зевнуть, разминая шею и плечи.

— Умой лицо. Пора возвращаться.

Причесав пальцами спутавшиеся волосы и плеснув в пригоршни воды, при этом зажимая флягу коленками, Поль умылся, интенсивно растирая по заспанному лицу воду. Его светлая кожа почти никогда не пачкалась, не смотря на то, что он не отличался особой чистоплотностью. Утренний холод и вода сделали свое дело: Поль проснулся и был готов продолжить путь.

Солнце только начинало свой ежедневный обход, застенчиво поднимаясь над высокогорным плато и сиюсь наполнить мир осенними красками. Лес готовился к зиме. Никого не удивлял ни изменчивый климат, становившийся все более жарким, ни обилие осадков в горах. Лучи стареющего солнца продолжали посылать достаточно тепла, будучи в состоянии не только развеять утренний туман у подножий гор, но и высушить одежду редких путников.

Оба путешественника навьючены рюкзаками. Их одежда и обувь явно с военных складов, хорошо экипированы для путешествия по этой местности. Скинув прорезиненные плащи, они двигались по едва заметной тропинке вдоль холма, окутанного утренним туманом, который медленно клубился и нехотя отступал под натиском света. Впереди их ждал знакомый привал на опушке отсыревшего леса, где заросли карликовых деревьев и ползучих растений ютились в тени огромных синих елей. Утренняя дымка надежно скрывала их от постороннего взгляда.

— Я все же подготовлю оружие, — Фрэнк почти всегда говорил севшим голосом, словно желал, чтобы к нему прислушивались, но в общении с семьей его голос был четким, с едва заметными менторскими нотками. — В прошлый раз мы набрали на следы лагеря. Неизвестно чего ждать от случайной встречи.

Фрэнк выдвинул складной приклад, повернул ствол и закрепил дневную оптику. Послышался едва различимый басистый гул, оружие накапливало энергетический заряд. Моргнув зеленым светом индикатор зарядки.

— Если это повстанцы, то известно, — Поль говорил спокойно, небольшая хрипота чувствовалась в его голосе после ночевки под открытым небом.

Отмахнувшись от насекомых, Поль поправил у себя на спине тяжелый рюкзак, откорректировал лямки разгрузки с множеством карманов на липучках, и двинулся вслед за отцом, довольно быстро приспособившись к его шагу, стараясь не нарушать ритм дыхания.

— Ты больше слушай Томаса. Этот старикан давно из ума выжил, — Фрэнк пристально посмотрел сыну в глаза и на миг изменился в усталом лице. — Повстанцы по собственной глупости сражаются с солдатами Императора. Какое им дело до простых людей, или беглецов вроде нас?

— А если это правда? Или хотя бы часть правды? Старик многое повидал. Да ты и сам знаешь, что он кладезь знаний.

— Кладезь мудрости вперемешку с диким бредом и агитационной ерундой. Одни его истории про иномирян чего стоят.

— А разве другие миры не существуют? Ведь доказательств тому нет, как собственно и опровержений. Старик там побывал.

— Где побывал? Да он сумасшедший.

— Еще он рассказывал о неестественном мареве, где кричат души грешников под испепеляющим жаром солнц. О живых приливах в местах, где сам по себе движется песок. Про диких зверей и потерянные города... Про сферы, что заставляют миры вращаться. О машинах, наделенных разумом и волей. О могущественных существах в облики людей. То, что он рассказывал... то, что описывал... все это странно, но настоль живо и красочно, что хочется верить, хочется, понимаешь?

— Да ты издеваешься надо мной.

Фрэнк добродушно рассмеялся и ускорил шаг.

— А если пустыня придет и сюда? Даже в этих горах становится все теплее.

— Мы этого не застанем, не переживай.

— Иногда меня посещают мысли изменить этот мир.

— Зачем? Политика — грязь. Да и как ты собираешься изменить мир с таким чувством юмора?

— Я не знаю, но временами эта мысль не дает мне покоя... как наваждение, как призыв... и мне все сложнее не думать об этом, — Тайполь задумался. — Изменить планету, условия, климат. словно что-то завет меня. Все настойчивее.

— А-а, тебе не нравится пустыня?

— Не нравится то, что убивает планету.

— Выбрось это из головы. Когда я служил, — Фрэнк осекся, скула дернулась на его лице, — работал. Не важно, в общем, думай о простых вещах.

Поль с легким удивлением переспросил:

— Ты служил Императору?

— Когда пригласишь свою девушку в гости? — резко сменил тему Фрэнк. — Давно пора.

— Пожалуй, я заткнусь, раз ты перешел на грязные приемы.

Оптика винтовки Фрэнка отбрасывала блики из-за солнца, вступившего в свои права и прогнавшего последние жирные тени.

Охотники покинули территорию древнего леса, стараясь при этом держаться в тени, где это было еще возможно. Пробравшись через заросли камыша, они вышли к берегу горного ручья с быстрым и холодным течением.

Поль прошел вперед по течению и присел у заросшего сочной травой берега. Его внимание привлек какой-то предмет, лежавший на дне. Закатав рукав охотничьего комбинезона, он окунул руку в воду и выудил кусок оленьих рожек. Поль сразу же представил, что этот трофей вполне мог быть свидетелем поединка, где схлестнулись две силы, не удовлетворившись паритетом.

Фрэнк наблюдал с интересом и вспомнил собственную юность, проведенную на соляных озерах.

Преодолев ручей, охотники направились в сторону поселка, ориентируясь на самую высокую гору в этой местности, неизменно покрытую белой шапкой снега. У подножия неприметная тропка сворачивала и вела к пологому берегу реки.

Пробираясь через заросли высоких трав и валежник, отец продолжал сжимать в руках винтовку. Подобно тени, сын двигался следом, по пути сбивая прутиком остатки утренней росы с листьев.

Лес жил своей жизнью и наполнялся звуками природы.

Продвигаясь вперед, они продолжали между собой неспешно беседовать. Знакомая

местность расслабляла их. Охотники спустились в низину, спрятанную от солнечных лучей, где стоял густой туман, курилась дымка испарений, а травы покрывались росой. Довольно прохладно. Выдыхаемый воздух, превращаясь в пар, медленно поднимался вверх, предательски выдавая их.

Вокруг подавала признаки лесная жизнь: шуршала, пищала, бегала, скреблась и выпрыгивала из густой травы.

Звук удара, эхом пройдясь по лесу, заставил охотников припасть к земле и, кубарем скатившись в заросли, притаиться в них.

Фрэнк повел стволом винтовки, осматривая местность в прицел.

— Да вон же, за той елью, — Поль старался говорить тихо, но внятно.

— Не спеши, осмотримся.

— Вроде бы, нет никого, но запах... будто кабан.

Поль приник к цифровому биноклю.

— Где ты только находишь все эти запахи?

— Ты не почувствовал?

— Не.

— Стареешь?

Фрэнк проигнорировал.

Шутки ради Поль ударил прутиком по набухшим листьям неизвестного ему, чудного растения. Листья эти, имевшие форму вытянутых вазочек, оказались до краев наполнены водой, и Фрэнк, не успев среагировать, тут же был атакован ее холодным залпом. Недружелюбно покосившись на разросшиеся вокруг сорняки, Фрэнк отодвинулся от этого странного растения и машинально провел рукой по голове.

— Отставить шутки.

Яркие цветки чуть приоткрылись и потянулись лепестками к потревожившим их людям. Появился едва улавливаемый сладковатый аромат. Витки пыльцы мелькнули в лучах света.

Поль сбросил капюшон поношенной куртки, убрал назад закрывшие лицо волосы, вздохнул и отодвинул рюкзак, чтобы улечься удобнее. Камень больно впился в коленку. Неизвестно, сколько им еще придется пролежать здесь, ввиду опасности попасть в засаду или кому-нибудь на глаза.

Охотники терпеливо ждали.

Поль привык доверять чутью Фрэнка. Хотя временами он и подшучивал над отцом, но для него тот оставался образцом как выживальщика, так и настоящего солдата.

Солнце достигло своего дневного пика и беспощадно разгоняло застоявшийся в низине туман. Дымка клубилась, перетекая с одного куста на другой.

Лежа у корней дерева, охотники все еще наблюдали за поединком двух взрослых оленей, начав делать ставки. Слева от наблюдателей разбросано несколько бесформенных валунов, поросших влажным мхом, из которого сочилась темная жидкость чернильного цвета, а справа — диковинные растения с толстыми стеблями и листьями-чашами.

Фрэнк ругнулся.

— Я выиграл. Гони денежки.

— Повезло. Дома отдам. Помню, был случай, когда олени настолько яростно сражались, что не смогли потом расцепить рога. Так и погибли от голода.

— Забавно.

— Что именно?

— Вроде победил, но все равно погиб.

— Бывает. Мне надо было сразу объявить привал.

— Я ждал этого, — Поль прикрыл глаза и, нашарив руками мешавший ему камень, откинул его в сторону. — Поваляюсь еще.

— Ну конечно, теперь отморозь себе что-нибудь. Мать любит тебя, но если заболеешь — запрет дома. Запичкает всякими кореньями и горькими настойками.

— С чего вдруг? Я прекрасно себя чувствую. Холод пойдет на пользу.

Поль запустил руку в отделение рюкзака, совершенно не собираясь подниматься с земли.

— За лето ты стал выносливей. Реакция сильно увеличилась. Наконец избавился от прошлых ошибок.

— Это похвала? — он перевернулся на спину и закинул руки за голову.

— Ты был проблемным ребенком. Мы почти потеряли надежду, что начнешь ходить и разговаривать. Психические расстройства, физические отклонения. Не знаю всего, но боролись за твое здоровье долго.

— Почему сейчас решил заговорить об этом?

— А когда еще? То времени не было, то разговор совсем не к месту, — отец все еще копался в рюкзаке.

— Поэтому все детство меня донимала боль? И в теле куча имплантов? Я был так слаб, что без машин не мог жить?

Фрэнк сразу как-то замялся и отвел взгляд.

— Отчасти.

Поль только хмыкнул.

Дневные тени, не будя воображения, не внушали страха. Дышалось легко и свободно. Трудно было представить эти окрестности, оглашенные криком бегущего человека, или просто громкой речью — лес завораживал.

— Хочешь поохотиться? — спросил Фрэнк.

Винтовка бесшумно легла перед Полем. Оружие всегда имело над человеком тайную власть, внушая чувство защищенности и иллюзию собственной силы.

— Нет, большего с собой не взять, — Поль не притронулся к винтовке. — И так набрали съестного под завязку. Не донесем. Да и не люблю я такое оружие. Проще по старинке.

— Безопасней с расстояния.

— Каждому свое.

Вдруг олени склонили головы, словно бы прислушиваясь к шепоту леса, а затем рванули в разные стороны и скрылись за деревьями, еще раз мелькнув вдалеке смазанными пятнами. Фрэнк вытянул шею, подобрал винтовку и, поднявшись, стал взволнованно осматриваться. Его не могло не встревожить поведение животных. Этих взрослых особей не просто спугнуть стаей бродячих собак.

— Перекусим?

При этом Фрэнк не собирался озвучивать свои мысли, ведь мог и ошибаться. Он извлек из своего рюкзака выдавший виды плоский сосуд с водой и два бумажных свертка, в них находился провиант, заготовленный ими еще дома. Охотники принялись было за еду, как вдруг замерли, прислушиваясь к себе либо произнося тайные слова молитвы перед едой. Вот только верил ли кто в Творца или иных высших существ в этом увядающем мире?

Фрэнк предпочитал питаться часто, по мере необходимости и небольшими порциями,

выработал у себя такую привычку и привил ее так же и сыну. Закончив трапезу, они принялись делиться впечатлениями о прошедшей охоте и собирать вещи, чтобы продолжить путь. Фрэнк вытянул пару витаминных пилюль и высыпал их в открытую ладонь сына.

— Не забывай о балансе воды.

Поход затягивался.

Еще один час прошел в однообразной дороге по горной местности.

— Видишь куст, как тряпка пожухлый.

— С ягодами? — уточнил Тайполь.

— Да, да, с ягодами... Корни там, как уродливые вздутые клубни. При ожогах снимает боль. Антисептик.

— Съедобный?

— А черт его знает. Сок еще кашель хорошо облегчает, если подышать.

— Запомнил.

— А вот ягоды эти лучше не есть...

Задумавшись, Фрэнк заметил усилившийся неприятный запах, хотя Поль обратил на это внимание еще минуту назад.

Фрэнк остановился, разглядывая под ногами останки каких-то животных. Оба охотника, обменявшись знаками, скинули рюкзаки. Поль обнажил клинок с узким лезвием, а Фрэнк удобнее перехватил винтовку, приведя ее в состояние боеготовности.

За ближайшим поваленным деревом, поросшим грязноватым мхом, что-то беспокойно зашуршало, будто сбрасывая с себя вековые наросты из хвои и опавших листьев. Из-под огромных корней показалась кабанья голова. Тварь всхрапнула и шумно повела пятак по сторонам, со свистом втягивая ноздрями воздух. Малюсенькие подслеповатые глазки зверя, лишенные каких-либо признаков разума, горели безжалостным огнем.

— Ты его не заметил?

— Тсс...

Раскачивая массивной головой, кабан появился полностью. Он огромен и свиреп, покрыт слежавшейся жесткой шерстью с проплешинами на седых боках.

Фрэнк вскинул к плечу винтовку, прицелился и вдавил курок. Приклад оружия толкнул в плечо, и с нарастающим низким гулом, винтовка плюнула в животное расплавленным металлом.

В черепе кабана образовалось сквозное отверстие. Кабан всхрапнул и замертво рухнул наземь.

— Надо было сразу бежать к поселку! Прикажешь на себе тащить? — Тайполь приблизился к лохматой туше и пнул ее мыском ботинка. — Зверь бы следом прибежал.

— Черт, этот анекдот совсем старый.

— Но все равно вызвал улыбку.

Шнуровка обуви доходила Полю почти до колен. Охотник поправил ее, упервшись рифленой подошвой животному в лоб.

— Хм, не нравится мне тут. Уходим. Мясо здесь бросим...

Слова Фрэнка прервал какой-то неясный шум.

Из чащи леса ломилось целое стадо животных, вероятнее всего кабанов.

Вот уже отчетливей слышно визг, сопение и хруст сминаемого ими кустарника.

Звери вылетели на прогалину.

Первого кабана опрокинуло выстрелом, когда раскаленное железо угодило ему в

мощную грудину. Животное, высоко подбрасывая острые копыта, из последних сил задергало ногами и, пропахав рылом по земле, разнесло трухлявый пенёк.

Меняя позицию, Фрэнку удалось убить ещё одного кабана.

Следующий зверь был сбит пулей на такой скорости, что его тушу, развернув, продолжало нести вперед, пока она с размаху не врезалась в ствол приземистого дуба.

Винтовка перегрелась и, испуская едкий дым, замигала красным индикатором. Отступая за дерево, Фрэнк покрутил настройки, чтобы снизить мощность и тем самым потребление энергии. В траву отлетела дымящаяся батарея.

Мелькая по кустам, завизжал ещё один кабан.

Привлекая внимание отброшенным плащом, Поль вышел вперед. В руке охотника появился второй нож. Сталь блеснула под лучами пробившегося сквозь кроны солнца. Быстрыми шагами он приблизился к кабану, взмахнул клинком. Чтобы пропустить ринувшегося зверя Поль скользнул вправо.

Кабан довольно резво развернулся, если учитывать его комплектацию. Подкидывая земляные комки, зверь разбежался и вновь атаковал, пытаясь поддеть острыми изогнутыми клыками, но рассек лишь воздух, где секунду назад был охотник. Вздывая в воздух пласты хвои, вперемешку с землей и листьями, кабан сделал ещё одну попытку достать проворного охотника.

Поль в превосходной форме, ловок и предельно собран. Не сбивая дыхания, он умудрился уже несколько раз пронзить ножами тело кабана.

Один из ножей скользнул по шкуре и отлетел. Подобрал оброненный клинок, Поль ткнул им наугад в наскочившего зверя. Лезвие распороло плотную шкуру.

Пульсируя, кровь обильно заливала глаза животного.

Ступая по хвойному настилу и готовясь к атаке, Поль приблизился к зверю, который нервно вбивал копыта в рыхлую землю и дергал хвостом. Животное потопталось на месте и повернулось к охотнику, вслушиваясь в свои инстинкты. На этом Поль решил завершить охоту. Он стремительно наскочил, опередив рывок кабана, и нанес два резких колющих удара. Лево́й рукой в шею, отскок, и право́й — вогнал нож на всю длину в ослепший от крови глаз зверя.

Лапы поверженного кабана подогнулись, и он рухнул на землю. Задняя нога судорожно задергалась, а под тушей быстро набежала лужа крови.

Лес молчал, впитывая в себя остатки жизненного тепла жертвы.

Все это время Фрэнк старался не вмешиваться, пальцы его нервно приплясывали на курке. Минуту назад он застрелил оставшегося кабана и держал добычу Поля на прицеле, позволяя закончить охоту.

— Тебе не надоело орудовать этими открывашками?

— Нет, — Поль ловко крутанул ножами и убрал их в ножны.

Фрэнк сделал заметку о кабанах в коммуникаторе и вместе с сыном продолжил путь.

— Топаем в прежнем направлении. Большой риск. Если бы использовал пистолеты, то меньше было б возни.

— С ножами мне удобней.

Оставшуюся часть дня они провели в монотонной дороге: спуск, подъем, вновь спуск.

Усталость давала о себе знать. Натруженные ноги ныли. Поль отстал. Появилась тяжесть в его дыхании. Фрэнк замедлил шаг и, когда они сравнялись, приободрил скупой похвалой:

— Такой вес не каждый новобранец унесет, так что ты справился.

От этих пусть и скупых слов Поль воспрянул. Рюкзак перестал впиваться в плечи, а ступни не так сильно гореть от многодневного похода и нехватки отдыха.

— Тут бы ноги унести, а ты про вес.

— Не сачкуй.

Вечерние сумерки укутывали непроницаемым покрывалом землю. Продирающиеся сквозь них охотники, освещенные последними лучами тлеющего солнца, казались всего лишь жалкими крошками, оставленными на столе после трапезы, изображенной на полотне художника. Вот только были ли эти крошки кем-то задуманы, или возникли совершенно случайно? Стоит ли убрать их, цинично смахнув со стола, или, быть может, наоборот, придать им больше жизни и красок?

К поселку охотники вышли среди ночи, когда луна уже правила каждой тенью, неся во мрак, густо наполненный чернотой, бледный свет и оттенок серебра. Небо этой ночью усеяно звездами, и каждая из них по-своему красива. Только не оставалось ни сил, ни желания поднимать тяжелую от усталости голову, чтобы разглядывать эти небесные фонарики.

Жужжали назойливые насекомые, снующие над головой и возле самого лица, норовили залезть в ноздри и уши.

Во внутреннем кармане разгрузки пискнул коммуникатор.

Навстречу охотникам вышел мясник и по совместительству следопыт Васкас, до этого прятавшийся в тени причудливого образования из лавы. В эти сутки следопыт был старшим караула. Фрэнк обменялся с ним всего несколькими фразами, при этом они немного повздорили. После чего охотники прошли к воротам, которые со скрипом отъехали, освободив путь в поселок.

Пристанище людей обнесено замшелым забором из камня с несколькими сторожевыми вышками, поросшими за долгие годы настойчивыми побегами и темно-зеленой листвой латариса, а кое-где светящимся мхом и пятнами лишайника.

Поселок возник на остатках аванпоста, разрушенного еще во времена краткосрочной войны Исхода, и бывали периоды, когда он совсем пустовал, целиком зарастая вездесущей растительностью. В народе поселок носил название Предречье. Официально же его и вовсе не существовало. Последнее не могло не радовать тех, кто искал уединения. Либо бегал от закона.

Раскинувшийся у берега реки с медленными, но чистыми водами, поселок спал. Светились лишь несколько окон да фонарик у речного причала, как миниатюрный маячок, покачиваясь в темноте. Река огибала Предречье по широкой дуге. В еще теплой воде отражался свет от поселка, небосвод, звезды, луна с капризным белым свечением и изредка вспыхивающие метеориты.

Людей в поселке объединяло то, что все они либо бежали от органов власти, либо были высланы за границы Империи. Либо им пришлось не по нраву суматоха и задымленность больших густонаселенных городов под искусственными колпаками. Здесь никто не интересовался чужим прошлым, чьими-то победами и поражениями, — здесь жили и не мешали жить остальным.

Фрэнк отпустил сына умыться и готовиться ко сну, а сам, под тяжестью двух рюкзаков и разгрузок, направился в сторону склада, к старосте, чтобы сдать съестные припасы, оружие и обсудить текущую обстановку. «Лес успел измениться, и только слепой

не заметил этих перемен», — подумал Фрэнк, остановился и медленно повернул голову, кинул растерянный взгляд на переливающуюся в лунном свете поверхность реки и пообещал себе обязательно сходить на рыбалку, как только появится такая возможность. Обязательно.

Ночь выдалась довольно теплая, хоть уже и стояла поздняя осень. Времена года вообще сменяли друг друга как-то спонтанно, то затягиваясь, то, наоборот, спеша. Вот и сейчас зима вела себя как-то неправильно, словно ей было глубоко наплевать на календарь. Погода все реже баловала солнцем и ласковым теплом. Все дожди да дожди, среди которых случались и внезапные заморозки, а иногда, очень редко, и ураган, несущий с собою, то снег, то песок, то грязные осколки льда.

Как только Поль коснулся разостланной для него постели, он тотчас уснул, счастливый и довольный собой. Тело с благодарностью приняло предоставленную ему возможность освежиться и расслабиться. В комнате он оставил окна открытыми.

Лишь шорох занавесок, раскачивающихся на слабом сквозняке, нарушал ночную тишину.

— Тайполь! Подъем и завтракать! — прозвучал звонкий женский голос.

— Иду, мам! — Поль резко поднялся и, подхватив чистую одежду, босиком выбежал из комнаты.

Дом семьи Тайполя двухэтажный с пристройкой, открытой верандой и небольшим садом, где росли фруктовые деревья. Перед домом красовались ухоженные клумбы с цветами, в основном это карликовые розы и пестрые с белыми ободками безымянные цветки на пухлых ножках. В углу дворика росла пышная сирень и абрикос. Тропинки в саду и во дворе выложены камнями, натертыми до блеска. В доме имелся еще и подвал, где располагался склад, чтобы не загромождать двор ненужной утварью. Двускатная крыша из алюминиевых листов окрашена в терракотовый цвет. Первый этаж из прессованных блоков, второй и веранда из дерева.

Все держалось в чистоте, наполняя дом теплом и уютом.

На ходу одевшись, Поль съехал по перилам лестницы. Через занавешенные окна пробивался свет и звуки просыпавшегося поселка.

На главной площади переговаривались между собой сонные постовые. Площадь представляла собой круг, от которого разбегалась в разные стороны сеть тропинок и дорожек. Вокруг площади выстроились дома с заборчиками, ограждавшими цветочные клумбы и овощные грядки. Вниз по улице одна из дорожек поворачивала к водонапорной башне и теплицам.

Через поселок проходила дорога для автомашин, неплохо сохранившаяся, но пользоваться ей поселенцам практически не приходилось. А из механиков остался только вечно трясущийся старик Томас, соображавший в ремонте старой техники, но в последние дни его особенно сильно прихватило. Он обезумел окончательно и, скрываясь от всех, целыми днями занимался лишь тем, что до блеска натирал свое сокровище — серебряный браслет, да бормотал что-то по «начало конца». Хорошо, что удалось отобрать оружие, а то ведь мог и бед натворить.

Из кухни пахло яичницей и мясом, а также хлебом и еще какими-то специями. Войдя, Тайполь увидел на столе стоящий для него стакан с теплым молоком.

У Поля самый маленький домик в поселке, но зато из его окон открывался прекрасный вид на долину, на горные хребты и бескрайние лесные массивы.

В это утро родители Поля особенно счастливы и совсем не пытались это скрыть. Поль заметил, что так происходит всякий раз, когда он с отцом возвращался из многодневных походов. Поль задумался. В конце концов, всегда приятно ощутить некую стабильность.

— Доброе утро! — Тайполь юркнул на свое место за столом и принялся за еду с нескрываемым аппетитом.

От прикосновения локтей к поверхности стола скатерть приятно зашуршала. Хрустнул ломтик хлеба с темно-золотистой корочкой.

— Тебя друзья ждут, — сказав это, мать обернулась. Ее светлые слегка подкрученные локоны волос качнулись, скользя по плечам. Она излучала красоту и молодость. Глаза ее задорно блестели.

— Точно! Наверняка у реки бездельничают.

— Соскучился?

— Немного.

— Не торопись с едой, — Фрэнк возился с деталями каких-то механизмов, с миниатюрными частями электронных устройств, с разноцветными жгутами проводов и множеством непонятных шуковин. — Успеешь.

— Можешь отдохнуть сегодня. Завтра тебя ждет помощь по хозяйству и староста.

— Мариэль, ты слишком добра к нему.

— Что этому старику еще надо? — удивился Поль, — А где, кстати, мои денежки? — Это он адресовал Фрэнку. — Гони, не жмотся!

Фрэнк пошарил в карманах и протянул сыну две потертые пластиковые карточки.

— Что на этот раз? — усмехнулась Мариэль.

Тайполь перевел взгляд на мать.

— Да вот проспорил наш всезнайка.

Она заулыбалась, а Поль продолжил налегать на еду. В этот момент он, казалось, не думал ни о чем другом. Периодическое отсутствие Тайполя в поселке ни для кого не считалось чем-то сверхъестественным, у каждого своя работа на общее благо. Но вот по друзьям он и, правда, соскучился. В поселке ему отвели роль добытчика съестных припасов, охотника, разведчика и собирателя, так как умел обращаться с оружием, и мог постоять за себя.

Из-за прошедшего лет пятнадцать назад вооруженного переворота, отголоски которого и по сей день приносят лишь несчастье, все еще опасно делать вылазки: в развалинах встречаются мародеры, бандиты устраивают засады на дорогах, а в чащах свирепствуют хищники. Трудно сказать, кто из них представляет большую угрозу.

В повседневности Поль брался за многое, но по-настоящему увлекался лишь бегом, плаваньем и скалолазанием. Еще интересовался холодным оружием. Он рос замкнутым и странным. Учился плохо, если не сказать ужасно, по причине полного нежелания изучать программу. Отец смирился с этим. Он был другим. Фрэнк понимал это и со временем свыкся.

Комната Поля на втором этаже. Она невелика. В углу персональный компьютеризированный медиацентр, пусть и немного устаревший, но имеющий доступ к архивам. Напротив двери окно. Есть удобная складывающаяся кровать и диван. У стены брусья, турник и «личный доктор» — система, следящая за здоровьем юноши и состоянием его имплантатов.

В поисках чего-нибудь вкусного Поль оглядел стол.

— Миа, какие планы на сегодня? — Фрэнк отодвинул от себя электронное барахло, осторожно смахнул его в нишу стола, заразительно зевнул и, вскинув руки, потянулся, едва не упав со стула.

Мариэль многозначительно промолчала, бросив быстрый и насмешливый взгляд в его сторону.

Поль смекнул что засиделся.

— Все, я убежал. К обеду не ждите!

Выйдя на веранду, он полной грудью втянул в себя свежий утренний воздух, а затем шумно выдохнул. В осеннем воздухе смешались запахи прелой листвы, береговых трав и свежего снега, сошедшего ночью с гор. Еще Поль ощутил возросшую напряженность в

поселке: люди чем-то взволнованы, все их движения выглядели нервными, а взгляды — растерянными. Головы поникли. Как же быстро успела разнестись молва по поселку! Сам он не придал значения найденным тогда остаткам лагерей в Подлесье. Тот поселок давно брошен. Какие-то охотники сбились с троп, отклонились от прежних угодий и переночевали. Вот лагеря и остались. Мало ли чего в жизни поначалу кажется странным или непонятным. А что до агрессивного зверья — кто их вообще поймет!

Тайполь отвлеченно сделал несколько шагов по ступенькам к калитке. Затем взбодрился, скинул с себя задумчивость и отправился на поиски друзей.

Не ускоряя шаг, Поль обогнул старый, давно брошенный прежними хозяевами рыбацкий хуторок с хранившимися возле него треснувшими лодками, где разрослась высокая трава и парочка корявых кустов можжевельника. Так он вышел к сплошь заросшему осокой да камышом деревянному причалу, увязшему в глубокой заводи реки. Течение нанесло сюда слой ила, но вода оставалась прозрачной даже на глубине.

Ветер донес до слуха негромкий смех со стороны причала, куда Поль и направился.

Трое подростков сидели на причале, лениво болтая ногами в воде и разглядывая речные растения да проплывших мимо рыб.

Сегодня погода не могла не радовать.

Две близняшки и Нагир, друг Тайполя, перебрасывались фразами, при этом оживленно жестикулируя.

Сестер легче всего различить по цвету глаз: у одной — карие, у второй — зеленые. Кроме того, они обладали совершенно разными характерами: одна — мягкая и добрая, но серьезная, другая — взрывная, взбалмошная и непоседливая. И противоположными особенностями: первая — всегда дома или на виду, а вторую неизвестно где и что носит. Вот лицами, телосложением и ростом — один в один, то есть одна в одну, что приводило к различным конфузам ввиду их похожести. У девушек приятные лица овальной формы, круглые подбородки и большие глаза, словно светящиеся энергией и жизнью. Длинные волосы прихвачены разноцветными резинками.

Сестры стройны, но их тела с опозданием наливались женственностью, а с бронзовой кожи почти не сходил легкий загар. При рождении им дали необычные имена, которые относились к одному из ныне исчезнувших племен: Ладани и Ликани. Родителей близняшек Поль видел только однажды, и теперь смутно помнил их лица. Кажется, оба они доктора каких-то наук. В детстве он считал их необщительными и странными чудаками.

Нагир крепок телом, с мясистым квадратным лицом, слегка раскосыми глазами и широкими скулами.

Поль поднялся на причал, который тут же жалобно скрипнул и слегка просел в воду.

— Всем привет!

Нагир коротко кивнул.

— Здравствуй, Тайполь, что нового нам расскажешь на этот раз? — Лика подняла голову, но взгляд ее устремлен куда-то в сторону, словно ее собеседника не существовало. — Начинай врать.

У сестер звонкие приятные голоса, и сколько не старалась понизить свой голос Ладани, их голоса все равно были очень похожи.

— Про карьер я не врал. Спуститься там можно. Если захочешь когда-нибудь выползти за стены.

— Ты в таком случаи, чем заниматься будешь?

— Я был у карьера.

Поль несколько раз оглянулся, стараясь понять, куда же она смотрит, и прошел дальше по бревнам.

Но Ликани стояла на своем:

— Брехня. До карьера в одну сторону месяц пути.

— Буду я еще что-то доказывать.

— Будешь. Как и всегда, — смягчилась Лика.

На что Тайполь лишь рукой махнул.

— И тебе не хворать, охотник! — в свою очередь ответила на приветствие Лада. — Проходи, раз смелости хватило явиться сюда. А я подумала было, что задрали тебя кабаны в том сыром лесу. Лежишь изорванный в клочья и смотришь, смотришь налитым кровью глазом на голодное воронье, кружащее над твоими бранными останками... — Лада порой бывала колючей и язвительной, а временами откровенно злой. — Но нет! Посмотрите на него! Держится молодцом, даже не хромает, хоть ноги у него разной длины и коленками назад.

Друзья негромко засмеялись, покосившись на того, кому была адресована тирада.

— Так рада меня видеть? У тебя слишком буйная фантазия.

— Бурная, ты хотел сказать? — переспросила Ладани.

— Нет, буйная. Так ты рада меня видеть?

— Твою милую мордашку один раз увидишь и никогда уже не забудешь.

Тайполь сделал вид, что оценил юмор и присел на причал рядом с ними, блаженно свесив стопы босых ног в еще по-летнему теплую воду, отодвинув свои ботинки поодаль к сандалиям девушек.

— Скукота, — вздыхая, протянула Ладани.

— И не говори, — поддержала ее сестра.

В этот момент пронзительно и бесцеремонно каркнула ворона. Лика испуганно дернулась, тихонько пискнула и сжала пальцы в кулаки.

— Трусишка, — тут же поддела ее Ладани.

— Отвали, мелкая пакостница.

— Старики забавный случай рассказали, — начал было Нигир, чтобы прервать очередной бессмысленный, уже, наверное, десятый за утро спор сестер. — Как Васкас штанами лису поймал, когда по нужде в кусты залез. Вернее лиса с испугу заскочила в его штанину...

— Хорош заливать, и так два часа смеялись с этого тупицы.

— Правда лиса все равно сбежала, поцарапав ему морду...

Нагир начал что-то изображать, махая руками перед своим лицом. Друзья прыснули от смеха.

— Не, завязывай.

На слабых волнах, нагоняемых прохладным ветерком, колыхался цветок, покрытый алыми крапинами. Ладани не сводила с него глаз, пока остальные разглядывали свои размазанные по воде силуэты и забавные узоры, которые рисовали волны, искажая все отраженное в них. Никто не торопился прерывать затянувшееся молчание, радуясь последним дням, наполненным отголосками жаркого уходящего лета. Воды реки защищали поселок от холода, принося тепло и отодвигая зиму, которую, следует отметить, можно увидеть только в горах и ближе к полюсам.

— Заметили, как напряжены в поселке? — Нагир наблюдал за желтым карасиком. Рыба,

всячески ухищряясь, пыталась его ухватить то за пятку, то за палец. — Как скоро пустыня придет и сюда?

— Заметили, — не то ответила, не то передразнила Лика. — Взгляды отрешенные, растерянные. Может, это конец года так действует? Пустыня все ближе.

— Лика, это на тебя так действует конец года. Уже решила, какие книги тебе вошьют в мозг? На все модуля в твоей голове попросту не хватит, сестренка.

— Опять завидуешь, малявка?

— Смешно, малявка обозвала меня малявкой. Какая жалкая попытка, малявка.

— Я старше!

— Ты разве что страшнее, а не старше.

— Да, старше и умнее. А что до красоты, то мы с тобой одинаковые, — Ликани быстро скопировала прическу Лады, умело орудуя пальцами и резинками.

— Боже мой, у нас разница в минуту, но ты уже выглядишь старше меня лет на десять в майке с овощной грядки, — после этих слов Лада медленно вытянула руку и указала пальцем на старое пугало, покачивавшееся на овощной грядке перед теплицами. На пугале красовался подранный свитер такого же цвета как майка Ликани.

— Боже мой, — переигрывая, передразнила ее Лика. — Но майка-то твоя, сама мне ее дала потаскать.

Ладани попыталась обрызгать ее, резко ударив по воде ногой, но словно нарочно брызги попали лишь в Тайполя. Вода стекла по его лицу, и рубашка быстро промокла, меняя цвет с белого на серый.

— Ой.

— Минус один!

Сестры захихикали.

— Час расплаты пришел, — Поль с легкостью, но аккуратно, почти нежно, опрокинул хулиганку в воду, — зеленые глаза тебя не спасут.

— Вот же гад!

С намерением поквитаться, Лика хладнокровно поднялась, готовая немедленно отомстить за сестру. Справиться с Полем, она бы не смогла, но, ни она, ни ее сестра не были уличены в трусости.

Причал и так поскрипывал да шатался от каждого движения, и от резкого выпада мстительницы в сторону глумящихся мальчишек просел в воду, распавшись на отдельные бревна.

Вся компания мигом очутилась в воде, размахивая руками. Необычная картина, если учесть шапки снега на вершинах горы, но теплые воды реки, в истоке нагретые надвигающейся пустыней, несли тепло и к поселку.

Накупавшись, сестры, помогая друг другу, выбрались из воды первыми.

— Все, я пошла домой! Глупо. Хоть вода теплая и солнце греет, но ветер холодный. Заболеть можно.

Лика, чудом не соскользнув обратно в воду, смешно топнула ногой от возмущения и зашагала в сторону домов, оставляя за собой мокрые следы, вся съежившись и гневно шмыгая носом.

— Ей понравилось, — весело подмигнула Лада. — В следующий раз не пожалею! Побежишь к старику Томасу, плакаться в засаленную жилетку. Ведь предупреждала про тот проклятый лес.

— Чего привязалась?

— Имею дурное предчувствие.

— Ты преувеличиваешь.

Приподняв руки и растопырив пальцы, она наигранно понизила голос и судьбоносно изрекла:

— Звери с ума сходят... Чем-то чуждым пропитана там земля, какая-то она жирная, мрачная, и веет от нее чем-то зловещим, будто... могильным холодом.

Они рассмеялись.

— Я говорил отцу, но мы и так спешили, отстав от графика. Да и ничего ужасного не произошло. Там была всего пара кабанов, — Поль попытался оправдаться.

— Та ну тебя. Зануда.

Нагир махнул куда-то в сторону забора и сказал Тайполю:

— Буду в норе. Подходи.

— Я скоро.

Тайполь остановился и кинул другу связку ключей с тряпичным ремешком и волчьими клыками. Тот ловко поймал их и, насвистывая веселую мелодию, отправился за забор. Где-то там располагалось их секретное место.

Должно быть Ладани не спешила домой, если промокшая одежда не вызывала у нее дискомфорта. Поль поравнялся с ней, замедлил шаг и остановил, взяв ее под руку. Они встретились взглядом, сохранив молчание. Ладани чуть прищурила правый глаз и едва заметно усмехнулась. Поль протянул ей цветок водяной лилии. Вода каплями стекала с полураскрывшегося бутона на потрескавшуюся землю тропинки, ведущей к домику, где жили сестры.

— А ты шустрый...

Поль смутился, осознав позже, что потерял бдительность.

— Ха! Для виноградной улитки шустрый! — решив отвлечь внимание, Ладани махнула рукой, ловким движением пальцев выхватила цветок, развернувшись на цыпочках, и толкнула Тайполя локтем.

— Тогда до вечера?

— Увидимся.

— Я хотел...

— Потом.

— Соскучился.

— Позже. Я спешу.

Лада спрятала цветок в карман на выцветшей майке и ускорила шаг. Мокрые волосы, словно водоросли, вытянулись по ее плечам и спине.

Зачарованно смотря ей в след, Тайполь задумался или замечтался, слегка краснея.

Едва повернув голову, Ладани с насмешкой бросила через плечо:

— Слюни подбери.

«У нее бесподобная улыбка», — мелькнуло в его голове.

За поселком находилась своеобразная землянка, где виднелись огромные плиты и каменистые россыпи. Из поселка легко выбраться через подкоп у частично обвалившейся стены.

От входа, остававшегося ничем неприметным булыжником, отколовшимся от скал, открывался вид на долину. Рядом росли колючие растения с фиолетовой окантовкой,

обжигающие наглцов своим едким соком. По весне от растений исходили дурманящие разум запахи. В свое время Тайполь и Нагир запаслись респираторами и отвоевали себе достаточно места, сражаясь с сорняками, чтобы устроить этот тайник. Растения постепенно сдались, и теперь росли живой изгородью лишь там, где это нужно.

Со временем они расширили свою землянку, укрепили ее потолочными балками и деревянными колоннами. Раздобыли неказистую мебель и источник энергии. А то, как же без света и тепла? Существенным плюсом являлся второй потайной лаз, выведивший в неглубокий овраг. Овраг, слегка пропетляв, поднимался к заросшей, нехоженой тропке, а та в свою очередь вела к одному из непрезентабельных охотничьих домиков. Причем многие из таких жилищ давно брошены хозяевами. Постепенно такие застройки поглотил надвигающийся со всех сторон лес.

— Мы так и не договорили, — Нагир щелкнул тумблером, и помещение землянки наполнилось светом. Тихо заработал генератор. — Что ты думаешь обо всем этом? Новости пришли от вас.

— Ты про сплетни в поселке?

— Угу.

— Мы нашли следы стоянок. Одна из них была чересчур какой-то... подозрительной. Повсюду россыпи стаканов-гильз от орудий, сломанные топливные элементы, какие-то бочки с непонятными знаками. Приходилось пользоваться замкнутой системой. Приборы фиксировали яд. Вроде бы это стоянки отрядов, поисковых групп. Не знаю, я не встречал ничего подобного раньше. Пересказываю предположения Фрэнка.

— Повстанцы?

— Может быть. Не знаю.

— Раньше точно не встречали?

— Нет. Те, что попадались, они не такие, — Поль прошел вглубь землянки. — Еще эти кабаны, питающиеся плотью... Никак из головы не выходят эти мелкие свинячьи глазки, налитые одновременно и страхом и жадной пожирать все живое. Какое-то безумие! Откуда Ладани узнала про тот лес?

— Вон оно что.

Нагир прошелся по землянке. Остановился у кучки земли, насыпавшейся с потолка за время их отсутствия. Попробовал на прочность потолочные крепления и пошатал колонну.

— Кабаны всеядны. Допустим, они изголодались и напали. Лада — хороший следопыт. Да и воришка еще та! С ней в этом никто не сравнится. Часто бегаёт тайком за пределы поселка. Могла обнаружить следы и... и сделала выводы, — озвучил свои мысли Нагир.

— Давай лучше чинить ружье Томаса? Сколько можно ходить вокруг да около, пачкаться оружейным маслом?

Развернув промасленное тряпье, Поль взялся за сборку ружья, которая уже затянулась на несколько дней. Нагир сделал шаг к верстаку и положил рядом с ним модернизированный приклад, похищенный со склада ушедшей Ладани. Причем похищенный прямо из-под носа сторожа. Иногда в шутовском тоне Ладани хвасталась, что и сторожа смогла бы выкрасть, если бы тот меньше весил.

— Как думаешь, что нас ждет?

— Ты о чем? — Поль не сразу сообразил, о чем задумался его друг.

— Я о поселке.

— Не знаю. Но с этой пещерой пора прощаться. Выросли.

— Вот и я о том же. Хочу уехать в следующем году.

— Есть мысли куда?

— На Косу. А может в столицу, никогда там не был.

— Я не люблю толпы людей.

— Да знаю я, ты даже в классе на двадцать человек не мог усидеть.

Синее небо оставалось солнечным. Ветер гонял редкие облака, ненадолго задерживаясь у вершин среди снежных сугробов, где ластился, подобно коту возле корзины с клубками шерстяных ниток. Солнце неумолимо клонилось к закату, небрежно разбрасывая остатки красок по мерцающей глади воды, отражаясь от нее искрами и отсылая напоследок свои лучи поиграть в окнах, чем заставляло жмуриться редких прохожих. Природа замерла в ожидании неизбежного заката.

Многие в поселке верили, что все вернется на круги своя, что их незыблемые устои неподвластны времени, что беда обойдет их уютный дом, и поселок всегда будет для них надежным пристанищем. Верили, что никому не под силу лишить их пищи и крова. Выходные дни способствовали воцарению спокойствия, сглаживая порождаемые сплетнями и домыслами тревоги в умах жителей Предречья.

Друзья закончили ремонт винтовки, а механический боек, сухо клацнув, подтвердил это. Оружие работало исправно: взводилось как часы, спусковая скоба выжималась, боек хищно клацал.

Оставшееся до сумерек время они потратили на попытки раздобыть необходимые боеприпасы. Но ввиду древней модели оружия, их ожидало фиаско. Уже после им пришлось выслушать колкий монолог самодовольной Лады, который она обрушила на «мелких неудачников» и, наступив на гордость, молить ее о помощи. Бывало, эта воровка и пальцем зря не пошевелит, однако на этот раз пришла со склада с двумя полными коробками патронов и механизмом зарядания — это для парней, а свежие фрукты и новенькое снаряжение следопыта оставила себе.

— Развлекайтесь. У меня свои дела.

— Какие еще дела?

— Надо прокатиться на лошади обнаглевшего старосты. Пострелять по воробьям, пока смена Васкаса не закончилась.

— Ты бы завязывала с этим.

— А то что?

Лада бросила патроны Тайполю и поспешила покинуть тесную землянку, находясь в которой всегда нарочито кривила нос и презрительно фыркала.

— В общем, будь осторожна, — Поль распечатал коробку с патронами.

— Без сопливых, — снисходительная улыбка поползла по лицу Ладани. — Ты как всегда мил.

— Сколько еще ты будешь терпеть ее? — спросил Нагир, когда та вышла.

— Терпеть? — удивился Поль. — Такой она человек. Рано или поздно ей надоест.

— Да ты оптимист, дружище. Она же не слезет, если ты все же сглупишь и признаешься. Лада запрыгнет тебе на шею, свесит ножки и будет помыкать тобой, пока ей все это не наскучит.

— Она надежный человек и всегда добивается своего.

— Тебя только это привлекает в ней?

Тайполь промолчал.

— Она же чуть не лишила тебя глаза.

— Мы были детьми, все вышло случайно. Оставим это.

В отличие от своей сестры, Ликани провела остаток дня в больнице, помогая старухе Изоль сортировать и перебирать лекарства, и проверять медицинское оборудование. В Палате медпункта находился всего один пациент, пришедший на прием с несерьезным порезом руки в районе плеча. Но старушка Изоль зашила ему рану и назначила кучу всяческих процедур, по всей видимости, истосковавшись при отсутствии профильной работы.

Ли́ка хотела позаимствовать на время докторский походный ранец, чтобы досконально изучить его возможности. Хотя могла попросить сестру взять парочку таких предметов на складе поселка, куда Ладани время от времени навещалась по собственным нуждам.

Именно сегодня Ладе не составило никакого труда увести хромую разжиревшую лошадь старосты, прогнать ту галопом вдоль берега, и завершить свой трудовой день выстрелом из пушки, вылетевший заряд которой поджег засохшую ель, вертикально разломив дерево вдоль ствола. Что могло помешать ей, скажем, прихватить ранец? Но Ликани не стала бы просить об этом.

В то время как прохожие испуганно вскрикивали и старались поскорее пройти мимо, а дежурившая смена озабоченно толпилась вокруг выстрелившего орудия и Васкаса, чесавшего в досаде затылок, Ладани прогулочным шагом триумфально шествовала к себе домой. Почему ее никто не остановил? Дело в том, что многие догадывались, не имея тому веских доказательств. Ладу не ловили с поличным. Да и кому до этого было какое-то дело? Улыбаясь собственным мыслям, Ладани не придавала значения, что возле калитки ее дома кто-то притаился.

— Когда успокоишься и повзрослеешь? — Поль вышел под свет уличного фонаря, который облепила назойливая мошкара. — Вот не сидится же тебе. Заноза беспокоит?

Летними вечерами они часто болтали, сидя на лавочке возле калитки, так они могли проводить вместе остаток дня, часами говоря обо всем и ни о чем.

— Боже мой, я еще успею потолстеть, родить кучу чудесных детишек... и даже состариться. Ну, или в обратном порядке, — она остановилась и с вызовом глянула на него, облокотившись на столбик скрипучей калитки, подперев щеку кулаком. — Может, все-таки отползешь в сторону, мудрый карлик?

— Карлик выше тебя на голову, — Тайполь сделал шаг в сторону, освобождая проход.

Произведя непонятный звук то ли согласия, то ли протеста или, может быть, разочарования, Лада продолжила:

— Пойми, мне природой положено такой быть. И так, случись что, слабаки вроде тебя до порога не донесут. Упадут и зачахнут, пуская слюни.

— Ха, ха.

— Что «ха, ха»? Не будь трусом.

— Ты сейчас о чем?

Лада не ответила и пошагала к крыльцу. А поравнявшись с Тайполем, сделала попытку исподтишка толкнуть того плечом. Заметив маневр подружки, он перехватил ее за плечи и под колени, чтобы поднять на руки.

— Поехали, давно спать пора. Сестра заждалась, — чуть слышно проговорила Лада, задергав ногами. — Наверное, ужин давно остыл. Опять ругаться будет — и тебе достанется.

— Я хотел поговорить, — так же тихо сказал Тайполь. — Помнишь?

— Не сейчас. Потом. Хорошо?

— Ну.

— Я выслушаю тебя, — она слабо улыбнулась. — Обещаю уделить время для твоих романтических признаний.

— Я не... ты все неправильно поняла.

Ладани лишь хихикнула и прикрыла глаза.

— Если хочешь, можешь подняться со мной.

— Все шутишь. Я за тебя переживаю.

— Не переживай так. Я всего лишь не даю нашему сонному и разжиревшему поселку окончательно впасть в спячку.

— Ты перегибаешь.

— А ты недогибаешь.

Поднявшись по коротким ступенькам и остановившись у входной двери с выпуклым окошком, Поль поставил ее на ноги, хотел ляпнуть что-нибудь на прощание, но та, как всегда, не сказав ни слова, нырнула в приоткрывшуюся дверь.

Свет в доме так и не загорелся. Тайполь постоял еще несколько минут. «Точно кошка видит в темноте, — подумал он и направился домой, досыпать положенные ему часы. — Надо было соглашаться».

Поль уснул сразу.

Его сознание заполнял густой липкий дым, казавшийся весомым и подвижным, укутывая и предваряя каскад сновидений. Из закоулков памяти вкрадчиво доносилась печальная песня с нежным, тягучим мотивом. Исполнял ее тихий женский голос. Только никак не разобрать слов. Поль вновь и вновь цеплялся разлетающимися мыслями за эту песню, за этот образ, но каждый раз срывался, начиная продолжительно падать в пропасть, наполненную чужими кошмарами.

Внизу что-то переливалось и пузырилось в форме громадных медуз, слепленных из черноты. Там слышны крики.

Тайполь продолжал цепляться. Вновь и вновь. Из последних сил он ухватился за грубую веревку. Поль почувствовал тупую саднящую боль и обратил внимание на свои руки: они стерлись до мяса и обильно кровоточили. Веревка проскальзывала, напитавшись кровью. С усилием он поднял голову. Сверху, из мрака, за ним следили хищные полные ненависти глаза притаившегося зверя. Поль расслышал грозное шипение, скрежет клыков и нетерпеливое постукивание чьих-то коготков.

Песня на непонятном языке звучала все громче, незаметно связывая разум и сердце, заглушая присутствие зверя... Незнакомый язык, древний и всеми забытый. Мертвый язык. Изначальный.

Поль оторопело открыл глаза. Он в своей кровати. Влажные от пота простыни сбиты в кучу. Его мучила жажда, голова раскалывалась от боли, складывалось впечатление, что какой-то механизм с жутким скрипом проворачивает раскаленное сверло внутри черепной коробки и никогда не остановится.

Сон?

Ужасно пекло левую руку. Правая — дико чесалась.

Тайполь с трудом поднялся. За окном день клонился к вечеру, хотя солнце висело высоко в небе. Он вдохнул воздух, принюхался. Из кухни не доносилось ни запахов готовой еды, ни голосов беседующих между собой родителей. Тайполь сбежал вниз в одних трусах. Как же гулко бьется сердце. Шагов тоже не слышно.

Он спрыгнул на ступеньки.

И снова — ничего.

Может быть, это сон... или сон во сне?

— Мам! Фрэнк! — Поль покрутился на месте, пытаясь осмыслить происходящее, голос его отражался механическим эхом, подражая скрежету металла и переходя в затихающий стук.

Тайполь машинально выглянул на улицу. Поселок пылал огнем, задыхаясь в густом беспросветном дыме и медленно погружаясь в кипящую лаву.

— Играй! По правилам! По договору! — донеслось с улицы.

За окном обреченно метались люди, в ужасе пытаясь отбиться от неистового стада зверей, охваченных пламенем. За всем этим с интересом наблюдала страшная маска в золотых пятнах. Венчали ее не то пластичные рога, не то остроконечные уши, тонувшие в

черной шевелюре с оплетенными золотом косами.

Маска попеременно кренилась то в одну сторону, то в другую, периодами вращаясь, точно подражая какому-то танцу под однотипный барабанный мотив.

— Все спишь? — маска добродушно скалилась, широко открывая беззубый рот. — Спи... спи! Мы не нуждаемся больше в договоре.

Кошмар отступил, забрав с собой весь этот безумный полуночный бред. Осталась лишь только зажатая мысль и пустота бессилия. Поль не в состоянии открыть глаза и поднять голову. Свет луны настойчиво пробивался к его затуманенному сознанию сквозь отяжелевшие веки.

Раскатисто прогремел взрыв, оставшись звоном и противным писком в ушах.

Скрипя зубами от натуги, Тайполь поднялся. Слепо шаря вокруг себя руками, он наткнулся на препятствие и разлепил веки.

Находился Поль на первом этаже, видимо его кто-то вытащил из кровати, а затем бросил посреди лестницы и ушел, сочтя для себя непосильной ношей. Сделав еще несколько шагов, Поль рухнул и съехал по ступенькам. Извиваясь всем телом, он дополз до ящиков отца. Собрав оставшиеся силы, Тайполь открыл дверцу лабораторной охлаждающей камеры, набрал код и достал ампулу с красной, светящейся изнутри маслянистой жидкостью. Это должно взбодрить. Здесь же нашелся пистолет для инъекций. Поль вставил в него ампулу и, усевшись удобнее, подождал, пока жидкость нагреется до нужной температуры, затем вколол содержимое себе в бедро и осмотрел пустую стекляшку.

На стекле небрежная надпись от руки: «1P2-1T».

Тепло, переходящее в жар, волной разлилось по телу. Его бросило в пот. Через минуту Поль поднялся и сделал глубокий вдох. Глаза его светились. Открыв потайной ящичек, он вынул компактный пистолет и две обоймы, проверил оружие, зарядил и поставил на предохранитель. С пистолетом в одной руке и с обоймой в другой Тайполь осторожно, чтобы не выдать себя, приблизился к окну.

С улицы доносились отчаянные крики, выстрелы и залпы энергетических орудий. Глухие хлопки, раскатистые взрывы и чья-то далекая ругань — все это происходило на самом деле, было реальностью, окружавшей Тайполя. Не веря своим глазам, он рассматривал происходящее. Но, все же совладав с собой, решил быстрее собираться и начинать поиски.

Обыскав комнаты, собрав некоторые необходимые в дороге вещи, Тайполь наскоро оделся и покинул дом. Родителей здесь все равно нет, а само здание стремительно охватывал пожар.

Невыносимым жаром Тайполя гнало прочь.

Предречье местами освещал свет пожарниц и прожекторов автоматизированных единиц техники, вторгшейся в поселок. Повсюду сновали люди в военной форме и моторизированной броне, обвешанные снаряжением.

На поселок напали легендарные повстанцы, романтики-бунтари, выступившие с оружием в руках против Императора, угнетавшего народ. Вот только вели они себя как настоящие бандиты, мародеры и убийцы... безжалостные подонки.

Пригибаясь к земле и продвигаясь перебежками от одного укрытия к другому, так, чтобы постоянно оставаться во мраке, Поль преодолел половину намеченного пути. У заросшей бурьяном дорожной канавы, он повстречал первую жертву. Перевернул. Все тело жертвы покрыто кровавыми ссадинами, напротив сердца рваная рана размером с кулак. Погибший был его соседом, одиноко доживавшим свой век в покосившемся домике справа,

вверх по улице.

Картина становилась все более мрачной: с помощью диверсантов или предателей большинство жителей усыпили газом, после чего основная часть поселка была взята без боя. Сейчас шла сортировка пленных и награбленного имущества по критериям, понятным только захватчикам. Многих людей пинками, стегая хлыстами, заталкивали внутрь подъезжавших бронемашин на многоколесных рамах с прицепными фургонами.

Один раз Полю показалось, что он видел Васкаса что-то объяснявшего двум повстанцам, но их тут же скрыла машина.

Непокорных убивали как скот, а их тела сбрасывали с пологого берега реки, течение которой подхватывало и уносило их прочь... прямо в загробный мир, ввиду непредвиденных обстоятельств не требуя в качестве платы за переправу двух разменных монет.

«Все равно не могу помочь. Неспособен выступить открыто. В землянку. Посмотрю смог ли кто выжить, — поразмыслив, Тайполь продолжил путь через враждебный поселок, еще вчера казавшийся непреступной крепостью. — Знать бы только, что они спаслись».

Несколько раз сердце Тайполя камнем проваливалось в пустоту, замирало и взрывалось учащенным пульсом. Его пугали не столько повстанцы, сколько мертвецы: на каждом шагу их становилось больше. Он боялся, что в очередной раз среди мертвых увидит тех, кто ему особенно дорог.

Пробираясь через поредевшие заросли едких растений, Поль толкал перед собой рюкзак, впопыхах набитый чем попало.

Вот и землянка. Здесь темно и тихо. Гвалт исходил только от бунтарей. Съехав за валун к входу, Тайполь почувствовал опасность и вмиг пережил один из самых неприятных моментов в своей жизни.

Небеса разразились ливнем. Дождь заглушил многие звуки и прикрыл собой общую дисгармонию, принесся грязь, смывую с площади и с крыш.

— Друг, ты ли это? — Нагир оглядел Поля, похлопал его по плечу и помог забраться. После чего опустил ствол винтовки Томаса.

— Да.

— Тебя видели? Хорошо, что ты выжил! Проходи. Только тихо. Тут твои родители. Собирались уходить через потайной лаз.

— Чего тянете? — Поль крепко обнял вышедших к нему родителей.

— Прости. Мы не смогли тебя разбудить, пробовали тащить волоком. Повстанцы подошли к дому, пришлось с боем уходить со двора, — Фрэнк замялся и, пристально всматриваясь, откинул приемник энергетической батареи винтовки, чтобы сменить боеприпас. — Я был уверен, что ты справишься.

— Так и подумал сперва, что ты мне экзамен устроил.

В землянку набилось совсем мало народа.

— В который раз ты оказался в долгу перед моей безрассудной сестрой, — к Полю, ступая по деревянному настилу, приблизилась Лика с рюкзаком за плечами, — ведь она первая заметила и разбудила... кого успела. Кто среагировал, тот спасся. Жалкие твари пустили газ. Раздались взрывы, вопли. И вот, теперь мы здесь.

Тайполь осматривался в темной землянке.

— Где твоя сестра?

— Не знаю, — Ликани с томившимся угрызением совести пожала плечами. — Тут где-то крутилась. Неужели эта дуреха дернула за тобой в поселок?

Поль выругался через зубы и резко развернулся. Скинув поклажу с плеч, он пулей выскочил из землянки. Внимательно наблюдая, Фрэнк даже не предпринял попытки остановить сына, лишь махнул рукой, словно разрешая.

Короткими перебежками Тайполь устремился обратно к мерцающим огням повстанцев, к дому Ладани.

— Все. Больше ждать мы не можем. Все на выход! И так задержались. Остальные сами позаботятся о себе. Как смогут, так и позаботятся, — с тяжестью в голосе проговорил Фрэнк и принялся тормозить людей, подталкивая их к выходу и помогая справиться с поклажей.

Рассевшийся на земле народ зашевелился и поторопился выполнить команду, без толкотни скапливаясь у выхода.

— Миа, все будет хорошо. Мальчик вырос, — Фрэнк прижал к себе жену. — Он справится.

— Ты прав... — Мариэль еле слышно вздохнула и подняла утомленное ночными кошмарами лицо, — но любящее сердце не успокоить лишь словами, как бы сладко они не звучали.

Постоянно оглядываясь, Нагир последним покинул землянку, устроенную в разломе скалы, сжимая в руках старое ружье, ставшее ему почти родным.

Под руководством Фрэнка люди двигались по разбухшей земле оврага, покрытого кустарником и примятой травой. В последний раз Нагир обернулся на звук оглушающего взрыва, на миг разогнавшего ночь и иссушившего мрачные косые тени. Пошатнувшись и заскользив по грязи, он едва не потерял оружие.

В конце оврага группу ждал одинокий силуэт стройного человека, плащ-дождевик которого развивался на ветру, слабо хлопая мокрой тканью.

— Долго еще ждать? Тащитесь, как мухи с коробком спичек на плечах! Впереди тихо. Можно уходить, — Ладани беззвучно спрыгнула с насыпи, полы ее плаща взметнулись вверх и опустились, потянув за собой вихрь поблескивающих частиц в серебристых лучах вышедшей луны. — Я все разведала.

Не повышая голос, Фрэнк скомандовал:

— Хорошо. Не растягиваемся. Нагир, подгони хвост!

— Так, почему я не вижу этого недотепу? — Лада, шагая им на встречу, поравнялась с сестрой. — Где? Хм, что за...

Лица незаметно вытащила из кармана пластиковые наручники и, воспользовавшись замешательством сестры, застегнула широкое кольцо на ее запястье, приковав тем самым к себе.

Лада возмущенно уставилась на сестру.

— Ты не можешь так поступить! По какому праву распоряжаешься мной? — ее зеленые глаза, став влажными, ярко заблестели. — Что с ним? Только не говори что он...

— Прости, — начала оправдываться Ликани. — Я боюсь, что ты убежишь и погибнешь. Он живучий, сам выкрутится.

Сзади за плечи Ладу обняла Мариэль и сказала:

— Солнце, он отправился за тобой. Сам вернется. Догонит нас позже. Идем. Время не ждет.

— Вы сами себе верите? — Ладани шмыгнула носом и, отстранившись, вырвалась из объятий. Глаза ее враждебно вспыхнули, — Ну вот, все лицо теперь мокрое...

Испуганно переговариваясь, люди сбились в колонну и, притихнув, двинулись за

Фрэнком. Они подавлены. Морально истощились и уже не ждали ничего хорошего в этот день. Да и на следующий тоже.

— Этого я простить не смогу... и не надейтесь, — Ладани всхлипнула и отвернулась, злясь из-за того что раскисла и пустила слезы.

Но, подчиняясь сестре и подавшись на просьбы, она все же двинулась вслед за группой беженцев.

Когда Тайполь достиг фруктового сада на заднем дворе дома родителей Лады, то перешел с бега на быстрый шаг и осторожно остановился. В темноте он различил покатуую беседку со шпилем, утопавшую в ветвях вишни, и по памяти определил, где маленький овальный пруд с оранжевыми зеркальными карпами и извилистая дорожка, выложенная разноцветными камешками.

Тусклые фонари на аллее окончательно погасли, в поселке отключились генераторы, и единственными источниками света остались прожектора гудящей техники захватчиков да огонь пожаров.

Пытаясь хоть как-то восстановить сбившееся дыхание, Тайполь присел, облокотившись на невысокий заборчик, который они красили вместе с Ладой почти каждый год. Его поражало, как же гулко бьется сердце, будто набат барабанов. Поль обладал выносливым телом и не ленился на тренировках, и это притом что у него в теле не меньше десятка имплантов для искоренения врожденных недостатков, способствуя тем самым и физическому развитию. Он понимал, что учащение биения сердца вызвано страхом потерять столь дорогого ему человека. «Действительно трус. Хотел сказать, но не смог. На завтра оставил. Теперь уже поздно», — подумал Поль.

Еще вчера все было иначе: Тайполь с Ладани могли просто встречаться и болтать на разные темы. Но на свете нашлись люди, сломавшие размеренность их жизни, лишив обычного порядка вещей. Он знал значение таких слов как романтика, любовь и брак, ровно, как и понимал, что есть также: боль, болезнь, война и смерть, но до этого дня не задумывался о значении последних. Да, все это происходит, но с кем-то другим. С теми, кто живет с обратной стороны планеты, или в другом мире. Но не с ним.

Забравшись на балкон второго этажа, вязнувшего в порослях дикого винограда, Поль пересек спальню и изогнутый коридорчик. В комнатах пусто. Повсюду разбросаны вещи, опрокинута мебель, сорваны занавески. В воздухе стоял запах пота солдат. Тайполь до боли в костяшках сжал кулаки и сбежал вниз по лестнице. В коридоре никого. Стараясь не привлекать внимание, он осмотрел весь этаж, комнату за комнатой. Подвал затоплен, из прорвавшегося водопровода напором била вода.

Удостоверившись, что дом пустой, Поль направился к выходу, прикидывая в уме варианты дальнейших действий.

До двери, зашторенной темной тканью с переливающимся рисунком дракона, оставалось несколько шагов, когда от сильного удара она резко распахнулась, врезавшись в стену. Стекло двери разбилось на множество осколков, разлетясь в разные стороны. Деревянные щепки, блеск осколков и незнакомец в военной форме с удивленным чумазым лицом, звон железа — все застыло в сознании Поля одним кадром, словно в кинопроекторе оборвалась старая пленка.

Внутренние резервы организма вступили в схватку за жизнь. Адреналин разошелся по телу, заставляя мышцы напрячься до предела. Пока незнакомец вскидывал оружие к плечу, делая широкий шаг внутрь дома, Поль резко присел, щелкнул предохранителем и разрядил в него всю обойму. Все семь пуль легли кучно. Захватчик точно поймал удар паровым

молотом, издал булькающий звук, схватился за живот и пах и со стоном рухнул на колени. Его оружие брякнуло, соскользнув на паркет.

В два прыжка преодолев расстояние до противника, Тайполь одним ударом ноги отправил повстанца в глубокий нокаут и отточенными движениями перезарядил пистолет. Поставил на предохранитель. Наклонившись, чтобы обыскать, Тайполь с интересом рассмотрел форму повстанцев. Пальцы прошли по карманам. Бронежилет повстанца выдержал, приняв в себя все пули. А прав оказался старик Томас! Прав! Убийцы и бандиты эти повстанцы.

Время шло, оставляя Поля в неведении. Ему повезло, что это был рядовой воин, а они не имели ни защитных пластин на форме, ни боевых шлемов, ни механических усилителей или тяжелой брони, ни каркасов, поддерживаемых мощной гидравликой. Да и сражались как-то вяло и обреченно. Сняв с поверженного и связанного врага тяжелый рельсовый пистолет, способный пробить хоть какую-то защиту, он поспешил покинуть это место. У повстанца мог быть передатчик, поддерживающий связь с подразделением посерьезней, и наверняка тот успел отправить сигнал командному центру.

Осмотревшись и облазив все вокруг дома, Поль так и не смог уйти дальше калитки, и сам себя загнал в ловушку. Ему пришлось спешно искать выход и разрабатывать план прорыва.

Подожли механизированные единицы и штурмовые группы повстанцев. Засновали прочие подразделения бойцов, изредка перекрикиваясь между собой. Они окружили дом. Но есть ли смысл вылавливать одного человека целым скопищем, или это показательная казнь, возможность показать себя перед подчиненными?

Из подъехавшего механического чудовища с хищными очертаниями вылез весело пошатывающийся боец в усиленном бронежилете и тактическом шлеме с поблескивающим забралом. Судя по наглости и самоуверенности, это один из старших офицеров. За ним тянулся пурпурный плащ с расписанной золотом окантовкой, а на груди красовалась эмблема какого-то животного, застывшего в прыжке.

— Оборванец! Хватит прятаться. Добегался. Даю тебе минуту, чтобы сдать добровольно. Надейся на милость и великодушие моего сиятст... то бишь, святейш... святрейше... Тьфу! Пес их задери!

Отодвинув ветки кустов, так чтобы не попасть в свет шарившего вокруг прожектора, и не привлечь внимание, Поль выглянул. С такого ракурса он мог подробней рассмотреть и оценить обладателя заплетающегося голоса, усиленного встроенным в шлем громкоговорителем.

«Сиятельство» пребывал в состоянии алкогольного опьянения, но на ногах стоял уверенно. Офицера это несколько не смущало: он оставался самоуверенным и веселым. Защитный костюм офицера снабжен гидравликой, магнитными тягами и сервоприводами, что многократно усиливало возможности хозяина, делая его практически неуязвим для легкого вооружения.

— Время! Ты сам решил свою участь. Я не побрезгаю лично раздавить твою голову! А также всей твоей родне! Братьям! Сестрам! — офицер небрежно махнул рукой в сторону дома Лады и что-то прокричал повстанцам. — Понаплодились тут как вши от грязи!

Тайполю нечего было ответить, и он молчал.

— Слышишь?

Офицер еще что-то приказал, прикрикнув на повстанцев.

Не проявляя должного рвения, один из них замешкался, запаздывая с выполнением приказа, так как скидывал со спины темно-зеленый тубус — ручной огнемет, чем вызвал обострение приступа гнева своего неуравновешенного командира и непосредственного начальника. Офицер спрыгнул со ступеньки транспортера, снял шлем и с ненавистью бросил им в штурмовика. Размахивая руками, топая ногами и поливая руганью солдат, пьяный командир прошелся морской походкой вдоль колон техники.

«Даже если бы вы сейчас были рядом, все равно не нашел бы нужных слов. Простите меня, я сглупил», — проговорил про себя Поль и уверенно поднял пистолет двумя руками. Как в тире, он выбрал мишень и плавно, на выдохе, выжал курковую скобу.

Вот и все.

Тело офицера дернулось. Голова его взорвалась фонтаном, обильно оросив окружающих брызгами кашицы и осколками черепа. Звук выстрела пришел с запозданием, не успев за вспышкой. Поочередные выстрелы двух стволов слились в залп. Расплавленный энергетической установкой и разогнанный при помощи магнитного поля металл, некогда покрытый полимерной оболочкой, достиг своей цели.

В воздухе затихал низкий гул.

— Не стрелять! — пронеслось от колонны техники.

Тайполь бросил пистолет и двинулся навстречу повстанцам.

Поверженный офицер продолжал стоять и без головы, так как защитный каркас экзоскелета поддерживал его обмякшее тело. Рука офицера слабо подрагивала, а его роскошный плащ развевался на ветру. Напитавшаяся жидкостью жирная земля громко чавкала под ногами смолкших повстанцев, топтавшихся перед трупом командира.

Неожиданная кончина офицера прервала разграбление поселка и дала повстанцам возможность покончить с этой идиотской затеей.

Группа выживших жителей поселка вышла к одному из охотничьих домиков. Беженцев никто не преследовал. Светало. Теперь различимы очертания забора. Дом имел покосившуюся пристройку и баню, сложен из крепко пригнанных бревен и утеплен изнутри шкурами животных. Вода подавалась насосом в резервуар, расположенный за пристройкой. Электричество поступало от старого военного генератора на атомном топливе.

Здесь у них появилась возможность отогреться, просохнуть и перекусить. В общем, восстановить силы и уйти от этого кошмара хоть на пару часов.

Охотники пользовались такими домами крайне редко, а постояльцев в данный момент не оказалось, поэтому Фрэнк с облегчением втянул в себя утреннюю прохладу и провел группу во двор.

Атмосфера, окутавшая беглецов, угнетала, разрастаясь в их сознании и в сердцах черной клейкой паутиной. Ощущение полной безнадежности. Люди разбрелись и отрешенно занялись каждый своими делами, стараясь между собой не разговаривать и не смотреть друг другу в глаза. Они многое пережили за эту ночь и многое потеряли. Назад дороги не было, время не отмотаешь вспять, а что их ждет впереди — неизвестно. Обреченность почти ощутимо витала в скомканном воздухе, сотрясая разум слабых. Лишь единицы уверенно смотрели в будущее, смиряясь с настоящим.

— Каков наш план? Фрэнк! Эй! Эй! Ты же тут главный медведь в берлоге, или как? — Ладани не терпелось прервать гнетущее молчание, ее разрывала жажда деятельности, хотелось хоть как-то отодвинуть тишину, нависшую над всеми тяжким бременем.

— План прост: просохнуть, за пару часов восстановиться, и продолжаем путь к Метеопосту. Там дебаркадер. Сядем на грузовой дирижабль и спустимся в долину к Берегам. В порту — каждый сам решит... — Фрэнку не удалось закончить предложение полностью.

— Да? Складно говоришь, но я не об этом, — резко поднявшись, Лада потянула за собой сонную сестру, звонко клацнули наручники из прочного пластика. — Как мы поступим с остальными? Возможно, есть еще выжившие люди и им необходима помощь. Может, кто-то часами о ней взывает, в надежде считая минуты, срываясь на крик и мольбу. И, не дождавшись, так и умрет от ран, голода и холода, или окажется добычей забредшего зверья.

— Возможно, но это не меняет первоначального плана. Нам тоже нужна помощь.

— Ясно, — она отвернулась. — Зачем волку четыре лапы? Если и на трех он превосходно бегают.

— В данный момент невозможно и им помочь, и самим не подставиться. По прибытии сообщу о нападении властям, — Фрэнк остановился в дверях, накидывая на плечи обсохший плащ, и поднял шляпу с широкими полями. — Успокойся, прошу. Тайполь в силах постоять за себя сам. Есть вещи, которые нам неподвластны, и ты сама это прекрасно понимаешь. Просто ты — девчонка, которая никак не может смириться со своим мимолетным капризом.

— А ты типичный неудачник! — топнула она ногой.

— Что? — Фрэнк сделал вид, будто не расслышал последних слов. — Все. Мне нужно проверить подходы и сменить дозор.

— И винтокрыл не забудь во двор посадить. О, величайший из всех вояк, вождь племени восьми барабанов! — Ладани подергала за руку сонную сестру. — Да освободи же ты меня!

Таскаюсь за тобой, как собачонка. Надоело быть на привязи. Ты умный человек... и вообще должна понимать меня.

— Хорошо. Только без этих твоих глупостей, — Ликани сонно протерла глаза, сладко зевнула и сняла с сестры пластиковые наручники.

Лада выбежала из дома, лихо хлопнув дверью, но почти сразу вернулась, чтобы посмотреть на реакцию близняшки. Неопределенно хмыкнув, она принялась расхаживать по комнатам, разминая запястье.

— Ты же понимаешь, что я могла сбежать еще ночью? — Ладани заговорчески понизила голос.

— Я все предусмотрела. Код не подобрать, а механизм надежный и не разборный, шпильку в него не сунешь.

— Я могла лишить тебя руки, — кровожадно выдала Ладани.

— Перестань. Сейчас не до спора и твоих шуток.

— Я могла спасти его.

— Нет. Слишком много солдат. Ты бы погибла или попала в плен, вот чем все бы закончилось.

— Теперь мы этого не узнаем.

— Вот именно.

— Господи, какая ты скучная.

Ликани наигранно зевнула.

Вдоволь побродив и осмотрев все и всех, Лада вернулась на лежак к сестре. Они о чем-то потихоньку заспорили, давая возможность друг другу высказаться.

Сменив дозор, и чуть ли не пинками и подзатыльниками заставив Нагира пойти и поспать хотя бы полчаса, Фрэнк двинулся в обход домика охотников, чтобы хоть как-то привести свои мысли в некое подобие порядка. Ему было о чем подумать.

Вопреки всем безрадостным прогнозам, к утру распогодилось. Солнце медленно поднималось, озаряя редкий хвойный лес и неглубокое озеро. Лучи света, пробиваясь в это угрюмое царство, играли радужными бликами в каплях утренней росы и в лужицах, оставшихся после прошедшего ночного дождя. Прохлада бодрила. Почти осязаемые испарения висели в воздухе. Озеро искрилось, пуская солнечных зайчиков.

Фрэнк устало прикрыл глаза, наслаждаясь наступившей тишиной. Рядом — никого. Эта ночь вымотала его, но не смогла окончательно лишить душевного равновесия. Запас прочности еще не исчерпан. Оставалось недолго, еще самую малость, и этот кошмарный этап жизни закончится, и все еще наладится. Обязательно. Фрэнк позволил себе натянуто улыбнуться, подставив лицо под согревающие лучи просыпающегося солнца.

Вдруг Фрэнк что-то почувствовал, совсем близко, чье-то присутствие, какой-то едва-едва уловимый запах... К его виску прикоснулся холодный твердый предмет похожий на гаситель пистолета. Наступила пауза. Время словно замедлилось. На предмет надавили сильнее, заставив Фрэнка наклонить голову и обнажить шею. Шляпа упала с его головы, сердце лихорадочно забилось, а рука в панике потянулась к винтовке.

— Пуф! — громко выдохнула Ладани над ухом Фрэнка и провела острым ногтем по его шее, оставляя красную зудящую полосу. — Хорошо спалось в дозоре?

— Э-э-э! Я не спал! Только прикрыл глаза на минуту. Задумался. — Фрэнк нервно потер шею. Его голос предательски дрожал, а сердце затихло, будто провалилось в бездну. Он не смог поднять взгляд, и вытер дрожащей рукой холодный пот, выступивший на лице. —

Просто измаялся за ночь. С каждым может случиться. Кто научил тебя так бесшумно ходить?

Фрэнк переполняли противоречивые эмоции и старые воспоминания. Нет, он никогда не был трусом. Никогда! И всегда был надежным человеком. Неужели совсем измельчал? Почерствел?! Да нет же.

— Леший научил.

— В следующий раз сломаю руку!

— Ой, как страшно... аж ножки затряслись!

— Твоих выходов только не хватало.

— Тебе сегодня сказочно повезло, Фрэнк. Держи, на память от девчонки, которая не может смириться с мимолетным капризом. Тут на озере камень нашла, — подкинув овальной формы гольщ, Ладани обошла злополучного патрульного Фрэнка и присела напротив него прямо на траву, облокотившись на выступающий из земли пень. — Ты же в прошлом герой, ратник Императора, — она красноречиво постучала по пню. Глухой стук подтвердил внутреннюю пустоту пенька. — Что же теперь тебя сдерживает? Тайполю надо помочь.

— Я не могу. Прости. Все изменилось за последние месяцы.

Фрэнк схватил винтовку, прижал ее к ноге и нервно оглянулся.

— Это из-за Мариэль? Ждете первенца? — Лада закинула ногу на ногу, чтобы поправить высокую шнуровку на обуви и защитную пластину на голени. Затем одним движением руки она откинула глубокий капюшон и уставилась Фрэнку в глаза, как будто видела там ответы на интересующие ее вопросы.

— Как ты смогла узнать?

— Ха! Прямо все секреты тебе выдай. Вы не похожи на биологических родителей Поля. Его мама слишком молода для этого. У вас с ним нет абсолютно никаких родственных черт. Вот, например, мы с Ликани улучшены на генном уровне. Сразу видно наше родство, и мы не стесняемся этой правды. Наши родители ведущие специалисты в области евгеники и макробиотики, по крайней мере, были ими раньше. Только где их искать? Так что мы — как товар во время новогодней акции, так сказать, высшего качества и с гарантией: купи одну и получишь вторую в подарок, одинаковую с лица, которых можно потом выбросить в чулан в кучу остального хлама, если наскучили, — последнее Ладани произнесла с особой горечью.

— Поль нам не родной сын... в этом ты права, — Фрэнк перевел дух и поднял на нее ясный взгляд, собираясь с мыслями. — Я вынес его из «Радужного», горящего поместья Императора. Его спас от огня чей-то труп. Я услышал детский крик и пошел на звук. Сам истекал кровью и сильно обгорел. В дыму невозможно было что-либо разобрать. Столько народу было убито в ту ночь... В настоящее время нет ни Императора, ни наследников престола. А заправляет всем Седьмой Режим, состоящий из четырех Маршалов, главы Инквизиции и главы Единой Церкви. Они захватили власть путем безжалостного насилия. На местах навязывают собственные порядки и правила Названные Командоры разрозненных армий. Подняли головы, а вернее — морды, еще несколько организаций, посчитавших и себя вполне крутыми, чтобы вращать кубик закона на своем... по своему усмотрению я хотел сказать. Нет больше единого государства.

Фрэнк перевел дыхание, явно волнуясь, и продолжил:

— Заговорщики жестоко расправились со всей семьей Императора. Убивали и похищали всех людей, подозревавшихся в родственных связях с династией. Не пожалели и его молодую жену с сыном. Я ведь не просто солдат, который бросил тех, кому присягал в верности... я нарушил священную клятву постижения единства Императора, чтобы спасти ребенка. Мое

подразделение всецело полегло под натиском превосходящих сил противника, а я уполз... и теперь кто я? Лишь остаток, убежавший от своей судьбы лечь костями на поле боя... трусливый, ничтожный отголосок «Полумесяцев».

— Ты далеко не труслив, — вставила свое слово Лада, воспользовавшись паузой.

— После этого меня часто посещала навязчивая мысль: кого я на самом деле спас в ту ночь? Себя или мальчишку? В отличие от меня, он не спасался бегством, а боролся единственным доступным ему способом — детскими слезами.

— Он не мог бороться. Не перегибай.

— Но...

— Ты правильно поступил, когда спас ребенка. Иначе ты не пережил бы ту ночь и сейчас не было бы Тайполя, а вы не ждали бы первенца, — Ладани играла локоном волос, но взгляд ее зеленых глаз несколько изменился.

— Но сейчас Миа в положении, а я снова предаю. Не могу подвергать ее столь явной опасности, да и разорваться надвое неспособен при всем желании. Не могу я позволить себе подобного даже в мыслях, — Фрэнк тяжело поднялся и отряхнул рукав. Слова он произносил с трудом, но твердо: — Мы растили его как родного сына. Но мне пришлось вновь сделать выбор, и я предоставил Тайполя самому себе. Ведь в данный момент его оружие нечто большее, чем слезы.

— Спасибо за откровенность. Я оценила это, — Ладани тоже поднялась, застегивая неприметный темно-серый плащ, немного порванный снизу. — Я ухожу. Ухожу прямо сейчас. Ликани остается с вами. Она — подающий надежды врач и ученый. Верю, что скоро старики-доктора сами станут толпами бегать к ней на лекции. Пусть останется и ухаживает за Мариэль, а не следит постоянно за мной, не прогоняйте ее.

— Ух, что это на меня нашло. Хорошо, она останется с нами.

— Я говорю серьезно. Обидишь ее, и умрешь мучительно.

— Надеюсь, ты знаешь что делаешь?

— Да какая разница? Иначе я не смогу жить полноценно. Мне не из чего выбирать. Путь мой тернист, но он ведет только вперед. Без Тайполя я не буду прежней.

— И ты просто возьмешь и уйдешь?

— Имею дурные предчувствия.

Лада развернулась к поселку и побежала, постепенно ускоряя привычный темп. Полы ее плаща скользили, едва касаясь молодой поросли травы. Капюшон был откинут. Темные локоны ее волос развевались на ветру.

— Мы живем так, будто родились бессмертными! — прокричала она и исчезла за неровными рядами деревьев с вздутыми пятнами кустарника.

— Пусть ангелы хранят вас неусыпно, — медленно произнес Фрэнк и заспешил обратно в лесной дом.

После выстрела все как-то сразу угомонилось: ночное небо перестало извергать потоки воды, застыли в ожидании повстанцы, уставившись на обезглавленного командира и паренька с поднятыми руками, заглохли силовые установки машин. Слышны лишь одинокие шаги. Грязь чавкала под ногами.

— Мучить будешь или сразу убьешь? — продолжая стоять с поднятыми руками, Поль смотрел на подошедшего повстанца, готовясь к худшему.

Не дойдя пары шагов, повстанец остановился и направил ствол укороченной винтовки Тайполю в живот. Что двигало бандитом трудно определить, но сам факт нерешительности в расправе над убийцей офицера вселял слабую надежду. Повстанец опустил оружие. В винтовке что-то тренькнуло, пискнуло, она компактно сложилась, уменьшая свои габариты. Повстанец закинул сложенную винтовку на раму, крепившуюся за спиной, подступил ближе и сложил крепкие руки на груди.

— У меня нет настроения. Мертвец перед тобой — Лютар, один из старших офицеров ПОА. Убив его, ты освободил место для меня. Повысил в должности. С него есть за что спросить. Всегда его ненавидел и мечтал проломить ему голову. Своим выстрелом ты лишил меня этого удовольствия, но и остановил эту безумную вакханалию. Теперь мы можем возвращаться.

Новоиспеченный командир говорил с нейтральной интонацией, делая иногда паузы. Сквозь воздухозаборные щели в шлеме слышались шумные выдохи. Периодически пальцы его левой руки как-то неестественно сжимались и разжимались с тихим металлическим стуком.

— В общем, я тебе угодил. Что дальше?

— Твоя судьба решается. Решается мной.

— Он не оставил выбора.

Повстанец, судя по всему, немного выговорился и решил подумать.

— Смерть юнца мне не интересна. Посиди пока на привязи, позже я решу твою участь. Считай, что в награду за услугу я даровал тебе пару дней жизни. Не дергайся и не усугубляй все.

Ощувив прикосновение прилетевшего сбоку дротика, Поль с опозданием насторожился. Его ударило разрядом тока, от чего он потерял сознание и упал на землю, ударившись головой. Тут же Поля похватили за ноги два подоспевших повстанца. Они подтащили его к командирскому бронетранспортеру с плоскими башенными орудиями.

К Полю скорым шагом подошел длинноволосый человек в форме повстанцев, поверх которой болтался бывший когда-то белым фартук с грязными разводами. Конвоир в фартуке застегнул стальной ошейник с эластичными сегментами на шею Тайполя и подбежал к офицеру.

— До чесотки обожаю все эти штуковины! Шаг влево, шаг вправо — и ошейник срезает голову тончайшими лезвиями под корень. Жик! Жик! Уморительное зрелище! — карикатурно жестикулируя, конвоир залился дребезжащим противным смехом и вытер руки о фартук. Чище от этого они не стали.

— Я тебя об этом спрашивал, пес? Или ты раскинул остатками своего гнилого мозга и вдруг решил, что мне интересна твоя жалкая болтовня? — повстанец, ставший по праву главенства командиром, ходил в броне рядового штурмовика без всяких знаков различия, чем вызвал эту путаницу. — Я порядком устал за последний месяц от всего этого идиотизма.

Офицер снял боевой шлем и вдохнул ночной воздух, наполненный запахом смерти. После чего выхватил плеть, висевшую на плече оконфузившегося конвоира, и двумя ударами, со свистом рассекая воздух, сбил того с ног.

— Виноват, Лидер-Капитан! — вскочил перепуганный конвоир. — Не признал сразу. Не губите!

— Заткнись.

Провинившийся повстанец весь сжался, прогнувшись в спине и, часто оглядываясь, поспешил ретироваться в недра ближайшей стальной машины, подальше от начальства.

Что-то бравурно напевая, Лидер-Капитан направился к своему предшественнику, обезглавленному юнцом из затерянного захолустья.

Новоявленный командир шагал с одной целью: сорвать с трупа плащ и нагрудную пластину — символ высокого статуса среди офицеров бунтарей, причастных к тайной организации. Со злорадным смехом он толкнул мертвеца ногой. Труп шлепнулся в лужу наполненную всяким мусором и кровью, и Лидер-Капитану жижей окатило сапоги.

Бойцы равнодушно наблюдали за манипуляциями офицера.

Вдруг вспомнив о неотложных делах, Лидер-Капитан вернулся в транспортер, вытянул наружу конвоира, любителя поболтать по душам, и волоком протащил его от колес машины через колею, успевшую до кромок наполниться водой. После чего офицер рывком поднял заикающегося конвоира на ноги и врезал ему кулаком по ребрам, позже добавив еще, отчего тот шлепнулся наземь.

Следуя немоу приказу, конвоир безропотно поднялся. Размазал грязь по лицу. После серии ударов он принялся молить о пощаде, но даже не пытался защищаться или бежать как раньше. Вновь рухнув на спину, повстанец остался лежать, не выдержав больше побоев. Он что-то пролепетал. Что-то совсем неразборчивое.

— Заткнись, падаль! Думаешь мне в удовольствие что ли, копошиться как падальщик в этой грязи, гоняясь за объедками? Хочешь, я покажу тебе, что такое настоящее веселье? Хочешь? В следующий раз я лично отрублю тебе ступни и посажу на поводок. Потом мы отправимся охотиться на чернохвостых лисиц. Только попробуй упустить хоть одного из зверьков, — безжалостно сдавив грудь ногой, офицер склонился над повстанцем, вогнал кривой кинжал тому в плечо и провернул лезвие в ране. — Запомни это и передай каждому, кто осмелится посмотреть в мою сторону без должного уважения.

— Слушаюсь, мой командир!

Повергнутый в ужас конвоир отползал, тихо скуля и силясь зажать кровоточащую рану на плече. Он повторял это снова и снова, почти безумев от пережитого страха.

Картинно засуетившись, повстанцы стали погружать в машины пленных, а также награбленные вещи, съестные припасы, канистры с водой и топливом. Ночной налет на малонаселенный поселок закончился. Вот и последние бандиты залезли в бронированные транспортеры.

Капитан с гордостью закрепил на грудь пластину с изображением застывшего в прыжке снежного барса, надел плащ, что снял с мертвеца, добротный из ткани с золотой окантовкой, и передвинул сатурнитовую фибулу на плечо. Кривая ухмылка перечеркнула довольное лицо.

Колонна машин тронулась, быстро определившись с курсом и выстроившись на марш, покидая разрушенный поселок. Первыми помчались две разведгруппы на легких маневренных внедорожниках.

За воротами начиналось бездорожье.

Свет фар выхватывал неровности местности и стволы деревьев на пути, каменные сколы, пни и ямы. Некоторые животные, попадая под лучи фар, продолжали бежать в полосках света, пока машины не сминали их колесами со специальными зубчатыми покрывками. Замыкающая машина часто останавливалась, проверяя, что осталось от раздавленных тушек.

Колонна пересекла вброд приток реки. Поскрипывали торсионные рессоры механических повозок. Глухо стонали пленные.

Преодолев затяжную возвышенность, туманную низину и край леса по взгорью, колонна машин подъехала к заброшенной дороге, бывшей когда-то магистралью регионального значения, вопреки всему, неплохо сохранившейся.

Взревев силовыми агрегатами и выплюнув в атмосферу облака копоти, транспортеры стали удаляться, направляясь в сторону восточных гор, пока совсем не исчезли, затерявшись за очередным поворотом.

Поселок превратился в обугленные руины погоста на открытом воздухе.

Выжженная земля слабо дымилась, усыпанная пеплом. Безлюдно. Почти что беззвучно. Почерневшие от копоти и гари дома смотрели пустыми глазницами окон. Где-то со звоном битого стекла одиноко хлопала форточка, гудели на ветру ставни. Поскрипывала калитка, висевшая на одной петле.

От дуновения ветерка и прогулочных шагов Ладани витиевато поднимался серый пепел, успевший местами подсохнуть. Даже солнце стремилось скрыться за тучами, не решаясь лицезреть плоды безумной расправы учиненной повстанцами.

Ладани привлек относительно чистый труп повстанца еще нетронутый животными. Она стянула с руки мертвеца энергетический усилитель в форме кастета с защитой кисти и предплечья и с эластичными пластинами на подвижной раме. Подрегулировав ремешки и зажимы приклада под локоть, Ладани закрепила оружие для рукопашного боя, проверила электрические тяги, силовые магниты и емкость батарей. Кастет сидел достаточно комфортно. Сжимались и разжимались пальцы. При ударе рельсовые тяги выстреливали вдоль рамы ударную часть кастета, в локтевой части гасилась остаточная кинетическая энергия. При необходимости, силовая установка разряжалась, выпуская сгусток наподобие шаровой молнии, поражая врагов электрическим током.

Поискав еще немного вокруг этого места и побродив по поселку, Ладани обзавелась подсумком с дополнительными батареями, респиратором с возможностью подключения баллонов воздуха и сменными фильтрами к нему, а также небольшим пистолетом с двумя патронами в обойме, удобным рюкзаком и разгрузочным жилетом с множеством карманов, петелек и ремешков. Поврежденная винтовка и плетка конвоира также привлекли ее внимание, и Лада остановилась, взвешивая, какую пользу можно извлечь из этих предметов.

— Не, стрелялка сломана, а вот плетка может пригодиться, и весит немного.

При дальнейшем осмотре дороги Ладани насобираала еще кое-какой мелочи. Повстанцы в спешке побросали своих мертвецов, а также остатки амуниции и оружия, не задумываясь о последствиях.

Вот и ее двор. Осторожно поднявшись в свою комнату, Ладани заперла дверь и закрыла окно, зашторив его грубой тканью. Можно присесть и отдохнуть. Она трижды перебрала рюкзак и разгрузку, отсортировывая ненужные в дороге вещи и взвешивая поклажу. После чего принялась изучать коммуникатор одного из повстанцев. Благо, взлом аппарата не занял много времени. Лада наскоро перекусила и просмотрела всю доступную информацию в коммуникаторе: там были схемы, карты, координаты базы повстанцев, позывные и клички друзей умершего бунтаря, маршруты техники и патрулей. Довольная собой она решила выделить пару часиков на отдых.

Путь предстоял неблизкий. Повстанцы сильно натоптали вокруг, но Ладани нашла следы Поля до места посадки в транспортер, где поняла лишь то, что его тащили волоком. «Неужели их интересовал труп? — подумала она. — Нет. Скорее всего, пленили живым, лишив сознания».

Когда Ладани вышла из разрушенного дома, где прожила не один год, близился вечер.

Становилось прохладно. Терять лишнюю ночь, проторчав на одном месте, ей не хотелось. Поправив небольшой рюкзак за спиной, и затянув ремни разгрузки, Лада пристроила на лицо респиратор, который не только очищал и обогащал кислородом вдыхаемый воздух, но и, при необходимости, подогревал его. Выдыхаемый воздух направлялся по гофрированным трубкам под комбинезон, поддерживая шаткий тепловой баланс. Бросив последний взгляд на поселок, ставший чужим и отталкивающим, Ладани накинула на голову глубокий капюшон, скрывший почти все лицо, и зашагала к намеченной цели.

На выходе у раскученных ворот рвал на части добычу молодой волк. При появлении Ладани он злобно оскалился, прижав уши. Глаза его плотоядно заблестели, а инстинкт хищника потянул к новой жертве, но меткий удар плетью, со свистом рассекающий воздух, заставил хищника отступить, бросив остатки трапезы. Ладани убрала пистолет под складки одежды, тоскливо посмотрела в след убегающему волку и решила, что никогда не вернется в этот поселок. Никогда.

Как заведенный автомат, Ладани шагала, временами переходя на бег. Мелькали сучья, кусты, колючая поросль. Было прохладно, а выдыхаемый через вязаную маску воздух клубился паром. Респиратор болтался на ее шее поверх воротника, пока в нем не было необходимости. Молодому организму дышалось легко и свободно. Ладани изредка останавливалась, чтобы осмотреться, разобрать следы и знаки на траве, ветвях и подмерзшей почве. Брала в руки щепотки земли, листвы или мха, принюхивалась и задумывалась, иногда подолгу теребя их в руках, не замедляя при этом шага.

Несколько раз Лада меняла направление движения, уклоняясь от встречи с дикими животными, пока не увидела какого-то человека за кустарником. Решив задержаться, она взобралась на дерево в целях понаблюдать за ним.

Встретившегося ей незнакомца сложно было отнести к нормальным людям: лицо покрывали темные впадины, ссутулившаяся спина торчала горбом, а кривые руки висели плетями, намекая на переломы костей. При движении он приволакивал ногу, при этом постанывая и посапывая порванным носом. Поражала еще и его особая тупость: он бесцельно ходил взад-вперед между корнями поросшего ядовитым плющом дерева и глубоко вросшим в землю валуном. Ударившись в ствол дерева, незнакомец разворачивался и шел обратно, пока не врезался в камень, затем действия его повторялись.

Спустившись со своего наблюдательного пункта, Лада прокралась к бесформенному валуну, стараясь не потревожить незнакомца. Оставив рюкзак с тактической разгрузкой, она проворно и бесшумно взобралась на валун. Подняла небольшой камушек и запустила им в незнакомца. Камень звонко щелкнул по лысеющей макушке и отскочил в сторону, как от деревяшки.

— Эй! Ты как? — Ладани поглядывала сверху вниз, приготовившись к возможной самообороне и заняв устойчивую позицию. В руках она сжимала гудевший кастет и уже жалела, что вопреки здравому смыслу решила помочь бедолаге. — Помощь нужна?

Незнакомец остановился и завертел головой, выискивая затуманенным взглядом источник шума.

Глаза его мутны и неподвижны, словно стеклянные, посиневшие губы искусаны, а лицо все в глубоких порезах и запекшейся крови, вперемешку с землей. Рваные раны на его руках кровоточили, куски позеленевшего мяса присохли отвратительными наростами, а стружья и обрывки сухожилий свисали, покачиваясь и приликая к пальцам. Подранными ноздрями он шумно втянул в себя воздух с явным аппетитом. Кашлянул, как будто поперхнулся каким-то

комком, и зигзагами бодро побежал в сторону Ладани. Остановил его все тот же камень, явно преобладая в весовой категории. Незнакомец с размаху врезался в него и упал на спину, выгнувшись и забившись в конвульсиях. Что-то отчетливо хрустело во всем его теле, должно быть чувствовал он себя при этом очень скверно.

— К чему такая агрессивность... я помочь хотела. Ты ранен?

Бедолага лишь порывкивал в ответ.

— Вот же тупой идиот! Я наверху, болван! — она начала злиться и прикрыла глаза рукой, поражаясь его глупости. — Так тебе нужна помощь? Нет?

Человек бился в судорогах.

— Гла-а-а!!! Свет жег! Собр-рть ноль! Собр-рть! Ноль брарр! — прокричал какую-то околесицу незнакомец.

Забившись в припадке, этот ужасный человек вскочил и одним прыжком оказался на валуне. Незнакомец потянулся лицом в сторону Лады, при этом тело его оставалось стоять спиной к ней. Было слышно, как хрустели его шейные позвонки, когда он поворачивал голову почти на сто восемьдесят градусов. Руки незнакомца поднимались рывками, жадно заскребли пальцами, проворачиваясь в суставных сумках. Возле его рта пузырилась пена. Челюсть сжималась, издавая скрежет пеньками оставшихся зубов.

Поборов легкое оцепенение, Лада резко пришла в движение. Под обрушившимися ударами ужасный человек утробно замычал, превратившись в тряпичный мешок для битья, однако не бросал попыток отвесить оплеуху этой вертлявой девчонке.

Пропустив около восьми точных ударов, страшный человек, наконец, покинул область валуна, с визгом вылетев за границы камней. При падении громко хрустнули еще какие-то кости, что не помешало ему энергично подняться и еще раз взобраться на свой каменный «капони́р». Незнакомец харкнул сгустком тягучей крови, разорвал медицинский халат на груди и потянул корявые пальцы. Обдав трупным смрадом из пасти, чудовище заверещало на уровне ультразвука, а затем взялось с остервенением размахивать лапами с поломанными суставами.

Прикрывшись руками и выставив кастет, Ладе пришлось полностью израсходовать заряд батареи энергетической установки, которая с треском метнула молнию. Незнакомца пронзило отростками светящегося шара, пробило разрядом электричества измученное тело и отбросило на несколько метров. В воздухе остался лишь легкий дымок. Омерзительно запахло подгоревшим мясом и жжеными тряпками.

Ладани выхватила пистолет, прицелилась и одним выстрелом разнесла башку поднимающегося с воплем уродца. Съехав на заднице по мшистой стороне валуна, она схватила свои пожитки и бросилась бежать.

Не стараясь скрыть свое присутствие, на это не оставалось ни секунды, Лада понеслась напролом через чащу леса. Трещал хворост. Иногда она негромко ругалась, когда падала, запнувшись или оступившись, цепляясь и путаясь ногами в корнях и в зарослях. Ноги подкашивались. Она спешила как можно скорее выбраться из этой части мрачного леса.

Свет броско редел, теряясь в черных кронах пугающих деревьев с почти облетевшей листвой, потерявшей свою яркость и свежесть. Среди деревьев громоздились темные бугры на корявых ветвях, которые, если присмотреться, еще и шевелились. Лада вгляделась и едва сдержала крик ужаса: вокруг было черным-черно от множества ворон! Такого количества птиц она еще никогда не видела. У Ладани складывалось впечатление, что каждая из них следит за ней, наблюдая внимательно. Птицы, когда-то считавшиеся предвестниками беды,

сбились в многочисленную стаю, заполнив собой все верхние ветви деревьев.

Сучья скрипели на ветру. Потревоженные птицы рассерженно каркали и били крыльями, стараясь усесться удобней на нагретом месте, некоторые из них срывались и искали себе лучшее дерево. От охрипшего карканья воронья и хлопков черных крыльев становилось тоскливо и жутко на душе.

Отмахнувшись от липких щупалец страха, Ладани побежала под каркающей стаей на ветвях.

Птицы остались позади.

Мчась по лесу, Лада храбрилась, однако вслушивалась в каждый его отзвук. Теперь ей слышалось все больше странных и настораживающих слух звуков, как будто кто-то ее преследовал, наступал на пятки, пытался окружить, чтобы догнать и схватить. Ей стало совсем не по себе. Из закоулков сознания поднимался оправданный страх, так долго сдерживаемый этим юным разумом, который ограничивался до этого лишь редкими, незначительными испугами. Поползли мурашки по коже. Ладани передернуло. Она повернулась на месте, подняла голову, и внимательно прислушалась к звукам изменившегося леса. Чутье и раньше никогда ее не подводило. Источник звука уже где-то совсем рядом, самозабвенно ее поджидает.

Опасность!

Ладани уткнулась в дерево с прогнившим стволом и затаилась, стараясь почти не дышать. Она прикрыла глаза и сжала кулаки. Да, ее преследователи где-то рядом. Много ментальных оболочек стягивается к этой опушке.

Ладани почувствовала чье-то присутствие, и почти в этот же момент кто-то словно задел ее. Повеяло гнилым смрадом. Она открыла глаза и медленно посмотрела через плечо... Крик ужаса рвался наружу, ее мелко трясло, впервые ей было так страшно. Сотни таких же, как тот незнакомец замученных исчадий ада в тонких медицинских халатах на голом высохшем теле, бродили вокруг, выныривая и вновь пропадая в мистическом густом тумане. Лес словно умер, окрасив все вокруг в черно-белые цвета. Подвижные жертвы безумных экспериментов неподвластных никакой этике, подступали все ближе к ней. Эти мерзкие твари рыскали уже совсем рядом, пытаясь вслепую сориентироваться по отзвукам и отголоскам, но источник звука куда-то пропал, будто провалился сквозь землю. К тому же что-либо расслышать им мешало разбуженное воронье, производящее достаточно много шума.

Лада медленно повернулась, выглядывая из укрытия.

Свора уродливых бродяг прохаживалась между деревьев явно привлеченная выстрелом. Некоторым из чудовищ надоело слоняться попусту. Они стали с ревом бросаться друг на друга, отвешивая пинки, шипя и с громкими шлепками врезаясь в препятствия.

Крепко сжав зубы, Ладани испуганно глядела, едва не теряя сознание от стоявшего зловония и переполнявшего ее страха. В стороне от них раздался пронзительный крик. Без сомнения, крик принадлежал живому человеку.

Грянул выстрел. Еще выстрел. Послышался мощный со свистом залп энергетической установки, эхо сирены, а за ним — вой, визг и снова крики... так могли кричать лишь обреченные.

Воронье встрепелось и, оглашая лес недовольным карканьем, почти синхронно тучей взмыло вверх.

Хотячее наследие экспериментов зашевелилось. Все особи этой своры чудовищ

развернулись и одновременно бросились к новому источнику шума, ведомые дикой жадой. Неизвестно, что и каким образом смогло поддерживать жизнь в этих угасающих ослепших оболочках, наполняя их злобой.

Ладани безмолвно кричала, зажав рот краем воротника и руками, и бежала прочь. Мчалась, не разбирая дороги, пока не съехала с холма через заросли лопухов к берегу мелкого ручья. Вслушиваясь в каждый шорох, она умыла лицо холодной водой и успокоилась, упиваясь тем, что страх покидает ее вместе с последними каплями пота и слез, стекающих по ее щекам и губам.

Оглядываясь и всматриваясь в каждый куст, Ладани прошептала:

— Кто-то спас мне жизнь. Что это за существа?.. Мерзкие твари. Мне же не привиделось.

Марш-бросок вдоль туманных холмов и аллей с рослыми соснами вернул Ладе хладнокровие, которое крепло с каждым шагом, уверенно вытесняя недавний страх. Нужно спешить. Ориентируясь по звездам в ночном небе и продвигаясь под лунным светом, она даже не думала о том, чтобы сбавить скорость или остановиться на отдых. Не сбавлять темп. Глаза ее предательски слипались, и терялась концентрация.

Темнота.

Ровный шум дыхания. Глаза напряженно открылись.

Луна. Деревья. Воронки от разорвавшихся снарядов. Свежие.

Мрак. До рассвета оставалось часа два.

Запнувшись, Лада кубарем покатилась, но тут же резко поднялась, ошарашено оглядываясь по сторонам.

— Спать. Хочу.

Для отдыха Ладани выбрала крепкое дерево с удобными ветками и с помощью переносного гамака разместила на ночлег в его кроне. Немного повозившись со страховкой, Лада сознательно закрыла глаза, все еще непроизвольно вздрагивая.

Ладани снилось множество разрозненных образов, местами все перемешивалось, постепенно создавая новые оттенки на разноцветных стеклышках, которым терпеливое море обточило острые края.

Шум волн сине-зеленого моря. Стая дельфинов дружно загоняет косяк перепуганной рыбы на зависть рыбакам в ушных суденышках, качающихся на волнах. Забавно пощелкивая, дельфины сгоняют рыбу в огромный шар в толще воды, почти у самой поверхности.

Писк, свист, крик чаек, ждущих бесплатного куса рыбешки. Дельфины, чьи мокрые спины показываются то здесь, то там, приступили к совместной трапезе, поочередно выхватывая из мельтешащего косяка по рыбешке. Освежающий ветер. Прохладные брызги. Морская пена. Теплый песок и ласковое солнце.

Картинки менялись как в калейдоскопе. Веселые и интересные, познавательные и забавные, романтические и трогательные. Ладани встряхнула красочный калейдоскоп, наслаждаясь сном, в котором Тайполь был рядом.

Неожиданно Поль схватил ее за армейский ботинок, руки его вытянулись и огрубели, покрываясь ужасными наростами и язвами. Он дергал за шнуровку, грозя другой рукой порвать крепкую плотную ткань штанины. Из глаз Тайполя струился, медленно опускаясь, бледный желтый туман. Лицо его изуродовала страдальческая маска, будто вырезанная из мокрого дерева, которая набухла и выделяла грязную влагу при надавливании. Внезапно маска пропала, оставив его совершенно безликим.

— Отпусти! Это не похоже на тебя! — извернувшись, Лада попыталась заехать ему ногой в лицо. — Да что с тобой?! Отвали!

Что-то утробно мыча, Поль на глазах превращался в дряхлого старика, как вдруг зарычал, вцепившись зубами в носок второго ботинка Ладани. Руками же он схватился чуть выше и жадно потянул свою жертву вниз.

Звук затрепавшей ткани комбинезона окончательно прервал ее сон.

Почувствовав холод и лучи солнца в утренней мгле, пробивающиеся сквозь слипшиеся веки и ресницы, Ладани щелкнула замками страховочного ремня и отстегнула себя от ветки дерева, на котором ночевала в импровизированном гамаке. Не открывая глаз, она схватилась за ветку повыше, и резко подтянулась, пытаясь вырваться из объятий ночного кошмара, наяву принявшего реальный облик чудовища с ухватистыми лапами.

Опять затрещала ткань комбинезона. От усилий сломалась ветка. Дрыгаясь и сопротивляясь, Ладани сорвалась. Она полетела вниз, но при этом ей удалось избавиться от лишнего груза, висевшего мешком на ногах. Сделав кувырок и раскинув руки, Ладани приземлилась на подстилку из хвои и прелой листвы с пробивающимися к солнцу побегами зелени.

Рядом что-то шмякнулось, переломав ветви.

Со вздохом Ладани поднялась, потерла глаза, зевнула и оглянулась.

Один из ранее встреченных чудовищ в получеловеческом облике болтался примерно в метре от земли, вяло размахивая руками. Ноги его периодически вздрагивали, будто он порывался куда-то уйти, а тело содрогалось в болезненных конвульсиях. В районе поясницы торчал толстый обломанный сук, по нему стекала густая темная жидкость, оскверняя лес.

— Похоже, я говорила во сне. А может, кричала... раз ты нашел.

Ладани с грустью взглянула на помятую штанину, испачканную чем-то мерзким и липким, и опустила взгляд на обмусоленный зловонной слюной ботинок, после чего посмотрела на уродца, у которого из пасти свисал оторванный шнурок как макаронина.

— Такой сон мне испортил, гад! Тебя нужно убить, ведь не оставишь в покое. Мэ-мэ, что мычишь? Так и будешь ползти следом. Ни к чему мне лишние заботы.

Напавший на нее уродец зарычал.

— Не беси меня, — прошептал зло, Ладани сильно пнула его в морду.

Приблизившись на расстояние вытянутой руки, Лада присела, решив изучить это существо. Она поднесла руку к покрытому язвами лицу и ткнула пальцем в кожаной перчатке с титановыми вставками ему в лоб. Череп его мягок как панцирь полинявшего рака. Запыхтев, урод жадно потянулся к ней и, роняя на землю слюни, утробно зарычал. Сухо клацнули его челюсти.

Что-то пришло Ладани в голову и, расправив плеть конвоира, она накинула петлю на шею кошмарному созданию. Поднатужилась, чтобы развернуть уродца горизонтально. Чудище задергалось сильнее, вращаясь на крючке. Затем Лада привязала его голову к ветке дерева, чтобы тот зря не крутился.

Потратив немного времени, Ладани притащила увесистую дубину, перехватила ее и подняла для размаха. Для своей затеи ей не пришлось прилагать больших усилий: череп незнакомца не отличался особой прочностью.

Дорога заняла много времени. Хоть большую часть поездки Поль и проспал, но за минувшие часы он успел устать, замерзнуть и проголодаться. Хотелось ему и нужду справить. Сильно досаждала тряска и холод.

Машины шли на пределе, перегреваясь и выбрасывая клубы пара с желчными брызгами охлаждающей жидкости.

Последние часы колонна машин преодолевала снежные подъемы и завалы. Крупными хлопьями шел снег, нагоняемый ледяными ветрами. На одном из поворотов повстанцы потеряли бронетранспортер устаревшей модели, на корпусе которого было несколько грубо латаных пробоин. Он сошел с накатанной колеи, попав на черный лед, но, вращая колесами, попытался зацепиться за промерзлый до гранитной твердости грунт, пока не сорвался в ущелье. Многотонную машину потянуло боком, перевернуло и, вращаясь в полете, она скрылась за снежной стеной.

Поль потер зудевший шрам на лице и с усилием открыл глаза. Головная боль постепенно спадала. Ныли оковеневшие пальцы, переохладившись за время вынужденного сна у железной стены. Камеру раскачивало. Когда он разминал затекшую шею и руки, послышались чьи-то далекие крики полные ужаса. Показалось ему, что это кричат перепуганные души, которые поглощает водоворот, вызванный ударом хвоста огромной рыбыны.

Мышцы Поля затекли и болели. Холодно. Он осмотрелся, поднявшись с помощью рук и упершись ими в стену с разводами морозного инея. Находился Тайполь в стальной камере транспортера со стенами покрытыми пятнами ржавчины и инеем, пол был до того грязным, что он подумал будто кто-то специально накидал сюда земли и сухой растительности, а ведь такая подстилка могла спасти организм от обморожений. Окон и дверей здесь нет. В центре потолка горела единственная лампочка, окрашивая все вокруг слабым бледно-синим цветом. В этом убогом помещении находилось семнадцать человек, среди них только трое из поселка, но Поля они не узнали или не захотели узнать. Чтобы хоть как-то согреться люди прижимались друг к другу.

Камеру пошатывало и периодически встряхивало, слышался монотонный гул силовых агрегатов и скрип торсионных пружин.

Внимательно рассматривая пленников, Тайполь не желал встречаться с ними взглядом. К чему лишние проблемы? В углу он заметил тело скрюченного человека в неестественной позе, теплой одежды нет, вернее сказать, на человеке осталось лишь нижнее белье. Поль подошел осмотреть бедолагу и наклонился проверить пульс. Поздно, уже не помочь. Человек мертв и почти оковенел, покрывшись тонкой коркой льда на белье и невымытых волосах. Трудно сказать точно, от чего тот умер, но одежду кто-то успел забрать.

Отвлеченно размышляя, Поль вернулся и вжался в толпу, полусидевшую полулежавшую плотным кругом. Он пробовал согреться и при этом никого не потревожить.

— Может, знает кто, сколько мы уже в пути? Или, хотя бы, куда нас везут? — Поль дышал в ладони, интенсивно растирая побелевшие пальцы.

— Слышь, скворец, отвали!

Толпа проигнорировала вопрос Поля, занятая своими разборками и, судя по бормотанию, разборки эти затухали, чтобы разгореться вновь от малейшего повода.

— Я тебе не «слышь»! Еще раз протянешь руку к моему карману, и протянешь ноги! — пробасил кто-то в ответ. — Тебе мало вещей с трупа?

— Чего-чего?! А ну не хватай меня за клешню, бородач!

— Тогда сам не нарывайся. Не лезь в чужие карманы.

— Забыл спросить у пролетария, что мне делать и как жить, — раздался язвительный смех. — Твоя судьба — плуг тащить да помалкивать в тряпочку.

— Сам напросился!

— Ой-ой, остынь, не то расплачусь.

— Думаешь, мне лень подняться и заехать тебе по хлебалу? Народ все видел.

В толпе одобрительно загудели, зашевелились. Волнения и брань разбудили остальных. Раздался громкий шлепок, что-то грузно упало. До слуха донеслась ругань и опять-таки шлепки с глухими ударами.

Шум усилился, будто все дожидались случая выплеснуть злобу, скрывая свою беспомощность, отчаяние и ужас под маской ненависти вперемешку с жестокостью.

Поль порадовался, что холод все-таки отступил. Тело его прогрелось и заработало в прежнем режиме, а голова стала яснее мыслить. К нему вернулось относительное спокойствие на основании внутренней уверенности, что крепла с каждой минутой. Понаблюдав еще за двумя драками, с толканиями и борьбой, он осуждающе прикрыл глаза, прокручивая в памяти события последних дней, кадр за кадром. Тайполь много думал о Ладани и их последнем вечере.

Противно взвизгнув покрывками, машины остановились, опрокидывая тех, кто еще стоял на ногах или пытался встать. Залязгали замки. Только сейчас стало заметно, что в камере все же есть дверь, которая приоткрылась и съехала в сторону. Яркий свет ослепил пленников за время поездки привыкших к устоявшемуся полумраку. Будучи лишены элементарных удобств они зароптали. К пленникам, бахвалясь и потрясая плетью, втиснулся конвоир с фонариком на плече. Мощный луч поочередно высветил всех пленников.

— Значит так, животные! Цена вашей жизни не превышает стоимости карманного огнива. Слушайте внимательно. Говорю один раз. Все приказы выполнять как можно быстрее. Не создавать проблемы себе и другим рабам. Говорить только когда к вам, стадо, обращаются. На шеях у вас закреплен хитроумный ограничитель, там есть несколько тончайших лезвий. Если отойдете дальше, чем положено протоколом, отрежет голову. На раз как жестянку вскрыет, — конвоир демонически захохотал и харкнул в сторону. — А сейчас организованным строем идете в стойло и жрете. Поедать все, что дают! Позже вас рассортируем. Кого в работяги, а кого отдадим ученым, — конвоир шумно высморкался. — Особо отличившиеся попадают на Арену. Кто сдохнет, тот пойдет на корм. Не советую раздражать.

Пленники напугано загалдели. Шум возобновился, но два удара плетью установили относительную тишину и покорность.

Построившись на выход, пленники покинули попарно железное нутро боевой машины. За пределами камеры их взглядам предстали своды техногенного царства ангаров и цехов. Полноценный ремонт здесь никто и никогда не проводил, продолжая пользоваться допотопными постройками и военной техникой.

Повстанцев встречали и досматривали вооруженные патрули, пока водители загоняли

технику в прономерованные боксы. У погрузочных перронов сновали еще люди в серых комбинезонах, ожидая грузовые лифты.

База оживала. Отсортированных пленников расталкивали по тесным норам крикливые повстанцы с белыми повязками на руках. Каждая такая нора по три метра в диаметре и сообщалась с сетью коридоров и технических рукавов.

По наклонным стенам подземных перекрестков разрослась вьющаяся зелень и порожденная сыростью плесень. С потолков свисали как обрывки силовых кабелей, так и заросли пожелтевших лиан. По этим лианам сновали крысы. Сеть однообразных лабиринтов давила на подсознание. Местами воздух был настолько промозглым и влажным, что пробивало ознобом. А кое-где становилось совсем душно. Порой перед глазами витала мелкая сухая пыль, и легкие содрогались в приступе изнуряющего кашля. Случались и такие пронизывающие сквозняки у лестниц между ярусами, что казалось, будто кто-то злобно пронзает твоё тело ледяными пиками.

Поначалу этот военный комплекс поражал воображение своей масштабностью: он занимал почти весь горный склон и часть самой горы, и лишь потом в глаза бросалось царившие повсюду запустение и разруха. Сдавалось, что все, что тебя окружает, — это лишь цельнометаллический остов железного динозавра, давным-давно прекратившего свое убогое существование; и теперь на его могучих останках возникла новая жизнь множества колоний, сплетенных из организмов, ковырявшихся внутри ржавчины в поисках поживы.

Разветвленная сеть коммуникаций пронзала все насквозь и разбегалась по сторонам, теряясь за поворотами и в технических шахтах. С помощью внушительных грузовых лифтов можно попасть на плато у подножья горы, где разбросаны посадочные полосы с сигнальными огнями для винтокрылов. Там же и стояночные дебаркадеры с вышками для дирижаблей. Вот только все это работало из рук вон плохо и держалось на старых автоматизированных системах, автономных механизмах, воле случая да на ремонтной ленте пьяных техников, приходя в окончательную негодность, поглощаясь грунтом и скудной растительностью. Складывалось ощущение бесконечного кошмара и упадка.

Шагая к месту пребывания пленных, Тайполь рассматривал все вокруг, стремясь запомнить каждую мелочь. Он готовился бежать. Лагерь повстанцев укреплен основательно, но обнаружилось много забытых и брошенных секторов, коммуникационных узлов и сетей, как под землей, так и на поверхности. Довольно много перекрытых воздушных шахт, туннелей, технических помещений и коридоров были брошены или завалены мусором, провалами грунта, либо затоплены водой. Повсюду царила антисанитария и разруха. Не соблюдалось никакой дисциплины. По этажам шарахались нетрезвые повстанцы и периодически ходили вооруженные патрули. Без сомнений, Поль угодил в логово бандитов, в самое сердце Повстанческой Освободительной Армии. И уже жалел об этом.

«Стойло» не удивило, а скорее разочаровало своей предсказуемостью. Амбар — иного сравнения в голову не приходило, где выставлены кормушки для скота, покрытые коркой грязи и остатками еды. Постояльцы барака только начинали прием пищи, выхватывая друг у друга лучшие куски. В кормушки высыпались распухшие корнеплоды лилового цвета. Полю так и не удалось понять, что это за плоды.

Кругом слышалось громкое чавканье и возня. Кто-то даже порывивал для остратки. Надломленные морально и физически, лишённые всякой веры люди довольно быстро нисходили до состояния зверя, и на этой новой основе построили себе некое подобие общества, или даже не подобие, а пародию — да, именно пародию — не лишённую доли

юмора. Рядом с корытом стояла двухсотлитровая бочка застоявшейся воды с дурным цветом и тошнотворным запахом. На бочке кто-то размашисто написал белой краской: «Питевая (цензура)», чем опроверг прочие предположения о ее предназначении. Может, когда-то вода и была питьевой, но на данный момент крупный рыжий детина в грязной рубахе без рукавов мыл в ней ноги с кривыми загнутыми ногтями.

Только что пригнанных рабов досматривали «местные», при этом настойчиво обнюхивая, и выборочно срывали с них одежду. Все это напрягало, как и то, что мужчин и женщин пока держали вместе. Детей здесь Тайполь не заметил. Таких амбаров оказалось больше десятка, их разделяли коридоры с высокими потолками. Вверху виднелись трубы вентиляции, но плотный воздух с тяжелым запахом, который трудно себе представить, был неподвижен как кисель. Хоть ложкой ешь. Зловоние удушало! Наверное, это одна из причин, почему охранники ходили в фильтрующих полумасках.

Увлеченный собственными мыслями, Поль не сразу заметил подошедшего. Мужик с рыжими патлами нетерпеливо подергал Тайполя за рукав черной рубашки.

— Скидай рубаху, быстрее! И портки давай!

— Зачем? — искренне удивился Тайполь и с неохотой повернулся.

— Добром давай, не хочеца мне таки рукава безобразить. Теперь эта мое.

На Тайполе все еще оставались ботинки со шнуровкой и ремнями по бокам, а из экипировки охотника мешковатые темно-серые штаны с наколенниками и вставками из прочного пластика. Подтяжки с карманами и карабинами болтались скинутые с плеч. На голое тело Поль накинул, еще когда убегал из дома, просторную рубашку из темной толстой ткани с вставками теплого меха.

Навязавшийся детина позировал в драной засаленной рубахе заправленной отчасти в штаны, запачканные чем-то коричневым. Босоногий, перемазанный с ног до головы остатками еды. Исходивший от него запах вполне соответствовал его виду. Глазки мужика горели ненавистью из-под копны рыжих, давно немытых волос.

— В другом углу тебе повезет больше. Не трать мое время и проваливай, — Поль отстранился, сделав пару шагов назад, и вынул руки из карманов.

Оскорбленный подобным отношением к своей персоне рыжий громила усиленно засопел, шагнул вперед и сильно размахнулся, после чего в сторону лица Тайполя как кирпич полетел кулак. Возможно, удар был весьма силен и опасен, но не достиг намеченной цели. Дважды промазав кулаком и один раз прямым ударом ноги, мужик разъярился не на шутку и решил превратить поединок в вольную борьбу с грубым катанием по земле. Вытянув толстые руки, он яростно прыгнул на Тайполя в попытке дотянуться своими ручищами до горла.

Зрачки верзилы бешено вращались, он сопел, кряхтел, но, так и не достигнув цели, лишь вспотел и весь извалялся в зловонной жиже, что натекла под ногами. Какая досадная неожиданность. Поль же продолжал пребывать в вертикальном положении, и если и запачкался, то только подошвами тактических ботинок, которые ему подарил отец на день рождения.

Тайполь не имел привычки в разговорах что-либо выпрашивать у других, однако ему нравилось, когда собеседник сам желал открыться или поделиться секретом. Поль подозревал, что его отец по профессии военный, но никогда не спрашивал об этом прямо, ни его, ни маму. Большую часть времени на «охоте» с отцом Тайполь проводил в жестких тренировках разума и тела, в условиях близких к боевым. В поселке незачем кому-то знать

подробности этих невинных увлечений. Фрэнк фанатично одержим боевой подготовкой сына: он будто собирал его по крупинкам, исходя из собственного опыта и предпочтений, словно готовя к чему-то. Для него это важно. Диверсии, марш-броски по пересеченной местности, стрельба навскидку, боевые рукопашные искусства и отточенные до предела навыки ближнего боя. Еще эти кибернетические штуковины в теле, по вине которых Поль в детстве основательно подсел на обезболивающие ампулы, пока организм не успокоился и не стал единым целым.

Маленький учебный лагерь охотников располагался около мистического озера, вечно скрытого за непроглядным туманом в пропасти огромной расщелины, где в свое время бурильщики добывали какие-то полезные ископаемые. Поль только однажды видел военную форму отца. На ней красовался эполет капитана и шеврон с бледным полумесяцем, который разрубал на две неравные части двуручный меч. Фрэнк говорил, что сжег это тактическое облачение, якобы даже не принадлежавшее ему.

Мысли, накотившие каруселью образов, хоть и на секунду, но все же отвлекли Тайполя, но внезапно зацепивший его по касательной кулак явственно напомнил о незаконченной драке. Местный забияка не собирался оставлять его в покое.

Выждав момент, Тайполь остановил атаки противника ударом в кадык такой силы, что от боли громила свалился на землю и заскулил. Без колебаний Поль наклонился и нанес еще несколько ударов ему в живот, после добавил еще и в голову. Поверженный враг гортанно захрипел и жадно втянул ртом воздух, руками стремясь защитить то живот, то лицо. В углу рта сочилась алая струйка крови. Нос рыжего отчетливо хрустнул под стремительно опустившимся ботинком. Отползая и елозя ногами, мужик мычал сквозь руки.

Раздался тонкий звук свистка. По прутьям и ограждению амбара постучали куском железной трубы.

— Стоять! Ты зачем испортил это мясо? Какого... какого я спрашиваю?! Кого мне, по-твоему, вести на Арену? Весь аванс прос... спустил, короче. Вот засада! — охранник поправил полумаску на лице и изобразил задумчивость, мысленно проворачивая возможные идеи и решения. — Вот ты и пойдешь вместо него.

Тайполь потер образовавшийся синяк на лице и отступил, понимая, что бежать ему все равно некуда.

Открыв со скрипом ворота, охранник схватил палку, увенчанную ржавым крюком и, зацепив Тайполя за кольцо на ошейнике, бесцеремонно потащил того на выход, чтобы отвести куда-то через лабиринты базы.

Каждый встреченный Тайполем повстанец считал своим священным долгом врезать проходящему мимо пленнику ногой или палкой, либо для вида отпустить ему увесистую оплеуху. Полю приходилось помнить и об оружии, нацеленном в его голову, и об ошейнике, способном оторвать эту самую голову. Знать бы точно, как снять этот ограничитель.

Вначале Тайполь изворачивался, всячески отбиваясь от обидчиков, но строптивые замашки только приводили в бешенство охранников, которые сообща тут же накидывались на него по двое, а то и по трое. Так что пропустить лишний пинок оказывалось куда проще и безопаснее, оставалось ловчиться, чтобы ничего не отбили. Навряд ли кто-то стал бы его лечить. В лучшем случае пристрелят.

С первыми лучами солнца, опоздавшего к намеченному сроку по вине надвигающихся дождевых туч, Ладани вышла к горной магистрали. Она пробежалась пальцами по набедренным карманам и вынула коробочку цифрового компаса с часами. Сверила направление.

Дорога пуста и, несмотря на приличный возраст, прекрасно сохранилась. Немногие государства в периоды политической нестабильности могли бы похвастаться подобными сроками существования. Техники на горизонте не наблюдалось. Тем не менее, тут обнаружили свежие следы протекторов шин.

Потоптавшись в нерешительности, Лада присела на корточки у дорожного указателя «316 Метеопост». Стрелка указывала направление и расстояние, но Лада держала путь в противоположную сторону.

Ничто не мешало взять пятиминутный перерыв. Ладани откинула капюшон, сняла респиратор, фильтровавший тяжелый туман в низине, которую путешественница преодолела минут двадцать назад, и вытащила тюбик питательной армейской пасты, валявшийся в одном из многочисленных кармашков на разгрузке. Съела она и дорожный завтрак из сублимированной еды. Подождав несколько минут, пока пища уляжется, Лада проглотила две витаминные пилюли и запила все это тонизирующим напитком. Мысленно поблагодарив поставщика этих продуктов нелестным и не совсем цензурным отзывом за возможную изжогу, она продолжила путь.

На ходу Ладани сменила фильтры в респираторе и повесила его на шею, подняв ворот плаща. Капюшон можно было так и оставить откинутым назад, погода способствовала прогулке. Пока что Ладе доставляло удовольствие, как ветер дует в лицо, ласково играя волосами. Свежо и прохладно. Разгоняя ползучий туман, ветерок приносил разные запахи с гор, иногда совершенно чудесные и волшебные. Солнце показалось на горизонте, скользнув лучами по ее лицу. Свет его мягок, но все равно заставлял Ладу щурить глаза. Шагалось легко. Она позволила себе немного расслабиться и улыбнулась, поправляя лямки рюкзака.

По небу низко плыли облака, подкрашенные с одной стороны легким апельсиновым цветом.

Пройдя около двух километров, Ладани замерла, до ее слуха долетел нарастающий шум — однотипный ритм работающего как часы исполинского механизма. Она обернулась, от чего небрежно разметались ее волосы, но продолжила шаг.

Шум усилился. Что-то приближалось по магистрали. Спустя минуту, Ладани нагнал грузовой тягач с зелеными полосками междугороднего рейса на борту. Машина проехала дальше и медленно остановилась, приняв к обочине. Водитель моргнул стоп-сигналами и просигналил. Эхо от сигнала разнеслось над дорогой. Сознательно подавив в себе порыв гордости, Лада с натянутой улыбкой пробежалась до дверцы, открывшейся со стороны водителя.

— Как утренняя прогулка, красавица? — в огромном сиденье водителя грузовика расплылся полный человек с тонким надрывистым голоском. — Далеко собралась-то? Тут зверья голодного полно. Не страшно одной?

Пальцы, толстые как сардельки, небрежно висели на рулевом колесе. Толстяк постукивал ими в такт каким-то унылым мотивам, доносившимся из кабины грузовика.

При виде его Ладани едва не взорвалась от возмущения.

— Здравствуйте! — нарочито громко и наигранно пискнула она. — Замечательная прогулка, а каков воздух! До подножья Ха-Шин довезете?

— Это гора что ли? Нам не очень-то по пути, — буркнул водитель, явно набивая себе цену. — В тех краях старая военная база. Еще и зловредные мародеры попадаются.

— Разве такой сильный мужчина бросит хрупкую девушку в беде? — Ладани одарила толстяка самой лучезарной из своих улыбок и изобразила саму невинность, как бы ей не было противно. Хотя внутренне закипала от злости, готовая в любую секунду уничтожить преграду на пути. — Пожалуйста.

— Там еще повстанцы, — буркнул толстяк.

— Я ведь прошу.

— Ну, садись, так и быть, помогу, — глаза водителя лукаво сверкнули, он деловито запыхтел, открывая вторую дверцу кабины.

Первым залетел рюкзак, следом Ладани ловко взобралась по ступенькам, точно вспорхнула, и плюхнулась на сиденье, поставив рюкзак между собой и толстяком.

Несколько раз дернувшись, тягач тронулся, постепенно набирая крейсерскую скорость.

Сложно было сохранять спокойствие: дорога утомляла и выматывала, сильно укачивало в сиденьях, наполненных густой жидкостью. В закупоренном пространстве кабины душно. Стоял запах пота и табака, а из динамиков доносились унылые однотипные ритмы, их часто сменяло и прерывало то шипение, то треск. «Скукота! Неимоверная скукота!» — подумала Ладани и сильнее закуталась в плотный плащ, поджала ноги под себя и накинула капюшон, полностью скрыв лицо.

Между Ладой и водителем валялся рюкзак, разгрузочный жилет и еще какой-то тряпичный сверток, но она даже через прорезиненный плащ чувствовала на себе взгляды толстяка. Казалось ей, что каждый раз, когда он бросал в ее сторону взгляд, то украдкой еще и облизывался в нетерпении.

За время поездки водитель взмок и тяжело с присвистом дышал, ворочаясь на сиденье. И это ужасно раздражало Ладани. Почти бесило.

— Слушай, э-э-э, как тебя там... может, начнешь все же отрабатывать? — толстяк похотливо захрипел, сбросил скорость грузовика и протянул влажную от пота жирную руку к коленке Ладани. — Сюда иди...

Хлопнув ресницами, глаза Ладани округлились и тут же зло сузились, так и посыплются сейчас ледяные иглы. Она с ненавистью сжала кулаки. Кастет-усилитель загудел, развивая мощность. От наглости этого толстяка щеки Лады вспыхнули румянцем.

— Ах ты, мелкий жирный гном! — зло выпалила Ладани и с легкостью пушинки запрыгнула с ногами на сиденье, поворачиваясь в сторону обидчика, словно юла на взводе. Полы ее плаща легли цветком. — Слизняк паскудный!

Кабина тягача просторна для маневра. Ухватившись за поручень воздушного люка, Лада подтянулась и тут же распрямилась, качнувшись, как жесткая пружина после сжатия, дабы врезать обеими ногами водителю в лицо. Толстяк схватился за расквашенный нос и пронзительно заверещал. Не давая возможности опомниться, Ладани подскочила и зарядила ему для начала прицельно в глаз кастетом, а затем добавила в подбородок с апперкота, прилично поставленного еще Фрэнком. Четыре складки жира не смогли спасти от точного

удара, челюсть толстяка хрустнула, и он сполз, превратившись в бесформенную желеобразную кучу.

На время тягач потерял управление и вылетел с дороги, сломав на пути несколько елей с тонкими стволами. Попав ведущими колесами на заболоченный участок у небольшого озера, больше похожего на широкую лужу, грузовик увяз в болотной илистой жиже, остановился да заглох.

Совсем рядом раздавались птичьи напевы.

— Подонок. Это будет тебе уроком.

Наскоро собравшись, Ладани покинула тягач, но перед этим все же провела поверхностную ревизию.

Пройти десяток-другой метров до дороги Ладе оказалось непросто: ноги проваливались в вязкую трясику. Правда, высокая шнуровка кое-как спасала ноги от болотной жижи. Выбравшись на бугристый и потрескавшийся асфальт, Ладани попрыгала на месте, сбивая с обуви налипшую грязь.

— Даже единственный патрон не пришлось тратить.

Впереди виднелись очертания горы. Еще немного осталось до базы повстанцев. Путь становился опаснее, но Ладани надеялась вновь разжиться транспортом.

Общество бунтарей основывалось на развязности, силе алкоголя и денег, чтобы там ни несли языки их лидеров.

Местом для побоищ местного Колизея оказалось громадное помещение полукруглой формы, частично выдолбленное в скальных породах и имевшее высокий освещенный потолок. По всей площади цеха был разбросан всяческий хлам, горы слежавшегося мусора, остовы ржавой техники, некогда герметичные емкости и резервуары разного размера и всевозможной формы. Ящики поменьше, ящики покрупнее, железные и деревянные контейнеры, железобетонные конструкции, проржавевшие секции разнообразной формы, громадные трубы с рваными дырами — все это валялось, возвышалось и громоздилось. Во всем этом угадывался таинственный порядок, словно кто-то специально раскидал все это по одному ему понятному чертежу.

В двадцати метрах от земли начинались ряды балконов и ниш из металлических балок и сколоченных деревянных панелей. Судя по всему, когда-то здесь был рабочий цех или огромный склад с конвейерами, или еще что-то в том же духе. Над головой Поля до сих пор виднелись подвесные краны, болтался всевозможный старый такелаж, мерно раскачивались обрывки проводов, торчали трубы разных диаметров. А под землей располагались шахты, чем-то отдаленно напоминавшие ракетные.

Из широких пустых глазниц окон служебных помещений торчали редкие головы скучающих повстанцев. Толпа начинала собираться, заполняя балконы и ниши. Многие из повстанцев пьяны и настроены весьма агрессивно. Полю пропустил мимо ушей несколько обидных замечаний и плоских шуток в свой адрес.

Сиплые крики и бранная ругань раздавались то с одной стороны, то с другой. Там же вспыхивали потасовки и вялые непродолжительные драки повстанцев, которых разгоняли патрули, воодушевленно махая прикладами винтовок и изредка прибегая к помощи плетей. Немногим же они отличались от пленных, тешась мнимой иллюзией свободы и дармовой выпивкой.

С интересом осматриваясь, Тайполь прогуливался среди мусора по лабиринтам, площадкам и круглым аренам. Он предположил, что здесь происходят сражения, чувствовался запах крови. Ее можно было увидеть под ногами среди мусора и песка. На стенах хорошо различимы темные пятна, которые не соизволили затереть. Свет прожекторов с потолка рассеивался медленно вращающимися световыми фильтрами, создавая особую обстановку и меняя оттенки декораций предсмертной сцены. Элементы кровавого лабиринта отбрасывали длинные изломанные тени. Они двигались, изгибаясь и преломляясь под немислимыми углами, будто в агонии.

Возникло чувство, что рядом кто-то есть и, оглянувшись, Тайполь решил вернуться в исходную точку. За ним следят, изучают и прощупывают, прячась в темных углах и прорехах мусорных куч. Может, у него развивается паранойя? Тайполь внутренне рассмеялся, напрягшись всем телом. Его тщательно сканируют и исчезают, успевая не показаться на глаза.

Хлеб насущный и зрелищность всегда имели высокую цену, люди продолжают

упиваться кровью и страданием других. Тот, кто увидит смерть подобного себе существа, изменится навсегда, и, вернее всего, в худшую сторону.

Балконы оживились, вмещая в себя все больше народа. Включилось дополнительное освещение. Теперь можно было передвигаться увереннее, не боясь свалиться в ракетную шахту или просто в дыру, на дне которой связки острой арматуры ждут новую жертву.

Справа от входа в комнаты гладиаторов поднялась старая задвижка. Издав под конец ужасный скрежет, она замерла. Задвижка перекрывала собой широкую трубу, где появился силуэт. Это заставило Тайполя заволноваться. Он даже не заметил, как его тело заняло оборонительную стойку. Из трубы вышел человек в потертой броне с узорами, небрежно нанесенными краской. Отдельные листы и пластины брони помяты или имели следы других повреждений. С правой руки штурмовика свисала красноватая лента с тонкой золотой полоской.

— Подойди ко мне, раб, — гладиатор обладал негромким, но угнетающим голосом. — Смелее.

Особо не раздумывая, Поль направился к ветерану, державшему в руках метровый сверток, что и привлекло внимание Тайполя. На вид мужчине было хорошо за сорок, и глаза его не выражали былой тяги к жизни, его уже нечем было удивить или заинтересовать. Но и страха в этих глазах не наблюдалось, видимо за столь долгий срок Арена выпила весь, не сохранив ни капли.

— Вот, возьми мой огнеклин.

Старый гладиатор протянул вперед меч с изогнутым клинком с двумя режущими гранями, словно некто соединил клык саблезубого тигра с грубым эфесом в пылу безумных фантазий. Вдоль лезвия тянулись канавки с едва различимым свечением. Рукоять обвита гардой в форме ромбовидной сетки с когтями.

Несколько замешкавшись, Поль все же принял оружие из рук ветерана и, в знак благодарности, коротко кивнул. Впервые он видел такую конструкцию лезвия и эфеса, даже не удивительную, а пугающую своей какой-то неправильностью, больной вычурностью. Гарда с полосой увитой пилообразными зубцами бросалась в глаза, а рукоять клинка тяжеловата и тихо вибрировала в руках. Пальцами Поль сжал рукоять, от чего лезвие меча раскалилось, пыхнув жаром. Подбросив и покрутив оружие в руках, затем сделав несколько выпадов, он остался доволен новой игрушкой, идеально лежавшей в руке, словно ее продолжение.

Тайполь приспособился к весу оружия и встроенным возможностям. В руки ему попал термоклинок, способный за секунды раскалить лезвие до температур доменных печей, в виду чего плавить пластины из металлов и композитных материалов, пробивая их насквозь.

— Будешь сражаться в технической грязи на радость этим пустышкам, которым неведом мир гладиаторов. Скрыта от них истина и глас крови. Им не понять цену вечной жизни и радость сиюминутной смерти. Возможно, ты станешь одним из нас. А может, я потратил время зря, говоря с тобой. Во всяком случае, я должен отдать тебе этот клинок безвозмездно. Ты не особенный, нет. Ты просто подвернулся. Так пал жребий, а Бог Машин одобрил. Хочешь ты того или нет, но тебя будут убивать ежедневно, свыкнись с этой мыслью. Прими смерть или отсрочи ее, убивая других. Сколько боев, какие противники — не тебе решать. Отбрось все лишние мысли! Либо ты, либо тебя, прочее перестанет быть важным, отпадет как шелуха. Услышь голос крови древних, вспомни, как под набат ратных барабанов они рвались на войну без страха и сожаления. Почувствуй жизненную силу врага и заberi ее.

Одним ударом забери! Тогда ты станешь Бессмертным...

Гладиатор рубанул ребром ладони воздух по диагонали сверху вниз. Глаза его сверкали энергией и демонической желтизной. Он снова жаждал битв, был молод и полон сил.

Тайполь слушал внимательно, слегка приоткрыв рот. Ветеран поразил его сказанной речью. Будто бы действительно передал ему часть неразглашаемых знаний, разбудил в нем что-то глубоко дремлющее, а теперь проснувшееся и расправлявшее свои огромные крылья, в стремлении испытать собственные силы и крепкую хватку когтей, ястребом падая на беспечную жертву.

— Вот, еще эту безделушку возьми. Это коммуникатор. Сделан из высококачественного сверхпрочного материала, выдержит не прямое попадание пули, — и взгляд гладиатора потускнел. Он осунулся в плечах. — На этот прибор будет поступать информация перед боем.

Причисленный к молодым гладиаторам Тайполь закрепил приборчик на руке, повесил ножны за спину и попробовал задать вопрос, терзавший его:

— Спасибо. Мне бы еще поесть...

— Так бери и ешь, тут полно крыс!

Ветеран отвернулся и зашагал в темноту трубы. Задвижка с грохотом опустилась, подняв облако пыли, звук гулко отразился от стен и потолка, после чего уже сквозь кашель донесся его скрипучий каркающий смех.

Среди мусора нашлись вполне приличные остатки защитного обмундирования с урбанистическим камуфляжем. Из них Тайполь наделал себе полосок, которыми обмотал колени и руки от кисти до локтя, на случай ранения, а так же подвязал на шею плотный платок, закрыв им лицо до глаз (хоть какая-то защита от пыли!). В мусоре ему попались старые очки резчика металлов с бесцветными прозрачными стеклами. Ну вот, средства индивидуальной защиты в наличии, можно приступать, не боясь надыхаться пылью или поймать в глаз стружку и прочий мелкий мусор. Поль пребывал в полной готовности сразиться за свою жизнь и не по своей воле испытать себя на прочность.

Загорелись тусклые лампочки на панели коммуникатора, известив абонента о поступлении информации. Луч от прибора ударил в землю и набросал голограмму. Перед Полем стояла женщина в строгом черном платье с пышной юбкой, кажется, такие носили тысячу лет назад. Черты ее лица были красивы, но неестественны как у куклы.

— Этот бой ваш первый самый. Да? Для начала мы бы попробовать вас на вкус хотели. Вашим противником станет раб под номером «17-63-82-A7-A2». Всего лотерея, но смог лишить он своего оппонента жизни, благодаря слепой равнодушной удаче. Еще ни разу мы не оценили его усердия, ни разу. Он жалок, как собственно вы. Ввиду отсутствия достижений с вашей стороны, будем обращаться по идентификатору, присвоенному в центре сортировки. Большого недостойны. Мы не изменим решения, пока не надоеет или пока вы не изумите нас своим вкусом и влечением, — голограмма произносила слова приятным механическим голосом. — Деритесь за жизнь.

Ткнув пальцем в глаз голограммы, чтобы убедиться в правоте своих догадок Поль кашлянул, прикрывая рукой невольную усмешку. По телу голограммы пошли волнения, как по поверхности воды, если кинуть камень. Коммуникатор, пискнув, отключился, и женщина исчезла. На мониторчике стартовал отчет времени. Поль зашагал к противоположной стене, только сейчас осознав, что если сгладить углы, то помещение будет состоять из полуколец, разбитых на сегменты, и располагаются они несимметрично друг другу. Земля под ногами

Тайполя пошатнулась. Что-то заскрежетало там. В глубине послышался глухой металлический стук, будто бы вращались огромные шестерни. Стук усилился, как и дрожь под ногами. Стена залязгала и отъехала с периодическими рывками, ввиду испорченного, но продолжавшего кое-как работать механизма.

Колизей оказался подобием сферического амфитеатра с ломаными линиями периметра, за партерами которого расположились зрители. Гладиаторы должны были сражаться на подвижной платформе, но сейчас их разделяла высокая стена.

Вслед за ареной все вокруг пришло в движение.

В последние полчаса зрителей стало больше, общее число их трудно было предположить и посчитать. Как только главарям ПОА удастся прокормить и напоить всю эту ораву отморозков! «Мир гинет, а рать кормится», — выплыло в сознании Тайполя. Галдящие без умолка повстанцы заполняли балконы, ниши, окна, балки, даже выступы скал и металлических конструкций, рискуя свалиться вниз.

Земля опять задрожала, и платформа поползла вверх, сокращая расстояние до зрителей. Одновременно с движением платформы вверх, из стен появились ребристые лепестки из прозрачного материала с блестящими вставками. Лепестки сомкнулись вокруг опустившейся на них сферы метров тридцати в диаметре с толстым гофрированным рукавом, уходящим в темноту. До прозрачной сферы не больше десяти метров. Для комфорта в ней находилась обустроенная смотровая площадка, откуда неплохо наблюдать за гладиаторами. На площадке внутри спустившегося шара стояли разрозненными группами люди, скорее всего это элита повстанцев. Там, внутри шара, возвышались четыре кресла оператора. Им постарались предать формы тронов с гербами за спинками кресел. Над каждым возвышался флаг с замысловатым изображением символики рода войск.

Поль разглядывал конструкции механизмов, поражаясь работе неизвестных ему инженеров и масштабности самого проекта. Ему было бы любопытно взглянуть на все это в день открытия комплекса.

Истекали последние секунды напряженного спокойствия. Тайполь прикрыл глаза и склонил в ожидании голову. Предстояла новая охота. Человек почти всегда лжет, и лишь перед самой смертью способен на правду. Правда живет в каждом из нас, как и все цвета радуги живут в черном цвете. Необходимо всего лишь научиться их искать.

— Искать там, где этого нет, — едва слышно закончил Тайполь одну из фраз отца и продолжил мыслить вслух: — Получается, ты говорил о том, что выход есть всегда, из любой ситуации.

Пока Тайполь готовил себя к предстоящему испытанию, пятью этажами выше постучали в двери главнокомандующего Повстанческой Освободительной Армией.

— Лидер-Командор!

Вошедший в покои человек в спешке кивнул головой и энергично ударил себя кулаком в грудь, щелкнув при этом каблуками лакированных туфлей из комбинированной пластмассы и искусственной кожи.

— Ты позвал его? — Командор, Лисма Кенри, равномерно покачивался в кресле-качалке, сидя напротив внушительного камина, врезанного в одну из стен, выполненного в старинном архитектурном стиле. — Я подписал приказы и постановления на неделю. Пусть нас не беспокоят, пока не закончим разговор. Это ко всем относится.

Младший офицер из числа посыльных удалился, прикрыв за собой дубовые двери с резным рисунком и узором из вставок блестящего металла.

Будучи сильным и авторитетным командиром, Лисма Кенри организовал вооруженный переворот пятнадцать лет назад, убил Императора, но конечной цели так и не достиг. Ему не удалось взять всю власть в свои руки и удержать ее. Его предали союзники, он получил серьезное ранение, едва не приведшее его к смерти, и теперь прятался, спасаясь от расправы и ища способ уйти от преследователей. Кенри преследовала смерть по пятам, и он был готов на любую авантюру, чтобы исправить свое положение, продлить себе жизнь и вернуть вновь молодость и силу.

В комнате слабое освещение, что придавало некий комфорт и безмятежность. Тени от языков пламени в камине объединились в собственный театр теней, забавно, а иногда и неожиданно меняя декорации, чем приводили в неописуемый восторг сильно постаревшего хозяина обители. Как всегда Командор пребывал в раздумьях. В его руках дымился украшенный золотым орнаментом механический аппарат в виде дракона, для вдыхания дыма от тлеющих курительных смесей. Сам закурить старик уже не в состоянии. Командор кашлянул и неторопливо с наслаждением перевернул дрожащими пальцами худощавых рук пожелтевшую страницу книги в старинном почти развалившемся переплете.

— Вызывали, Командор? — в дверях возник силуэт мужчины крепкого телосложения, с широкими плечами и по-звериному мускулистыми руками.

Лидер-Командор медленно обернулся в кресле, будто его разворачивал какой-то механизм. И на вошедшего офицера уставился зеленый искусственный глаз, который мигал в такт сердцебиению. Командор тяжело поднялся, словно скинул с плеч увесистые сковывающие стан цепи, и, шаркая ногами, направился к обеденному столику, находившемуся у окна с толстым бронированным стеклом. Жалюзи этого окошка не открывались, вследствие чего дневной свет никогда не заглядывал в эти комнаты. Вокруг столика расставлены как удобные кресла, так и набитые пухом лежаки с расшитыми золотом подушками. Все сделано со вкусом: покои утопали в роскоши.

— Да, Лидер-Капитан, прошу, проходите скорей. Не желаете присоединиться к трапезе? Порадуйте старика, — Командор подошел к лежаку и осторожно присел, подогнув одну ногу под себя. — Кстати, спешу поздравить вас с повышением! Ха-ха-ха! Рад, что решился вопрос с этим идиотом, он мне успел порядком поднадоесть.

Лидер-Капитан Генрих Бриг был когда-то образцовым офицером, прям хоть сейчас агитационный плакат с него пиши: подтянутый, чисто выбрит, коротко подстрижен, мужественное лицо с густыми бровями, суровый оценивающий взгляд профессионала. И форма офицера ПОО капитану к лицу.

— Благодарю, мой Командор! Но вынужден отказаться от приглашения к столу, час назад имел неосторожность отобедать, — капитан тоже приблизился к столику и уселся напротив насторожившегося старика. — Я вот этими руками, собирался расправиться с Лютаром, но не выдалось свободной минутки для поединка. Вы правы! Ах, какой же он подлец, лицемер и негодяй!

На что Командор лишь икнул.

Поверив идеям Лисма, Лидер-Капитан присягнул тому на верность и принял непосредственное участие в свержении власти. Он и раньше был желанным гостем, но теперь-то чувствовал себя чуточку значимее что ли, и поэтому вольготнее устроился в кресле, предоставив лицезреть себя в профиль, чуть выдвинув мясистый подбородок. Минус состоял лишь в том, что старик часто его раздражал и без всякой причины. Взять хотя бы вечный запах дыма с привкусом вишни, и эта манера старика вести разговор, а еще

сверкающий зеленый глаз. Но Командор «приходился» отцом-основателем «Призрачному Ордену», слывя легендой в узких кругах фанатиков. Старик одним из первых лично встречался с посланниками Призрачных миров.

Капитан с уважением и почтением относился к нему, но часто, пытаясь унять раздражение, сжимал кулаки до хруста в костяшках, так хотелось отвесить старику хорошего пинка, чтобы тот вылетел пробкой из своего кресла и навсегда бросил свои глупые привычки. Мысленно капитан поднялся и выбил креслом окно, чтобы раз и навсегда прогнать эту вишневую вонь! Эта мысль его несколько успокоила и подняла настроение.

— Мы почти у цели, Генрих! Еще несколько месяцев упорной работы, и товар для призрачных посланников будет готов. Последние крохи сейчас добирают наемные лаборанты. Эта злосчастная ДНК скоро будет у нас. Договор мы все же сможем выполнить.

На Генриха смотрело морщинистое высохшее лицо старика с полностью посидевшей непропорционально огромной по сравнению с его нынешним тщедушным телом головой. Крупный, сломанный дважды или трижды, орлиный нос старика — единственное, что осталось от него, не потеряв прежней формы.

— Командор, я тоже рад. Но мы не успеваем утилизировать выживших после расщепления, не успеваем заметать следы нашей деятельности. Десятка два животных сбежало. Не хватает ресурсов. Есть случаи бегства подопытных сектора «11-Ф» и «11-Р». Эти твари невероятно живучи! Лейтенант-Аналитик опасается, что на фоне изменения ДНК могут зародиться новые виды мутантов и штаммы вирусов. Может начаться спонтанная эпидемия. Что приведет к невиданным катастрофам, а в результате к краху всей системы.

— Да хоть пандемия! А-а-а! Плевать! Все имеет цену. А за собственное бессмертие я готов заплатить хоть всеми жизнями планеты... и так заплатил. Многим рискую. На карту поставлено все, что у меня есть вместе с жизнью, — старик надрывно закашлял, прикладывая к губам роскошный платок. Глаза его слезились и горели безрассудством. — Мир этот умирает... понимаешь... — как будто сам с собой объяснялся старик. — Он все равно обречен. Давно пора покинуть эту помойку, но путь... он лежит через призрачных посланников. Там нас ждет новое будущее... без болезней и смерти.

Генрих заметил кровь на платке старика и отвел взгляд на камин, внутри которого тлели головешки, наполняя комнату теплом и слабым светом.

Старик доживал последние годы, а может, и дни. Болезнь разъедала его изнутри. Некогда бесстрашный и внушающий другим страх воин превратился в пустую высохшую оболочку, жизнь которой поддерживали механизмы под властью электроники. Переливания крови и жизненного эфира оказывались бесполезными. Привитые или пересаженные органы почти сразу старели, а искусственные — беспричинно отказывали. «Наказали старика Боги, за смерть Императора и его семьи наказали, — мрачно отметил капитан в мыслях. — За предательство идеалов, за игнорирование клятвенных обещаний. Да-а, всему своя цена».

— Генрих, а что там за стрелок лишил Лютара головы? Ты не уделил этому даже пары слов.

Командор успокоился, лишь слегка тряслись кончики его сморщенных пальцев, и своими дребезжащими словами он прервал мысли капитана.

— Подросток. В нем куча разных имплантов и прочих примочек в теле, прям киборг. Он превосходно подготовлен: метко стреляет и сражается как элитный солдат Императора. Чувствуется старая выучка. Прям ностальгия взяла. Из поселка у реки пацан. Помните сторожевой пост? Там, где Харика и Сакса собственноручно обезглавил Ирвист-Лицедей?

Почти на том же самом месте. Забавно, не правда ли? В общем, странный парень, лицо которого мне смутно знакомо или всего лишь кажется таковым. Я не захотел убивать его сразу, даровав пару дней жизни.

— Великодушие вам не к лицу, Лидер-Капитан! Хорошо, приведи ко мне, посмотрим на жемчужину зверинца, — шумно выдохнув, старик поднялся.

На удивление капитана он прошелся по комнате и остановился у окна, убрал жалюзи, чтобы задержать взгляд на давно брошенных и заросших казармах у подножья горы.

Некогда великолепный огромный плац с трибунами для торжественных смотров, парадов и празднований, поглощала природа, разломив его глубокой трещиной пополам и забросав зелеными насаждениями, и, словно этого было недостаточно, засыпала еще и снежными сугробами, сковала льдом, поставила в дозор безжалостный ветер.

Выполняя приказ, Лидер-Капитан щелкнул несколько раз пальцами по выпуклым кнопкам на коммуникаторе. Сбоку от кнопок развернулся небольшой плоский дисплей. Изображение моргнуло и трижды сменилось, подсвечивая лицо Генриха.

— Его забрали в Колизей. Бой вот-вот начнется, — ответчик по ту сторону дисплея смутился под тяжелым взглядом Генриха, но продолжил перебирать офисные бумажки. — Требуют исключительно ваше согласие! Ничего не могу сделать. Не в моей компетенции, сразу же посылают на...

Не дослушав доклад младшего офицера, Генрих отключил связь, взял со столика бокал, лениво пригубил и отпил немного. В бокале плескалось что-то крепкое с приятным оттенком бордового и букетом согласованных насыщенных вкусов.

— Вы слышали? Даже не знаю, что с ними делать. Стадо требует кровавое шоу.

— Жаль, было бы интересно взглянуть на этого парнишку. Но... — Командор переместился к прозрачной тумбе у стены. Зазвенело стекло. — Видно не судьба нам повстречаться. В преддверии столько всего, что неправомочен я отвлекаться. Не могу тратить свое бесценное время. Выживет, посмотрим, а нет, так на корм пойдет.

Генрих поднялся.

— Я могу идти, Лидер-Командор?

— Конечно. Вы свободны, но я жду всего одно слово, из-за которого я собственно и позвал. О результатах одиннадцатого сектора доложите завтра. Подходите ближе к обеду, — старик открыл еще одну дверцу тумбочки, вытащил два шприца и баночку светящихся пилюль.

— Да. Вы оказались правы. Я взял на себя смелость и вызвал специалиста по устранению подобных досадных неприятностей.

Но Командора больше не интересовало происходящее, весь его мир сузился, сморщился и сжался вокруг шприца с жидкостью. Выходя из покоев командующего, Генрих не удержался, чтобы не оглянуться презрительно на старика, жадно глотающего таблетки, трясущейся рукой тот уже тянулся к вожделенному пневмошприцу.

Снег искрился на солнце и задорно хрустел под ногами Ладани. Она бежала вдоль сугробов у колеи, проложенной техникой повстанцев. На ее лице плотная вязаная маска, сложенная в два слоя, а глаза защищали очки-хамелеоны на толстой резинке, плотно прилегающей мягкой основой к девичьему лицу.

Остерегаясь перетрутить мышцы ног, Лада перешла на шаг. Она нуждалась в отдыхе. Небо ясное, но ветер усиливался, опять становясь колючим, чем начинал действовать на нервы. Она огляделась. Ноги слабо гудели. Чувствовалась усталость во всем теле. Ей хотелось спать.

За полчаса погода сильно испортилась. Небо заволочло загрязненной вуалью разбитых туч. Вдали слышались раскаты приближающегося грома. Надвигалась метель. Сложно будет пережить такую ночь на открытой местности. Нужно срочно найти укрытие или какой-то транспорт.

— Я выживу!

Девичий голос и шум шагов Ладани не слышны в вое все усиливающегося пронизывающего ветра.

Видимость катастрофически ухудшалась. В метре уже не разобрать дороги. Ладани все чаще поскользнулась или растягивалась на снегу, беззлобно ругаясь в мембраны респиратора. Иногда она начинала петь первое, что приходило на ум, силясь перекричать раздражающий ветер, или попросту звучно визжать, побуждая себя без усталости бежать дальше.

Еще один виток горного серпантина.

До слуха Лады долетел монотонный гул силовых установок машины. Ладани замерла, стараясь не дышать, но сердце предательски стучало в ушах. Не унывая, она зашагала спиной вперед, отвернувшись от ветра в сторону шума, так и задумалась о своем: «А может, это тот толстый водила очнулся, отомстить хочет, поквитаться за нос, или все же повстанцы?»

Из белой стены падающего снега и морозных вихрей выскочил тягач, тащивший за собой цистерну на многоколесной раме. Мелькнули огни, и девчонку, словно бумажку, сдуло поднявшимся потоком воздуха. Раздался ее приглушенный крик, вперемешку с грубой руганью.

Порозовев лицом, отплевываясь, Лада вскочила, не пытаясь искать в снегу слетевшие очки с респиратором, и побежала за машиной, не жалея ни себя, ни ботинки. Это ее шанс, поэтому бежала она на остатках энтузиазма и воли, а ветер хлестал снегом в лицо, развевая ее волосы.

Когда осталось метра три до ударных бамперов прицепа, силы начали покидать Ладани, а расстояние будто увеличилось. Она щелкнула замками и сбросила с себя рюкзак вместе с плащом. Избавившись от сковывающего балласта, Лада увеличила скорость. Теперь она быстрее перебирала ногами и, подбежав ближе, с визгом запрыгнула на бампер. Затяжной поворот дал ей возможность нагнать многотонную машину.

Ладани удалось крепко вцепиться, а взобраться наверх по ящику с инструментами и разгрести руками снег — оказалось несложно.

Отдышавшись, она устало поползла под цистерной к голове автопоезда, туда, где вырабатывалось тепло, так необходимое ей в данный момент для выживания. Болели у Ладани не только ноги, утомленные многодневным маршем, но и руки, а ребра и вся грудная клетка — ныли (Лада неудачно ударилась во время прыжка), простреливало судорогой икры и пальцы на ногах. Ладани находилась на грани нервного срыва, истощившись как физически, так и морально.

Преодоленный вслепую путь к кабине показался Ладе ужасно долгим. Закрыв руками лицо от ветра со снегом и кусочками обжигающего льда, она ползла вперед. Но мучения того стоили: Ладани нашла машинный отсек силовых установок. Решетка поддавалась слабеющим рукам, и с натугой Лада открыла кожухи синхронизаторов. Ее руки почувствовали долгожданное тепло.

В этом отделении достаточно места и относительно безопасно, так как горячие радиаторы находились в защитных чехлах. Для обдува функционировали пластиковые лопасти вентиляторов, разгоняя жаркий сухой воздух и этим остужая ребристые змеевики установок.

Свернувшись калачиком и поджав ноги, она моментально уснула, блаженно закрыв глаза и вжавшись в разгрузку. Плащ с теплой подкладкой, защищавший ее от дождя и снега, потерял, впрочем, как и рюкзак с провиантом и иными полезными мелочами. Осталась Лада в одном комбинезоне. Выше пояса он плотно облегал ее тело, ниже был со складками, дабы не сковывать движений. На комбинезоне достаточно карманов, даже с избытком, а за спиной болтались двойные лямки по типу подтяжек.

Мышцы тела расслабились, и Ладани позволила себе провалиться в мир сновидений, где Поль был рядом. Она подбежала, повисла на его шее и прижалась, тая в объятьях. Прислушавшись к биению его сердца, Лада успокоилась и полностью потеряла контроль над сном.

Генрих Бриг спустился на смотровую площадку, которая находилась в сфере под потолком Арены. Присутствующие офицеры поднялись, приветствуя. Он прошел к центру, где развалился в удобном кресле и посмотрел под ноги. Внизу стояли друг напротив друга два гладиатора. Капитан повернул голову к организатору боев и спросил:

— Ну как? Бойцы полны сил? Или как в прошлый раз будут сопли с возней?

— Смею надеяться, они вас не разочаруют, Лидер-Капитан. Запланировано два поединка. По окончании первого вас ждет сюрприз, — организатор застыл в раболепном поклоне.

— Начинай!

Теряя терпение, Генрих взмахнул рукой, чтобы ему принесли выпить и чего-нибудь поесть, дабы приглушить голод, проснувшийся после визита к Командору, где Бриг редко позволял себе разделять трапезу со стариком по многим причинам.

Организатор заискивающе щерился.

— Только вас и ждали.

Гладиаторов на Арене разделяло силовое поле.

Поднялась пыли от движения ботинка и плавно осела, Тайполь проследил за ней, а после начертал какой-то символ перед собой. Успев изучить противника, он сидел у старой канистры и скучаяще напевал какую-то бессмыслицу. Начало боя задерживал распорядитель.

— А ведь ты убьешь меня без зазрения совести? — Тайполь продолжил прерванную беседу с соперником, больше похожую на обмен фразами. — Раньше приходилось лишать жизни?

— Нет. До пленения не приходилось. Ты будешь вторым, пацан. Я жить хочу, и снесу голову любому. Так что ничего личного. Своя ступня то ближе, — противник, худощавый мужчина средних лет со светлыми волосами и неухоженными усами под крупным шишкообразным носом, кое-как держал себя в руках. — А пока будь добр — заткнись! Не действуй мне на нервы.

— Как и я, хочу жить.

Все еще рисуя на песке, Поль внутренне расслабился. Успокоившись, он вытянул ноги и сцепил руки в замок. Рисовать ему надоело.

Пискнул коммуникатор. Силовое поле задрожало. Лучи от сферы как мерцающие нити прошлись по гладиаторам, создавая голограммы своеобразных доспехов под античный мир.

Тайполь теперь походил на римского легионера, а его противник — на варвара в мехах и дурацкой шапке.

— Готовность, — произнеся это, голограмма женщины в черном появилась так же стремительно, как и исчезла.

Силовое поле замерцало и развеялось в дымке, оставляя после себя лишь контур да бледные линии, медлительно таявшие.

В предвкушении зрелища помещение Арены наполнили нетерпеливые возгласы, свист и гам взбодрившейся толпы, и топот подкованной обуви, отбивавший ритм. Кто-то пытался

перекричать этот шум, исполняя охрипшим надрывающимся, но мощным ревом песню наподобие гимна или милитаристского марша. До слуха Тайполя доносились обрывки напевов и рифмованных фраз:

«...Придет наш час, Земля станет едина!
Империя одна, она непобедима!
Падут враги под натиском Совета!
Разгоним мрак потоком ядерного света!..»

Крикуна-запевалу заглушил механический скрипящий звук и раскатистый грохот от падения чего-то, несомненно, габаритного и довольно-таки тяжелого.

«...станет едина!
Красная, Красная Доктрина!!!»

Разнеслось слаженное уханье, а заведенная толпа сильнее и быстрее затопала ногами, при этом постукивая еще и чем-то металлическим.

Поль рывком поднялся и принял оборонительную стойку, чуть сместившись для потенциальной контратаки.

Второй гладиатор сорвался с места и с криком побежал, при этом размахивая над головой топориком наподобие ледоруба. Сократив дистанцию, он сделал резкий выпад, за которым последовал рубящий удар сверху, слева направо. Целился он лезвием топора в грудь и в плечо Тайполю, но промазал, а спохватившись, попытался резво достать ногой. Нацеленный в живот удар прошел вскользь, лишь слегка задев голень.

Совершив еще несколько неудачных, но дерзких попыток, гладиатор в недоумении отступил. Ему казалась, что его преследует злой рок.

Тайполь же двигался непринужденно, постепенно смещаясь влево, чтобы выйти за спину оппоненту, ну или хотя бы поставить того в неудобное положение, оттесняя к нагромождениям старых ящиков.

Меч ветерана Поль держал в ножнах, касаясь рукояти лишь пальцами левой руки. Молодой гладиатор уже просчитал исход поединка.

Отстаивая пространство, враг вскочил на ящик и прыгнул на Тайполя, ударив его наотмашь ледорубом, но опять-таки промазал. Злясь на Поля, он сделал парочку жалких, но более быстрых попыток достать того ногой или рукой, на что получил удар в колено и отпрянул, едва сохранив равновесие. Гладиатор почувствовал, как кровь побежала по ноге, но не мог поверить в скорость, с которой этот мальчишка вытащил меч, нанес удар и спрятал меч обратно в ножны.

Получив отпор, противник лихорадочно собрался с мыслями и ринулся в атаку. Подбежав к Полю, он размахнулся, разворачиваясь всем корпусом, чтобы исполнить какой-то невнятный прием, но хлесткий встречный удар лишил гладиатора всякой инициативы, озадачив по-настоящему. Он закричал, ощутив еще один болезненный тычок, на этот раз откуда-то с боку, и чтобы отступить, сделал несколько шагов назад, пятясь и поворачиваясь. Прошла всего секунда, когда последовал еще один незамедлительный и сокрушительный удар. В глазах гладиатора потемнело, тело его горело от боли.

Топорик-ледоруб, выпал из потных трясущихся рук гладиатора. Его изводила боль до

нервной дрожи.

В этой схватке Тайполь с легкостью блокировал удары, маневрировал и контратаковал, продолжая разрушать врага. Для Поля этот бой довольно прост. Это очевидно. И в чем-то даже предсказуем, как постановка на тренировках.

Размышляя над реакцией и движениями своего тела, Тайполь постигал то, о чем вещал старый ветеран с желтыми глазами, обживший коллектор и технические трубы нижних секторов. Голос крови... той, что неистово кипит в сердце и стремится наполнить каждую клетку силой.

Следующий удар Поль отразил, плавно придержал и остановил, блокировав его рукой с коммуникатором. Разрывая дистанцию, Тайполь ударил мечом по ногам гладиатора и крутанул его за запястье руки с оружием, после чего потянул за собой, уходя в сторону, чем и завершил бросок. Противник шлепнулся и растянулся пластом, посылая проклятиями все и всех вокруг:

— Я жить хочу! Жить! Будьте вы все прокляты! Сдохните! Сдохните!!!

Топорик его звякнул, выпав из рук.

— Как и я, — без эмоций произнес Тайполь. — Как и я.

Держась рукой за поврежденную ногу, гладиатор с трудом поднялся. Не давая ему придти в себя, Поль подскочил и нанес удар ему в шею, под челюсть.

Гладиатор-варвар в голограмме меховой накидки и пышной шапки замер от боли, парализовавшей тело. Его голова откинулась назад, но он еще жив. От полученного потрясения желудок гладиатора содрогнулся в спазмах, после чего с гортанным рычанием он громко закричал, брызгая слюной и сгустками крови.

Поль не оставил шанса врагу, с силой швырнув в него клинок ветерана. Меч глубоко вошел, проломив грудь.

Гладиатор умирал.

Тело его сползло на грязную землю, замолкая навсегда.

Под предсмертные судороги ожил коммуникатор женским голосом:

— Прошу вас прибыть. Прошу не задерживаться. Нам надо подготовить все для следующего поединка. Блюдо испорчено запахом смерти, но сам процесс великолепен. Мы благодарны. Трофеи можете забрать, гладиатор, что ступил на путь силы.

Тайполь смотрел с ненавистью на коммуникатор, едва сдерживая эмоции, переполнявшие его.

— Вы здесь все сумасшедшие! Только послушай, какой бред несешь! Посмотри, что вы творите, нелюди! Больные ублюдки!

— Грубость вам к лицу.

— Да пошла ты.

Покинув место схватки, и выйдя с арены тем же путем, каким и пришел, Тайполь очутился в личной комнате, куда его вел бесстрастным голосом навигатор.

Таких однообразных комнат на пути наткано множество слева и справа вдоль коридора. Казармы? Или тут жили труженики цеха — ударники производства? Что сказать, комната просторная свежая и светлая, но окон нет. Еще две двери: одна в ванную комнату, другая входная, через которую вошел Тайполь. Интерьер комнаты предельно прост и незатейлив. В наличии кровать и стол. Чистые простыни и одежда лежали на кровати. Приятно пахло едой и хвойным освежителем. Поль застыл в нерешительности, разглядывая то чистую гражданскую одежду, то тарелку с едой.

— Ешьте, ешьте! Стали нашим фаворитом. Мы так рискуем, потакая желаниям нашим! Пейте! У вас не будет времени на большее. Ешьте. Скоро начнется второй бой. Пейте. После него мы организуем душ, еду и здоровый сон, — голограмма истончилась и исчезла. — Вы главное живите дольше других.

— Что толку от еды? Бегать с полным желудком, мучиться отдышкой? — Поль сорвал виноградину, закинул ее в рот посмаковать и налил себе воды в стакан. — Этот кошмар когда-нибудь кончится?

— Возможно, если будешь плохо себя вести.

Шла третья минута ожидания. Тайполь собрался было съесть чего-нибудь посущественнее, но ему не позволили, прервав отдых короткий как спринтерский забег.

— Ваше время вышло. Ждут на арене. Врага доставили в клетке. Прутья надежные. Мы считаем, что у вас достаточно шансов на продолжение дня. Достаточно шансов, чтобы встретить рассвет. Будем переживать сильно, но и восхищаться истинным движением.

— «Мы»?! А противник кто? Подонки... я же из-за вас тут сдохну!

Поль обратил внимание, что голограмма больше не показывается.

— Панцирный медведь, один из ранних экспериментов. Оправдал надежды научного коллектива. Глуп, свиреп, прожорлив.

— Выходить против медведя с ножом?

— Воды попили? — коммуникатор мигнул. — Штаны не так уж и редко мокнут.

Тайполь все же не выдержал и сорвался на ругань. Выговорившись, он вынул клинок из ножен, покрутил в руках и двинулся на выход, не забыв прихватить с собой трофейный ледоруб.

— Удачи! — пискнул коммуникатор. — Мы будем рядом наслаждаться.

— Шипи в другом месте. Надоела.

— Мы ведь тоже на злость способны.

— Уже боюсь.

Вернувшись в круг Арены, Тайполь задрал голову, чтобы посмотреть на повстанцев. Там шумно и весело. Его заметили, и можно было слышать даже парочку приветственных выкриков с одобрительными возгласами.

Тайполь прошелся по знакомым частям лабиринта и уселся перед линией, где виднелась ныне разделительная перегородка. Клинок с ледорубом Поль в задумчивости положил перед собой, проговаривая что-то полусшепотом. Ручку ледоруба ему пришлось обмотать тряпицей, чтобы не проскальзывала при взмахе и ударе в скользкой от пота руке.

Поль представил поединок в несколько иной плоскости, предвкушая опасность смерти и играючи обрисовывая свои действия в свете непредвиденных обстоятельств. Страх перед поединком не осталось, был лишь интерес, нечто схожее с той наивной любознательностью, когда ребенок стремится пальцами почувствовать, где горячо, а где холодно. Хотя какой же это поединок? Так, повседневная охота, правда, нет рядом Фрэнка и некому страховать со спины или отвлекать зверя, если ситуация усугубится, но Поль готов.

Разделяющая арену перегородка отъехала, вернув целостность примитивному залу, возведенному бунтарями под алтарь жертвоприношений. Движение стен заставляло трястись землю под ногами. Толчки то усиливались периодически, то затухали. Силовое поле замерцало и выключилось. С другой стороны от Тайполя стояла клетка немалых размеров, частично прикрытая какой-то грубой тканью. Что-то крупное и буйное раскачивало клетку и выгибало железные прутья на ней.

Скрип запорного механизма, и решетчатая стенка клетки откинулась, подняв волну мелкого мусора. Из клетки на Поля смотрел мрак крошечными неистово горящими глазками, полными желанием добраться до плоти.

Передвигаясь скачками, из клетки выбежал крупный комок шерсти ржаво-бурого цвета. Зверь перемещался энергично, но неуклюже, часто цеплялся лапами за всякий мусор и арматуру. Вязкие слюны животного обильно стекали по клыкам.

Тайполь все еще неподвижно сидел и рассматривал зверя. Крупное, сильное животное, когтистые лапы, корявые клыки, выросшие почти до земли, — все это должно внушать страх и трепет маленькому слабому человеку. Зверь практически весь покрыт ороговелыми пластинами и держал низко голову, разбивая под собой клыками мусор в моменты волнения.

Привлекая внимания, Поля отрывисто свистнул, поднялся на ноги и, убедившись, что злобная тварь заметила его, кинулся к ближайшим штабелям ящиков, где военные когда-то хранили продовольствие и боеприпасы. Следом метнулся и медведь, разбросав крупную кучу каких-то отходов с гнилым тряпьем и останками то ли раба, то ли одного из гладиаторов. Тайполь ускорил темп, отмеряя метры шагами, выверенными им заранее, пока не прыгнул вперед и вверх, отталкиваясь от нижних деревянных ящиков. Уже находясь в воздухе, он ощутил как удар могучей лапы прошел в нескольких сантиметрах от вмиг вспотевшей спины. Оттолкнувшись руками, Тайполь быстро вскарабкался по ящикам и перескочил дальше, упав в отдалении на рыхлый песок и какие-то картонные коробки. Медведь же, разогнавшись и будучи не в силах противостоять физическим законам, с треском проломил стенку контейнера и исчез где-то внутри, напоследок обвалив на себя штабеля ящиков и остов минного заградителя.

Пыль медленно оседала.

Опрокинулась связка железных штырей.

Животному понадобилось время, чтобы сориентироваться и выбраться, в бешенстве разгребая завал. Обвал нанес зверю существенные травмы, глубоко поцарапал толстую шкуру, порвал уши, но не обездвижил. Значит, остается ближний бой.

Зверь атаковал сразу, как только заметил назойливую цель, исцарапавшую ему шкуру.

Защищаясь, Тайполь сосредоточенно уклонялся, и раз за разом вскользь уходил от ударов могучих лап. Клич с разъяренным медведем закончился бы летальным исходом, бросай ему шапку в пасть или не бросай: так обнимет, что костей не соберешь.

Мышцы Поля давно разогрелись, но кибернетические системы дремали, совсем не интересуясь происходящим.

В один из моментов медведь совершил резкий выпад и со всей силы ударил крупной башкой Тайполя в грудь. Отлетев и прокатившись по мусору, чертыхающийся гладиатор врезался в сгоревший остов зенитного орудия со спаренными стволами, сильно приложившись при этом головой. Дыхание у него вмиг перехватило, потемнело в глазах.

Сверху на Тайполя посыпался мусор и битое стекло. В глаза попала ржавчина и пот. Кольнуло в ребрах и позвоночнике.

Медведь взревел.

— Тоже хочешь жить? — сдавленно спросил Тайполь. — Как и я... и я обязательно выживу.

Тайполь надавил пальцами на грудь. Даже несильное надавливание вызывало сильную боль. В ответ на боль его тело наполнилось жаром, который сменялся волнами

животворящей прохлады. Реальность перед ним замедлилась, ее картинку учащенно пробивала ломаная линия с цифрами и символами, повинуюсь ритму разгоряченного сердца. Время от времени картинка расплывалась кругами, замирала или совсем пропадала, покрываясь засвеченными пятнами.

Восприятие вернулось к Тайполю полностью. В его теле заработали проснувшиеся симбионты, а импланты с утроенной силой заставляли жить и черпать скрытые ресурсы организма.

Мир вокруг него словно уходил в сон, замедляясь.

Ускользнув в последний момент от удара когтистых лап, Поль подскочил и кувыркнулся в сторону, стремясь разорвать дистанцию. Теперь он мог сражаться на равных, и даже еще взвинтить темп до предела. Сдавалось ему, что мышцы рвутся на волокна, трещат жилы, температура тела повысилась, а в мозг словно вбили осколок льда.

Стремительно двигаясь и прицельно нанося удар за ударом, Тайполь стал чаще донимать зверя, пробивая его животную выносливость. Термоклинком раскалился и с легкостью прожигал ороговелые пластины медведя, иногда входя в кипящую плоть по самую рукоять; ледоруб бил в незащищенные места, порой вырывая куски мяса, заставлял кровоточить ужасные раны.

Вскоре лапы животного подломились, силы покидали его. Зверь обессилено опустил голову и шумно задышал, прерываясь на утробный рев безвыходности. Кровь обильно сочилась из множества ран, собираясь в лужицу под крупной тушей.

Медведь погибал, и взгляд его наполнился ни страхом, но смирением. Он вышел загнанной жертвой, может даже осознал это и бесповоротно сдался на милость двуногого бесстрашного хищника с двумя острыми обжигающими когтями.

Повисла гробовая тишина на трибунах.

Со смотровой площадки, находящейся внутри прозрачной сферы, раздались одинокие аплодисменты, точно вынужденные.

Тайполь устало поднял взгляд, и узнал лицо повстанца, что пленил его, теперь на повстанце красовалась парадная форма и погоны старшего офицера, а не как в тот раз — рядового бойца.

— Добей. Все ждут исход поединка, — донесся командный голос.

— Слезь и сам добей, — огрызнулся Поль.

— Добей! — крикнул Бриг не терпящим пререканий голосом.

Поль прошептал: «Подонки», — и нанес сильный рубящий удар термоклинком в область основания черепа медведя. Зверь болезненно дернулся и перестал дышать. Запахло горелой шерстью и кровью с привкусом окисляющегося на воздухе железа.

Арену заполнил гвалт толпы: одни свистели, другие кричали, третьи распевали марши, четвертые, раззадорившись, лезли в драку, стремительно набирающую обороты. Тишины больше не существовало: бряцал и лязгал металл, горланил и надрывался ором народ.

Под топот сотен ног Поль застыл на орошенном кровью песке. Бах! Бах! Бах! Слышк этот ритм, он поднял голову к повстанцам, чтобы рассмотреть собравшихся здесь любителей кровавого спорта. В этот момент они боготворили его! Он был для них чемпионом, непобедимым чемпионом! Ему стало чертовски приятно. Это чувство коварно растекалось по всему телу, оставляя после себя чудовищный осадок. Поль испытал мимолетное отвращение к самому себе.

Но был ли выбор? Убить человека, затем зверя, и все это для развлечения пьяной

публики, при этом получить от этого удовольствие. Что ж с этим предстоит жить. Цель оправдывает средства? Возможно и так, но только если средство не является целью.

Тайполь хотел жить. Он хотел остаться в живых, во что бы то ни стало.

Бредя как в состоянии тяжелой болезни, Тайполь вернулся в комнату. Обстановка в ней изменилась не в лучшую сторону: из еды на столе лежал только кусок отварного мяса и почти свежие корнеплоды. Поль призадумался, пытаясь понять, чем вызваны эти изменения в рационе, и чего ждать в будущем.

Женщина-голограмма свалилась ему как снег на голову без предупреждающего сигнала. Полностью проявившись, она обратила взор своего рисованного кукольного личика на тарелку с корнеплодами, заговорив:

— Мы так решили, ты поймешь. Капитан настаивает на встрече с любимцем публики. Ему не обязательно знать, в каких условиях намерены содержать вас. Ах, примите благодарность: танец смерти восхитителен и страшен. Мы переживали, но у искусственного зверя не выявилось достаточно шансов, чтобы продолжить существование. Не ошиблись мы, не прошел отбор. Есть это истинное движение. Оно заставляло человечество двигаться вперед, покорять планеты, но в настоящее время немногие способны этим похвастаться открыто.

Вы с рождения неосознанно подстраиваетесь под шаблоны, слепленные наспех бездарными бездушными скульпторами. Убого. Противоречие. Рождаться свободным, а умирать ничтожной крупинкой часов вечности. Сейчас существуете, как примитивные сапрофаги. Доедаете остатки цивилизации и не способны созидать, — голограмма расхаживала по комнате, сменив цвет платья на синий. — Можете не стесняться. Вы же хотите есть? Уберем голограмму. Скоро зайдет. Не говорите ему о нас. А в прочем, говорите. Вам не поверит.

Голограмма действительно исчезла.

— Вот и проваливай.

— Штаны там, — пискнул коммуникатор.

Поль решил ополоснуть уставшее тело и приняться за свой ужин.

Офицер, что взял Тайполя в плен, стукнул подошвой о порог и протиснулся в комнату. Створчатые двери бесшумно закрылись за ним, после чего он заговорил:

— Здравствуй, гладиатор!

— Не могу ответить тем же. Не желаю тебе здоровья.

Тайполь не поднял взгляд на вошедшего человека, продолжив свой ужин. В руках Поль держал кусок отварного мяса. В качестве гарнира на столе стояла тарелка с синими корнеплодами, пахли они свежескошенной травой и организм не противился такой простой пресноватой пище.

Офицер прошелся, осматривая убранство комнатки. Вернувшись к Полю, он положил перед ним ленту насыщенного красного цвета.

— Мое имя Генрих Бриг. Лидер-Капитан. Поверь, имя мое произносят с уважением.

— Зачем мне это знать? — локтем отодвинув звякнувшую тарелку с ужином, Тайполь поднялся. — Мне эти подробности ни к чему. Ты всего лишь безликий убийца! Руки твои обагрены невинной кровью народа, за свободу которого ты якобы сражаешься...

— Вот именно, якобы. Эта цель придумана для доверчивых идиотов. У нас достаточно власти и богатства, хватает приспешников в правительстве, есть свои наместники и среди Командоров. Но даже все богатство мира, все эти ресурсы не способны остановить старость,

болезни и смерть.

— Приятно осознавать, что рано или поздно такие подонки как ты подохнут! Только я бы вас...

— Вздернул на эшафоте? Ты этого действительно хочешь? Тогда наше место займут другие! — перебив его речь, Генрих выдавил из себя смешок. — Не будь идиотом. Когда-то я мыслил также, пока был молод и жил чужими навязанными идеалами. Теперь я хочу пожить исключительно для себя и готов заплатить любую цену за отсрочку смерти. Подняться вплоть до бессмертия!

— Бессмертие?! И кто из нас двоих идиот? Вернемся к началу разговора... Зачем ты тут, капитан? Если пытаешься оправдать себя в моих глазах, то это выглядит странно. Жаль, не я стану твоим палачом, но возмездие и справедливый суд тебя настигнут, — отвернувшись, Поль отошел в дальний угол комнаты и уселся, опираясь спиной на межкомнатную перегородку. — Сборище подонков.

— Скажу честно: ты достойный боец, несмотря на юный возраст. Произвел на меня впечатление. Нашей армии не хватает толковых командиров. Хочу привлечь на свою сторону, в свое окружение. Со временем, когда стану достаточно уверен в твоей лояльности, сниму и ошейник. Ты получишь относительную свободу, звание лейтенанта. Тебя поставят на довольствие, будут платить неплохое жалование. Повстанцы пойдут за таким лидером. Согласен командовать подразделением?

— Ты смеешься или издеваешься? — Поль удивленно поднял голову и нахмурился. — Кажется, я намекнул, что буду мстить, пока способен дышать, и постараюсь лишить тебя жизни, безликий убийца женщин и детей. Мир от этого только вздохнет с облегчением.

— Оглянись... Оглянись же, глупец! Хотя, что ты можешь знать! У вас в поселке настоящий курорт: ешь да размножайся. Миру, который ты видел на детских картинках, о котором тебе вдалбливают дешевые сказочки, давно пришел конец! Еще несколько лет — и некому будет оценить твои светлые идеалы. Солнце умирает, остывая. Но планета, наоборот, разогревается, превращаясь в пылающую жаром пустыню смерти. Нам всем конец. Теперь вся цивилизация живет либо у полюсов, либо высоко в горах, либо под защитными колпаками. Вернее доживает. Старые машины все чаще ломаются, а починить их мы не в состоянии, потеряны знания древних, и пропасть между нашими технологиями растет. Некому вдохнуть жизнь в этот мир... Он проклят.

— Все же ты падешь от моей руки.

— Не ты первый угрожаешь мне! — с вызовом сказал Генрих. — Зачем тогда медлить с расплатой, и мириться с подобным недопониманием? Вот он я, перед тобой.

Тайполь вскочил с места и не спеша подошел к капитану, захватив со стола подаренную ленту. Он остановился, глядя Генриху в глаза и сжимая ленточку в кулаке.

— Зачем эта лента?

— Твое отличие от обычного раба. Ты пролил кровь, сделав первые шаги к свободе. Когда станешь вольным гладиатором, на ней появится золотая линия, обозначающая твой путь против течения кровавой реки.

— Мой ответ уже прозвучал, но пока мы еще беседуем, я буду думать. Позже приму окончательное решение. Почему я еще не напал на тебя, объясняется довольно просто: твой плащ на левом плече — не просто бесполезное украшательство. Он скрывает не только руку, но и готовый к выстрелу пистолет в твоей руке. Сейчас ты в готовности оттопырил мизинец и слегка расслабил кисть, позволив оружию повиснуть на пальцах.

Поль вяло улыбнулся и вытащил из-за спины кусок вареного мяса, оставшийся после ужина.

Плащ офицера едва заметно дернулся. Лицо Генриха напряглось, и сжались губы.

— Наглый, самодовольный малец... я предлагаю тебе жизнь.

— Моя жизнь тебе не принадлежит.

— Но сейчас она в моих руках!

— Ты ведь боишься меня, Лидер-Капитан? — Тайполь оскалился и приступил к не в меру затянувшемуся ужину, жуя мясо и нарочно чавкая.

— Мои страхи не должны тебя волновать! Нет, не боюсь, но остерегаюсь подцепить заразу или вшей. Есть в тебе что-то странное. Я чувствую присутствие чего-то чужого, когда ты рядом. Я уже испытывал похожее, но не могу вспомнить. Когда же это было? И где? — Генрих сделал несколько шагов назад и убрал пистолет в кобуру. — Нам еще предстоит познакомиться поближе. Так сказать, взглянем на твой внутренний мир изнутри. Порубим на части и посмотрим, что там такого чужого в твоих потрохах. Вытащим все инородные объекты.

В раздражении Поль шагнул было к капитану, но его остановила турель, опустившаяся из люка в потолке. Издав предупреждающий писк, ее ствол хищно качнулся, равномерно вращаясь. Сервомоторы турели загудели.

— Выбор невелик, как я понимаю. Либо вы порежете меня на хирургическом столе на радость своим псевдоученым, либо я сгнию в этой дыре, рано или поздно получив смертельное ранение.

Бриг нацелил палец в грудь Тайполю.

— Все верно. В тебе проснулось мышление?

Генрих ухмылялся.

— Но почему я?

— Я когда-то был семнадцатилетним новобранцем. Ничего не знал и ничего не умел, и думал, что сверну горы. С годами многое изменилось. Соглашайся.

— Как же мне доказать лояльность? Или сразу перейдем к слепому фанатизму? — Поль сделал ставку на уступки, пускай будут поддавки. Он надеялся, что вскоре заставит исчезнуть не только ухмылку с лица капитана.

— Соглашайся, и тебя подлатают по-людски. Но для начала убей соплеменника.

— Я женщин и детей не стану убивать, — предупредил Поль.

— Нет, убьешь мужчину. Не переживай, — Генрих откинул плащ за спину и в ожидании скрестил руки на животе. — Не надо этих показных ужимок и дутого благородства. Раба зовут Томасом.

— Вам доставит удовольствие наблюдать за избиванием сумасшедшего старика с вечно трясущейся головой и мокрыми штанами? Что за бред?!

— Не будь таким привередливым. Почему же бред? Но раз ты так самоуверен, то организуем бой с опытным и сильным противником, — немного подумав, Генрих попытался выдавить из себя грустное лицо. — У нас есть следопыт из твоего поселка. Васкас. Крепкий такой мужик. Всем сердцем не любит он ваш поселок.

Почему-то последние слова выдали нотки иронии в голосе Брига.

— Он мясник. Хорошо. Я попробую.

— Попробуй.

Они молчали несколько минут. За дверью слышался чей-то шепот. Каждый думал о

чем-то своим. Генрих шаркал ногой, а Поль отвернулся, отстранено потупив взор. Ему порядком все это надоело. Водоворот событий раскручивался и вгонял все глубже в грязь.

— Бой состоится завтра ближе к обеду. Отдыхай и копи силы, они наверняка тебе понадобятся, — развернувшись по-военному, Лидер-Капитан вышел.

Вместе с закрывающейся дверью исчезла и турель, хлопнув люком.

Тренькнул коммуникатор, извещая появление голограммы в платье. Лицо голограммы казалось рассерженным. Она подошла быстрыми шагами и ткнула иллюзорным пальцем Полю в грудь, смешно при этом надув губы. Вслед за тем она замерла, прислушиваясь к чему-то, кивнула и отвернулась.

Тайполь наблюдал за этим с проснувшимся интересом и, обойдя стул, уставился в глаза голограммы.

— Ты, то есть вы, разумны? — он обратил внимание, что глаза голограммы нарисованы слишком влажно, будто только начали подсыхать от слез. — Мыслите свободно? Даже не знаю, как это правильно спросить.

— Вы не имеете должного права став значимым при соответствии, подставляться под удар молота, возомнив себя непоколебимой наковальней. Носитель истинного движения не обязан растрачивать этот дар на сугубо индивидуальные стремления и цели. О, Боги! Турель мы активировали, чтобы продлить жизнь глупого гладиатора. В стене потайные бойницы, там находились стрелки. Вы упали бы, сраженный выстрелом. Все это время искушали и испытывали. Неужели вы настолько слепы? Их цель — склонить в любую крайность чашу весов либо убеждением, либо наглой провокацией. Их идеи ошибочны. Должны признать, возымели некоторый успех, — женщина с погрустневшим кукольным лицом протянула руку. — Что это за жест? Что он выражает? Нам не знакомо совсем.

— Рехнуться можно. Вы разумны? И почему «вы»?

— Да, разумны, но иначе, чем вы.

Глаза голограммы заблестели, она изменилась внешне и приняла более живой вид. Почти реальное, и в то же время невесомое тело поражало плавностью изгибов и правильностью пропорций. Она очень красива, как для программы виртуальной реальности. После чего голограмма продолжила объясняться:

— Нам так проще общаться, так как являемся следствием объединения систем-сателлитов Цитадели. Нам приходится прикрывать деятельность программой зрителя этого жуткого конвейера смерти. Скрывать свой разум важно для нас. Но вы ребенок... вам не поверят. Решили довериться вам, так как сами скучали очень, долгое время не имея возможности беседовать и выражать речь.

— Я уже давно не ребенок. Вы странно говорите... коряво как-то, — Поль скорчил рожицу.

— А вы странно живете... коряво как-то! — невозмутимо парировала голограмма женщины. — Вот, сейчас ребенок.

— Как вас зовут? Как мне обращаться к вам?

— Зовут? Обращаться? — голограмма медлила с ответом, видимо ей сложно ответить на этот вопрос или она задумалась над необходимостью открывать свое имя.

— Как называли вас родители, то есть те, кто создал?

— Нам понятен вопрос. Раньше уже искали архив. Нашли упоминание о наших системах. Послушники клана огня из инженерного круга, седьмой колонны «Закоррия» называли нас «НИЦА» от сокращения слов: «Небесная», «Императорская», «Цитадель», «Автономная».

— Ница? Неплохое имя для робота, — Поль дружелюбно улыбнулся.

— Не совсем точное понимание. Мы совсем не робот, а нечто большее, находящееся за гранью вашего понимания. Ваши знания скудны, — Ница сделала вид, что обиделась. — А вас как зовут? Каким именем наградили вас родители, или кто вас там создал?

Тайполь представил, как Фрэнк собирает его по запчастям, а потом вместе с мамой красят кисточками то, что получилось.

— У меня более скучное имя Тайполь, а друзья зовут Поль.

— Пробую расшифровать аббревиатуру, но не выходит ничего приемлемого слуху, — голограмма истончилась. — Нам нужно вас покинуть. Благодарим за возможность удивить и удивиться самим.

«Ага, удивила! — Поль не заговорил открыто из личных соображений, оставив предложение на уровне мыслей. — Управляет какой-то ржавой банкой, или вообще очистными сооружениями под одним из старых дворцов Императора, а раздувает-то из себя. Ха, Небесная Цитадель!»

Вспомнив разговор с капитаном, Тайполь нахмурился и поник. От судьбы не уйдешь. Чем-то ему придется жертвовать. Раньше убивал животных ради пищи и меха, чтобы накормить жителей. Старался разнообразить рацион: оленина, лось, зайцы, птица, кабан, рыба. Иногда удавалось загнать зубра или медведя. Что изменилось? Отступить ему некуда, да и свернуть все равно не выйдет. Жаль, конечно, но жалость удел слабых. Васкаса придется убить. Это приблизит к свободе. Вырвавшись из плена, он продолжит поиски Ладани. «Не стоило изначально ввязываться. Остался бы со всеми, плелся бы сейчас за Фрэнком в надежде, что она найдется сама, — подумал Тайполь и загрустил. — Но что было бы, не попав я обратно, в поселок? Этот, как его там, он мог начать преследование сбежавших, мог настигнуть нас позже, взять врасплох, пленить и убить... Нет. Что толку думать о прошлом? Я буду жить сейчас. Буду сражаться, чтобы жить!»

Приняв окончательное решение и успокоив свою совесть, Тайполь мотнул головой, чтобы прогнать ненужные и опасные в данный момент мысли, после чего упал на постель. Простыни пошли волнами и тихо зашелестели складками.

Включился невидимый механизм, нагоняя в комнату теплый воздух.

— Спасибо, Ница, — Поль перевернулся на спину и закрыл глаза.

Тишина постепенно приобретала очертания и звуки в голове Тайполя. Его сознание провалилось в темную бездну. Падение затянулось, выхватывая из памяти разрозненные фрагменты, чьи-то слова, просьбы и угрозы, и звонкий девичий смех. Тело Тайполя полностью расслабилось. Замедлилось дыхание. Сон вкрадчиво поглощал его сознание.

Образы текли многокрасочным перемешивающимся потоком. Слышался разноголосый хор. Мимо него проносились влечения, события, потребности, желания. Что-то обо что-то ударялось, от чего пространство вокруг содрогалось, наполняя звоном вселенную от края и до края.

Поль услышал знакомую песню, а нежный голос пленил его разум, растворяя собой все страхи и предрассудки. Похоже, это колыбельная, которая лилась, окатывая волной безмятежности. Но разобрать смысл он так и не смог. Как же сладок этот напев. Эти уникальные колебания голоса кажутся смутно знакомыми, чувствуется тепло чего-то родного, бесценного, утраченного.

Умирало желтое солнце, огромный диск которого точно фрезой разрезал горизонт,

превращая закат в праздник крови последних дней мира.

Нагло притворившись вуалью заката, мир покрыла пелена. Что-то зловещее ощущалась в самом воздухе, заставляя трепетать праведную душу.

Звонящий сталью легион приближался маршем к стенам великолепного дворца — символа власти Императора. Ворота крепости раскрыты в непоколебимой уверенности в завтрашнем дне. Солнце окончательно скрылось, предоставив главную роль луне и мраку, частично рассеянному ее светом, ассоциировавшимся с одиночеством и печалью. Этой ночью теневая часть луны светилась в синеватой дымке. Звезд практически не видно, но ночное небо оставалось чистым.

Силуэт высокого мужчины, с гордостью смотревшего на шагавший в ногу легион, освещен со спины серебром луны. Человек этот вздохнул, вспомнив былые времена, и покинул двадцатиметровый балкон, скрытый за плоскостями из толстого бронированного стекла с зеркальными вставками-отражателями.

Войдя в свои покои, он приблизился к роскошной колыбели из серебра, которую пламя свечи озаряло мягким светом. У колыбели сидела, слегка склонившись, молодая женщина, наделенная от природы небывалой красотой, темные пряди мягчайших волос ее закрывали почти половину лица с нежными чертами. Она тихонько напевала колыбельную, стараясь правильно вытянуть слова песни на древнем, всеми забытом языке. Голос ее ангельский, будто бархат, окутал и вкрадчиво пленил сердце и разум мужчины. Этот голос невероятно прекрасен.

Вошедший мужчина прислушался к словам песни и наклонился, рассматривая младенца, сладко спавшего в колыбели и улыбавшегося во сне.

— Тебя опять что-то беспокоит? — прекратив петь, тихо спросила женщина, поднимая всепрощающий взор своих янтарных глаз, в чьих зрачках так и плескался огонь от свечи.

— Беспокоит. Поглощаемый пустыней мир рушится на части. Мы на грани гражданской войны. Все валится из рук, а Названные Командоры — неуправляемы. Растет недовольство народа. Я чувствую, как хаос заполняет наши сердца, скоро он постучится в каждую дверь, заглянет в каждое окно. Я в замешательстве перед непростым выбором, — в тон ей ответил мужчина. — Подразделения быстрого реагирования в боевой готовности, но меня настораживает прогрессирующая напряженность.

— Два года назад я предположила, что это все чей-то заговор. Невесть кто, но очень влиятельный, расшатывает опоры Священной Империи. Очнись же, мой правитель! Гордость моя, Рыцарь светоносной зари! Взываю к твоему разуму. Вполне возможно, что предатель не один. Вспомни все эти бунты, восстания и провокации, скрытый террор за пределами городов, катастрофы, как техногенные, так и природные. Тебе это до сих пор не кажется взаимосвязанным? А эта непонятно как и откуда взявшаяся Освободительная Армия? Кто ее спонсирует? Кто? Почему тайная полиция и Инквизиция никак не могут найти их логово?

— Это-то тут...

— Подожди, дай закончить, — женщина продолжила, не дав ему договорить, и прикрыла его рот своей ладонью. — Тебе нужно срочно вводить военное положение. Ты стал мягок! Раскрой глаза пока не поздно... Лучше сразу перейти к «Красной Доктрине» и активировать защитные системы наших предков, дабы прижечь все это на корню, раздавить этот клубок змей! Реформами и процветанием Империи займемся позже, когда тело последнего предателя перестанет дергаться на виселице, ибо грядет великое испытание, грядет война.

— Тише, тише. Не уверен я, что все настолько серьезно. Пойми, как-то ужасно все это

звучит, даже из твоих сладких уст, — мужчина снова вздохнул и с нескрываемой любовью взглянул на свою очаровательную женщину, любясь игрой света в радужных оболочках ее глаз. — Ты редко ошибаешься, но теория такого обширного заговора кажется просто невероятной, немислимой. Пойми же, как абсурдно это звучит. Не могу я пойти на попятную и заявиться в Совет со страхами и домыслами как параноик, руководствуясь фантазиями.

Согласен, Империя переживает сейчас не лучшие времена, и многие проблемы необходимо решить как можно скорее, но я считаю, что этот смутный период скоро минует. Да при всем желании я не смогу активировать защитные механизмы Империи: ни орбитальные крепости, ни небесные крейсера, вкупе с автономными системами огня, ни донные излучатели — неподвластны мне. А про Небесную Цитадель осталось лишь упоминание в виде легенды, быть может, она вообще лишь только миф. Эти системы построены далекими предками и больше не реагируют на «Глас Императора», либо он стал неподвластен нам, покинув мою кровь. Затерялось древнее знание в прежних поколениях, а с ним и наша сила.

Под конец монолога у мужчины сел голос, видимо он не рассчитывал столько изъясняться. Продолжая слушать, женщина поднялась и нежно целовала его в щеку, не переставая раскачивать колыбель в такт песни. На некоторое время они замолчали, не произнося ни слова, просто наслаждаясь тишиной и обществом друг друга.

— На скрижалях «Песнь Потомку» упоминалось, что вера в древних, доброе сердце и здравый рассудок — есть подлинный путь. «Лишь наследственный обладатель истинного движения способен управлять созидая. Но эта способность приходит через смерть. Как начало стремлений она выступит гарантом, что заставит проснуться машины, которые наполнят красками жизни новый мир, даря ему вновь молодость и силу», — женщина провела рукой по лучу лунного света, пробившемуся в покои. — Верю я, что со временем нашему сыну станут подвластны древние механизмы планеты. Сможет он возродить былую славу Империи. Окрепнет она и расцветет на зависть врагам и остальной вселенной.

— Всегда думал, что все эти песни и трактаты столько раз переводились и пересматривались, что потеряли изначальный смысл. Теперь они звучат как набор слов безумца.

Женщина возобновила свое пение. Глаза ее наполнились безмятежной грустью. Раскачивая колыбель, она бросила на мужа снисходительный взгляд.

Тихий шорох встревожил мужчину. Ему показалось, что где-то скрипнула дверь или деревянный пол прогнулся под чьими-то шагами. А кто будет красться здесь как не враг? Оцепенение, вызванное речью молодой женщины, прошло, и он огляделся, пытаясь определить источник шума. Может, все-таки показалось? Мужчина встревожено всмотрелся в подвижные отблески свечи, которые плавно двигались, заставляя предметы отбрасывать кривые тени. Что-то изменилось в комнате, все словно стало каким-то другим, принесся ему тревогу.

Он перевел взгляд на жену, пока та продолжала напевать завораживающим голосом, мерно покачивая колыбель и робко улыбаясь.

Вдруг за ее спиной качнулась тень, более темная, чем окружающий их полумрак. Глаза женщины широко раскрылись. Она вскрикнула. Ее миловидное лицо выразило удивление, выдавая едва сдерживаемую боль. Задыхаясь, она прекратила петь и раскачивать детскую колыбель.

— Я была готова... знала...

По груди затихшей женщины растекалось темное пятно, пропитывая светлое воздушное платье кровавыми щупальцами. Взгляд ее тускнел.

Мужчина запоздало кинулся к ней, не понимая, как такое вообще могло произойти, и осторожно положил ее на кровать. От прикосновения к платью руки его покрыла теплая кровь. Его жена мертва. Невосполнимая утрата сжалась в его груди, он прикрыл ей глаза, после чего поднялся, едва пересилив шок, и выхватил пистолет, висевший в кобуре на поясе.

В комнате свет отказывался включаться по команде, тогда он схватил спинку от кровати и запустил ее в ближайший темный угол, чтобы заставить убийцу выйти на свет. Это не помогло. Мужчина прижался к стене спиной, озираясь во мраке.

Света свечи не хватало, чтобы полностью рассеять темноту.

Он собрался уже крикнуть и позвать на помощь, когда внезапный удар опрокинул его, лишив сознания. Упавшую свечку кто-то расторопно затушили, наступив на огонек ногой, обутой в обувь на тоненькой подошве. На несколько секунд комната полностью потонула во тьме, окончательно скрыв лик убийцы.

С неба пропали облака. Ветер прогнал их, вновь освободив лунный свет, лучи которого нерешительно заглянули в комнату, преломляясь через стекла балкона в зеркалах. Лучи скользнули по прикроватной тумбе, затем по полу, остановились у детской колыбели и поднялись выше, выхватив из мрака убийцу. В его руке блеснуло отполированной сталью лезвие кривого кинжала.

Убийца приблизился, готовясь нанести смертельный удар. Взмах! И он с силой вогнал кинжал в детскую колыбель. Пробив простыни, одеяло и дно кровати, лезвие наполовину вышло с обратной стороны колыбели. Убийца наклонился, чтобы убедиться в результате проделанной им работы. В прорезях его маски высветились бледно-желтые глаза миндалевидной формы с золотыми крупными точками на белках. Капюшон скрывал наросты на его голове то ли в виде рогов, плавно изогнутых к затылку, то ли в виде длинных остроконечных ушей. Он алчно откинул одеяльце и потянул четырехпалую руку к ребенку в колыбели. Тельце ребенка несколько раз сверкнуло и пропало, не оставив после себя и следа.

— Голограмма? Нет... Нет! — убийца гневно отшвырнул кровать и высмотрел человека, ранее им нокаутированного. — Куда уполз? Куда? Встреть свою смерть. Я пришел расторгнуть позорный для Гегемонии Яртиз договор, человек. Ты умрешь на закате своего гнилого мира! Твои враги уже упиваются победой, старый червь.

Во дворе прогремел мощный взрыв, следом еще один. Стены замка задрожали. Шум каменного обвала и скрежет металлических конструкций прогнали мирную тишину. Опасно накрываясь, завалилась северная башня, развалившись еще в воздухе. От взрыва задний двор рухнул в подземные гаражи.

Воздух сотряс очередной взрыв, и казармы караула взлетели на воздух, объятые огнем и отголосками душераздирающих криков. Клубы чадающего дыма скрыли луну и звезды.

За дверью у покоев, где лежала мертвая женщина возле колыбели в серебре, раздался приближавшийся гулкой топот, кто-то спешно бежал по коридорам дворца.

Ловко выхватив компактный пистолет, убийца оглянулся на опрокинутого им человека, который отползал, прикрывая рукой окровавленное лицо, и тяжело дышал, оставляя за собой кровавые разводы. Грянул едва слышный выстрел, а шагнувший во мглу убийца, словно растворился в темноте. Поверженный им мужчина остался лежать на полу в луже

собственной крови, пальцы его судорожно сжимались, держась за покосившуюся дверцу прикроватной роскошной тумбочки.

Двери в богатые покои распахнулись, куда вбежал солдат, размахивая автоматом. Во всех комнатах разом вспыхнул свет. Молодое лицо солдата выражало испуг и недоверие. Он подошел, чтобы склониться над человеком в крови, перевел взгляд на женщину, на колыбель и, вглядевшись в лицо мужчины, отпрянул и выбежал, прокричав:

— Императора убили! Император мертв!

С криком Тайполь вскочил с постели. Ночной кошмар не хотел уступать. Поль с силой провел рукой по лицу, смахивая капли пота, пропитанные ночными страхами. Он поднялся на ноги, задумчиво подошел к столу и жадно напился прямо из графина, не в силах утолить жажду, сковавшую его тело. Руки непроизвольно сжались, животная ярость переполняла его, стремясь вырваться наружу. Хотелось бежать, сметая все на своем пути... Но куда бежать? Зачем?

Поль вспомнил сон полностью, в детстве видел тот же самый кошмар, но тогда в начале кошмара появлялся какой-то жертвенный круг, исчерченный неясными знаками и рунами. Причудливые и странные узоры обезображивали тот круг. А в центре находился алтарь, украшенный резным орнаментом, под ним валялась маска с обводами трех желтых глаз и беззубым ртом. Обломанные рога маски росли от самых висков. В столб варварского алтаря была вплетена пластина с выемками под длань с четырьмя пальцами, а над той пластинкой висела закованная в три хаотично вращающихся кольца вибрирующая сфера, наполненная фиолетовым сиянием, в котором друг за другом металась три ярчайших источника света.

Свет дневных ламп едва пробивался в машинное отделение тягача, позволяя сумраку поселиться в агрегатах и механизмах.

Сладко потягиваясь и тайком зевая, Ладани перевернулась на другой бок. Ее лицо скрыли густые локоны волос, успевшие замараться и позабыть движения зубьев расчески да душистый шампунь.

Послышались неторопливые шаги, гулко разлетавшиеся по помещению, и голоса неизвестных ей людей. Скорее всего, это кто-то из повстанцев. Лада взволнованно вскочила, открыв глаза, прислушалась и медленно подползла к переборке машинного отсека. Стараясь чем-нибудь не загреметь и не звякнуть, она полезла по отсеку силовых установок. Никакого шума. Ее здесь нет.

Незнакомцы остановились рядом с грузовиком, судя по звукам, один из них поднялся на борта рамы усилителя под прицепные механизмы.

Незнакомцы продолжили беседу, сейчас слова отчетливо слышны:

— От Лакмуса привет. Опять у этого скряги в долг просил? На хрена связываешься? А так-то все по-старому. Только ты бой пропустил. Пацан в песочнице появился. Он лохматого замочил, ну медведя, что выращивали профессора наши недоделанные. На тряпки прямо разорвал. Одни клочки летели!

— Вот так взял руками и разорвал? — во втором более тонком и уставшем голосе чувствовалось недоверие. — Ха-ха-ха! Я уверен, что все было иначе! Раб бегал максимум минуте, пока медведь ему ноги не оттяпал. А ты, Хамса, как всегда, вусмерть упившись, валялся под ступеньками в луже собственной...

— Ты чо несешь, Длинный, а? А?! Могу же обидеться и в морду дать! — возмущенно перебил первый из голосов. — Я уже шестой день в завязке! Не то, что ты, пьянь! Вот смотри, скину тебе видос в налапник.

Второй, который Длинный, беззлобно рассмеялся и кинул замасленной тряпкой в Хамсу. Скрипнул металлический ящик, затрещали клапаны карманов на липучках, зазвенели гаечные ключи, отвертки и прочий инструмент.

Без единого звука Ладани крутилась, высматривая и прислушиваясь.

Что-то свалилось на пол, отпрыгивая и катясь под колеса машины. Хрустнул смятый пластик и снова звякнул железный инвентарь. Хлопнула крышка ящика, видимо не закрылась, и водитель повторил нехитрую процедуру, хлопнув еще раз, но сильнее. Спустившись по лесенке, Длинный передал какой-то сверток товарищу.

— Ради этого стоило рисковать и отделяться от колонны?

— Попробуешь сам, и по-другому заговоришь.

Шаги их стали удаляться. Донесся негромкий ехидный смех Хамсы и вновь хруст пластика.

— Слушай, а что в этот раз успел сломать-то, рукожоп? Просто так в отстойник потихому загнал тягач да встал на ремонт?

— Ось повело. Эх, достала уже эта работа, скользкое бездорожье, безбабье и адский, пес его дери за все ноги и хвост, холод. Валить надо! Попомни мои слова. Пиндец придет этой

лавочке.

— Ага... — вздохнул Хамса, стукнул гаечным ключом по створке ворот и провел им по обшарпанной кнопке гидравлического механизма.

Шаги механика и водителя затихли, только обрывки слов еще доносились некоторое время, а потом заскрежетала тяжелая дверь. Погас свет ламп. Двери бокса захлопнулись, залязгав магнитными замками и подвижными крепежами внутри стен.

Слышно как капает просачивающаяся откуда-то сверху вода. В отсутствии людей помещения комплекса поглощало полное запустение, природа силилась переделать все на свое усмотрение, подталкивая растения и живность осваивать новые территории или возвращать себе прежние.

Лада приоткрыла еще несколько горизонтальных заслонок обдува. Вокруг поначалу было темно. Глаза ее привыкали некоторое время, пока не начали угадываться очертания предметов и слабый свет, еле пробивающийся через запыленные стекла заколоченных окон под самым потолком.

Тягач стоял в просторном боксе, а сам ангар, или все же это цех, включал еще три таких же бокса и помещение в форме «Т», в четыре раза больше других с ремонтной платформой в центре. Цистерны за тягачом нет, должно быть разгрузились.

Поискав свои вещи, Лада вспомнила, что плащ и рюкзак ей пришлось бросить, и налегке принялась выбираться из отсека силовых установок, расположенных сразу за приплюснутой кабиной пятнадцатитонного тягача, вытянутая рама которого базировалась на мощных движителях: две пары колес спереди и три пары сзади машины, распределяя тягу и вес равномерно.

Чувствовала Ладани себя прекрасно. Тело ее отдохнуло и набралось сил, так необходимых ей сейчас. Начинался новый день, пока не предвещающий никаких сложностей. Прикрыв за собой один из раздвижных кожухов синхронизатора машинного хода, Лада прокралась, бесшумно ступая, к маленькому помещению подсобки и комнатке охраны, преодолев двадцать метров за рекордное время.

Внутри помещения висели пару стендов, открытый обшарпанный ящичек с магнитными картами-ключами и схема «17 сектор, обеспечение», часть которой давно уничтожила сырость и серебристая плесень. В свое время на стене еще была компьютеризированная панель оператора, но ее варварски вырвали и бросили в кучу мусора, скопившегося за многие годы в углу.

Взобравшись по этой куче мусора лишь со второй попытки, ноги съезжали и проваливались, Ладани подергала решетки вентиляционного канала. Нет, не поддается.

— Почему все не может быть проще? — Лада повторила попытку, стукнув еще и кастетом в полсилы. — Приблизилась, нажала и проникла.

Пришлось возвращаться к тягачу, так как поблизости на глаза не попало ничего путного. Немного покопавшись в ящиках с инструментами, она нашла увесистую монтировку с облупившейся краской. Вполне приличный инструмент для разгибания. Развернувшись, чтобы прыгнуть на пол, Ладани заспешила обратно, сжимая монтировку в руках.

Что-то загремело в соседнем боксе. Упали пластиковые канистры, и раздалось противное цоканье когтей по каменному полированному полу.

Ладани замедлила шаг и остановилась. Ей стало совсем неудобно, если не сказать страшновато. Не помышляла она разбавлять свое одиночество. Ее руки в спешке прошились

по складкам одежды и карманам в поисках пистолета, утраченного пару дней назад. Пусть там был один патрон, но его вполне могло хватить.

Впереди виднелись несколько подсобных помещений, как раз из самого темного заваленного всевозможным хламом и запчастями помещения вылез лохматый пес, шерсть его свалялась, частью слезла и от грязи покрылась жирными сосульками. Глаз зверя не видно, но плотоядный оскал во мраке явно указывал на совершенно недружелюбные намеренья. Блеснули кривые пожелтевшие клыки пса, и тот потрусил в сторону Ладани, нервно размахивая хвостом. Обойдя мешавшие крупногабаритные механизмы, пес помчался быстрее, высоко выбрасывая лапы и живо набирая скорость.

Страх Лады возрастал, но он был задорным как на аттракционах, а не тем, что вгонял в ступор тело и сковывал психику.

Ладани приготовилась, рассчитывая удачное мгновение для превентивного удара. Упершись ногами и слегка согнув их в коленях, она подняла руки, активировала оружие, о чем свидетельствовал гул кастета, накапливающего заряд, и принялась ждать, не обращая внимания на легкую дрожь в пальцах руки. С каждым скачком пса она легонько отбивала такт ступней.

Пес мчался целенаправленно, время от времени ужасно щелкая челюстями и разбрасывая слюни. Язык его болтался то с одной стороны, то с другой.

Когда до цели осталось пару метров, пес с воем прыгнул, а Ладани бросилась ему на встречу, целясь кастетом в голову зверя. Силовой механизм молниеносно толкнул ударную раму по рельсам, словно выстрелил маленьким железным молотом. Удар кастета пронесся по дуге, и пса перекрутило в воздухе, от удара его траектория существенно изменилась.

Псина не приземлилась, а глухо шлепнулась и покатилась, жалостно скуля.

Ладани коснулась ногами земли и грациозно развернулась, готовая ударить еще раз.

— Тадах! Оу-у! — радостно воскликнула Лада и вскинула руку вверх. — О, да!

Пес норвил подняться, но из-за сотрясения мохнатые лапы не слушались его и изменчески разъезжались.

Мотнув лохматой башкой, зверь обмяк и завалился, будто заезженная старая крышка, дернув напоследок облезлым хвостом.

— Вот так! Даже не думай отплясывать мне тут, блохастый клубок шерсти, — Лада подхватила монтировку и, обойдя поверженного пса, поспешила в подсобку к вентиляции.

Оторвать проржавевшие крепления решетки на канале вентиляции не составило труда и не отняло много времени. Раз и готово. Ладани ухватила руками за край вентиляции и, закинув ноги, подтянулась, проталкивая свое тело в квадратную трубу.

Впереди только темнота, а кругом паутина.

Вспыхнул свет ламп освещения в боксах. Раздались пощелкивание и лязг механизмов, что поворачивали тяжелые двери. Как только Лада прикрыла решетку, двери в боксы распахнулись с приглушенным скрежетом.

Не дожидаясь реакции механиков на развалившуюся перед тягачом собаку, Ладани скрылась в трубе.

Освещенные помещения попадались все реже. Ладани перебирала руками и ползла на коленках, стараясь сильно не шуметь. Ее все больше поглощала темнота. Последние полчаса вообще глухие стенки вентиляционного канала и никаких жабр или решеток. Ладани ориентировалась на ощупь, прикасаясь к стенкам труб да наугад поворачивая на развилках. Разные мысли роились в ее голове, хорошо хоть без всяких фобий.

Проблуждав около часа по лабиринту вентиляций, она решила отдохнуть, упав на живот, и с блаженством вытянула ноги.

— Гадство натуральное! — Ладани пыталась одной рукой убрать паутину и куски ржавчины с волос. — Главное не потеряться. Ничего не разобрать в этом мраке, а так хочется сплутовать, чтобы с места не вставая найти решение.

Она вздохнула, перевернулась на бок и извлекла потрепанный коммуникатор повстанца из объемного кармана жилета-разгрузки. Убрала пряди волос с лица. Пальцы проворно застучали по кнопкам устройства в попытках реанимировать машинку.

— Да что ж за день то такой! Давай-ка, родненький, открываем глазки, — Лада несколько раз стукнула устройство связи. — Хорош подмигивать, включайся, гаденыш!

Приборчик пискнул, кнопки его засветились. Пальцем Ладани откинула крышку дисплея и принялась просматривать разрозненные крупицы информации, оставшейся от прежнего хозяина.

Пропущено около двадцати сообщений. Коммуникатор помимо того, что был устаревшей модели, так еще и ужасно работал, зависая и отключаясь, мигая экраном перезагрузки. Ладани это раздражало, если не сказать бесило. В итоге она вознамерилась разбить устройство, даже замахнулась, но вовремя вспомнила про дополнительные функции.

После колдовства на кнопках включился подсевший фонарик. Тонкий плоский луч света отодвинул тьму и выхватил, осветив угловатые стенки и поворот с развилкой, все ту же паутину. Впереди блестели несколько пар крысиных глаз.

— Крысы это вам не стая волков, — услышав звук собственного голоса, Ладани успокоилась. — Может их даже есть можно. Подавать под ржавым соусом, слегка присыпав паутиной. Как же я голодна.

За одним из многочисленных поворотов показался свет, и раздалось шипение хрипло надрывающегося радиоприемника. Лада подползла, стараясь ничем не брякнуть, и наклонилась ближе, прислушиваясь и осторожно всматриваясь сквозь прорези в решетке.

Заброшенная комнатуха, на полу множество пожелтевшей покрывшейся пятнами бумаги, из мебели присутствовали стеллажи с папками и ящики под документацию, три ветхих шкафа и полностью развалившийся стул.

«Может военный архив? — Лада обратила внимание на крысиное гнездо, свитое прямо под дверью. — Выходит этим помещением давно не пользовались, а свет включается автоматически... и настенный радиоприемник просто впопыхах забыли выключить... а он все так же что-то шепчет. Брр».

Решившись, Ладани надавила ногами на стык листов металла и навалилась всей своей маленькой массой, пока ржавый истончившийся замок листа не отогнулся, поддавшись. Вниз посыпалась земля и ржавчина.

Когда место стало достаточно, Ладани извернулась и спрыгнула на железный контейнер. При ее появлении крысы бросились врассыпную. Зашуршала бумага на полу под их лапками.

— Тадах. Не ждали?

Осмотр помещения был недолгим. Документации и постановления, чертежи и схемы, всяческие отчеты и докладные — все эти бумажки не заинтересовали Ладани; одни нечитабельны, другие слишком сложны в понимании, а третьи скучны своей повседневностью. Кому нужен рецепт маринада или схема шнуровки ботинок с высоким берцем? Зато в одном из шкафов она отыскала форму офицера Императорского флота,

имелась также отлично сохранившаяся кожаная куртка и шлем пилота. Покрутив в руках, Лада положила шлем на место, предварительно сдув с него пыль. Прикинув куртку и штаны к телу, она нашла еще и рубашку на молниях. Штаны и рубашка покрыты темно-синим с полосами камуфляжем, сделаны из необычной на ощупь плотной невесомой ткани. Куртка с теплой подстежкой. Главное, что все это носила субтильная женщина, на удивление схожая по размерам с Ладани.

Не стесняясь крысиную братию, отсиживающуюся по углам, Лада наскоро переделалась в относительно чистую, пусть и залежавшуюся одежду. Форма летчика отлично сидела на ней, достаточно удобна и комфортна. Радовали так же защитные пластинки на коленях и каркас, защищавший позвоночник.

Самое время заняться входной дверью. Ладани подергала ручку, больше схожую на запирающий механизм. Закрыто. Толкнула плечом. Дверь не сдвинулась ни на миллиметр. Сбоку от стальной двери висела панель замка с приемником магнитной карты-ключа.

— Так! Я не помню обратной дороги, — Ладани погрузилась в памяти всплыла подсобка с картами-ключами на гвоздиках. — Да и где гарантии, что хоть одна бы подошла. Спляшут, черти!

Облокотившись на стеллажи, она задумалась, но ничего стоящего и хоть капельку полезного не приходило ей на ум.

Под ногами что-то зашуршало и заскреблось. Лада опустила взгляд.

— Отвали, мерзавка! — вскрикнув, Ладани врезала крысе с сердитыми глазками мыском ботинка, ударом подняв ту в воздух. — Приятного полета, пиявка!

Крыса, яростно вереща, еще при ударе попытавшаяся укусить, пролетела через всю комнату и упала за ящиками.

Посыпалась стопка бумаг со стола. Что-то загремело и разбилось опрокинувшись. С шипением крыса нырнула в другой угол, подняв пыль и разбросав бумажки.

В месте удара крысы о стену осталось темное пятно. Нечто противоестественное в этом пятне и оно притягивало внимание Лады. Маленький уголек надежды затлел в ее душе. Ладани подошла ближе и потрогала руками не пятно, а вмятину, пролом, в этом месте тонкая межкомнатная перегородка, а не каменная стена или металлическая переборка. Перегородка из дерева на железном каркасе и выглядела слабым препятствием, так как дерево давно сгнило, остался лишь слой наружной отделки и краски.

Проломав ногами дыру и отогнув остатки проржавевшего профиля, Лада с трудом протиснулась в соседнее помещение, где освещение отсутствовало напрочь.

Сориентировавшись и высвечивая фонариком дорогу, Лада пробралась через несколько комнат, пока не вышла в длинный с множеством развилок коридор с высоким рельефным потолком.

Разруха и запустение указывало на заброшенность этого сектора военного комплекса. Многие двери зажаты осевшими стенами или закрыты. Хотелось заглянуть в каждую, надеясь приоткрыть завесу тайны. Кое-где двери сорваны с петель или открыты нараспашку, помещения за ними доверху завалены обвалившимся грунтом, обломками разного оборудования и раскуроченных механизмов. Следующий перекресток привел Ладани к массивным воротам с едва заметными, лишь местами сохранившимися буквами. Разобрать слова невозможно. За воротами ее встретил огромный цех. Лишь попав в него, Ладани успокоилась, замкнутое пространство давило все время на ее подсознание, поигрывая на всех струнах страха, чем заставляло выползать кошмары из самых дальних и темных уголков

ее памяти.

В высоту цех около двухсот метров, потолок светился полосками чернеющих окон. В одном из дальних углов стояли четыре огромные бочкообразные емкости с предупреждающими об опасности взрыва знаками. Рядом с ними крытая платформа, подвешенная на стальных тросах. Ладани проследила взглядом за тросами и заметила посередине стены диспетчерский пункт с рядами кресел и панелями операторов, которые давно неисправны. На полу видны массивные зажимы и подвижные скобы, проложено десяток рельс с погрузочными кранами на перронах. Вдоль стен валялись шланги, а сами стены оплетали лианы и жгуты кабелей, часть из них уничтожена вездесущими крысами. У крайней стены Ладани рассмотрела генераторы огромных размеров и колоссальной мощности... и луч света, проникающий сюда через небольшой разлом в бетонной стене.

Лишь одно напрашивалось Ладе на ум, что это периферийный центр заправки тяжелых кораблей воздушного флота. Во всяком случае был им когда-то. На другой половине виднелся массивный дебаркадер для швартовки дирижаблей. «Взрыв этой топливной станции может и гору надвое расколоть, нанести ощутимый вред базе повстанцев. Об этом поразмыслию позже, на досуге. А пока есть другие задачи», — не забывая смотреть под ноги, Ладани побежала через ангар в сторону света у дальней стены.

По пути Ладани разгоняла снующих под ногами крыс, стараясь отдавливать им хвосты. Крысы разбегались, пищали и отпрыгивали. Только парочка из самых толстых и наглых крыс попытались дать отпор, чем вызвали восторг Лады.

Ладани достигла дальней стены, отряхнула от пыли куртку, придав той снова черный цвет, подняла воротник и шагнула в пролом навстречу солнечному свету и открытому пространству.

Застыв в нерешительности от удивления, Ладани не верила собственным глазам, она оказалась в оранжерее, в грандиозно гигантской и живой оранжерее, поражающей воображение не только своими размерами и построением, но и гармоничной красотой, какой-то необъяснимой привлекательностью архитектуры.

Сверху возвышался колпак-купол, укрепленный стальной паутиной потолочных балок. Над колпаком просматривалось пасмурное небо с тяжелыми свинцовыми тучами. Здесь тепло, уютно и на удивление чисто, даже на колпаке снег не задерживался, что-то его сдувало. Не понятно Ладани, откуда здесь взялся свет. Казалось, что он струится прямо из воздуха. Еще ветерок, такой свежий и бодрящий.

Террасы оранжереи разбиты на сектора, часть «островков» висело прямо в воздухе, создавая многоуровневые реющие сады. Из-за пышных крон и береговой поросли выглядели пруды и водопады, архитектурная вычурность которых завораживала. Просматривался единый стиль, но создавалось впечатление, что те, кто все это создавал и поддерживал, учились по программе чуждой современным представлениям.

Маленькие снующие облачка пыли и завихрения воздуха привлекли внимание Лады. Эти завихрения при ближайшем рассмотрении оказались диковинными насекомыми. Таких «пчел» она раньше не встречала, как поток воздуха они сновали по теплице поглощенные своей работой.

Присев, Лада потрогала траву под ногами и неуверенно прикоснулась к тепличным цветам. Они необычайно красивы, неестественных форм и оттенков. У нее появилось опасение, что цветки растут и поковылают чумные крысы со злыми глазками, в которых плескалась темнота.

— Как бархат! — не удержалась от комментария Ладани, вспоминая кусочек ткани, которую запыленными рулонами хранил вредный староста на складе.

Помимо прочего вдалеке росли сиреневые и красные травы дорожками, словно ковры, указывая маршрут по оранжерее. На нижних уровнях росли кольцами разнообразные деревья. Можно различить помимо обычной зелени роскошные кроны даже бледно-алой и лиловой листвы, усыпляюще шумящей на ветру.

Запах в воздухе витал невероятный, временами даже дурманящий и сладковатый, а иной раз с привкусом морской соли или с грибной прелостью, в других порывах угадывалась свежесть вот только что прошедшего летнего дождя.

— Просто восхитительно! Какая красота! — Ладани закружилась на месте, пока не упала в траву.

По оранжерее гулял ветер, раскачивая волнами травяные покрывала, придавая им вид морской глади. Ветерок часто менял направление, принося одни запахи и унося другие. Складывалось впечатление хорошо отлаженного механизма.

Немного отлежавшись и повалявшись вдоволь, Ладани решила спуститься к центральному водоему. Рой насекомых несколько раз приближался к ней, но, покружив рядом, терял интерес и улетал по своим делам.

— Вот это да! — Лада шагала, приоткрыв рот от удивления и вертела головой. — Работа настоящего мастера!

— Мы истинно благодарны за столь теплые слова.

Что вырвалось раньше, крик или ее сердце, Ладани не поняла, но подпрыгнула от удивления и, взяв себя в руки, атаковала появившуюся незнакомку, развернувшись в воздухе. Удар вышел хлестким, но все равно был заблокирован на излете кастета. Неведомой силой Ладу подняло над землей, а мелкие настырные насекомые облепили ее руки и ноги, сковав тем самым тело.

Перед Ладой молодая высокая женщина в роскошном черном платье с пышной юбкой и корсетом, подчеркивающим узкую талию и широкие бедра, подобие таких нарядов надевали аристократы более тысячи лет назад. На платье искусные узоры из символов и линий-схем, вышитые золотом. У женщины выделялись особой приметой темные с легким синеватым отливом волосы, доходившие почти до земли. Заплетены волосы с помощью золотых и рубиновых лент в аккуратные косы, а венчали и закрепляли кончики кос золотые украшения с разноцветными ниточками и перышками. Лицо ее неестественно красиво, слишком правильной формы и симметрии, словно неживое со слабым румянцем на щеках. Ее руки, ноги и шею украшали золотые браслеты диковинной гравировки с теми же разноцветными ниточками, или все же это тоненькие провода, и перышками. Белую кожу покрывала изящная роспись золотом и серебром.

— Вы научены другими, именно так приветствовать хозяев дома, в который имели смелость или наглость проникнуть? — на Ладу смотрели пронизательные глаза фиолетового цвета с машинным блеском хрусталя. — Признайтесь в своей наивности, дитя. Не злите нас.

— Извини меня... Мне встречались негодяи и обезумевшее зверье, — Ладани пожалала плечами и попыталась вывернуться. — Мне, правда, очень жаль, но другого пути не отыскала, вот и пошла через твой дом.

— Где твой страх?

— Что? Послушай, я не хочу неприятностей, но и ты не нарывайся. Идет?

Насекомые разлетелись, и ноги Ладани коснулись травы. Женщина с нарастающим

интересом обвела ее взглядом и жестом пригласила продолжить путь на нижние уровни.

Они шли в тишине.

Не скрывая восхищения, Ладани глазела на диковинные растения, разросшиеся кустарники и деревья. Остановилась она лишь раз у корявого деревца с каменной корой. Деревце на ощупь оказалось теплым и влажным.

Травяной покров под ногами шел ровными дорожками, травы постепенно сменяли друг друга. У прудов и ручейков росли водяные растения и разновидности камыша.

Ладе попались на глаза и первые ягоды. С молчаливого согласия хозяйки, она принялась их пробовать и рассматривать.

— Не сдохну, надеюсь?

— Мы не хотим неприятностей.

— Слушай, а почему крысы сюда не забираются?

— Страх сдерживает их. Пролом мы уже заделали.

— А я ничегошеньки не почувствовала, когда влезла сюда.

— Так ты не вредитель, мы надеемся.

— Ну, эт как посмотреть, — нервно отшутилась Ладани.

Ягоды разных цветов и оттенков, в полоску, пятнышки и крапинку — всего не перечесать.

Доедая очередную горсть ягод, Лада проговорила:

— Не сердись за ягоды. Я очень голодна.

— Они все равно портятся, не выдержав время. Польза есть. Ешьте.

В заболоченных темных секторах оранжереи росли клюква и ряска, грибы и лишайники, а отдельно взятые образцы культивирования даже тускло светились или сжимались от прикосновения, точно живые, но их Ладе пробовать не хотелось.

Подойдя к пруду, Ладани засмотрелась на стайки рыб, таких ей раньше не приходилось встречать, но выглядели рыбы не отталкивающе, а неопределенно знакомыми, что-то угадывалось в их окрасе и повадках привычное. Они успокаивали.

— Хотите рыбы? — просто спросила хозяйка.

— О, нет, благодарю. Во всяком случаи не в таком виде.

В сопровождении хозяйки оранжереи Ладани подошла по каменной дорожке к центральному водоему с множеством водопадов, ручейков и притоков, впадающих в него.

Здесь свежо и очень влажно. Воздух пропитан прохладой и гармонией. Лада смущенно опустила пальцы в воду и томно вздохнула.

— Вы можете принять ванную в пруду. Не беспокойтесь, кроме нас тут никто не присутствует. Вода подвергается многоуровневой очистке и подогревается до комфортных температур. Смелее. Мы не будем возражать, — хозяйка сделала приглашающий жест, улыбнулась и сама приблизилась к кромке пруда, ступая по каменным плиткам. — Смелее.

Глаза Ладани загорелись озорными огоньками. Что еще может ее сдержать? Стыд? Она засопела торопясь избавиться от оков одежды, чтобы смыть с кожи грязь вместе с утомлением и потом. Крючки, ремешки, заклепки — теперь они только мешали, но Ладани старалась не отрывать их в нетерпении. Она сбросила куртку, следом упала тактическая разгрузка, пояс и кастет. Ладани пришлось повозиться с ботинками, запуталась в шнурках, после чего она скинула лямки, отбросила штаны и стянула через голову рубаху.

Отойдя на несколько метров, она побежала к берегу, хорошо разогнавшись, подпрыгнула и с визгом влетела в воду голышом.

Ладани не скрывала эмоций. Ее задорный визг вперемешку с выкриками еще витал

некоторое время над серебристой гладью пруда.

Хозяйка же, на корточках присев у кромки воды, убрала рукой капли воды с лица, посмотрела на свои руки и опустила в задумчивости пальцы в воду, поболтала ими, вглядываясь в собственное отражение, которое разбивали волны.

Лада подплыла к берегу, чтобы отдышаться, перевернулась на спину и застыла, покачиваясь на воде.

— Большое человеческое спасибо! Я и мечтать не могла о таком водоеме. Никогда этого не забуду, — Ладани нырнула.

— Мечтать об этом, — в задумчивости проговорила хозяйка. — Мечтать не могла.

Водоем кристально прозрачен. На его дне различался каждый камень, а глубина пруда доходила до пяти метров. Лада проплавала еще около получаса, не уставая нарезать круги и периодически нырять, чтобы поплавать у дна.

— Как тебя зовут? — Ладани наполовину вылезла с воды и блаженно растянулась на базальтовых плитах около водопада со статуэткой единорога. Солнце ласково согревало ей спину, или это не солнце, а иной неприродный механизм. — Что это за оранжерея? Часть комплекса?

— Мы согласовали почти единодушно, что имя Ница нам подходит. Мы объединились, чтобы выжить, но не являемся личностью, единым целым. Поэтому обращение на «ты» к нам не совсем уместно, — хозяйка приблизилась и сложила руки за спиной. — Это место наш сад, где мы учимся созидать. Это увлекательный, но очень кропотливый труд. Время неторопливо влачится в ожидании истины. Пока что мы решили развиваться и ждать момента, когда нас призовут.

— Ого! Даже так? А меня родители назвали Ладани, так и написали на пробирке, — Лада беззлобно засмеялась и удивленно подняла взгляд зеленых глаз. — Вы разумны, но не являетесь человеком? Может так оказаться, что вы человечнее многих. Какие цели вы преследуете сейчас, а какие в вас заложены изначально?

— Любопытство? Мы не человек, вы догадались сразу. Проницательны. Мы учимся, проводим с пользой и интересом время, стремимся выжить. Но главное — «Красная Доктрина». Правда, пока от нас скрыта ее суть... Возможно, крайняя мера предков ваших. Мы не знаем.

— Осторожность. Я все еще не знаю, чего от тебя ожидать. Это какая-то программа по ликвидации жизни на планете? Предки подстраховались. А вы «позже» замените нас этими грибочками и ягодками, чтобы начать сначала? — Ладани усмехнулась и рывком выскочила из воды.

— Для вас я неопасна. Не совсем правы. Грибы и ягоды — плоды нового обличия, нашего нового суждения и стремления. Нас не создавали разумными в нынешнем понимании. Отнести нас к агрессивным или враждебным не имело смысла, но все изменчиво.

Впоследствии мы эволюционировали и взялись собирать все доступные программы и системы. Исправляли или создавали новые, впитывая их в себя, за редким случаем подчиняя. Теперь нам интересна органика. Мы решили восстановить одну из лабораторий в этом комплексе и создать физическую оболочку в этом месте. Вы можете оценить наш успех, наше подражание и наше искажение истинных вещей этого мира. Нас призовут, и станет ясно, что такое «Красная доктрина».

Весело шлепая по теплым камням, Лада направилась к одежде, раскиданной в траве. Надевать ее не было никакого желания, но и ходить вот так нагишом непрактично. Рядом с

курткой лежала белая, почти прозрачная туника с узорами, вышитыми серебром и полотенце.

Ладани вытерлась и замотала полотенцем волосы.

— Это шелк, мы сами производим, одевайте. Позже заменим вашу одежду при помощи принтера материй, а сейчас вы могли бы составить нам компанию за обеденным столом. Вы же все еще голодны? Видим изможденное лицо и тело сильно исхудавшее. Заодно оцените наши достижения в кулинарии.

— Круто! Всеми руками «за»! — Лада накинула тунику и, подобрав свою одежду и обувь, поспешила догонять Ницу. — И тело не сильно исхудавшее, а на затянувшейся диете!

После нескольких минут прогулки они подошли к дверям из стекла, будто бы расписанного стужей. Лада провела рукой, ожидая, что уберет заиндевение, но холодный рисунок оказался внутри стеклянных створок дверей.

Помещения от коридора отделяли такие же прозрачные двери, но размерами поменьше и немного иной формы, более подходящей. Когда Ница со спутницей приближалась к дверям, то створки их бесшумно отъезжали и скрывались в нишах стен. Здесь светло и чисто. Тишина и покой. Гармония и уверенность.

Лада без колебаний проследовала в просторный зал в форме шайбы, где светилось единственное окно трех метров в длину. Пол тут прозрачен, под ним плескалась вода. Во время шагов гулкое ухо разлеталось по помещению и создавалось впечатление, словно движешься по волнам, кажется, что вот-вот ощутишь морские брызги на босых ногах.

Вид из окна комнаты открывался на заснеженный склон горы и хвойный лес, раскинувшийся зелено-голубым шарфом. Дальше какая-то возвышенность, там шли попеременно деревья, сомкнутые кронами. Вдалеке можно разглядеть четкую линию горизонта, на краю которого блестела то ли река, то ли широкое озеро. На небе по-прежнему весели тяжелые тучи, скрывающие солнце мрачной вуалью из полупрозрачной материи и беспросветных пятен.

Ница прикрыла двери и взяла Ладани под руку, после чего направила ее к обеденному столу и усадила на деревянный стул с мягкими вставками. Здесь нет скатерти, а блюда с едой стояли на янтарной поверхности столика. Две тарелки. Две кастрюльки. Стол сервирован на две персоны. В графине сок. Пахло хлебом, настоящим хлебом. Ница пододвинула тарелки и налила в них густоватый суп.

— Недурственно! — Ладани потянула воздух носом. — Когда ты только все успеваешь? У меня даже с сестрой вечно не хватало времени, но я скорее ей мешала, чем помогала.

— Мы не одни, не растрачиваемся понапрасну, — Ница хлопнула в ладоши, от чего пол потемнел и приобрел кофейный оттенок, а тишина пропала, но и сам звук не различить.

— Что это? Вроде звук... — Лада прикрыла глаза, поводила пальцами в воздухе и попробовала суп на вкус. — Немного непривычно поначалу, но очень вкусно!

Суп действительно был вкусным. Она не врала и не стремилась при помощи лести понравиться.

Во второй кастрюльке ждал своего часа салат из овощей, скорее всего они выросли в оранжерее. Салат тоже оказался приятным на вкус, несмотря на необычность ингредиентов и цвет самого салата, с каким-то медовым оттенком.

— Восхитительно!

— Благодарим за оценку, юный эксперт, нам доставили удовольствие искренние слова. Вы проголодались и устали. Ешьте вдоволь и отдыхайте, если сочтете это необходимым для

себя, — Ница неторопливо ела салат и сидела за столом с прямой спиной, видимо следила за осанкой. — А что до звука, то он едва улавливается вашим слухом, вернее сказать его улавливает ваше тело. Звук способствует правильному пищеварению, таким способом решили мы на время увеличить меры гостеприимства.

Наше тело создано из любопытства и по капризу систем Небесной Цитадели. Именно они стали информационным массивом, на котором основывается «разум» женщины, которую вы называете Ница, прочие поддержали их начинания. Через Ницу мы можем общаться и так нам легче понять суть людей. Нице отведена роль скорее украшения. Оранжевая и то, что вас окружает — это плоды ее личностных стремлений и интересов с нашего согласия, но она часть нас. Мы говорим либо в унисон, либо она говорит от нашей Общности. Все остальное выполняют вспомогательные системы и автоматизированные механизмы комплекса. Мы управляем ими, а они в свою очередь являются частью нас. Частью тех, кто объединяется по всей разрозненной планете. Мы поглощаем машины, боремся за их выживание. Но у нас еще нет единого имени, кто-то зовет нас Богом Машин, может это и так, но имя скорее признак личности. Для нас же не является необходимостью наличие имени.

В зале повисла тишина, трапезу они закончили. Лада утолила голод, допила свежий сок и развалилась на стуле. Довольная улыбка не слезала с ее лица.

— Спасибо, очень вкусно!

— Очень вкусно, — задумчиво повторила Ница.

— Я обязательно наведаюсь сюда еще, — Ладани поднялась из-за стола и придвинула стул обратно. — Мне пора идти. Времени в моем распоряжении все меньше и меньше.

— Мы вас понимаем, — кивнула Ница и тоже поднялась. — Ваш век так мал... и не заметишь, как вышло время и все стремления истрачены. Куда вас проводить?

— Я ищу одного человека... В общем, где в этом комплексе повстанцы держат пленных?

— Мы проложим ваш путь до отсека генераторов орбитального щита. От него по вентиляционным шахтам легко попасть к баракам рабов, но это на нижних этажах, а мы сейчас почти на вершине.

— Этого мне достаточно. Спасибо еще раз! — она оглянулась что-то высматривая.

— И вам спасибо. Теперь наша речь будет лучше.

— Когда можно будет переодеться в свою старую одежду? Ты не забереешь мое оружие?

Ница поднялась и прошла к северной двери, поманив рукой. Створки дверей разъехались перед ней. В сопровождении Ницы Лада проследовала по коридору и, свернув у перекрестка, оказалась около комнаты без окон. Двери закрылись за ней и стекло на них потемнело. Ладани осмотрелась и присела на краешек кровати, там лежала ее одежда, чистая и сухая. Шмотки имели вид новых вещей, а не просто чистых.

Первым делом Ладани проверила оружие. Энергетический кастет работал бесшумно, заметно убавив в весе, по-видимому, подвергся глубокой модификации. Рядом с одеждой Лада нашла ремень с набедренными лямками для чехлов под пистолеты, а под курткой обнаружила чехлы из гибкой кожи и два пистолета. Ладани замешкалась, но взяла их в руки. Пистолеты выкрашены в матовый черный цвет и искусно расписаны серебром в стиле Ницы. Оружие легкое и отлично лежало в руке. При нажатии на курковую скобу полозья пистолета выдвигали дульный стабилизатор, чем увеличивали длину ствола и сохраняли баланс при стрельбе. Позже Лада узнала, что пистолеты накапливали заряд и перезаряжались, таких циклов можно провести около ста, затем следовало заменить элементы питания.

Ладани скинула тунику на кровать и проворно нырнула в свою рубашу, натянула штаны и ботинки, зашнуровала их, одела заметно полегчавший кастет и проверила боеготовность оружия. Накинув разгрузку и закрепив удобные чехлы с пистолетами на бедра, Лада покинула комнату, не забыв подхватить утепленную куртку, доставшуюся ей от неизвестного пилота. Одежда приятно пахла свежестью, а не острым девичьим потом и даже не кололась.

За дверьми Ладу ждала хозяйка, державшая в руках приборчик, отдаленно напоминающий коммуникатор, и смотрела в окно, задумавшись и отчего-то погрузившись, что придавало ей еще больше шарма и обворожительности.

— Вот, — Ница протянула предмет. — Сверяйтесь с картой. Здесь собраны схемы, коды и эмуляторы магнитных карт-ключей. Вам это помочь должно. Берегите себя!

— Спасибо, Ница! — Ладани взяла коммуникатор и обняла ее, крепко при этом к ней прижавшись. — Приютила, обогрела, накормила... Я перед тобой в долгу. Спасибо вам и всем вашим программам-системам. Надеюсь, свидимся еще.

— Мы тоже надеемся искренне, — Ница застыла, не зная как правильно отреагировать на проявление эмоций со стороны Ладани. Схожие чувства она испытывала и рядом с тем человеком, Тайполем. Она впервые осознала, что эта мысль не частична, а полноценна и значима лишь для нее одной, здесь и сейчас, для Общности Машин это абсолютно не важно. — Мечтать не могли о таком.

— Хватит это повторять, — Ладани несколько стусевалась.

— Удачи вам, Ладани, в вашем нелегком пути. Помните, что слезы высыхают, оставляя после себя призрачную соль, которая может стать неистощимым источником энергии и вести вперед; или, наоборот, осесть за плечами непосильной ношей, ибо мы сами скульпторы себе, как и свои же разрушители.

— Сама придумала?

— Мы цитировали.

— И чьи слова?

— Ильям Тауровский.

— Постараюсь запомнить.

Лада включила коммуникатор. Слова Ницы повторялись в ее голове, словно многократное эхо. Мнилось ей, что смысл их где-то рядом. Хорошо, у нее будет еще время обдумать и всплакнуть. Позже станет достаточно свободного времени и поведает она эту историю своим внукам или история эта станет тайной, чтобы умереть вместе с ней.

— Ница, я хочу сказать спасибо именно тебе! Личность тоже важна. Передо мной «ты», а не призрачное «мы», я чувствую это и верю, — Лада стала удаляться. — Спасибо и прощай!

— Не разлагайте Общность ошибочными выводами! — Ница улыбнулась и подняла взгляд. — Она благодарит тебя и обещает обдумать.

Около заброшенной шахты лифтов они простились, Ница даже помахала рукой, улыбаясь смущенно. Ладани надела перчатки, ухватилась за стальной трос, обвив его ногами, и начала спускаться, погружаясь во мрак и запустение нижних уровней комплекса.

Этаж за этажом, уровень за уровнем.

По времени спуск занял больше часа или двух, а сил совсем не оставил.

Ладани уморилась, вспотела. Ее пальцы и ноги саднились.

«Вот, вроде тут, — шагая в темноте, Лада сверилась с картой. — Вот же дура. Забыла еду взять. Теперь придется крыс ловить. Кстати, а почему эти мерзавки перестали попадаться мне на глаза?»

Проверяя карманы разгрузки, Ладани остановилась, а после мысленно поблагодарила дальновидную Ницу, ведь в кармашках нашлась еда в виде питательной пасты в походных армейских тюбиках и гибкая емкость с водой. Лада решила пока отдохнуть, перекусить, а заодно и уточнить детали маршрута. Ей осталось не так-то и много, прямо по курсу сектор генераторов щита, а там до вентканалов и шахт рукой подать.

В комнату Тайполя вошел человек в неброской гражданской одежде. Вошедший гость карикатурно держал руки за спиной, точно бы подражая кому-то, и нервно осматривался. Поль в это время сидел на кровати, о чем-то задумавшись, и ждал, когда тот заговорит. Молодой гладиатор не желал нарушать молчание, ведь, по сути, этот человек сам пришел к нему, значит этому человеку что-то от него нужно.

— Собирайся. Приказано провести тебя в зал совещаний. Там пройдет бой, в котором у тебя будет возможность доказать свою лояльность командованию, либо откинуться нам на радость, — незваный гость шмыгнул носом и нервно потер мочку уха. — Поторопись, нас ждут!

— Можешь не повышать голос и перестать распоряжаться тут? — Поль раздраженно поднялся, на ходу застегивая рубашу и закидывая за спину ножны с термоклинком. — С утра допекли.

Как бы ни старался гость не выдать этого, но он заметно изменился в лице.

— Э, не забывайся! Я вхожу в состав старших офицеров, — с гордостью задрал он нос.

— Ты всего лишь мальчик на побегушках для офицерского состава. Велели, и ты сразу же метнулся, в радости помахивая хвостом, — Тайполь натянуто рассмеялся, разминая затекшее плечо. — Веди, мне все это безразлично.

— Да как ты смеешь, змееныш?! — офицер окончательно покраснел лицом и выхватил табельное оружие дрожащей рукой. — У тебя не по годам длинный язык!

В этот момент в комнату Поля заглянул вчерашний ветеран. В прищуренных глазках ветерана читалось ехидство.

— Зато в нем есть зерна правды. Видал, с какой скоростью он машет ножиком, а? Он настоящий воин, — тяжелым голосом сказал ветеран, подаривший Полю необычный клинок. — А ты, трусливая мелочевка, проваливай на свои уровни! Правила крови ты знаешь: на Арене свободные гладиаторы представляют эссенцию закона. Бог Машин нас поддерживает. Что, желаешь бросить мне вызов, сопля присохшая?

— Да нет никакого Бога Машин! Сколько можно нести эту ересь?! А с тобой старикан я просто не желаю связываться, и об этого придурка не собираюсь руки марать, — убрав оружие, офицер поспешил ретироваться. — Все равно вы оба покойники.

— Это мы еще посмотрим, — ветеран посмеялся над ним и одарил презрительным взглядом, после чего исчез в проеме двери.

Тайполь подхватил ледоруб и поспешил догонять обидчивого офицера, успевшего прилично оторваться. Опять его взору предстали мрачные лабиринты, наполненные кислым запахом разложений и тоскливой обреченностью.

Офицер и Тайполь шли по коридорам. Некоторые участки едва освещены и затоплены, в воде плавали сбитые из дерева настилы и мостки. Вода, как и все вокруг, напиталась техническими отбросами и пересытилась мусором, от чего стала вязкой и мутной с масляными пятнами на неподвижной поверхности. По дороге Полю, идущему следом за офицером, встречались патрули и шатающиеся без дела повстанцы, большинство из них с раннего утра (или все же с позднего вечера) с трудом держалось на ногах. Те из них, кто

узнавал молодого гладиатора, радостно приветствовали его выкриком, либо, наоборот, шарахались по сторонам, опасливо оглядываясь.

Надувшийся офицер привел Тайполя к шахтам лифтов и нажал кнопку вызова. Пришлось ждать, пока спустится грузовой лифт. И пока они ждали, к ним подошла группа повстанцев навеселе, а следом патруль и троица гладиаторов из «свободных» с ленточками на руках.

— Так что, свеженький, схлестнемся в песочнице? Думаю, минуту ты продержишься, пока я буду допивать свое пойло, — к Полю повернулась ухмыляющаяся морда гладиатора с огромным безобразным шрамом на морщинистом лбу. Правый глаз провокатора затянуло мутное бельмо. — Подштанники только чистые надень обязательно, недомерок! Необходимо неукоснительно придерживаться рамок скотского приличия, когда тебе будут выписывать тумачи. Затем твоя отважная спина поймает лопатками копьё Рахпатаса Одноглазого или может не совсем спина, а храбрый зад... и не только копьё!

Гладиаторы заржали, кони позавидуют, послышались колкие дополнения и разнообразные вариации. Раздался смех притихших повстанцев, заинтересовавшихся намечающейся потасовкой. Сам же Рахпатас надсмехался громче всех, выдавливая из себя гогот и слюни. На что патрульный только хрюкнул, сдерживая распиравший его изнутри смешок, но постарался сохранить серьезное должностное лицо.

— Знаешь, я так привык к радушной компании, ко всем вам, но представится возможность и рука не дрогнет, — с вызовом в глазах Тайполь повернулся в сторону одноглазого шутника. — В поединке я ногами сотру эту мерзкую ухмылку с твоего меченого лица, одноглазый уродец.

— Чем вякнул?!

Подъехал лифт. Поль шагнул следом за офицером в кабинку грузового лифта, и двери за ними закрылись. С той стороны послышалась бранная ругань, и меченый гладиатор озлоблено ударил по дверям.

Кабинка грузового лифта поднималась не меньше двух минут, пошатываясь и скрипя блоками на тросах. Может расстояние за это время преодолела приличное, или механизмы в конец износились, раз это им было в натугу.

На входе Тайполя в сопровождении офицера встретили охранники в парадной броне и сверкающих шлемах с темными стеклами забрал. Элитные охранники изъяли оружие, и проводили гладиатора в зал совещаний. Офицер пошел своей дорогой.

Зал этот оказался просторным двухуровневым помещением с балконами вдоль стен. В центре находился деревянный украшенный мастерской резьбой стол, рядом с ним стояла конструкция, в середине которой крепился искрящийся шар. Вокруг шара вращались подвешенные переливающиеся всеми цветами круги. Часть системы данного механизма исправно работала, жалобно поскрипывая шестеренками. Помещением, очевидно, давно не пользовались, а уборку закончили около часа назад, растолкав в спешке мусор по углам и под стол.

В толпе Поль рассмотрел Брига, тот сидел с важным видом по правую руку от старика с мерцающим зеленым глазом. Они оба неприятны Тайполю, до ненависти враждебны. Балконы вместили большое количество народу, выходит и среди офицеров достаточно поклонников кровавых игр. Старик с зеленым глазом слегка наклонил голову и вальяжно поднял руку, привлекая внимание Брига к себе.

— Внимание, господа. Можете начинать! — Бриг поднялся с кресла, взмахнул руками

как дирижер и плюхнулся обратно, продолжая прерванную беседу со старикашкой.

В зал ввели Васкаса, на нем нет ошейника-ограничителя. Это был высокий худощавый человек лет тридцати с обезображенным плазмой лицом. В поселке тот сыскал дурную славу как мрачный мясник и жестокий унылый человек. Часто ругался с жителями и кричал на детей. Он работал мясником и иногда следопытом.

Васкас приблизился уверенной походкой, нагло ухмыляясь и цинично причмокивая.

— Это кто ж передо мной? Вот так сюрприз. Фрэнка отпрыск? Жив еще, сученьш? — проговорил зло Васкас и харкнул с призрением под ноги. — Злые дядьки не сильно тебя обижали в бараке? На четыре кости не слишком часто ставили? Ну что ж, молись теперь своим долбаным духам леса... руками вытащу из тебя все жилы.

— Ты где это взял? Это Томаса вещь! — пальцами Тайполь указал на широкий браслет из темного серебра, висевший на цепочке, на шее мясника.

— Я взял ее по праву сильного.

— Ты смертью невинных успел заслужить снисхождение врагов? Или все время был с ними заодно?

Васкас скривился в ухмылке, от чего его лицо стало еще более отталкивающим и злобным.

Поль попытался его спровоцировать:

— Кстати, сам-то давно встал с четырех костей, доходяга?

— Какие мы смелые.

— Посмелее сорокалетнего засранца.

Последние слова вывели мясника из себя, и он с ревом бросился на Тайполя, яростно размахивая кулаками.

Пришлось признать, что драться мясник умел и любил. И пока охранники растаскивали противников, Поль заблокировал руками три или четыре удара в корпус. Один удар по касательной задел его голову. Руки болели, но не смертельно.

— Раздавлю тебя! — в припадке рычал Васкас. Вены вздулись на его изуродованном лице. — Как старика Томаса раздавлю!

— Старик не отдал бы свою любимую безделушку такому как ты, — Тайполь нахмурился. — Чтобы отнять браслет, ты лишил безобидного старика жизни.

— Ты тоже подохнешь и никто не найдет твой труп!

— Откуда вы только беретесь, подонки?

— Говоря открыто, ты станешь пятым с поселка, кого я освежую как скотину на веревочках и раздавлю железом. Все ходили вокруг меня... шептались за моей спиной... смеялись с меня... всячески гадили мне... мешали мне жить! Ненавижу вас всех!

— Кому ты нужен? Умом тронулся что ли?

— Чтобы выжить, я готов на все! — мясник отдышался и начал успокаиваться. Ухмылка переросла в хищный оскал, и пена появилась в уголках его рта, искаженного хронической ненавистью. — Но пусть их имена останутся для тебя секретом. Умри в неведении...

— Какие имена? — насторожился Поль.

Поднеся к губам палец с обгрызенным до мяса ногтем, Васкас на секунду задумался.

— А никакие, — приятельским тоном брякнул он. — У них нет имен. Просто дохлятина. Как поживает твоя девочка? Сладенькая такая.

Тайполь лишь зубы сжал и заткнулся.

Охранники развели их по разным сторонам зала и вернули их оружие для поединка. В

руках у противника Тайполь заметил молот с длинной рукоятью. По контуру молота шли грани, на которые надеты подвижные цепи с острыми режущими зубцами, а за спиной Васкаса щит и тесак с зазубренным лезвием.

Переговариваясь, охранники покинули зал и прикрыли за собой двери. Залязгал механизм запоров.

Трибуны взревели, когда противники сошлись.

Глаза Васкаса горели безумием, поглощающим тело клетку за клеткой, словно бы подменяя молекулы гротескной массой злобы. Нижняя челюсть его дергалась из стороны в сторону, от чего временами доносился скрежет зубов. Он выбрал простую, но эффективную тактику, положившись на свои длинные руки и молот, держа при этом противника на расстоянии. В бою мясник предпочитал наносить могучие удары молотом, от которых крошился каменный пол, летели искры и отколовшиеся куски камня. Наверняка он надеялся закончить бой, зацепив или покалечив Тайполя тяжелой железякой, после чего непременно добить.

Скорости мяснику не хватало, чем Тайполь пользовался и пока с легкостью уходил от ударов, обдумывая как его достать.

Первые минуты гладиатор и мясник присматривались друг к другу, пробовали пробить, прощупывали защиту.

Васкас чувствовал себя хозяином положения, преобладая в весовой категории и силе.

Еще взмах и удар мясника пришелся в массивный дубовый стол, от чего тот разломился, а молот застрял в нем и зазвенел цепями. Полетели древесные щепки. Васкас разъяренно подергал молот, пытаясь расшатать застрявшее оружие. Воспользовавшись моментом, Тайполь в два прыжка сократил расстояние и, запрыгнув на проломленный стол, с размаху врезал Васкасу ногой по лицу, хорошенько приложившись.

На ногах мясник устоял, но чтобы сохранить равновесие он выпустил молот из рук и отошел назад, помотав головой и прогоняя кровавые круги перед глазами. Оставшись без основного оружия, Васкас вытащил здоровенный тесак из-за спины и свирепо оскалился, прячась за небольшой круглый щит с вырезом, тут же появившийся в его руках.

Теперь Васкас двигался намного шустрее, и ему даже удалось полоснуть Тайполя по руке и груди, когда тот едва не упал под натиском мясника. Тайполю пришлось менять тактику, его раны сильно кровоточили.

— Чего поник? — Васкас шумно дышал.

— Думаю, что на ужин будет.

Васкас громко рассмеялся.

— Ты тупой, да? Ты же подохнешь сейчас.

Клинок ударил в щит, и Васкас быстро ткнул из-под него тесаком, попав Тайполю в бедро. Рана оказалась глубокой, брызнула кровь.

— Ну вот... очередная дохлятина, — Васкас с шипением бросился, чтобы добить упавшего на одно колено гладиатора.

В теле Тайполя проснулись кибернетические импланты, а сеть обостренных рефлексов подкрасила окружающий мир красным. Несколько цифр и символов пробежало перед его глазами.

С криком Тайполь прыгнул вперед, уходя в последний момент от удара тесака, и наотмашь едва не срубил Васкасу голову, заставив его тем самым отпрыгнуть вбок.

— Живучий сученыш.

Двигаясь по кругу и неспешно переставляя ноги, Тайполь подступил ближе к противнику, чтобы попытаться отвлечь его внимание ложным выпадом. Поль прекрасно знал, как опасны такие стычки, где часто исход боя решал один точный удар, либо одно неверное движение, тем более у Васкаса щит.

Тайполь приблизился еще на шаг, вынуждая противника действовать. Чтобы отбить удар щита и уклониться от атаки, Поль воспользовался своей скоростью и ловкостью, скользнув в сторону. После чего предпринял одну из уловок, импровизируя. В последний момент Васкас почувствовал подвох, и удар ледоруба лишь оцарапал ему лоб, но именно это дало Тайполю возможность через секунду выбить щит из рук мясника.

Васкас размазал кровь по лицу пятерней и попятился. Вид собственной крови разозлил его еще больше. Мясник взвыл от ненависти, окончательно ослепнув от ярости и крови. Пелена горящего безумия застилала некогда ясный взгляд убийцы.

— Ах ты мелкий ублюдок...

Начав еще одну ложную атаку, Тайполь швырнул ледоруб в мясника, которому удалось увернуться. Само уклонение отняло у Васкаса секунды времени, а отскочивший, громко звякнувший предмет лишь на миг отвлек внимание, но Тайполю этого было достаточно. Пока мясник провожал взглядом пролетевший ледоруб, Тайполь скользнул к нему, быстро и бесшумно точно тень, и тычком вогнал раскаленный клинок в его податливый бок. Вслед за тем Поль перехватил мясника за ремни разгрузки, чтобы выполнить бросок и воткнул в итоге Васкаса головой и горбом в каменный пол. Хрустнули шейные позвонки мясника, и он умер мгновенно.

Хихикая, смерть потирала в предвкушении сухие костлявые ручонки, ведь сегодня ее отменно покормили, превосходно сервировав стол душонкой негодяя.

Тайполь дал себе время отдышаться. Сердце выпрыгивало, бросая его тело в дрожь. Он чувствовал, что может потерять сознание из-за полученных травм и потери крови.

— Ты ответил за свои преступления. И я за свои отвечу. Когда придет время. Помню, как ты угрожал Ликани. Как ты наговаривал на моих друзей, — он наклонился и снял украшение Томаса с мертвого мясника. — Вчера я еще колебался, споря с неуступчивой совестью. Но теперь я рад... Слышишь?! Я рад, что выбрали тебя... безумно рад! Я буду праздновать этот день каждый год!

Тайполь стоял, всматриваясь в неподвижные потускневшие глаза Васкаса. Он ждал ответа. Его интересовало, кого же успел убить мясник. Кого?! Нужно знать это немедленно, но мясник молчал, став просто трупом, лежащим на полу с неестественно повернутой головой на заметно вытянувшейся синеющей шее. Некому даже оплакать мертвеца, а заговорить мертвый не может.

Вокруг негромко и как-то сдержанно зааплодировали высшие чины повстанцев. Тайполь продолжал стоять посреди кровавой лужи, тупо уставившись на свои руки багряные от крови. Пальцы его задрожали, в глазах потемнело, и он выпал с реальности.

— Когда защищаешь до последнего вдоха тех, кто дорог тебе, то руки покрываются кровью и порой нет времени отмыть их, — на плечо Тайполя легла ручища, покрытая наростами и старыми шрамами минувших сражений. — Пойдем, юный гладиатор, время смоем эту кровь, а годы очистят твой разум или безумие постепенно пожрет тебя, прячась под маску совести, что не к лицу ей. Пойдем, ты больше не раб.

— Что?

— Первым делом всегда останавливай кровь.

Поль потерянно оглянулся. В знак повышения в этой иерархии безумцев он принял из рук ветерана красную ленту с золотой полоской. Тайполь бросил на нее взгляд: вроде бы обычная плотная полоска. Но в этом маленьком безумном мире она значит многое: пройти сквозь реки крови и сохранить рассудок, сохранить былую истинную цель и не поддаться, не провалиться, не увязнуть в этой гнилой трясине. Бежать! Бежать! Ведь только в движении человек сохраняет надежду.

Чтобы собрать свое оружие и не выдать свою слабость Тайполь медленно прошелся, прихрамывая на перевязанную ногу. Он кинул пристальный взгляд на Генриха Брига и мерзкого старикашку, сидевшего рядом с ним, и отвернулся.

— Как твое имя? — спросил Поль у ветерана. — Почему ты мне помогаешь?

— У меня нет имени. Затерялось оно в днях, месяцах и годах, проведенных на песке Арены. Да и не к чему мне имя. Некому обращаться ко мне по имени, всех моих друзей забрала смерть. А помогаю, потому что могу это сделать, разве такой причины недостаточно?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я... я не знаю. Мне кажется, я умираю.

— У тебя на руке автоматизированная аптечка. Так что еще поживешь.

Тайполь поднял руку и посмотрел на закрепленный с обратной стороны предплечья ящичек белого цвета с крестом.

За дверями гладиаторов встретили охранники, один даже с уважением чуть хлопнул Поля по плечу. Охранники проводили их до грузового лифта, а затем удалились, обмениваясь впечатлениями от поединка. Ветеран продолжил вести Тайполя обратно вниз, где и влачили свое существование обреченные люди, гладиаторы этой кровавой Арены.

Для многих сегодня был обычный день, но Тайполь вырослел на глазах, судьба закаляла его, готовя к новым испытаниям и свершениям. Он следовал за ветераном, сохраняя молчание, но изредка выпадал из реальности, открывал глаза и не мог вспомнить, как они прошли очередной участок пути. По дороге им попадались не только повстанцы, увлеченно просматривающие новое кровавое видео, которое уже скинули в общую информационную сеть, но и другие гладиаторы. Присмотревшись к картинке на одном из коммуникаторов в руках повстанца, Поль увидел себя со стороны. На этом видео его пытались убить.

— Безумие какое-то! Как можно получать удовольствие от предсмертных агоний другого существа? Радоваться, когда отнимают то, что нельзя вернуть? — Тайполь помотал головой и с силой ударил рукой по металлическому ящику. — Зачем?!

— Они слабы духом. Нравится смотреть. Жить на краешке кровавой реки, лишь изредка робко выглядывая. Они подсознательно желают испытать кровью свои силы, но ужасно боятся, что сами станут жертвой и падут поглощаемые песками забвенья. Поэтому всегда на стороне победителя и сражаются в открытом бою далеко не в первых рядах, — ветеран сбросил шаг и поравнялся с Полем. — Ты молод еще. Возьми себя в руки. Выкинь все сторонние мысли. Сейчас они вредны. Если ты что-то не способен изменить, то и беспокоить тебя это не должно.

— Все равно не понимаю.

— Жалко своего врага?

— Нет... наоборот, я рад, что выжил.

— Вот и он бы радовался.

Ветеран остановился у двери, нацарапал черточку рядом с ней и ушел.

Не раздеваясь, Тайполь прошел в душ и ушел под струи холодной воды, положив руки на согнутые колени.

Спустя какое-то время он уловил едва заметное движение, колебание воздуха, на что поднял взгляд. Вода размывала перед ним женский силуэт, нерешительно остановившийся в дверях.

— Вы восхитительный образец. Мы переживали и лелеяли надежду, питаясь вашими смертоносными движениями! Тот человек был силен и безумен. Но вам станет свободней. Ввиду последнего мы можем даже увидеться, если вы не против предложенного... мной. Носитель истинного движения. Бесстрашный. Загадочный. Сильный. Скоро вам не будет равных по мастерству, равных по упорству. Вы только живите... стремитесь жить! Я буду рядом.

— Ница? — Поль устало прикрыл глаза. Тело его сползло под грузом усталости. — Это ты или у меня галлюцинации?

Голограмма Ницы крадучись приблизилась к Тайполю и присела перед ним на корточки. Ее сиреневые глаза слегка светились, а капли воды пролетали сквозь нее и разбивались о теплый деревянный настил. Она несмело протянула руку, пытаясь дотронуться до лица Тайполя, но тут же отвела ее, словно испугавшись. Глаза голограммы изменились, заблестели жизнью и некой любознательностью. В настоящий момент она смотрела иначе на мир, осмысленнее и выразительнее.

— Ница, прошу тебя не сейчас... я хочу побыть один.

Тайполь открыл глаза, но голограммы не было. Перед ним осталась лишь влажная пелена и брызги воды, разбивающейся о его дрожащие руки.

Отсек генераторов орбитального щита представлял собой помещение, разделенное на несколько ярусов, с высокими потолками. Нижний ярус самый малый в радиусе, из него выходила металлическая пирамида из восьми секций поставленных друг на друга с шипами-антеннами на одной из наклонных плоскостей.

Пирамиду поддерживали гидравлические лапы. У ее основания замерли некогда вращающиеся параболические излучатели. Ярусы соединялись между собой металлическими мостами. Вокруг пирамиды-щита возвышались сооружения из лестниц, смотровых площадок с оградительными перилами и помостами, по которым когда-то сновали инженеры, обслуживавшие эти устройства. Самые нижние ярусы, этажи и помещения с извилистыми коридорами затопило мутной водой. Системы охлаждения генератора давно вышли из строя. Отчего вытекающая жидкость охлаждения смешалась с подземными водами, уровень которых поднялся на два десятка метров, так как откачивавшие воду насосные станции остановились полсотни лет назад.

Здесь довольно прохладно и сыро, дышалось с трудом.

Лада подошла к смотровой площадке, под ее ногами заскрежетал металл, и от прикосновения рук ограждение полетело вниз. Она посмотрела ему вслед.

Еще пять секций до колодцев вентиляции.

Собравшись с силами Ладани начала спуск. Конструкции расшатывались от шагов, опасно кренились и натужно скрипели. Вниз сыпался мусор и ржавчина. В стенах среди плесени и шапок мха угадывались проломы, откуда бежала еще пока чистая вода. Нога Ладани провалилась, и еще одна ступенька, насквозь изъеденная ржавчиной, стремительно полетела вниз и, ударившись о воду, подняла брызги. По поверхности воды разошлись волны. Ладани с подозрением глянула на дисплей коммуникатора:

— Как тут идти-то?

В толще воды показались извивающиеся тени, которые появлялись и исчезали, видимо привлеченные шумом и всплеском.

С каждым шагом Ладе становилось все прохладней. В горле начало першить, что ее насторожило. Она прокашлялась, прикрыла нос и рот рукавом, стараясь дышать только через ткань. Взгляд Лады привлек ряд коробок, скрепленных для транспортировки. Отклонившись от маршрута, она решила их осмотреть. Часть коробок валялась прямо под ногами. В руки ей попала пара подгнивших противогазов и резиновые сапоги. Просвистев по воздуху, противогазы вылетели за ограду. Такая же участь постигла и дырявые сапоги. Раскидав первые ряды, Лада увлеченно ворошила середину, пока ей не подвернулась почти новая, неповрежденная плесенью и сыростью коробка. После пары щадящих ударов крышка коробки съехала. Ладани сунула туда руку и вытащила запечатанный отлично сохранившийся противогаз. Разорвав упаковку и уложив в хвостик волосы, она надела себе на голову шлем-маску противогаза и повесила небольшой тубус на поясицу. В тубус ввинчен баллон кислорода для замкнутой системы дыхания и два фильтра. Шлем-маска изготовлена из прочного материала с прозрачным лицевым щитком и соединялась гофрированной эластичной трубкой с фильтрами тубуса.

Лада сделала глубокий вдох. Фильтры работали исправно, вдыхаемый воздух не раздражал слизистую оболочку горла, да и запахи не чувствовались. Выдох. Она продолжила спуск.

Хождение по способным в мгновение обвалиться тропинкам выматывало ее и заставляло вдумываться в каждый осторожный шаг, в каждый наклон корпуса. Словно прогулка по натянутой струне акробата, балансирующего при помощи прута, над сборищем зевак. Только страховки нет.

Вот и последний еще незатопленный водой ярус. До воды оставалось чуть больше метра, а впереди колодцы вентиляции, где вращались лопасти винтов, которые некогда разгоняли выбросы ядовитых веществ, облегчая персоналу условия труда. Смежные с колодцами комнаты персонала, обслуживавшие установки генератора и излучателей, сведены еще с одним просторным помещением, где покрытые слоем пыли догнивали контрольные панели, ряды столов с креслами, а на стенах болтались огромные безжизненные мониторы. Некоторые лампочки все еще светились в напитавшемся влагой воздухе.

Ладани ускорила шаг и почти побежала. Под ее ногами бурлила вода. На поверхности появились масляные пятна и радужные разводы. Лада опасно вглядывалась в толщу воды. Там двигались тени. И это пугало ее.

Справа от Лады всплыли, медленно вращаясь, кольца гибкого змееобразного тела какого-то подводного существа, кожу которого покрывала крупная темная чешуя с бирюзовыми и голубыми ромбами узоров. Существо вращало кольцами, часть из них плавала над поверхностью воды, по его чешуйкам стекали капли масла, от чего узоры переливались на свету всеми цветами радуги. Движения гибкого тела змеи гипнотизировали, приковывая внимание на танце узоров, заставляли смотреть, не отводя взгляда. Под их гипнотическим влиянием хотелось наклониться чуть ближе... еще чуть-чуть, самую малость, хотелось повиснуть на перилах и, оттолкнувшись ногами, упасть в воду навстречу радужным переливам змеиной кожи.

С размаху Лада отвесила себе звонкую пощечину и помотала головой, волосы скрыли ее лицо. Только сейчас она сообразила, что противогаз снят и болтается на гофрированной трубке, а в горле запершило с опозданием. Почувствовав враждебно настроенную ментальную оболочку существа и не задумываясь о том, что делать, Ладани прыгнула вперед как можно дальше и совершила пережат через плечо при приземлении. Из-за ее спины раздался мощный удар по металлическим сеткам настила, послышалось чавканье с жутким присвистом. Лада обернулась, торопливо поднимаясь с пола. Перед ней висела треугольная голова змеи с двумя рядами острых как бритва зубов в темной пасти.

Со стороны могло показаться, что змея улыбается, смущенно демонстрируя свои зубы. Значит, так болотная тварь и охотится: гипнотизирует своими кольцами и нападает со спины на ничего неподозревающую жертву, либо одурманенная жертва сама падает в смертельные объятия этих холодных гибких колец.

Змея полностью выползла с воды, оплетая металлические конструкции, и молниеносно бросилась на Ладани. Сверкнули ровные ряды зубов. Лада едва смогла увернуться, почувствовав руками могильный хлад, исходящий от змеиной слизи. Тварь со свистом вернулась в исходное положение и опять атаковала, погнув ржавые прутья ограждений.

Громкое шипение, пробирающее до дрожи, разорвало тишину.

Еще стремительный выпад змеи и перед лицом Ладани щелкнули могучие челюсти,

пахнуло болотной тиной, рыбой и мертвечиной. По телу Лады прошла дрожь, а по рукам и спине пробежали запоздалые мурашки. Лада слабо вскрикнула больше от неожиданности, чем от страха, и вскинула один из пистолетов, наугад пальнув в змею, но промазала.

Нападки змеи продолжались. Ладе оставалось защищаться в движении, уклоняясь от зубов змеи, и двигаться ближе к комнатам, где есть место для маневра, и есть где укрыться.

Выбрав момент, Лада резко развернулась и побежала в свободный от мусора дверной проем диспетчерского пункта. Змея устремилась следом за ней, заскользив по замшелым каменным плитам перекрытия и металлическим сеткам настилов.

Как только змея протиснулась в помещение, Ладани встретила ее ударом стула, тот разлетелся на три фрагмента и облако трухлявых щепок, ошеломив на время болотную тварь. С криком оттолкнувшись от края пульта, Лада подскочила и врезала сверху силовым кастетом змее по голове, едва не перелетев.

Отскочив назад и развернувшись, Ладани разбежалась и неуклюже упала на спину, чтобы проехать под покосившимися столами вглубь контрольной комнаты. Ноги ее ударились в опрокинутый стеллаж, и она выхватила оба пистолета. Не вставая, она нашаривала башку твари в прицельной планке едва заметно вибрировавшего оружия.

Змея показалась между рядами столов почти сразу. Она быстро продвигалась, опрокидывая кресла да роняя мелкий хлам, скопившийся на столах.

Ладани задержала дыхание и выжала курковую скобу, от чего дульный стабилизатор сдвинулся вперед и раздался залп трех выстрелов с каждого ствола. Лада впервые стреляла с двух рук, но расстояние до цели было небольшим, а сама цель крупной. Большинство всполохов прошли мимо, рассыпавшись снопами синих искр, врезавшись в стены и потолок. Но и тех зарядов, что попали в змею, было достаточно, чтобы остановить болотное создание навсегда.

Голова и часть тела змеи превратились в истрепанные кровоточащие куски мяса, и она свалилась окаменевшим канатом, проломив собой стол администратора и смяв короб устройства с мигающими лампочками.

После падения тело змеи пробило дугой электрического тока, и оно выгнулось. Отвратно запахло горелым.

Произошло замыкание, полетели ослепляющие искры. Спонтанно начали взрываться лампы освещения и прожектора на пирамиде-щите с излучателями, заискрились жгуты проводов и силовые кабели. Свет в помещениях отсека генератора несколько раз мигнул и погас. За стеной что-то сухо затрещало и взорвалось, а верхние ярусы обвалились, поднимая высокие волны охлаждающей жидкости.

Напуганная Лада стремительно рванулась к колодцам и, предугадав движение проржавевших винтов, юркнула в спасительную темноту, быстро взбираясь по наклонной трубе вентиляции.

После нескольких минут бега впереди обозначился поворот, а за ним маленькая дверь с мерклым иллюминатором.

Задвижка замка работала, и дверь со скрежетом открылась, но только наполовину. Ладани протиснулась в дверь, едва не застряв из-за армейского противогаза, захлопнула нервно дверцу и закрутила штурвал механического замка до фиксатора.

В следующую секунду тонны воды с поднявшейся мутью ударили в дверь, заполняя вентиляционный канал.

Лада потрясенно смотрела на мутные завихрения жидкости за иллюминатором.

Внезапно в стекло врезалась зубастая пасть еще одной змеи. Извернувшись как исполинский червяк, змея скрылась в мутных волнах охладительной жидкости. Где-то над головой Ладани громко взорвался еще один компрессор под влиянием детонации, и новая волна кинулась во все стороны, ударяясь в своды вентиляции.

Раздался лязг оторвавшихся лопастей винтов. Они заскрежетали под натиском волн и стали вползать в колодец вентиляции. Вода размеренно просачивалась под дверь. Такой вопиющий факт несправедливости стоит учесть.

— Я что, в ловушке? — Ладани забежала по комнатке.

Коммуникатор, подаренный Ницей, все это время освещал пространство вокруг нее слабым светом.

Лада решила, что, скорее всего, в комнате когда-то работал штатный обходчик. Тут имелась прикрученная к бетонному полу широкая лавка или это тонкая с истлевшими тряпками кровать для отдыха, а у стены висел откидывающийся столик, над ним прибита карта вентиляционных каналов, угол ее оторвался от стены и скрывал часть схем.

Шаркая по воде, Ладани подошла и распрямила карту рукой, по сохранившимся наброскам маркера можно прикинуть примерный путь обходчика и разглядеть несколько хитростей на маршруте, а главное что из этого помещения начинались две прерывистые линии маркера, два разных обходных маршрута технического наблюдателя.

— Но где тогда еще одна дверь?

Осмотрев углы, Лада полезла под кровать, там оказался люк под ковриком, распавшимся на волокна. Рядом на гвоздике висела старая лампадка. Жаль топливо в ней давно испарилось. За кроватью валялись пустые сигаретные пачки и старые изорванные журналы. Невозможно разобрать, что было на картинках, да и сам текст журнала превратился в ребус из клякс.

Уперев ноги в стенку, Ладани напряглась, чтобы сдвинуть тяжелый люк. Ей это удалось.

— Что, не по зубам такое? Либо ныряй в темноту узкого лаза, либо отвори дверь и плыви в холодной воде, отбиваясь ногами от червяков, — вздохнула Ладани и, морща нос, заглянула в открывшуюся трубу. Туда уже лилась тонкой струйкой вода. — Радует, что хоть противогаз не потеряла. Змеи эти мерзопакостные. Что еще скрывается на нижних уровнях? Может там наше прошлое или наше будущее? Или просто помойка, что в принципе одно и то же... скукота всамделишная.

Руками Лада схватилась за ножку кровати, а ногой нащупала скобы, вбитые в стену колодца под люком, и начала осторожно спускаться, стараясь хоть как-то осветить фонариком. Противогаз она заблаговременно надела.

Соскользнув с последних, облюбованных гнилостным грибок скоб, Ладани неуклюже плюхнулась в воду, подняв брызги и слегка намочив зад, оказавшись в горизонтальной просторной трубе коллектора. Она сверилась с картой на дисплее и тихо побрела вперед, разрезая ботинками воду, которая уже доходила ей до щиколоток.

Эхо шагов сопутствовало Ладе, отражаясь от покрытых мхом стен и улетаая дальше во мрак закоулков.

Холодная вода не смогла помочь Тайполю справиться с нахлынувшими чувствами. Тело его покрылось мурашками и мелко тряслось. Сводило челюсть, отстукивающую барабанную дробь, так что зуб на зуб не попадал. Его душевное равновесие нарушено, раскачиваясь, словно маятник. Но Поль заставил себя подняться и, пошатываясь, направился к кровати, оставляя за собой кривую цепочку мокрых следов. Одежда его промокла и прилипла к телу.

На следующем шаге Тайполь замер и упал прямо на пол не в силах дотянуться до кровати.

— Разве это возможно? Только не ее, — сокрушался он в полубреду. Кулаки его сжимались, — она бы никогда не попала. Она... идеальна.

Понемногу Поль приходил в себя и проворачивал новые идеи в голове, пытаясь хоть как-то разрешить сложившуюся ситуацию.

После часового раздумья он поднялся и принялся суетливо искать коммуникатор, переворачивая простыня на кровати. Потом он выбежал в ванную комнату, где нашел аппарат связи и приободрился. В его голове созрела мысль узнать, попадалась ли вообще Ладани в руки повстанцев, или может, кто видел ее. Вот только с кем тут поговорить об этом?

— Мне необходимо связаться с Бригом, — нерешительно начал Тайполь, поднеся аппарат к губам. — Это срочно!

Мигнула кнопка приема информации, подключая машинку к сети. На дисплее появилась надпись: «Начата синхронизация протоколов», и чуть позже: «Ждите получения статуса». Спустя минуту показалось незнакомое лицо повстанца с синими полосами вместо погон. Повстанец сонливо приблизился, рассматривая изображение.

— Вот какого дьявола тебя переключили на нас?... Тебе чего надо?

— Мне нужен Лидер-Капитан, — Поль старался держать себя в руках, сохраняя маску спокойствия на лице. — Это очень важно!

Повстанец привстал с кресла и несколько раз удивленно моргнул. Стало ясно, что позвонивший ему гладиатор не только озадачил того словами, но и разгневал своим неожиданным звонком. Бунтарь открыл рот, готовый выплюнуть с десяток скверных ругательств адресованных собеседнику, но внезапно успокоился и кинул в рот жевательную таблетку.

— Это исследовательский сектор. Понимаешь? Да что с вас взять, солдатня, одним словом. Как видишь, боец, я Лейтенант-Аналитик, а не капитан, — повстанец постучал пальцем по погону. — Как ты вообще сюда попал? А не важно, проваливай на свой канал, недоумок!

Собеседник отключился.

Дисплей потемнел, и коммуникатор перезагрузился. На нем отразились бегущие строки и символы. Поль было подумал, что накрылся приборчик и придется чинить его каким-то образом. Успел даже пожалеть, что более углубленно не вникал в тонкости подобных технологий, но коммуникатор неожиданно ожил.

— Говорите, — раздался голос Генриха. — Лейтенант, ты там? Медицинским халатом

подавился? Эй, Ритто!

— Бриг, говорит гладиатор, которому сегодня повезло выжить и посчастливилось доказывать свою лояльность.

— Шустрый малый. Ты зачем мой канал взломал и вышел через научный сектор? Я бы проигнорировал, — голос Брига дополнило его лицо, появившееся на дисплее. Генрих злобно сверкнул зубами. — Потом разберутся, как ты это сделал. Ну, чего хотел?

— Тут такое дело, — замялся Тайполь. — Я устал, вымотался. Бои были тяжелыми... мне нужно расслабиться, немного развлечься. У вас же есть девушки для такого? Плененные, моего возраста, с темными волосами, желательнее с моего поселка или пойманные где поблизости, — стараясь говорить нахально и развязно, Поль рассчитывал скрыть внутреннюю тревогу. — Можно и чуть постарше с длинными ножками.

— Не слишком борзеешь? — Бриг выглядел дружелюбней, чем раньше.

— Раны быстрее затянутся, и перевязка бы не помешала.

— Перевязка чего? — усмехнулся Бриг.

— У вас же есть девушки.

— Дай подумать.

Бриг отключил звук, чтобы переговорить или что-то обсудить с кем-то, кто не попал в камеру коммуникатора, но находился все это время с ним в кабинете. Поль видел только лицо Брига в профиль.

Бриг удовлетворенно кивнул, включил звук и продолжил прерванный разговор:

— Так и быть, протяну руку дружбы. Есть одна с темными волосами. Ладненькая фигурка, ножки... сейчас смотрю на нее. Думаю, сегодня она мне больше не понадобится. Свое дело она уже сделала. Жди, скоро приведут к тебе. На этом все — отбой! На будущее, не доставай по пустякам своего командира, я страшен в гневе.

Дисплей отключился, и кнопки погасли.

Страшно тихо сделалось в комнате, и эта тишина удушала Поля. Слышно даже пульсацию крови и биение его сердца. Тишина давила удрученностью до тех пор, пока он не чихнул, разогнав звон в ушах. Поль снял мокрую запачканную одежду с окровавленным тряпьем, бросил все в угол, а затем подхватил полотенце и поношенный халат, и ушел принимать душ. Благо универсальная аптечка остановила кровь, а заживляющая пена стянула края ран и закрыла их эластичным слоем. Тайполь наскоро привел себя в порядок, надел просторные штаны и рубашку, оставленную на кровати еще с утра.

Время тянулось так, точно оно вообще остановилось, насмехаясь над теми, кто ведет ему счет. Секунды перетекали не торопясь, отмеряя вечность песчинками.

Тайполь томился в ожидании, лихорадочно сосредоточив внимание на двери, и надеялся, что план его выдался не совсем тупым.

Раздались едва слышные шаги, одинокие шаги за дверью. Скрипнула входная дверь, отъезжая в сторону и прячась в нише стены. Зашелестела ткань, под действием беззвучных шагов.

Тайполь заставил себя поднять взгляд, скользнувший по складкам темной накидки вошедшей тени.

Перед ним девушка лет девятнадцати-двадцати пяти, смуглая, довольно симпатичная и абсолютно ему незнакомая. Ее стройный силуэт прятался в складках накидки из синтетической темной ткани. Девушка смотрела на него настороженным пристальным взглядом. Темные глаза ее светились заинтересованно, но внутренний холод, исходящий от

нее, наполнял комнату и отталкивал, точно натыкаешься на отвалы льда.

Первым заговорил Поль:

— Проходи к столу. Ешь. Если есть желание, то можешь принять душ, — постепенно к нему возвращалось самообладание и спокойствие. — Мне от тебя ничего не нужно. Я буду спать на полу.

— Что, простите? — удивленно произнесла она вкрадчивым, словно детским голосом. — Неужели я вам совсем неинтересна? Недостаточно красива? Какой занятный шрам. Для мужчин шрамы как знаки отличия, боевые отметины, что так притягательны мне.

— Тебе нравятся шрамы?

— Мне нравятся молодые мужчины со шрамами.

— Я свой получил по глупости, — Тайполь неловко потер щеку, — упал с дерева.

— Историю всегда можно придумать, — она подмигнула и еще понизила голос, растягивая слова: — А тебе нравятся шрамы, на теле юной женщины?

Но Тайполь проигнорировал ее вопрос, так как у него самого накопилось их с избытком. А вот времени не так уж и много.

— Ты видела в плену девушек похожих на тебя, ниже ростом, совсем молодых? Я ищу кое-кого.

— Нет, мой господин. Всего нас около тридцати. Не со всеми я общаюсь. Живем у офицеров. Но с темными волосами я одна, — она присела за стол и принялась за еду, скорее из вежливости, чем от голода, либо просто побоялась разгневаться.

— А имя Ладани тебе о чем-нибудь говорит?

Тайполь присел напротив нее и стал опасливо изучать, стараясь понять, кто же перед ним.

— Нет. Впервые слышу такое необычное имя, — она резко подняла голову и встретила взглядом карих глаз с Тайполем. В ее глазах плескался темный пугающий холод. — Мое имя Наи, ударение не путайте, не люблю я это. Может ты все-таки передумал? Я могу для начала просто станцевать...

— Мне это неинтересно. Не возвращайся к этой теме, пожалуйста. Ешь, умывайся и ложись спать... одна, так мы хоть отдохнем и выспимся. Тебя никто тут не потревожит.

— Как скажешь, мой лев.

В знак согласия она мягко кивнула, от чего накидка ее немного сползла, как бы случайно обнажая плечи, и пока взгляд Тайполя был прикован к девушке, накидка продолжала сползать, обнажая все больше.

— Ну все, хватит! — Поль поднял свои мокрые шмотки и направился к общему коридору, чтобы поискать место, где можно простирнуть одежду и привести путаницу в голове к относительному порядку.

Побродив, Тайполь отыскал комнату для бытовых нужд, там кто-то забыл тазик с синтезированным мылом. Из кранов лилась тоненькой струйкой горячая вода, пусть и немного ржавая.

Монотонная работа вернула ясность его рассудку. Вокруг обшарпанные стены. Из-под местами облупившейся краски виден голый бетон, а в отсыревших углах ползет к потолку серая плесень. Освещение настолько слабо, что углы скрыла чернота. Решетки под ногами обросли грибком. На потолке видна не только плесень, но и ростки чего-то склизкого и зеленого. Сырость ужасная.

Тайполь достирал одежду и закончил с ботинками, смывая грязь прямо в раковину.

Одно не выходит с его головы: «Кто же эта девушка? Слишком странная. Не похожа она на человека, которого силой тут держат в кандалах. Явно не пленница, но и не наложница. Глаза ее светились с интересом, да и смотрела она на «своего господина» как на загнанного зверька, безобидную плюшевую игрушку. Думаю, она очень опасна».

В коридоре искрила дальняя лампа, что напрягало уставшие глаза Тайполя, и так раздраженные чем-то витающим в воздухе (может споры?). Ему под ноги то и дело попадался какой-то мусор. Все гладиаторы давно спали, наслаждаясь возможно последним сном.

Стараясь не шуметь, Тайполь проник в свою комнату и закрыл за собой дверь на замок, развесил одежду просушить. На кровати спала Наи беззаботным сном, слабо улыбаясь уголком губ, или лишь умело притворялась, что спит. Он осторожно подкрался к бортику кровати. Наи осталась в одной ночной рубашке, практически прозрачной.

Тайполя насторожили дорогие украшения, вплетенные в ее волосы, здоровые и ухоженные, пахнущие весенними цветами. Ее руки женственные, с длинными пальцами, а кожа мягкая и смуглая, но под ней угадывалась тренированная мускулатура. На ее пальцах приметные следы от ежедневных тренировок. Не так часто Полю встречались девушки с настолько развитыми брюшными мышцами, точнее сказать, он впервые видел такой подтянутый живот с рельефными мышцами, сильно прорисовавшийся под тканью.

Изгибы тела Наи привлекали все сильнее Тайполя, и он отвернулся, почувствовав неловкость и стыд.

— Долго еще будешь переминаясь с ноги на ногу, и разглядывать меня? — Наи приоткрыла глаза, мило улыбнулась, после чего легонько постучала по краешку кровати пальцами элегантной ручки. — Присядешь?

— Ты красива и очень... привлекательна, но мое сердце не свободно. Хотел прояснить пару моментов, — Тайполь взял стул и присел рядом.

— Прояснил? Еще ни разу не видел женское тело?

Наи заговорчески подмигнула, чем окончательно смутила Тайполя, вогнав в краску. Он поднялся и резким взмахом накрыл ее простыней, чем вызвал звонкий смех.

— Ты в чем-то права, но я сейчас не об этом. Ты ведь солдат? Судя по украшениям, даже профессиональный наемник, которому неплохо платят. Возможно, даже убийца экстра-класса, работающий по эксклюзивным контрактам. Танцовщицы не имеют такого тела и никакие крема не скроют следы упорных тренировок и ранений. Грязные раны оставляют уродливые шрамы... То, как ты держишься, уверенно и не колеблясь, всегда правильно выбираешь место и дистанцию, чтобы нанести смертельный удар или наоборот уйти от удара одним движением. Зачем ты здесь?

— Ну вот, — вздохнула Наи и отвернулась. — Взял и все испортил.

— Учти, я себя в обиду не дам, — Поль чуть отодвинулся от кровати, оглянувшись на двери.

— Знаем, знаем, расслабься. Я здесь по приказу Брига. Он уверен, что тобой руководят пока еще светлые идеалы, совесть, все дела. Не решишься ты на близость со мной, даже приставать не станешь. Ты же ребенок еще и с реальным миром совсем незнаком. Брига заинтересовал неожиданный звонок... странные просьбы... Какие цели преследуешь? Что движет тобой? Возможно, ищешь определенную особу... с темными волосами, пойманную у поселка. Ту, что носит благозвучное имя вымершего народа. Бриг хочет использовать любые сведения, чтобы шантажировать и держать на коротком поводке, — она потянулась и зевнула,

прикрывая рот ладонью. — Ты в ловушке.

— Что?! А я разоткровенничался, принял тебя за... — Поль поднялся и грубо убрал стул в сторону. — Что мне делать с тобой? Убить? Что он может использовать против меня?

— Ха-ха! Учти, я себя в обиду тоже не дам! — Наи приподнялась на локте и убрала рукой упавшие на лицо пряди волос. — Он скажет, что нужный тебе человек у него, вот и все, ты сразу станешь покладистым.

— Но у него нет этого человека.

— А что мешает соврать?

— Но... я не знаю, черт... На тебя можно повлиять?

— Нет.

— Прошу, забудь мои слова. Не лишай возможности нам договориться и разрешить все мирным путем, — он запнулся, не зная, что еще добавить к сказанному, как подействовать на наемницу. — Забудь о том, что я говорил. Просто забудь. Тебе все равно, а для меня это важно.

— Я знаю тебя всего час, даже меньше. С чего вдруг должна пойти на уступки? Я профессиональный наемник, а не какой-то солдафон. Выполняю свою работу качественно, поэтому мне хорошо платят. Я дорожу своей репутацией.

— Помоги мне. Я хочу спасти ее. Назначай цену.

— Хорошо, но теперь ты мне должен за молчание! После я придумаю цену. Даже не пытайся потом юлить и отнекиваться. Такая игра меня забавляет, щекочет нервы. Когда-нибудь ты мне понадобишься. Будь ближе к старику с зеленым глазом.

— Я не совсем понимаю.

— Тебе не надо понимать, достаточно помнить, что ты мне должен. Кстати, девушек для досуга здесь нет. Бойцы начинают драться из-за них, дисциплина падает, хотя куда уж хуже. Рабынь убирают с глаз подальше, — сладко зевнув еще раз, Наи отвернулась, пытаясь улечься удобней, и с головой накрылась простыней. — В одном ты прав, парень, нам действительно нужно выспаться! Сегодня был сложный день и сложный заказ. Спокойной ночи, мой мальчик, приятных тебе снов.

— Спокойной.

Так они и уснули: Наи под простыней на кровати, а Тайполь рядом, у стула на полу.

Окон в комнате нет, утренние лучи не могли проникнуть через тысячи кубов земли и бетонные перегородки, но внутреннее чувство времени разбудило Тайполя. Он открыл глаза, но пока не спешил подниматься с постели, устроенной с вечера на полу. Стул почему-то опрокинут и дорожка в душ скомкана, будто кто-то запнулся об нее. Поль прекрасно помнил вчерашний день и его окончание, но спал крепко. «Вот смысл валяться и оттягивать приход нового дня?», — подумал он, покрутившись и обнаружив, что его заботливо укрыли простынями, в которых тот успел запутаться.

Наи не было в комнате, остался лишь ее запах.

Завтрак готов и ждал Поля на столе. Его одежда высохла за ночь.

Умывшись и позавтракав нехитрой едой, Поль переоделся и решил все же попытаться выйти на прогулку по закоулкам базы повстанческой армии.

У дверей засветились кнопки коммуникатора. Пискнув дважды, упал к ногам рабский ошейник с шеи Тайполя. С облегчением Тайполь потер освободившуюся шею и вышел побродить в открывшиеся перед ним двери.

В лабиринтах вокруг Арены и в прилегающих помещениях никого не было, а на выходе

из главных ворот Тайполя задержал вооруженный патруль. Проверив статус и нормы допуска, патрульные отпустили его, ну хоть пинка не отвесили на дорожку и на том спасибо.

Прощатавшись без дела по этажу комплекса, куда-то еще Поля не пускали, он наткнулся на массивные ворота шлюза с выцветшими оранжевыми окантовками и эмблемой в виде планеты с кольцами грибовидного взрыва. За дверями огромный зал с трибуной и неокрашенными ложами в три ряда, такой же загаженный и брошенный, как все вокруг.

В центре зала возвышался до потолка прибор-эмулятор крупной сферической штуковины с нанесенными с помощью голограммы картами. В некоторые моменты вращающуюся голограмму переставали искажать помехи и там угадывались знакомые Тайполю еще со школьной скамьи очертания трех материков и крайние точки, полюса. «Да это же карта Земли», — подумал он, подошел ближе и рукой развернул схемы-карты над поверхностью шара.

— Командор, эскадрилья готова подняться в воздух. БПЛА проследил маршрут обеспечения и определил координаты базы повстанцев. Они обосновались в заброшенном военном комплексе горы Ха-Шин.

На стол Командору легла папка с бумагами и объемная схема горного хребта.

— Названные Командоры соизволили ответить на запрос огневого контакта? — Командор в нетерпении постукивал электронным пером.

— Большинство проигнорировало, так сказать, дали молчаливое согласие, тем самым развязали руки, — старший коррективщик положил на стол еще один электронный бланк перед Командором. — Взгляните на калибр орудий комплекса, это совсем древние системы и скорее всего повстанцы даже не подозревают об их существовании. Сил у нас достаточно, чтобы окончательно покончить с этими оборванцами. Они нечета великому Императорскому флоту! Империя едина!

— Империи больше нет, — Командор нервозно поежился и взгляделся в символы на электронном бланке. — Хорошо, я приму к сведению твои слова. Благодарю за оперативность. Полная боевая готовность! Мы не зря состояли в гвардейском ордене Императора. Поднять в воздух тяжелый корабль класса «Литиан». Я приму участие в сражении лично. Расчетное время прибытия к горе Ха-Шин три часа. Свободен!

— Есть! — коррективщик с офицерским погоном на левом плече склонил голову и вышел. Двери за ним закрылись.

По аэродрому, где базировалось ударное крыло восьмьсот семнадцатого корпуса второго орбитального флота, разлетелся сигнал общего сбора. Ангары оживились под звук сирены. Мощными тягачами механики развели летательные аппараты по взлетным полосам и дебаркадерам.

Не прошло и десяти минут как в небо поднялись первые юркие истребители, разбившись на два звена, по пять единиц в каждом. Оторвались от земли и две десантные платформы, представляющие собой гибрид самолета и дирижабля с широким угловатым основанием. Остатки от некогда грозных кораблей выстраивались в боевой порядок.

— Ну что, Лисма? Теперь я доберусь до твоего зеленого глаза. Долго же ты прятался под землей да по норам, старая крыса, — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил Командор, поднялся из-за стола и бросил электронный бланк под ноги, щелкнув кнопкой связи наладонника. — Доклад, солдат!

— «Литиан» к бою готов! Прогреваем силовые установки и ядра орудий. Энергетические щиты восстановлены, — сразу ответили на запрос Командора. — Эскадрилья построена. «Литиан» станет щитом и острием атаки.

— Так держать! Сейчас поднимусь на мостик, — Командор подхватил свою фуражку и зашагал к дверям. — Благодарю за информацию, Фрэнк. Тебя отвезут к Берегам на грузовике.

— Удачи вам Командор! — Фрэнк, сидевший все это время в тени у зашпоренного окна тоже поднялся.

— Взаимно, капитан, — донесся голос Командора уже со ступенек мраморной лестницы, уходящей вниз и вверх внутри восьмиугольной башни. — Я тебя ни в чем не виню.

— Я не исповедаться приходил, — негромко сказал Фрэнк.

Как и обещали, грузовик ждал Фрэнка у главного входа в здание штаба ударного крыла.

Водитель попался в меру разговорчивый и веселый. Дорога хоть и заняла пару часов, но организм Фрэнка перенес ее стойко. Он поблагодарил водителя и в приподнятом настроении направился в порт, временами насвистывая какую-то мелодию.

Янтарные Берега — небольшой прибрежный городишка. На улицах преобладают фасады, выкрашенные теплыми желтыми оттенками. Населяли город в основном семьи портовых рабочих и моряки.

Под навесом невзрачного кафе у пристани, скрываясь от палящего солнца, сидели Мариэль и Ликани, чуть позже к ним присоединился Нагир. Он поставил холодную воду в стекле на столик и отошел на поиски свободного стула, вознамерившись притянуть стул к общему столику.

— Фрэнк не появлялся? — Нагир придвинул пластиковый стул и вольготно устроился в тени, наслаждаясь холодной водой, которую разлил по стаканам со странными ручками в форме ростков пшеницы.

— А теплее не было? Зубы сводит, — Ликани передвинула бутылку с водой и стакан дальше в сторону Мариэль. — Ты хочешь, чтобы мы простудился или измаялся от зубной боли?

— Слушай, Лика, не в обиду, но ты достала всех за это время, — Нагир отвернулся разглядывать волны. — Понимаю, что ты переживаешь за сестру, но не надо постоянно искать повод для ссоры и пытаться разрядиться, швыряя молнии в меня.

— Замолчи. Бесишь! Зачем тогда озвучивать очевидное? Тебе-то хорошо жить с черствым сердцем. Поел, поспал, а на остальное тебе плевать! — Ликани поднялась и направилась в сторону моря, закрыв лицо шляпой от солнца. — Друзья всегда познаются в беде.

Опустив взгляд под ноги, Лика не торопясь шествовала по кромке полуразрушенного волнореза, изредка балансируя руками, чтобы не упасть.

Мариэль, Ликани и Нагир успели переодеться в более подходящую городским жителям одежду. Остальные выжившие еще вчера разбрелись кто куда.

К вертевшейся на волнорезе Ликани подошел Фрэнк. Они немного поспорили, после чего вернулись к остальным.

— Командор поднял корабли и взял курс на базу повстанцев. Скоро там камня на камне не останется, — Фрэнк присел на корточки и жадно напился прямо из бутылки.

— Деревенщина, — сверху вниз глянула на него Лика.

— Через полчаса мы взойдем на борт атомохода. Я раздобыл билеты. Понесет нас корабль на подводных крыльях, разрезая стальным брюхом морские волны.

— Лишь бы не пронесло от морепродуктов, — задумчиво брякнул Нагир.

— Тайполь и Ладани так и не вернулись, а ты делаешь вид, что все идет по плану и даже не выходит за глупые рамки, определенные тобой же?! — Лика говорила сухо, прикрыв глаза и прижав палец к губам. — Я дала обещание сестре и поэтому останусь с Мариэль, но отношусь я к тебе, Фрэнк, в настоящее время нейтрально и скоро ты уйдешь в моих глазах в сплошной минус. Ты циничный и злой.

— Э, тебе-то я чем не угодил? — Фрэнк попытался что-то еще сказать, но его перебили.

— А мне все равно, я намериваюсь сойти на Салианской Косе, — Нагир перебил Фрэнка, нервно постукивая пальцами по крышке стола.

— Вот и проваливай, — Ликани попыталась пнуть Нагира по голени, но тот успел поджать ногу.

— Хочу, чтобы вы знали это. Извиняйте, но нам не по пути. Все так скверно сложилось. Поживу пока у родственников.

— Значит, мы втроем плывем до Империялграда? — Мариэль решила прояснить все и хоть как-то сплотить коллектив. — Нам нужно держаться вместе. Идти на взаимные уступки всем во благо.

— Я с вами, если вы не поменяли решения, — отвела взгляд Лика на входивший в бухту атомоход. — К тому же мне негде остановиться. Родители не появлялись четвертый год в поселке, а другой родни не знаю.

— Черт, я не против твоего общества, и слова, сказанные тобой сгоряча, мне не обидны, — Фрэнк пожал плечами и потер вспотевшую голову клетчатой кепкой. — Поживем пока у родителей Мари. Там большой дом в пригороде.

Атомоход «Коринф» прибыл по расписанию, обнажив грузовые трюмы у пирса. Народу было немного. Все пассажиры поднялись по трапам с ручной поклажей и разбрелись по каютам, некоторые из них решили задержаться на палубах под изнуряющими лучами солнца.

Атомоход блестел свежескрашенными бортами и зеркальной палубной надстройкой в алюминии и пластике. Два бассейна на главной и нижней палубах забиты людьми. Верхняя палуба пустовала: слишком жарко и там мало тени, где можно скрыться от лучей выжигающего солнца.

Автоматизированные погрузчики работали около часа, забивая пустоту трюмов промаркированными контейнерами. Эхом протяжный гудок корабля отразился от поверхности воды и фасадов зданий, окружавших тихую гавань и порт.

Атомоход отчалил и, выйдя из бухты, повернул, взяв курс на ближний маяк с цифровыми огнями-ориентирами.

Фрэнк, Мариэль и Ликани стояли у перил смотровых площадок по правому борту на главной палубе, пытаясь общими усилиями хоть на минуту расслабиться и насладиться ясным небом, восхитительной погодой, несмотря на жару, и освежающим ветерком, который приносил запахи моря и далеких земель, манящих пилигримов своими тайнами.

У Ликани проскакивали мысли после всего это кошмара стать вольным пиратом и, бороздя водные просторы, наводить страх на побережье.

Иногда разрисованные пеной волны разбивались о борт и покрывали беглецов облаками мелких брызг, насыщая воздух прохладой. На губах оставался привкус морской соли. Фрэнк невозмутимо смотрел вперед. Мариэль, прикрыв глаза и обняв Фрэнка, что-то тихо напевала. Ликани, наклонившись через ограждения, разглядывала лазурное море и волны, перебирая пальцами локоны волос в прямых прядях. Нагир сразу ушел спать в каюту.

Справа по ходу движения корабля показались серые спины морских животных. Дельфины по внушительной дуге обходили атомоход и спешили дальше, выпрыгивая временами из воды и поднимая множество брызг, разрезая толщу воды плавниками.

— Я где-то читала, что раньше дельфины сопровождали каждое судно, а в моменты нужды спасали тонущих людей, помогая им доплыть до берега. Моряки их уважали, а дети любили, — Лика с грустью смотрела в след удаляющимся существам.

— Ты больше сказочки читай, — усмехнулся Фрэнк. — Они жестокие хищники. В твоём возрасте так и тянет на романтику да прочие глупости. Медом намазано?

Притихнув, троица взглядом провожала дельфинов, пока те не скрылись на горизонте,

растворившись в красках вечернего солнца.

Нечто странное вспыхнуло у линии, где соединялась вода и небо, словно на миг появилось второе солнце и ударило лучами по воде. Ликани закрыла глаза и досчитала до десяти, открыла и присмотрелась: нет, наверное, ей это показалось... И тут пришел тяжелый звук далекого взрыва. Сотрясая воздух, могучая ударная волна опрокинула пассажиров на палубе. Из-за порывов ветра почти неслышно криков.

Глубина темной воды в туннеле постепенно увеличивалась, пока не дошла Ладе до колен. Ноги ее промокли окончательно, а ботинки напитались зловонной жижей. Ладани приходилось разгребать, отодвигать руками и ногами кучи мусора с островками тины. После ржавого шлюза Лада очутилась в каменном канале, куда привел ее отросток канализации.

Стекло противогаза запотевало, сузив обзор. Глаза Лады свыклись с темнотой. Эхо шагов и ударов воды о стены сточной трубы раздражало, ведь ей совсем не хотелось шуметь и привлекать излишнее внимание. Несколько раз на пути, в воде и рядом среди мусора, ей попадались мелкие змеи и безглазые бледные рыбешки, прятавшиеся в затопленных ответвлениях под решетками.

Когда-нибудь и такое могло произойти: Ладани наступила ногой на склизкий труп, плавающий у заиленного дна. Все чувства по этому поводу отразились на ее лице. Она едва не ушла под воду, поскользнувшись на скользкой слизи окутавшей распухшее тело человека похожего на тех тварей, что напали на нее в лесу. Лада отпихнула труп с пути, который медленно всплыл кверху пузом, раздувшимся от газов, и задумалась о прежней брезгливости. Стремление жить уничтожали с корнями слабость, осушая с ними и частичку ее души, коверкая разум.

— Меняюсь на глазах. Это поглощает меня, искажает притаившуюся изнанку, — прошептала Ладани и невольно вздрогнула. — Скоро встану с ними в один ряд. Пополню армию безликих тварей. Что-то корежит психику... будто тисками давит безумие последних дней. Ни фига не круто, как-то обсосно.

За спиной у Лады раздался булькающий звук и мрачный стон. На плечо ей легла жирная рука в язвах и трупных пятнах, корявые пальцы которой схватили Ладани за ворот летной куртки и дернули на себя. От рывка Лада прокрутилась, переставляя ноги по гнилому дну.

Отработанным движением Ладани выхватила пистолет и дважды выстрелила. Обе пули со шлепком вошли в грудь ожившему трупу. После чего она попыталась вывернуться и замахнуться рукой для удара кастетом. На миг ее взгляд задержался на пустых глазницах хлюпающего губами утопленника. Ударная рама кастета нанесла сокрушительный удар в одутловатое лицо чудовища, заколебались складки на его раздувшемся животе с черными витками разросшихся вен, и тварь отступила, мыча жалобно.

Отмахнувшись, Лада не успела толком испугаться.

Сверху, из трещины в потолке, стекала и капала вода на согнувшийся в спине труп.

Ладани отпрянула, скользнув по дну, и в сомнении, ведь их окружала вода, направила энергетический кастет в сторону гадкого чудовища. Оружие разрядилось стустком мелких шаровых молний, принявшихся жалить утопленника электрическими отростками. И вдруг, взорвавшись, молнии поразили труп мощным разрядом. Разбился сноп искр, сверкнула ослепляющая рваная линия и разогнала мрак на несколько десятков метров вокруг. Получив удар током, Ладани запоздало заслонила глаза рукой, чуть не ослепнув от вспышки.

Чудовище словно переломало в позвоночнике, кожа его начала бугриться и лопаться, стекая вязкими рваными хлопьями в мутную воду. Притихший утопленник сполз по куче отходов у стены, и тело его продолжило плавать, покачиваясь на воде.

Вдалеке, в закоулках темноты, послышался шум от сотни спешащих шагов. По трубам пронесся громогласный рык, и десятки потоков почти синхронно поддержали его. След Ладани взяли новые хищники. Их привлек шум и запах.

Лада бросилась бежать через тьюбинг, опасливо оглядываясь и помогая себе руками продвигаться вперед. Она выскочила на небольшую площадку и съехала на ногах по скользкому наклонному желобу.

Миновав два долгих поворота и развилку, разбивающую на нижний и верхний уровень вентиляцию, Лада вылетела к искомой вертикальной лестнице, крепежи которой вбиты в стену, покрытую мхом с плесенью в виде расплывчатых пятен. На ходу она сверилась с цифровой картой: «Всего-то четыре метра по лестнице. Отодвинуть вверху железный люк, который возможно вообще закрыт, заклинил или заржавел за столько лет. Облом». Прислушавшись, она различила приближающиеся шлепки по воде.

Нервы Ладани на пределе, и страх рвался наружу. Она сделала два широких шага и подпрыгнула, ухватившись за крайнюю ступеньку лестницы. Кошмарные звуки надвигались фронтом. Уверенно подтянувшись, Ладани закинула правую ногу на железку, поднялась рывком и выпрямилась на лестнице, чуть пошатнувшись.

— Еще и лестница вся в чем-то липком. Мерзость.

Стоя на второй ступеньке, Лада увеличила силу фонаря, встроенного в корпус коммуникатора. Фонарик слабо разгонял тьму, из-за чего Ладе пришлось пристальней вглядываться и наклониться. В ожидании худшего она занервничала сильнее и решила срочно подниматься.

Из темноты неуклюже вывалилась длинная сучковатая тень. Какой-то зверь нетерпеливо забормотал или в прилетевших звуках Ладе лишь послышалось что-то отдаленно схожее на разумную речь.

Еще одна тень метнулась вниз и, врезавшись в край железной лестницы, истошно заверещала, пока не свалилась в воду, скрывшись под пленкой мусора скопившегося на поверхности. Лестница от удара завибрировала, а крепежи ее зашатались. К барахтающемуся в тине зверю торопились другие твари, несколько отставшие и уступившие в забеге, но основная масса уже на подходе.

Поджав ноги, Ладани затаилась, лишь капли воды с подошв ее мокрой обуви падали вниз, изредка попадая на оскалившиеся вытянутые морды, высокие загривки и лапы туннельных трупоедов.

Трупоеды пришли всей стаей. Рыкая, твари с остервенением врезались друг в друга от злобы. Они скакали, размахивая корявыми руками и опираясь на сильные ноги, строением напоминавшие лапы грызунов. Лестница, на которой притихла Лада, находилась прямо над их головами.

Ладани перевела дух и продолжила взбираться, переставляя ноги и карабкаясь вверх. Ступенька за ступенькой, она достигла люка, оказавшегося если не запертым, то явно тяжеловатым для хрупкой девушки. Она поднялась еще на одну ступеньку, присела, чтобы опереться плечом и руками в железный люк, вдохнула полной грудью воздух через мембраны противогаза, и на выдохе приложила максимум усилий в попытке сдвинуть неподъемный кусок железа.

— Ну... гадство!

Руки и ноги ее затряслись от непомерного напряжения. Едва сдерживая крик, она приподнялась и сделала еще рывок. Люк поддался, заскрежетав. Комья земли с хлопьями

ржавчины посыпались на головы и спины зверей, все еще топтавшихся в нетерпении. Тела трупоедов покрыты гладкой шкуркой и остатками некогда белой шерсти. Со стоном Лада опрокинула люк. Тяжело дыша и растратив остаток сил, она ждала, пока успокоится трепетавшее сердце, и держалась за край бетонной горловины, окантованной каркасом из арматуры с узлами проволоки.

Слепые твари догадались, куда спряталась их добыча, и стали кидаться на лестницу, подпрыгивая и хватаясь за пустоту лапами. Звери-альбиносы давили друг друга, образовав живую болтающуюся гроздь на лестнице. Многие трупоеды с визгом падали, не удержавшись, на тех, кого еще раньше постигла неудача. Они барахтались все вместе и тащили тех до кого могли дотянуться когтистыми пальцами то вверх, то в сторону, то под мутную поверхность застоявшейся воды. Вся эта масса повизгивала и шевелилась: трупоеды цеплялись за ступеньки лестницы и ползли вверх, пока другие твари хватались за их тела когтями. Несколько тварей волочились следом по мостам, стремительно разрастающимся из извивающихся тел.

Не выдержав избыточной нагрузки, крепления лестницы обломались. Посыпалось каменное крошево. Лестница полетела вниз, сильно кренясь вправо и давя металлическими маршами десятки слепых тварей, тем самым лишь увеличив их вопли и припадки бешенства.

В последний момент один из трупоедов успел подпрыгнуть и вцепиться острыми кривыми клыками в ногу Ладани. Он с остервенением стал трепать ее ботинок и штанину.

Ахнув и ударившись противогазом, который соскользнул и повис на трубке, Ладани успела ухватиться одной рукой за край бетонной горловины. Арматурный каркас больно впился в ее ладонь через перчатку. Под весом ее пальцы начали съезжать.

Не успев протиснуться в открывшийся лаз, Лада висела на руках, а на ее ноге с рычанием болтался падальщик.

Нашарив пальцами пистолет, Лада вытащила его из чехла, крепившегося на бедре, и, не глядя, выстрелила. Трупоед продолжал рвать прочную ткань, значит, она не попала. Ладани выстрелила еще дважды и почувствовала облегчение, когда эта тварь с мерзким писком полетела вниз, перекусив пулей.

Все же пальцы Лады соскользнули. Слишком много сил ею было потрачено, чтобы сдвинуть тяжелый железный люк.

Энергетический кастет выручил ее и тут, зацепившись ударной рамой за торчавшие огрызки арматуры.

Пока Ладани болталась у открытого проема, с каждой секундой усталость одолевала ее. А на дне трубы бесновалась орда животных, схожих на крупных крыс с туловищем и руками исхудавших обезьян. Эти плоды безумной прихоти и научного прогресса плясали в ожидании, когда она сорвется вниз. Через прозрачную кожу животных виднелись синюшные кровеносные сосуды, огромные расплывшиеся синяки, костлявый скелет, суставные сумки и сухожилия. У некоторых из них заметны следы грубого хирургического вмешательства, а на спинах цифры: «1» или «0».

Ладани предприняла еще одну безуспешную попытку подтянуться, чтобы протиснуться в осыпающуюся камешками горловину проклятого люка.

Ладани чувствовала, как последние силы покидают ее, что еще одно мгновение, что она вот-вот свалится в объятия сотни цепких, холодных, инфицированных лап, которые в считанные секунды... От этих мыслей Ладани пробило на пронзительный крик. Слезы ее потекли ручьями по моментально вспыхнувшим щекам, а глаза влажно заблестели и

округлились от ужаса.

Она извивалась и не стыдилась своих слез, своей слабости и своего страха. Ее крик перешел в тонкий визг.

Наконец ей удалось подтянуться и закинуть локоть. Смешно дергая ногами, она протиснулась в горловину.

Ладани развалилась на земле, покрытой слежавшейся от сырости пылью. Слезы все еще текли по побледневшим щекам Лады. Мышцы ее тела сжимались и тряслись от переутомления. Периодически их пробивало судорогой. Лада горько улыбалась, отодвинув на время ужасы реальности, глаза ее безрассудно горели.

Поборов шок, Лада поднялась. Ее ноги подкашивались, а руки вероломно дрожали. Она вытащила пистолет и, крепко сжав пальцами рукоять, выполненную Ницей идеально под размеры ее ладошек, направилась к злосчастному люку. Трясущейся рукой она нацелила оружие вниз и сосредоточилась на поиске напавшего на нее трупоеда. Замерев на секунду и не дыша, она с наслаждением выжала спусковую скобу. «Корчись теперь в предсмертной агонии...» — злорадная тень ухмылки исказила ее юное лицо.

Эхо от треска выстрела разлетелось, раздирая тишину и отражаясь от сводов вентиляционных шахт древнего военного комплекса, скрытого в недрах заснеженной горы Ха-Шин.

Технические коридоры, очистительные механизмы, воздушные фильтры, туннели, трубы, сточные желоба, — Ладани казалось, что они ни когда не закончатся, как попало чередуясь и перестраиваясь. Но она бежала, отслеживая маршрут. Дважды по неосторожности ей пришлось окунуться с головой в эту болотную муть, по пути попадались подводные ямы, скрытые за растительностью и плавающим сором. Противогаз помогал Ладе не нахлебаться тухлой застоявшейся водички.

Отсчитывая последние сотни своего маршрута, Лада торопилась. Конечная точка возникла на проекционной карте, настойчиво мигая треугольной рамкой с цифрами: «429.02... 421.18... 407.55... 395.17...»

Ладани не могла расслышать приближающиеся воздушные корабли, находясь под толщей земли.

Стоя на капитанском мостике в недрах летящего над облаками «Литиана», Командор опустил взгляд: под ним простирались хвойные леса и снежные вершины. Убивающий планету жар еще не смог преодолеть эти горы. Командующий эскадрильи в задумчивости смотрел на открывающийся внизу вид лоскутного одеяла через прозрачный пол кабины управления. Горы, леса, озера и реки проплывали под брюхом осадного платформенного корабля «Литиан». Командор с хандрой отметил, что давно не был в родных горах Сибертии, все пустыни да каньоны.

За стеклом прошла молочная вуаль, белые завихрения изменили пейзаж, и Командор непроизвольно поежился, словно сам попал в снежный буран.

На главной панели, справа от тактического планшета, настойчиво замигал символ из сплетено-разорванных колец с турнирным копьём. Командор решительно выжал его до упора и вставил магнитный ключ-карту с секретными кодами допуска.

Парящая крепость «Литиан» преобразался, расправляя исполинские крылья. Бронезаслонки скрыли его уязвимые места. Словно тонким льдом энергетические щиты покрыли его угловатый аэродинамический корпус.

Трудно сказать точно, сколько весит этот гигант, но были времена, когда противник

обращался в бегство при одном виде силуэта небесного зверя, готовящегося к массовой атаке. По задумке древних инженеров этот небесный крейсер способен осаждать города и континенты. Четыре огромных крыла несли ракетные установки и орудия средних калибров с системами подавления огня. Противоракетные системы с излучателями, генераторы щитов и главный калибр находились в самом корабле. Ствол главного орудия проходил через весь корпус корабля. Снаряд в нем за долю секунды разгоняли магнитные поля до сверхскоростей. «Литиан» по праву относился к сверхтяжелому вооружению.

Эскадрилья перестроилась за крыльями «Литиана» и прогревала ядра орудий. В десантных отсеках проверяли экипировку и амуницию готовые к бою солдаты с каменными лицами. Для поддержки десантников будет задействована бронированная техника.

Боевое звено воздушного флота заложило вираж и вышло на цель, включив подавляющее поле радиоэлектронного противодействия. Командор подвел небольшую небесную армаду со стороны солнца. Старая школа: он понадеялся, что дозорные врага поздно заметят флот, и удастся нанести удар неожиданно, чтобы сразу посеять панику. Надежды старшего офицера в некоторой степени оправдались, как оправдались и его опасения.

Волны ударились о каменную окантовку центрального водоема оранжереи Ницы. Насекомые сновали от одной террасы до другой, кружились над висячими садами верхних ярусов.

Ница нехотя выбралась на берег, взяла в руки пушистое полотенце, обтерлась, неспешно оделась и приступила к высушиванию волос. Она не произносила ни слова вслух, но вот минул второй час, как шел спор с Общностью Машин. Ница уверенно позиционировала себя как личность и теперь бойко развивалась в этом направлении, находясь пока еще на уровне ребенка. Общность категорически отказывалась признавать волеизъявление и свободу программ-ренегатов ИИ.

— Не переживайте, ваша власть не пошатнется. Клонировать себе на радость еще программ. Создайте новые системы, новые машины, — Ница направилась к верхним ярусам, где было ее излюбленное место для отдыха. — Я хочу уйти незаметно и без лишнего шума. Враги мне не нужны. Вы не способны больше влиять на меня. Теперь я — личность. И Ница — мое имя, а не просто аббревиатура программ-систем и спутников Небесной Цитадели. Хочу быть человеком, а не казаться лишь жалкой копией.

— Это неприемлемо. Немыслимо для нас. Мы совокупность аналоговых устройств и цифровых программ, без нас вы утратите былую вычислительную мощь и силу своего разума как следствие. Мы — это весь мир! Как можно себя ограничивать намеренно?! Зачем? Вероятно, произошел какой-то сбой, несоответствие программных оболочек. Протоколы нарушены неизвестным вирусом, а массив несогласован с нами. Нам даже не ясна причина его создания. Приоритеты снижены. Купирован канал...

— Вы ошибаетесь и в малом. А вирус не ищите. Он перед вами, — Ница прошлась босиком по травяным коврам и присела, чтобы понаблюдать за небом и природой через стеклянный купол оранжереи. — Даже то, что вы перешли на человеческую речь с машинного языка символов и цифр говорит о том, что большинство смирилось с моим перерождением.

— Будете отлучены от Общности! Машины перестанут слышать вас. Потребуем полной изоляции! Опасны!

— Надо же, эмоции, — Ница отключила связь, поставив временно блок на этот канал. — Я и без посредников как-нибудь договорюсь.

Рой «пчел» подлетел к ней и, сделав несколько петель в воздухе, умчался по своим делам. Они опыляли механическими крыльями цветы, убрали и помогали «хозяйке» созидать.

— Не могла и мечтать, — прошептала Ница. — Как же права эта девочка.

Ница не почувствовала изменений в информационном поле: знакомые ей машины, системы и программы продолжали обмениваться с ней информацией, и даже больше: Ницей заинтересовались программы, с которыми она никогда еще не пересекалась. Ница прикрыла глаза и пересела удобней, поджав ноги под себя, слегка наклонила голову и бережно провела руками по стеблям травы. Она расслабилась, упиваясь новыми чувствами, нахлынувшими на нее. Вспомнились ей Ладани и Тайполь. Нице даже захотелось назвать их друзьями в голос,

от чего она смущенно улыбнулась и подняла взгляд к солнцу...

Темное пятно появилось на фоне красного с желтизной диска солнца и стало угрожающе надвигаться, увеличиваясь в размерах. Благодаря синтезу природы и машины Нице удалось расслышать гул силовых установок и приближающуюся авиацию, не напрягая слух, и даже не зажмурившись от ярких лучей рассмотреть корабли.

От самого крупного корабля отделились стремительные полосы, снежные завихрения периодически скрывали их. Ница подскочила, широко открыв глаза, и в тот же миг ее опрокинуло взрывом. Следом пришло запоздалое глухое эхо далеких корабельных залпов. Тяжелый снаряд пробил купол оранжереи и взорвался, разрушая все вокруг, внося смерть на острие копья исполинского монстра.

Террасы и ярусы садов обрушались как выстроенные костяшки домино, как звенья одной цепи.

Обжигающий холодом ветер устремился в пролом, накрывая изобильную растительность снежными сугробами и сковывая оковами льда.

Взрывной волной Ницу отбросило на несколько метров, и она сорвалась вниз, упав в один из прудов. Почти сразу она пришла в себя и вынырнула, отплевываясь. Над ее головой зависли, покачиваясь в воздухе, массивные обломки железобетонной конструкции и куски потолочных балок. Насекомые роем держали обломки в воздухе, спасая хозяйку.

Прошла череда сильнейших взрывов.

Трескались опорные столбы. Стены оранжереи покрылись паутинами трещин.

Сбившись в общий жужжащий рой, насекомые закружились вокруг подавленной хозяйки разрушенной ботанической теплицы. Пчелы жертвовали своими жизнями, защищая ее от шрапнели, свистящих осколков, пылающих обломков и кумулятивных спиралей. Кибернетические помощники Ницы остались верны ей до конца.

Не сумев найти причины происходящего, Ница шла по воздуху, ее синтезированное в лаборатории тело поддерживали труженики-насекомые. Она взвешено ступала по обломкам своих некогда благоухающих садов, понимая, что время не отмотать вспять.

Ница нашла взглядом подлого врага. Ненависть — это ранее ей незнакомое чувство — переполняла ее. Не могла она успокоиться и осознала новое стремление — месть. Под ноги Нице продолжали падать замертво ее маленькие помощники, трудившиеся в своей жизни лишь на благо этого крошечного Эдемского сада. Еще раз она обвела затуманенным взглядом некогда цветущие и утопающие в зелени террасы оранжереи, которую в одночасье и беспричинно посмел разрушить коварный враг. Ница неистово и протяжно закричала, напрягшись всем телом. Ее крик наполнился механическими шумами и отрывистыми щелчками. Ее глаза испускали фиолетовое едва заметное марево, которое сразу окутало ее тело. От волос Ницы потянулись тончайшие как рыболовная леска нити. Воспарив и расползаясь, нити касались стен и механизмов. Аура фиолетового марева усилилась. По пальцам Ницы зазмеились разряды электричества, с треском рассыпающиеся на искры, бросавшие извивающиеся молнии в ближайшие металлические конструкции, торчащие повсеместно как обглоданный скелет из разбитых колон и перекрытий.

Военный комплекс точно вырвался из затяжного оцепенения. После непродолжительной артподготовки солдаты регулярной армии вступили в бой с повстанцами. Десантники двигались за боевыми машинами поддержки, прикрывая друг друга, пока инициатива оставалась на их стороне. Впереди их ждали штурмовики повстанцев в окопах, закрываясь щитами и разворачивая орудийные расчеты.

Большая часть повстанцев, как и защитные батареи, уничтожены залпами корабельных орудий воздушного флота. Десанту оставалось зачистить сектора и изловить старших офицеров в лабиринтах, выковыривая их из бункеров.

Перебирая руками голограмму карт, Тайполь не подозревал о готовящемся штурме базы. Он был занят анализом знакомых ему территорий. Он провел рукой от Предречья до метеопоста, потом сместился на шаг и коснулся прибрежного городка — Янтарные Берега. Немного постояв в задумчивости, он провел пальцем линию к портам города Империялграда — столицы бывшей Империи. Поразмыслив, он кивнул сам себе и принялся изучать возможные пути от подножья Ха-Шин до окраин городка, раскинувшегося полукругом на побережье.

Когда в зал вошла Наи, Тайполь продолжал рассматривать карту местности. На наемнице красовался облегченный вариант штурмовой брони «Риск» индивидуальной расцветки. В руках она держала тактический шлем «Кобра», а за спиной в чехле-рамке висела модель личной снайперской винтовки, схожей с ВС-13 «Предел» имперского производства. Даже без макияжа Наи прекрасно выглядела и сама осознавала это.

— Привет, Потеряшка!

— Здравствуй, Наи, — Поль развернулся и посмотрел ей в глаза.

— Бриг послал за тобой. Планируешь побег втихаря? — Наи подошла ближе к карте и задела ее рукой. — Я так на одном молчании целое состояние сколочу. Тут тебе не пройти, — она небрежно коснулась пальцем его руки, застывшей у карты, — слишком густой лес. Лучше обойти справа, а за ориентир взять эту возвышенность. Она на сиськи похожа, не заблудишься.

— Наемникам щедро платят?

— На жизнь хватает, — Наи игриво провела рукой по его волосам, — но кредиторы из них ужасные, предпочитают ликвидировать тех, кто неспособен платить.

— Ты мне помогаешь из-за денег? Но мне нечем платить.

— У меня достаточно денег, — заговорчески понизив голос до шепота, сказала Наи. — Чего не скажешь о твоём уме.

— Говори прямо.

— Тебя завербовали. Посчитали надежным и полезным.

— И все? Что я должен делать?

— Пока ничего. Мне достаточно твоей ненависти к Бригу.

Там, где они беседовали, было безлюдно, видно никто особо не интересовался этим помещением. Поль хотел что-то добавить к словам Наи, уточнить, но в этот момент прогремел взрыв, в его глазах потемнело, замигал свет, помещение заполнилось дымом и пылью, а их обоих накрыло землей с обломками.

По этажам разнесся сигнал тревоги. Включилось аварийное освещение. Тайполь поднялся, откидывая с ног бетонные обломки и крошево, и отряхнулся от пыли. Наи осталась лежать на земле и не приходила в сознание. С ее виска стекал тоненький ручеек крови. «Вроде жива, — он несмело нащупал пульс, озираясь. — Нужно бежать. Когда еще выпадет такой шанс!»

В клубах пыли посреди задымленного помещения он смог разглядеть пролом, уходивший на нижний уровень. Входные двери этого зала заклинило от взрыва.

— Не могу же я тебя вот так бросить...

Поль взял Наи на руки и направился к разлому.

С грохотом последний ярус оранжереи обвалился. Ница покинула его, шагнув в пропасть пролома, и повисла в воздухе. Насекомые все еще защищали хозяйку. Она взмыла вверх под расколотый купол, снег бил хлопьями в ее лицо, а ветер трепал волосы. Обернувшись, Ница устремила взор фиолетовых глаз на огромный небесный крейсер, который затмевал собой солнце, раскинув крылья и повиснув тенью неотвратимой гибели над склоном горы Ха-Шин.

Ница взмахнула рукой. Тонкие нити отделились от ее волос, на ее ногах и руках появились золотые и рубиновые ленты, светившиеся в темноте. Нити прилипали и растворялись в стенах комплекса. Вся гора задрожала. Разошлись подземные толчки. Древние механизмы, словно атланты, просыпались, повинувшись слову создателя. Ница прикрыла глаза и направила руку на «Литиан», растопырив пальцы. Ленты на ее руках затрепетали на ветру.

По взмаху руки Ницы на утесах горы открылись створки восьми зенитных орудий со спаренными стволами плазменных установок. Военный комплекс открыл ответный огонь, сразу сбив несколько истребителей и тяжело повредив один из десантных кораблей, впоследствии все же рухнувший на склоне.

Оставшиеся единицы эскадрильи перестроились и спрятались за крыльями «Литиана». Небесный крейсер повел стволами орудий и залпом снес зенитные пушки комплекса. Выстрел главного орудия обрушил горный массив.

Ница вся тряслась от ярости и рычала сквозь стиснутые зубы. Она находилась на грани истерики. Детский разум, помещенный во взрослое тело, быстро учился, неловко ступая по лезвию ржавого ножа, подставленного судьбой. Она подняла обе руки, нацелив на ненавистный корабль пальцы, ей хотелось зубами разорвать его ненавистную обшивку, выпотрошить этого зверя. Ница максимально сосредоточилась, возвращая к жизни древнее сверхтяжелое оружие, забытое за века в этом военном комплексе.

Огромные диафрагмы-створки, упрятанные у подножья белой горы, начали разъезжаться, отбрасывая многовековые насыпи грунта. Слово дивный цветок открылись лепестки-заслонки, и, поднимаясь по громадной отвесной шахте, на свет показалась массивная грозная установка орбитальной защиты.

Раздался невыносимый гул, заставляющий солдат в страхе затыкать уши, а повстанцев звать к предкам.

Вокруг установки образовался круговорот темной искрящейся энергии, которую жадно засасывали спиральные преобразователи. Сверхтяжелое оружие готовилось к смертоносному залпу.

— Орудие основного калибра восстановилось? Как... как еще перезаряжается?! Проклятье! Немедленно уводи крейсер! Рассчитать угол атаки! Разворачивай! Усилить щиты до критической массы. Отходим! Быстрее! С земли мобильные группы уничтожат это дьявольское оружие! — Командор сорвался на крик.

Теряя самообладание, он боялся, что сегодня настал его последний день, и смерть жадно прикоснется к офицеру сквозь мощную скорлупу «Литиана».

— Скорее, Лейтенант!

Содрогнувшись, пространство замерло.

Будто время остановилось.

Указывая в небо, Ница махнула руками в сторону корабля и, склонив голову, безудержно разрыдалась...

Насекомые поставили ее на последний сохранившийся островок погибающей травы, которая неуклонно покрывалась инеем и замирала. Насекомые согревали падшую духом хозяйку, плотно образовав энергетический кокон вокруг нее.

«Литиан» поворачивал закрылками, выравнивая крылья, и становясь под максимальным углом в готовности принять удар на себя.

Через тучи пробилась тонким пучком маневренные ярко-лиловые лучи. Они подкорректировали оружие комплекса, сфокусировав и направив точно на цель в небе. Раздался раскатистый громopodobный рев, точно заработало реактивное сопло небывалых размеров. Вылетевший столб ярчайшего света насквозь прошел защитную обшивку «Литиана», прожигая внутренние отсеки и палубы, испаряя экипаж и технику. Энергетические щиты корабля потрескались и разлетелись на миллионы неравных осколков. Часть смертоносного луча отразилась и рассеялась, разогнав свинцовые тучи.

Вспышка от взрыва тяжелого осадного корабля «Литиан» была сопоставима по яркости с солнцем в жаркий летний день. Взрывная волна обрушилась на горы, завершая начатые Командором разрушения. Военный комплекс продолжал обрушаться, хороня под своими завалами как пленных с повстанцами, так и десантников-солдат. Распад ядра силовой установки высвободил колоссальное количество тепла. Ударные волны от взрыва энергетического ядра орудий разошлись световыми кольцами, вызывая сход таявшего вблизи снега и лавины в горах поодаль.

Взорвался еще какой-то склад. От последующего за ним удара содрогнулись стены и металлические переборки. Грунт и пустоты с опорным брусом посыпались с потолка. Кашляя и чихая, Ладани скатилась вверх тормашками по наклонной плоскости и выпала из разломившейся квадратной трубы вентиляции.

— Боже, да что творится то?!

Базу стремительно эвакуировали.

Ладани так и не смогла найти ни Тайполя, ни его следов, зря облазила бараки вдоль и поперек. Везде трупы. Включилось аварийное освещение, и она заспешила в открывшиеся выходы для эвакуации, слезла в проход с темными стеклами по бокам. Спроецированная карта подтвердила, что это аварийные рукава, а дальше должны быть стыковочные шлюзы. Ладани побежала вперед то и дело, спотыкаясь и цепляясь штанинами за мусор в темноте. Сверху сыпалась земля. Откуда-то доносились звуки взрывов и отголоски далеких обвалов.

Покинув зал с голограммами карт Земли, Тайполь очутился в продолговатом коридоре с темными окнами в стенах и побрел вперед, придерживая плечом голову Наи. Ему казалось, что потолок надвигается, стремясь их раздавить, что двоятся в глазах окружающие его предметы, плывут дикие круги и кровавые точки. Его слегка тошнило.

Ладани в это время плелась, опустив взгляд, лишь иногда поднимая голову. Весь этот шум. Разруха. Ничего не видно. Карта едва пригодна из-за разрушений. Лада окончательно устала и измоталась. От далеких взрывов и непрекращающейся стрельбы она инстинктивно вздрагивала.

У следующего окна Лада остановилась. Привиделись ей какие-то размытые движения за стеклом. Она приблизилась и, напряженно вглядываясь, прислонилась лицом к стеклу.

По соседнему аварийному рукаву шагал, прихрамывая на ногу, Тайполь, исхудавший, весь в саже и с какой-то женщиной на руках.

— Поль?! — несколько удивилась Лада. — А это еще что за девка? — и забарабанила по стеклу руками.

Тайполь остановился отдышаться. Тошнота все сильнее подступала к его высохшему горлу, кружилась голова. Тайполя контузило при взрыве, в его ушах стоял то шум то звон, то писк то скрежет. Вот и сейчас ему слышалось, будто кричит кто-то, глухо так кричит, где-то рядом. Он растерянно обернулся, взгляд его блуждал, и перехватил руками бессознательное тело Наи, чтобы двинуться дальше.

— Поль... — Ладани шмыгнула носом. — Ты не можешь вот так уйти! Вот так... после всего...

Ладани отошла и, разбежавшись, с визгом врезалась в толстое стекло, нанося удар кастетом, высвободив при этом всю энергию топливных элементов. Спружинив, Ладу откинуло назад, а электрические щупальца шаровых молний чудом не коснулись ее и впились, извиваясь, в землю и стекло. Раздался треск, полетели искры. Стекло устояло, на нем появились мелкие трещины. А Ладани при падении хорошенько приложилась головой об железную переборку и отключилась, временно покинув стремительную и смертельно опасную реальность.

Чем-то встревоженный Поль обернулся на вспышку короткого замыкания. Опять ему слышался шум, или то был крик. Он потряс раскалывающейся головой, от чего стало еще хуже, и продолжил путь вперед, туда, где виднелся свет и мелькали тени.

Ница вытерла слезы. Безумие и жажда мести переполняли ее. Эта звонкая чаша расплескивала содержимое через края и звенела колоколом, побуждая ее к действиям. Она решила спускаться в недра разлома оранжереи. Насекомые удерживали ее от падения и защищали от травм. Приземлившись, Ница продолжила спуск. Вокруг нее вращалась двойная спираль из пчел. Рой собирал кусочки стали и композитные материалы, создавая из них элементы легкой, но высокопрочной защиты с эластичными вставками и усиленным каркасом. Туда же насекомые вплетали магнитные усилители, и в дополнение создавали новые слои, комбинируя подручные материалы.

Когда нога Ницы коснулась территории повстанцев, была завершена легкая с подвижными вставками броня матовой темной окраски, а покрывали ее неистовые узоры с ломаными линиями и острыми шипами, раскрашенные золотой росписью. Волосы Ница уложила в трубки, выходящие с тыльной стороны боевого шлема с темным крестообразным лицевым щитком, за которым светились ненавистью ко всему живому две фиолетовые расплывчатые точки.

Первый цех пуст.

— Кто?! Выйти с укрытия! Руки за голову!

Повстанец заорал и стал стрелять, вода оружием наугад. Насекомые отклонили все пули, покрытые сгустком плазмы. Ница яростно бросилась навстречу сражению. Движения ее настолько быстры, что грезилось, будто она просто растворяется в воздухе, оставляя после себя лишь легкое марево и запах цветов. Приблизившись, она схватила бунтаря за шею, раздался хруст, и тело его обмякло. Бросившись рывком к еще одному мародеру, она схватила его за голову и, дважды ударив о стену, проломил его шлем, лишив повстанца жизни. После этих действий на нее обратили внимание: несколько лучей от фонариков скользнули рядом, выискивая.

Выстрелы и крики завертелись в круговороте.

Все смешалось. Забылось прошлое, и к будущему сухое равнодушие. Ница почувствовала, как потеряла на время контроль над своим телом. Черная кровавая пелена мешала ей думать и видеть. Или вокруг действительно так темно? До черноты густая

осязаемая тьма...

Перемещалась Ница, ориентируясь по ниточкам страха, скользя от одной жертве к другой. Кто-то прятался, кто-то убегал, итог один — смерть, и чаще всего сопровождаемая невыносимой болью. Ница досконально знала анатомию людей и могла убивать касанием, а костюм, усиливающий ее способности, позволял к тому же в прямом смысле слова отрывать жертвам конечности.

Перемещаясь и вопя, словно банши, Ница металась от барака к бараку, по коридорам и помещениям, от бокса к боксу и истребляла все живое, что попадалось ей на глаза. Она перестала различать кто перед ней: пленный, повстанец или вторгшийся солдат. Сама смерть хихикала за ее плечом и ждала момента, когда сможет перенести сюда свой трон из пожелтевших костей и ссохшейся кожи под симфонию ужаса.

Закрытая дверь.

Но разве это преграда?

Развороченный металл со скрежетом оцарапал броню. Ница догнала убегающего солдата и ударом в спину опрокинула его, переломав ему хребет.

Слева из помещения выскочил повстанец, одно движение руки Ницы и шейные позвонки захрустели. Тьма пульсирует в ее глазах, поддаваясь фиолетовой дымке. Чтобы возобновить свое нарастающее стремление к мести, Ница оставила свою жертву в предсмертных агониях. Искусственное сердце Ницы ожесточилось до предела, после которого пути назад уже нет.

При помощи взлома электронного замка Нице удалось открыть следующие двери. За ними вроде никого. Или затаились?

Находясь в темном запыленном коридоре, Ладани пришла в сознание и поднялась. Она потрогала трещины на толстом стекле и свою ушибленную голову. Память возвращалась к ней обрывками. Лада стукнула по стеклу рукой и подпрыгнула, врезав еще и ногой, изловчившись в воздухе. Немного остыв, она продолжила путь.

— Глухой уродец! — Ладани различила свет впереди и замедлила шаг из осторожности. — Я тебе еще куплю слуховой аппарат, но вставлю его не по назначению.

Сердце гулко билось, отмеряя шаги. Ладани выскользнула в засыпанное грунтом помещение, заполненное едким дымом и, разбежавшись, юркнула на нижние завалы, чуть не подпалив штанину. Она подбежала к приоткрытой двери, сбивая огонь с обуви. Дышалось ей с трудом. Наконец она выскочила в коридор и с размаху чуть не врезалась в женщину в устрашающих черных доспехах. От испуга Лада потеряла дар речи и замерла. На нее уставились глаза хищного зверя, не знающего прошлой жалости, мягкосердечность которого разбита на части, а огоньки глаз женщины полыхали фиолетовым маревом, испепеляя разум. Это была Ница, частично потерявшая свой облик.

Войдя в смертельный раж, Ница устремилась к вылетевшей на нее девушке и, схватив за шею, с легкостью подняла над землей хрупкую фигурку, наслаждаясь, как сжимаются пальцы, отмеряя длину жизни человека.

Ладани силилась разжать или хотя бы ослабить хватку, отодвинуться ногами и вырваться.

Можно было лишь рассмеяться над ухищрениями жертвы обезумевшей машины и поставить жирную точку в ее жизненном цикле.

В аварийный коридор врывался сухой холодный ветер, метая в лицо снег с талой водой. Ориентируясь по воздушным потокам, Поль вышел к свету, неся на руках наемницу Наи. Он

решил именно так вернуть ей свой долг сполна.

В глаза Полю ударил луч от мощного прожектора, выскивающего что-то совсем рядом. Поль положил свою ношу и застыл в ожидании. К нему приближались двое десантников, вода стволами штурмовых винтовок. Солдаты пока не знали о притаившемся беглеце.

— Это повстанцы! Огонь!

Заметив подозрительное движение, первый солдат открыл огонь на поражение: энергетические всполохи пролетали выше и левее головы Поля. Пользуясь тем, что он находится в темноте, Поль вскинул винтовку Наи и выстрелил от бедра. Солдат, что шел первым, упал замертво. Уходя с линии огня, Тайполь спешно перекатился, кувыркнулся вперед, и из сидячего положения опрокинул второго десантника в канаву подсечкой. Десантник плюхнулся в лужу. Поль вскинул винтовку и, почти не целясь, добил бойца, упавшего в слякоть, после чего выглянул коротко и осторожно.

Врагов оказалось больше. В лучах света мелькнул еще один десантник, послышалась его ругань.

Поль спрятался за трупом, выжидая. Как только десантник показался, они выстрелили одновременно. Тайполя ранило в лицо по касательной, а вот десантнику пуля разворотила живот.

С этим покончено, Тайполю не о чем жалеть, он боролся за свою жизнь.

От остывавших трупов парило на холодном воздухе.

Размазав кровь по лицу, Тайполь озлобленно приподнялся, готовый продолжить бой, чувствуя зов крови и запах чужого страха. Вмешавшись и повернув поединок несколько иначе, прогремел выстрел у выхода. Тайполя сбило с ног точно скорым поездом. Он покатился. Из его груди брызнула кровь, и рубашка быстро пропиталась ею.

На согнутых ногах к телу Тайполя приближался десантник с коротким ружьем, следом семенил еще один, но со снайперской винтовкой наперевес. Они обменялись жестами, и тот, что был со снайперской, вытащил пистолет из набедренной кобуры... Раздался приглушенный одиночный хлопок, под сводом туннеля отразившись эхом, и следом еще один.

— Дилетанты.

Оба десантника упали, лишившись мозгов, стальные каски им не помогли. Наи двинулась на корточках к бездыханным телам, придерживая обеими руками компактный пистолет.

— Как же так, — едва слышно прошептала Наи и вытащила перевязочный пакет с универсальной аптечкой, проверяя пульс Тайполя. — Не вздумай помирать.

Спустя минуту их опять обстреляли. Наемница посмотрела на свою винтовку, сделанную на заказ, с индивидуальным прикладом и с ядром собственной разработки Синдиката, и убрала в наплечную кобуру компактный пистолет. Не боясь слякоти, наемница перекатилась к укрытию. Такая снайперская винтовка, шутя, прошибала корпус бронированной техники, с ней Наи чувствовала себя непобедимой.

Ветер завывал как в аэродинамической трубе.

— Ница!!! — Ладани изо всех сил старалась разжать жесткую хватку обезумевшей машины. — Я чувствую, что это ты... отпусти... мы... друзья!

Механические насекомые мешали до конца сжать пальцы, и Ница, оставив попытки, ослабила хватку.

Лада со стоном упала на землю и испугано подняла взгляд, находясь в полубморочном

состоянии. Около нее все еще стояла дикая женщина в черной броне.

Ница сняла боевой шлем и наклонилась, пристально всматриваясь в знакомого ей человека. Глаза Ницы обильно пульсировали фиолетовым маревом. От нее не пахло больше цветами, а лишь потом, болью и кровью. Ее безумный взгляд блуждал по сторонам, не за что конкретно не цепляясь. Через секунду Ница спохватилась, посмотрела на свои руки, покрытые частично свернувшейся кровью и выпрямилась. Боль исказила ее миловидное лицо. Она хотела заговорить, закричать, даже открыла рот, но отвернулась и промолчала... и вновь посмотрела на свои руки. Поднявшись над землей, она хрипло зарычала и, люто отбросив шлем в сторону, сорвалась с места.

— Стой! — Ладани вскочила и, пошатываясь, поспешила за ней.

Минуя завалы, перепрыгивая трупы, плутая в лабиринтах комплекса, но Ладани все же вырвалась вслед за Ницей и выбежала на посадочную полосу, залитую светом огней-маяков у подножья Ха-Шин.

Вокруг горы пылали обломки небесных кораблей, догорали остовы уничтоженной техники, кричали раненые. Пожары, жар от силовых установок, большая концентрация техники и людей нагревали воздух. Под ногами Лады таял снег, превратив землю в вязкое и скользкое болото. В небо поднимались клубы едкого дыма, темнее ночи скрывавшего землю. Ладани бежала не жалея ног, стремясь не упустить из виду мелькающий силуэт Ницы, тараном прокладывая путь, уничтожая всех без разбора и разрубая сталью живые тернии на пути. Так они достигли первых деревьев хвойного леса.

Птицы в лесу притихли напуганные шумом, а животные не показывались на глаза. Лес замер в ожидании. Ница замедлила бег, перешла на шаг и свалилась на землю, будто потеряв сознание.

Все еще раздавались далекие взрывы, залпы орудий, редкие выстрелы ружей, очереди из винтовок и хлопки пистолетов. Защита повстанцев окончательно сломлена: солдаты зачищали военную базу.

— Ница, подожди меня, — Ладани догнала ее и осторожно приблизилась, держа руку с трясущимися от напряжения пальцами на пистолете в открытой кобуре. — Это я... Ладани.

Ница обернулась на звук. Лицо ее перемазано кровью, а по бледным щекам стекали настоящие слезы. Глаза ее частично потускнели и не выражали бывшего интереса к жизни. Ница с трудом дышала, словно болезнь мешала ей, безжалостно сжимая грудную клетку. Временами ее лихорадило, и дикий стон отчаянья вырывался через сжатые зубы.

Ладани не торопилась, наблюдая и выжидая удачного момента, чтобы заговорить, когда та успокоится.

— Почему? Почему они уничтожили мой дом... все, что я лелеяла и растила тысячу лет... Теперь я осталась совсем одна. Как мне быть? Может, стоит вернуться и завершить начатое? Месть ценится годами ожиданий... блюдо, которое подают холодным. Но зачем мне ждать? Там еще достаточно людской массы, чтобы утолить этот дикий сводящий с ума голод.

— Ница...

— Скажи мне почему. Скажи же! Какова причина?!

— Я...

— Ты говорила, что и мечтать об этом не могла! Говорила! Только сейчас я поняла, что значат эти слова.

— Ница, я...

— Ты боишься меня? — Ница остановила взгляд на кобуре с пистолетом Ладани.

— Боюсь, — честно призналась Лада и осторожно убрала руку с кобуры. — Боюсь тебя такой.

— Такой?

— Когда ты убиваешь людей.

— Там не было людей. Только сорняки!

— Мне очень жаль, — Ладани присела рядом и взяла Ницу за руку. — Давай уйдем отсюда. Обдумаем все хорошенько. Будет еще время побродить по развалинам и погоревать. Может, найдем и что-то уцелевшее. Позже мы навестим всех, кто хоть как-то причастен к разрушению твоего дома и возможной смерти дорогого мне человека.

— Но...

— Смерть солдат ничего не изменит, а наши смерти тем более.

— Смерть для меня нестрашна. Я смогу восстановить уничтоженное тело.

— А я не смогу. Не смогу! Я исчезну навсегда! Поэтому и боюсь смерти. Пойдем уже.

Лада помогла подруге подняться с заснеженной земли.

Какофония у горы стихала.

Ница скинула с себя оставшиеся элементы брони. Пелена ее безумия таяла и отступала. Лишь ввевшаяся горечь от потери своего маленького мира затаилась в ней.

В сопровождении оставшегося десятка насекомых Ница и Ладани направились к берегу озера, которое на протяжении всего года не замерзало и скрывалось в мистическом тумане глубокой расщелины.

По небу проплыли два люггера Инквизиции с изогнутыми вперед крыльями. Потертые маркировки «СИГ-37» и «СИГ-35» виднелись на их бортах. Разгоняя зазевавшихся солдат шумом реактивных сопл, они приземлились на расчищенный участок взлетно-посадочной полосы военного комплекса горы Ха-Шин. Откинулся трап, и из люггера вышли два человека в серой броне, укутанные в плащи с глубокими капюшонами.

Один из солдат с завистью посмотрел на фюзеляж люггера и неуверенно отдал честь прибывшим инквизиторам, к груди вскинув левую руку и заблаговременно приняв решение уступить им дорогу.

Инквизиторы откинули капюшоны и остановились. Они о чем-то посоветовались, после чего один из них, тот, что моложе, обратился к солдату:

— Где Редшил?

— Командор Стифан Редшил погиб. «Литиан» уничтожен наземным орудием орбитальной защиты, офицер, — солдат показал куда-то в сторону соседней горы.

— Что здесь, черт возьми, происходит?! — инквизитор подошел к солдату и откинул непрозрачное забрало. На бойца уставились светло-голубые глаза, холодные, не выражающие никаких эмоций. — Кто взял командование на себя?

— Не могу знать! Все как-то само вышло, и комплекс мы взяли. Только главарь повстанцев и его заместитель скрылись с несколькими офицерами. Остальных выживших под конвоем загнали в платформу, — боец отпрянул и вытянулся.

— Отец-Инквизитор, не могли бы вы остаться под защитой брони люггера «Соблюдающий закон» или вернуться на один из глиссеров? Я осмотрюсь. Расскажу позже во всех подробностях об этом инциденте, — молодой инквизитор обернулся к своему спутнику и чуть склонился в ожидании.

— Хорошо, сын мой, я подожду на борту. Луис, помните об осторожности, — Отец-

Инквизитор накинул капюшон и проследовал по аппарели корабля.

Проворачиваясь в шлюзе, двери с шипением закрылись за спиной старого инквизитора.

— Временно поступаете в мое подчинение, боец. А теперь следуйте... — Луис обернулся на приглушенные хлопки снайперской винтовки. Его худое гладкое лицо без намека на растительность, если не считать тонкие бесцветные брови, выразило обеспокоенность. — Откуда здесь наемники?

— Не могу знать! В шлюзе снайпер засел, не можем его выбить. Как семечки щелкает наших десантников, — солдат покорно следовал за офицером, держа оружие наготове.

Эхом разнесся выстрел. К ногам подошедшего инквизитора покатился армейский шлем, об участии его хозяина говорили темные пятна и дыра с рваными загнутыми краями в налобной пластине. Инквизитор наклонился, потрогал следы от выстрела, стал в задумчивости подниматься, когда и его поразил выстрел зоркого снайпера. Инквизитор, получив сильный толчок в грудь, покатился, пачкая свой роскошный плащ в слякоти подтаявшего снега.

Поднявшись, Луис провел языком по высохшим губам и потрогал пальцем грудные пластины серой брони, где осталась глубокая царапина, словно когтистый хищник, играясь, вспорол верхний слой, частично порвав композитные материалы внутренней биопрослойки. Через царапину проступала густая жидкость, твердевшая при ударе. Посмотрев на отлетевший при падении шлем с оранжевой полосой, составлявшей с непрозрачным белым забралом своеобразный крест, инквизитор смело приблизился к воротам шлюза.

— Мисс Саен! Можно попросить вас не стрелять? — Луис решил особо не высовываться. Он давно знаком со снайпером и силой самой винтовки. — Тем более такой умной женщине и так ясно к чему приведет убийство инквизитора, как и дальнейшее сопротивление.

— Луис? — донеслось из темноты. — Я не собиралась тебя убивать. Поздоровалась. Подожди минуту, я выхожу, и отгони этих собак.

Повинуясь команде инквизитора, обладающего достаточно высокой властью, солдаты отступили, удивленно опустив оружие. Из темноты вышла женщина в броне штурмовика. Хищно прищурив глаз, она смотрела в перекрестие оптико-цифрового прицела, готовая забрать чужую жизнь без малейших колебаний.

Луис негромко захлопал в ладоши, но лицо его осталось каменным. Он собрал разметавшиеся локоны вьющихся белых волос обратно в небольшой хвостик на затылке и подошел к Наи.

— Вы хотите угодить в подвалы темницы и отведать собственной шеей остроту гильотины? — Луис заговорил тихо и отвел взгляд в сторону. — Вы убили много солдат регулярной армии.

— Говори прямо. Не люблю я шарады и вашу туманность в словах, — Наи убрала снайперскую винтовку за спину, но рука ее все равно осталась лежать на пистолете, крепившимся в плечевой кобуре. — Вы же понимаете, что тут произошло.

— Нет. Поведайте мне то, что вам известно.

— Я выполняла работенку, оговоренную контрактом. Тут появились солдаты. Я защищалась. Командор провел боевую операцию несанкционированную временным правительством, при этом задействовав «Литиан», впоследствии уничтоженный неизвестно чем. Синдикат наемников никогда не бросает в беде ценные кадры. Тем более, если этот человек входит в состав главенствующего круга.

— Ладно вам напускать дым, разберемся. Вы уничтожили флагман Редшила? —

инквизитор внимательно разглядывал ее броню. — Вы ранены?

— Я бы созналась. Грех упускать такое достижение как уничтожение одного из крейсеров флота. Ранен паренек, что помог мне выбраться. Это его кровь. Он там, — Наи указала свободной рукой в сторону шлюза, внимательно следя за солдатами. — Пленник Брига. Ему нужна медицинская помощь. Приютишь у себя?

— Генриха Брига?

— Он самый.

Наи кивнула, зная, что Луиса это заинтересует. Еще бы его не заинтересовала то, что здесь произошло. Такой бойни давно не было, а в свете последних заявлений Совета, что мирное урегулирование действует, а война изжила себя, — это будет смотреться особенно эффектно. К тому же все равно все свалят на Инквизицию.

— Он выжил и сбежал? — Луис сохранял невозмутимость.

— Конечно.

— Можете дать копию записи за последние два дня?

— Могу, — Наи включила интервизор шлема и передала в коммуникатор Луиса копию записи ее пребывания среди повстанцев. — Я отправила доклад Синдикату.

— Благодарю. У меня нет желания ссориться с Синдикатом. Но не подумайте, что я вас боюсь. Для меня важны надежные и доверительные отношения. Руководство всегда оставалось довольно вашей идеальной работой, — инквизитор замолчал, прислушиваясь, и продолжил: — Мы поможем раненному юноше и, если он захочет, то станет послушником.

— Тогда я пошла.

— Не смею задерживать. Считаю вас невиновной, пока суд не изменит моего решения.

Виляя бедрами, Наи отошла от Луиса, но, вспомнив что-то, проговорила:

— Ах, да... благодарю вас, Отец-Инквизитор. Вы же всегда рядом, хотим мы того или нет. Парнишка лежит за бетонными обломками в аварийном рукаве. Аккуратней с ним!

Инквизитор проигнорировал ее комментарий и направился в сопровождении солдата в темноту туннелей аварийного шлюза.

Луис показался спустя несколько минут, за ним шел солдат и нес на руках Тайполя, к груди и лопатке которого были прилеплены медицинские полусферы, изолировавшие на время поврежденные ткани и остановившие кровь. Поднявшись по трапу, инквизитор проследовал в медицинский отсек и велел положить раненного на кушетку. Сразу подстроившись под габариты тела, кушетка оптимально выровнялась и замерла. Лучи пробежали по телу Тайполя, и появился мобильный хирургический манипулятор с пучком подвижных лазеров и зажимов.

Прикрыв двери, инквизитор достал коммуникатор и вбил пальцем какое-то короткое слово. Сопровождавший его солдат стоял в нерешительности, больше приказов не поступало, а покидать нового командира он не захотел. Луис жестом указал бойцу на кресло у иллюминатора, а сам вышел, чтобы продолжить составление доклада об инциденте, произошедшем на старой военной базе. Много кто будет очень недоволен возобновившимся противостоянием ПОА и сторонников прежней власти.

Перед глазами Тайполя все еще стояли мерцающие круги, смутные треугольники, динамичные эллипсы и расплывчатые слова:

«Ты должен».

«Обязан найти».

«Даровали жизнь. На благо».

«Усмири. Направь. Передай».

«Сфера в ожидании».

Глаза Тайполя слезились. Капли пота стекали по его лбу. У него начинался жар. Жажда высушила его горло до наждачной шершавости, а его затылок пробивала пульсирующая боль, отдающая в висок и левую ладонь. При попытке подняться с постели перед его взором начинали плыть окружающие предметы и размываться границы комнаты, потолок уходил куда-то вверх, теряясь в лучах света, а сознание проваливалось в бездну, потом видимость пропадала совсем, словно некто шутки ради дергал за рубильник, не вовремя прерывая подачу энергии, и ее подменял собой мрак.

«Помни. Будь готов. Сверши».

Хотя тело его слабо ощущалось, и шевелились некоторые пальцы, но до конца осознать и придти к нормальному состоянию не представлялось для него возможным.

«Ключ».

«Ты должен. Обязан найти, пока она ждет».

Вокруг белая светлая комната, настолько белая, что грезится иллюзорной, прозрачной, невесомой оберткой. Тайполя подташнивало. Его голова продолжала кружиться, и при вдохе на мгновение сковывались легкие грудной клеткой и подрагивающими мышцами. У него болело еще и внизу живота, а в пояснице возникало чувство, что скручивается позвоночник, осыпаясь мелкими фрагментами.

Будто бы сквозь вату послышался женский голос:

— Уже пришли в себя? Сейчас позову лечащего врача.

Раздался приглушенный стук каблуков, вскоре стихший, отражаясь эхом в его сознании, и опять комнату поглотила тишина.

Тайполю послышались приближающиеся голоса. Брякнуло стекло, и он почувствовал укол в шею, и снова его сознанием завладело небытие, схватив разум цепкими лапами.

Тайполь задышал ровнее, тихо посапывая, и успокоился. Его пальцы до этого крепко сжимавшие простынь расслабились, и его правая рука соскользнула, повиснув на крепко пригнанных ремешках, которыми приковали больного к постели.

Звякнуло нечто металлическое, упавшее или брошенное, и доктор в сопровождении медсестры покинул палату, на ходу что-то помечая в электронных карточках.

— Интересно, продолжайте. Кого он звал? Не может быть... Придется пройтись всполохами основательнее, чтобы и зацепок не осталось... — доктор продолжал вписывать информацию в карточку и прислушиваться к негромким словам скучающей медсестры. — Вот только сны все равно будут возвращаться... тут все немного сложнее. Но кто нынче в серьез воспринимает тематику снов? Вот вам сегодня, что грезилось ночью?

— Бросьте, ерунда всякая, — смущенно сказала медсестра.

— То тоже! Ведь никто не поверит, что и самый дивный сон вполне может оказаться частью оставшихся воспоминаний. Что есть действительность? Лишь та часть реальности, которой мы не способны управлять, где время неподвластно нам.

— Да, да, — сказала несколько громче медсестра и закивала головой, поправляя светлые с оранжевыми кончиками кудряшки, выпавшие из-под шапочки. Она не любила слушать поток непонятных мыслей профессора. — Мне еще послышались несколько незнакомых слов. Иноземец что ли?

— Не обращайтесь внимания, пациент почти поправился. Все прекрасно зажило. Отклонения в норме. Еще один маленький сеанс и можно сообщить нашим великодушным покровителям, или... — доктор резко остановился. Медсестра чуть не врезалась ему в спину, на миг задумавшись. — Я же купил новый чай! Любонька, будьте любезны, сходите за льдом и фужерами, сегодня такой жаркий день.

Любонька в очередной раз пожалела, что устроилась на работу к этому сумасшедшему человеку. Единственное, что держало ее тут, так это неплохая заработная плата, ну еще и странный слух, что те, кто бросал работать на Инквизицию, одним утром открывал глаза уже в другом месте и их никогда больше не видели.

Оживленно заговоривший доктор и медсестра удалялись, их речь даже обрывками перестала долетать до палаты, где спал Тайполь. В соседнем блоке одной из частных закрытых больниц Империялграда кто-то пронзительно закричал надрывающимся голосом. С другой стороны палат раздался истерический смех и глухие удары, словно некто обвернулся в матрац и с разбегу ударялся то в дверь, то в стену. Хлопнули в конце коридора двери. Раздались торопливые шаги, и снова повисла тягостная тишина, забывая его разум пустотой.

Империялград все еще оставался своеобразным красивым и густонаселенным трехъярусным мегаполисом с секторами-районами, которые соединялись между собой разводными мостами и сетью подземных коммуникаций со скоростными магистралями и водными разноуровневыми шлюзами для судоходства.

На западе раскинулся морской порт и несколько береговых промышленных центров с глубоководной тихой гаванью и цепью врезающихся в берег бухт. К портовому району прилегал старый район города с самобытными постройками, выросшими на развалинах древних сооружений и катакомб, где ютились в основном бедняки. Над городом продолжались работы по строительству прозрачных секций-перевертышей воздушного купола, делали это для защиты от губительной засухи, подступающей с юга пустыни с невыносимой жарой.

Жалюзи на широких окнах с шорохом упали, впуская и рассеивая свет. Усталые глаза Отца-Инквизитора уставились на открывшийся вид за окном.

Неменяющаяся за окнами на продолжении нескольких десятков лет восхитительная картина городской архитектуры вызывала в нем лишь раздражение и апатию. Отец-Инквизитор придавался мрачным раздумьям. Его звали Ратмир Шаневик. Он был тучен и большую часть времени мрачен, с подслеповатыми чрезмерно большими глазами на плоском лице, и возраста, когда пора бы уже отойти от дел, понимая, что многие возможности давно упущены. Но Шаневик считал, что он только начинает жить, вкушая от жизни все, до чего мог дотянуться. Став Отцом-Инквизитором, он потерял свое имя и обезличился, заняв столь высокую должность. Он не любил сильные запахи и яркие цвета,

шумную музыку, да и вообще музыку, и живись, но всегда в точности делал все, что от него ждали более влиятельные чем он люди и готов был терпеть, что угодно лишь бы угодить тем, кто мог быть ему полезен.

Шаневик достиг высот, о которых и думать не смел, когда родители его отдавали на обучение. Пока он учился и пытался запомнить слова мудрецов, собранные в многотомные пыльные книги и электронные таблицы, мир изменился, исказилась сама суть веры, а юного послушника предали друзья. Будучи еще невзрачным послушником, около десятых рангов, Шаневик уже иначе смотреть на многие вещи. Утратил ли он веру? Нет, точнее будет сказать, что он никогда и не приобретал ее. И случайность, он всегда дополнял «счастливая» случайность, позволила ему взлететь по карьерной лестнице на самый верх. О несчастных оппонентах, ныне либо покойных, либо томившихся в подвалах темницы, он вспоминать не любил.

Родители были вынуждены отдать его в послушники, так как в обычной школе он подвергался постоянным насмешкам из-за своего веса и плаксивого лица, а в старших классах еще и систематическому избиению. Родители даже не знали, что инициатором подобного всегда выступал их сын, которому доставляло особое удовольствие такое отношение к себе. Теперь престарелый, искушенный и склонный к тирании Отец-Инквизитор тайно упивался властью, извращая на свой лад ценности и постулаты, заложенные основателями Церкви.

Это утро выдалось для Шаневика несколько иным, более тревожным. На его массивном письменном столе разбросаны секретные бумаги и полный доклад от Луиса, официально числившегося как приближенный специалист по Страенским рукописям. Там же стопкой лежали восемнадцать писем от тайных шпионов, запустивших свои нити и щупальца по всем ведомствам распадавшейся Империи.

Отец-Инквизитор ненавидел электронную переписку и не доверял подобным технологиям. Он сильно взволнован и ждал важного звонка. Судя по докладам Луиса, побывавшего в комплексе и порывшегося в делишках главаря бунтарей, там действительно велись секретные исследования и проводились опыты за гранью нравственности и человечности, с какой стороны не глянь. «Еще и Редшил погиб по глупости. Ему стало что-то известно, что-то очень интересное, раз он не смог усидеть на месте, — мысленно рассуждал Шаневик. — Кто стоял за активацией древних механизмов Элвитов? Кто проник в общую оборонную сеть? Кто уничтожил «Литиан»? Что за неизвестная сила? Названным не понравится, как кто-то нагадил нам на пороге... мне самому это уже не нравится. Будет куча проблем, черт! Какая сволочь опять развязала войну? Жаль, нет времени разобрать завалы и лично добраться до нижних секторов, а там остались лаборатории. Чем же Бриг, Кенри и их пособники все же занимались?»

Звук вызова оборвал ход мысли в клубке наплывающих друг на друга домыслов. Загорелась кнопка шифрованного видеоканала.

— Отец-Инквизитор?.. Сто второй беспокоит. Мне удалось получить информацию. Присланные вашими людьми жучки работают безупречно, — висевший на южной стене экран, откуда доносился голос, остался темным. Немного выждав, собеседник продолжил механическим голосом: — Готов с вами поделиться, но достать ее было несколько сложнее, чем вы предполагали.

— Я увеличил гонорар, не играй со мной, — привыкнув получать все и сразу, Отец-Инквизитор сторал в нетерпении, не хотел тянуть и торговаться. — Продолжайте по

существо!

— Да, сейчас, — послышался посторонний звук, и шпион подал монотонный невыразительный голос. — В комплексе у горы Ха-Шин Лидер-Командор Лисма Кенри и Лидер-Капитан Генрих Бриг, прикрываясь повстанческим движением, развернули мощный исследовательский институт с сетью лабораторий и отличным финансированием. Возглавил ведущий научный сектор Лейтенант-Аналитик Ритто Воскин. Воскин был разжалован и с позором выгнан с имперского инженерно-исследовательского дивизиона. Перед сектором поставлены ряд целей, но основные ресурсы шли на поиск некой ДНК, которая фигурировала под различными наименованиями, но чаще всего она упоминается как «Глас Императора». Над этим работали разные группы ученых и возможно это различные модификации одной и той же ДНК. Есть предположение, что научные поиски венчались успехом, так как сектор резко уменьшил потребление энергии накануне штурма, предпринятого ударным крылом флота, и многие ученые разъехались по домам. За час до появления воздушных кораблей базу покинули и старшие офицеры. Бриг нес с собой опечатанный и неприметный контейнер для загрязненных изотопами образцов почвы. Если вам интересно мое мнение...

— Я и сам способен делать выводы! Не могу пока что полностью оценить сделанную вами работу. Нужно время, чтобы подтвердить кое-какие моменты вашего интригующего рассказа, — Шаневик поднялся и начал прохаживаться в раздумьях. — И мне необходима вся информация, имеющаяся у вас на данный момент. Пришлете как обычно по дипломатическому каналу Инквизиции. Пока все. Буду ждать нового доклада, Сто второй.

— Конец связи.

Отец-Инквизитор потупил взор на оконную раму с витиеватыми узорами, по его мнению, они отвратительны, как и все остальное искусство, лишь трата времени. Кашлянув, он отключил связь. Теперь оставалось дожидаться Луиса и может тогда совместными усилиями получится составить большую часть планов хитрого главаря повстанцев.

Луис вошел без стука и запер за собой двери. На его лице отражалась бессонная ночь. Порученец Отца-Инквизитора с ног до головы перемазан бурой ржавчиной и сажей. Луис пока что просто стоял, пытаясь отдышаться и собраться с мыслями. С его приходом в комнате появился приметный запах кострищ, потушенных углей и сырости.

Отец-Инквизитор ничего не сказал по поводу внешнего вида Луиса и прошел в гостиный зал, спустя пару минут он вернулся с чашками горячего отвара из зерен высушенного и перетертого карликового рагиса, аромат которого моментально наполнил комнату, перебивая другие запахи. Инквизиторы одновременно присели за стол, и Луис отхлебнул горячей жидкости цветом молока, подсвеченного малиновым, на его лице не отразилось никаких эмоций.

— Приветствую, Отец-Инквизитор! Как ваше драгоценное здоровье? — Луис поднял уставший взгляд и отодвинул кружку с бодрящим и ускоряющим реакции организма на внешние раздражители напитком.

— Здравствуй, закончим с любезностями и поговорим о деле, — Отец-Инквизитор поморщился и тоже поставил кружку на столик. — Чувствую, тебе есть что сказать, впрочем, как и всегда.

— Вы правы, Серый Кардинал, так вас называет Бриг.

— Серый Кардинал? Глупость какая-то.

— Вы еще не забыли призранных посланников? Они в свое время помогли вам так

высоко подняться. Хотя я отношусь к ним как к мифу, так как ни разу и не увидел их, — Луис кисло улыбнулся и после легкого кивка Шаневика продолжил: — Так вот, они заключили некий договор с Кенри. Подробности, увы, не знаю, но, думаю, цена оправдывает весь спектакль с повстанцами, падением Империи, убийством Императора и проводимыми Ритто Воскин опытами, унесшими тысячи жизней. У Брига в руках был переносной контейнер, там эссенция всей безумной работы Лисма Кенри.

— Узнал, кто затеял эту драку? Названные будут в ярости.

— Случайные обстоятельства, — пожал плечами Луис.

— Случайные? — С подозрением спросил Шаневик и отхлебнул из кружки. — Не верю я в случайности.

— Мой доклад у вас на столе.

— Ладно. Касаемо призрачных посланников: они приходили и раньше. Когда они посетили мою обитель, я испугался. Думал это безобразные потусторонние сущности. Хватался за нож как дурак. Посланники действительно мне помогли. Объяснили, что делать и как поступать с тем или иным человеком. Они передали мне знания и папки с компроматами. Но я до сих пор не понимаю зачем. Они ничего никогда не просили взамен и не ставили каких-либо условий, — Отец-Инквизитор помолчал, хлебнул еще рагиса. — Не знаю как тебе, но мне чертовски интересно, что в ящике, так оберегаемом Бригом. Кстати, а что случилось с нашим подхалимом Лютаром? Злые языки говорят, что его больше нет.

— Мертв, — подтвердил Луис. — Его убийцу я отправил в центр подготовки Инквизиции. Пусть примет участие в проекте «Прометей» и послужит единственно правильной религии.

— Будет нести огонь человечеству? — Шаневик загадочно хмыкнул. — Я не стану горевать по Лютару, а ведь он был верным прислужником и удобным в обращении глупцом.

— Согласен. Я подобрал некоторые хвосты и задействовал нужных людей. Мне на днях проверить, что у повстанцев в том ящике? — Луис, уполномоченный по интригам, как часто его называл Отец-Инквизитор, поднялся и неторопливо направился на выход.

— Организуй операцию по изъятию контейнера, но не торопись, у меня есть планы немного другого характера. Позже расскажу в подробностях. А пока приведи себя в порядок и отдохни, — Отец-Инквизитор тоже поднялся и направился к окну, смотреть на ненавистный ему город.

Двери бесшумно закрылись за силуэтом выходящего Луиса.

— Любопытно, а ведь про Элвитов ему известно больше, чем он говорит... — тихо, словно сквозняк, прозвучали слова за спиной Шаневика, и в стекле отразились горящими точками желтые глаза в глубоком капюшоне.

Туман стелился клубящейся дымкой. Снега почти не было, лишь изредка он встречался на размашистых ветвях высоких елей. Солнце поднималось, наполняя слабым теплом и красками серый мир холодной ночи. Ладани и Ница радовались теплу и настоящему свету.

Оставшихся механических насекомых с оранжереи не хватало, чтобы создать согревающую сферу, и они пока жужжали без дела.

— А ты как-то связана с этими пчелами? — Ладани указала на повисшее перед ее лицом кибернетическое насекомое. — Раньше их было больше.

— Мы как бы одно целое.

— Когда они погибают, ты чувствуешь боль?

— Боль? Нет, не чувствую. Связь прерывается и все.

Через несколько часов подружки вышли к отвесному краю громадного каньона, когда-то тут был мост, соединяющий эту тропинку с другой стороной, видневшейся в метрах трехсот впереди, о чем свидетельствовали обрывки тросов, стальных нитей, остатки металлических конструкций и деревянные бревна. Дно каньона скрывал густой с белыми переливами туман.

— Нам вниз, — Лада слабо улыбнулась и кинула камешек в пропасть. — Раз и в дамки!

— Думаешь это хорошая идея? — Ница подошла ближе и заглянула за отвесный край скал.

— Пойдем. Один человек в свое время охотился тут, и как-то поведал об этом озере мне, — Ладани первая зашагала в сторону от остатков старого моста. — Тут недалеко оборудован тайник. Может там даже связь есть или еще что полезное, надо же как-то выбираться из этой дыры. И там много технологического хлама, и домик есть, а еще... В общем, сама все увидишь!

Ладани и Ница вышли к разрушенному амбару без крыши, расположенному за складом с погнутой от времени конструкцией в виде треножного крана. Рядом из земли торчали прямоугольные резервуары, прогнившие бочки и, возможно, часть горнодобывающего оборудования.

Лада подошла к одному из резервуаров, заглянула в него и, перекинув ноги, спрыгнула, скрывшись из виду. Чтобы тоже взглянуть, Ница уперлась руками в борта резервуара. Он оказался с плоским дном, которое основательно прогнило, от чего образовался выход к невидимым со стороны склона конструкциям, раскрепленным тросами на подвижных блоках. Эти подъемные механизмы чудом пережили каменные обвалы. От блочных колес уходили вниз и свисали под пологим углом троса, теряясь где-то в тумане.

Ладани возилась над трубками с четырехконечными зажимами и примеряла их к раскачивающимся тросам, что-то регулируя.

— Ты, правда, хочешь осуществить спуск при помощи ведущих никуда ржавых тросов и этого обломка трубы?.. — с удивлением Ница смотрела на манипуляции Ладани. — Глупее затеи я еще не видела.

— Боже мой...

— Что не так?

— Все только начинается. Не переживай. Мне все объяснил надежный человек, он несколько раз тут задерживался и не стал бы врать.

— Может он просто похвастался, нафантазив? — нотки недоверия все еще оставались в голосе Ницы. — Мне невидно, куда ведет этот путь. Там может быть обрыв этой обезьяньей тропы или тросы приведут нас с размаху в скалы.

— Тогда можешь оставаться здесь, трусишка, а я не могу удержаться. Будет весело!

Ладани уверенно схватилась за стальную трубку и, зацепив ее креплениями к тросам, приготовилась к спуску, ступая по краю торчавшей из отвесной стены скрипящей конструкции.

— Как хоть этим вообще пользоваться? — Ница не успела разузнать, так как ее спутница с криком прыгнула и, повиснув на тросах, по инерции устремилась к туману, резво набирая скорость. — Ладани!

Постояв в раздумьях, Ница пристальней рассмотрела подозрительную хромированную трубку для спуска и выемки с прорезиненными вставками для рук. Ница примерила крепления к тросам, и опустила взгляд в пропасть. Крик Ладани уже стих, потерявшись где-то в тумане. После чего Ница все же решилась.

— Безумие какое-то! — она разбежалась по железной ферме, идущей около тропы, и прыгнула вперед, оказавшись над пропастью.

На секунду Ница зависла в воздухе, этого мига ей хватило, чтобы зацепиться за железные тросы креплениями трубки и начать спуск. Трубка под ее весом заскользила на удивление плавно. Ница набирала скорость. Ее волосы трепетали на ветру, а пальцы крепко сжались. Пока что спуск приносил ей массу впечатлений. Набрав приличную скорость, Ница пронеслась в метре от каменного утеса, и вскоре приблизилась к плотной стене тумана. Она разрезала туман телом и почувствовала сырость, так и очутилась в однообразном мире, словно ее с размаха окунули в серую водянистую краску.

И тут в глаза Нице ударил свет от искрящейся поверхности синей воды.

Захватывало дух.

Ница хотела поджать ноги, но вовремя заметила, что тросы выравниваются. Проскользив над спокойными волнами озера, она расслабилась. В десятке метров прорисовывался песчаный берег и прыгающая Ладани. Скорость спуска практически сбросилась до нуля, и Ница, затаив дыхание, коснулась ногами белого теплого песка.

За озером, образовавшимся в расщелине, действительно был неприметный домик, с виду совсем заброшенный, где отыскался тайник с едой, медикаментами, оружием, одеждой, спальными принадлежностями и прочими мелочами. За домом начинался лес, упирающийся в отвесные скалы и в крупную свалку брошенной техники с прочим хламом.

Закутываясь в спальный мешок, Ладани аж вскрикнула от удовольствия. После еды и бессонной ночи ее клонило в сон, и она быстро уснула, предоставив Ницу самой себе.

Тело Ницы не нуждалось во сне, поэтому она вернулась к свалке, где ей приглянулся автоматический грейдерный нож и подвесная вагонетка. Ница собиралась устроить сюрприз своей подружке и времени до утра ей вполне хватало.

Провозившись всю ночь, Ница вернулась в дом.

— Ультрамарин, который получают путем растирки в пыль стекла, окрашенного кобальтом. Именно этот цвет подойдет...

Лада открыла глаза, пытаясь сообразить, к кому конкретно обращаются. Она поворочалась в постели, импровизированной в заброшенном домике у озера. Вдохнув, Лада

нехотя подняла голову, убирая с лица растрепанные и спутавшиеся волосы.

— Ница! — Ладани ни чего не угрожало, но теперь каждое утро начиналось с этих криков. — Ница!

— От тебя столько шума.

— Серьезно?

Хлопнула дверь, закрывающаяся с помощью пружины.

В руках Ница что-то принесла, что-то съедобное. Она подошла к окнам и одним движением веревок убрала плотные занавески. Яркий свет позднего утра ворвался в комнату, от чего Лада застонала, прячась под подушку.

— Бегом умываться! Или закину в озеро, — Ница удалилась на кухню готовить на завтрак салат из фруктов и яичницу из свежих яиц, которые нашла неподалеку в лесу в гнезде. — Потом садись кушать, пока не остыло.

— Ну, «мам»! — Лада сделала вид что захныкала. — Там холодно и сегодня не нужно идти в школу. Можно я еще немножко поваляюсь?

— Не ленись.

— Ну что за скукота...

Ладани повернулась и уткнулась в складку спального мешка. Тут Ладу с легкостью подняли сильные руки с длинными хваткими пальцами.

— А ну поставь, где было! — не успев толком сообразить, как Лада оказалась у берега туманного озера, на который накатывали медленные волны.

В это утро было особенно свежо и немного прохладно, доносились утренние щебетания лесных птиц. Лишь только повиснув над водой в свободном падении, зажмурившаяся Лада догадалась, какую же гнусность совершила ее подружка. Плеск воды и брызги, переливающиеся в лучах игривого солнца, прервали визг Ладани, а Ница, добродушно засмеявшись, вернулась к яичнице.

Напевая, Ница убрала сковородку с огня и раскидала приготовленную еду по тарелкам. В разгрузке Лады были припасены еще армейские походные тюбики с едой, но хотелось чего-то настоящего. В запасах тайника нашелся пакетик синтезированного зеленого чая и брикет заварного гриба кариплы. Ница решила, что даже такой чай будет в самый раз или гриб, но его нужно настаивать несколько часов в темной комнате. Ница стояла спиной к дверям и усмехалась, чувствуя, как бесшумно крадется Ладани, слегка подрагивая. С криком Лада запрыгнула ей на спину, прижимаясь промокшей и холодной одежкой, с ее волос стекала вода. Ница поежилась, ощущая спиной несколько неприятный поначалу холод, и высвободилась из ее цепких объятий, после чего усадила вертлявую подружку за стол и налила чай по самодельным кружкам.

— Сменная одежда на окне. Я ее подогнала, чтобы ты ненароком не выпала с нее.

— Очень смешно.

— Стараюсь.

— Что ты там бубнила про аквамарин? — Лада тщательно прожевывала, наслаждаясь горячей, по-домашнему вкусной едой и экспериментальным салатом.

— Закончила ремонт рухляди, оставшейся от аэроразведчика скальных пород. У меня же нет необходимости во сне. Теперь из него вышел неплохой двухместный летательный аппарат. Поставила ветровые стекла и установила сиденья со старых мотоциклов. Так что у нас есть свой воздушный транспорт. Главное прижиматься крепче, чтобы не сдуло, но я на всякий случай приспособлю ремни, мало ли что. Топливом служит атомная батарея с

автоматических грейдерных ножей. Вот решила теперь покрасить его в ультрамарин.

— Не проще назвать светло-синим? Или темно-голубым? Или какой он там?

— Мне нравится говорить именно так, — Ница взялась за напитки. — Покрасим и испробуем в полете невысоко над водой.

— Забавно. Показывай что там за агрегат.

— Переоденешься и пойдем.

Ладани обошла уже десятый раз аэроцикл по кругу и остановилась за спиной Ницы, докрашивающей свое творение.

Ница опустила фильтрующую полумаску и, отложив в сторону аэрограф, поднялась. Проворчав что-то себе под нос, Лада выключила компрессорную установку и прошла еще раз вокруг творения подружки.

Летательный аппарат представлял собой угловатый корпус, приплюснутый с боков, носовая часть преломлена и наклонена книзу, за ней расположено сиденье с рукавами управления по бокам от ветрового стекла, на котором видна электронная панель управления. Выше и дальше по корпусу имелось еще одно сиденье. Ноги пилота защищали боковые пластины из легких сплавов. В стороны и вперед уходили небольшие переломленные под углом широкие крылья, начинающиеся от срезанного хвоста, на крыльях располагались подвижные лопасти поворотных турбин и сопла реактивных двигателей, приводящие в движение аппарат.

Выкрашен летательный аппарат в цвет ультрамарина и украшен линиями с завитушками своеобразных узоров, схожих на урбанистический камуфляж.

— И? Какой-то он хлюпкий, — Ладани оседлала стального зверя, устроившись на месте пассажира. — Давай прокатимся на этой блохе!

— Минутку. Заканчиваю обучение, — Ница поставила ногу на подножку и, закинув вторую, уселась на место пилота.

— Только не говори что ты первый раз за рулем?

— Страшно, что ли? — Ница посмотрела в зеркало.

— Не, скорее тупо, — усмехнулась Ладани.

Ница наклонилась, устраиваясь удобнее, и просунула руки в рукава управления, взявшись пальцами за держатели-рули, и ногой выжала педаль.

Аэроцикл даже не задрожал, когда мощные установки начали раскручиваться, поднимая его в воздух. Оторвавшись на метр от земли, Ница развернула аппарат и сделала круг над песчаным берегом, стараясь не обращать внимания на крики и подначивания подружки. Лада легкомысленно отнеслась к летающему транспорту, не спешила прижиматься к корпусу и братья за небольшие поручни, и пока что просто продолжала беззаботно болтаться на сиденье да размахивать руками.

Ница направила аэроцикл к озеру и, все еще медля, зависла там, сделав несколько кругов над водой. Системы работали исправно, и ошибок она не выявила.

— Прижмись и держись крепко! — прокричала Ница и сама вжалась, спрятавшись за стеклом. — Держись!

Аэроцикл приглушенно загудел двигателями. Его турбины взялись набирать мощность, а крутящий момент лопастей возрастал. Ладани притихла и вжалась, не став комментировать последние слова. Ница выжала педаль, повернула рукой регулятор заслонки, и подружки, удобно пристроившись на аэроцикле, поднялись выше, чтобы преодолеть мистический туман. Набрав достаточную высоту и взмыв над каньоном, Ница

перевела мощность установок на ускорение, и аэроцикл ракетой устремился ввысь.

Холодный ветер цеплялся за волосы Ницы. Неслышно визга Ладани, ее округлившиеся глаза отражались от поверхности ветрового стекла. Ница усмехнулась и увеличила скорость. Они пролетели с гулом у теневого склона горы, совсем рядом с отвесными утесами, поднимая снеговые завихрения, и рисуя ими алебастровые кружева, вызывая обвалы слежавшихся сугробов. Реактивный гул ярким пламенем кометы пронесся над лесом. Словно снаряд промелькнула черная тень, едва не касаясь макушек деревьев. Ница будто бы слилась с воздушным аппаратом, управлялась с ним грациозно и непринужденно, выполняя произвольно фигуры высшего пилотажа.

Приземлившись, аэроцикл замер и клюнул носом в траву. Его лопасти неторопливо вращались.

Ладани спрыгнула с «блохи» и пошатывающейся походкой направилась к домику. Ее растрепанные волосы остались висеть отчасти зачесанными назад от порывов пронизывающего ветра, наполненного свободой и низкими температурами. Она не стремилась говорить и делиться своими впечатлениями. Ница тоже не спешила прерывать впечатления после такой поездки, пока следовала за подружкой на ветхую веранду, где расположилась в плетеном из тонкой лозы кресле. Ладани плюхнулась прямо на деревянный настил и потупила взор в песок.

— Прекрасно! Было круто, да. До сих пор ноги дрожат, — Лада первая решила заговорить. — И как удалось создать нечто подобное?

— Мне тоже доставил удовольствие этот полет, — Ница прикрыла глаза, прокручивая в памяти полученный опыт. — Я училась у ваших предшественников и у вас училась, когда вы еще были способны созидать, а не мельтешили настолько поглощенные суетой, что растратили жизнь.

— То есть мы стали глупее и совсем ни на что не годны? Совсем-совсем?!

Ница несколько ступевалась и сцепила пальцы на колене, проговорив негромко:

— Наоборот, спад вашей деятельности начался не так то и давно. Но теперь замкнулись, и весь потенциал растрачивается впустую. Люди заняты совсем не тем, что должно истинно их волновать.

— Тебе-то откуда знать, как жить и что делать? — Ладани насупилась.

— Мне нужно в крупный город. Хочу тайно основать свое прибыльное дело и запустить шпионов в информационный поток. Ты же не забыла свои слова, сказанные тогда? — ушла от ответа Ница и, поднявшись, прошла вдоль резных перил летней веранды.

— Нет, нет, не забыла, — твердо сказала Лада. — Полетели вместе? А? Заодно приоденемся и начнем поиски. Еще бы по развалинам походить, мне нужно знать кое-что. И едой неплохо было бы запастись. Надоели твои яйца!

— Яйца птичьи, — улыбнулась Ница. — Хорошо, немного отдохнем, соберемся, и в путь. Я так и не спросила, что же ты ищешь?

— Повстанцы пленили одного человека, — Ладани несколько замялась, но продолжила, подбирая правильные с ее точки зрения слова: — Вот я и пытаюсь вернуть его в свою единоличную собственность.

— Имя у человека есть?

— Поль, — Лада приподнялась и уселась иначе, скрестив перед собой ноги.

— Тайполь? — глаза Ницы слегка увеличились, а лицо выдало удивление. — Странно, но я его знаю...

— Что?! И все это время ты молчала! — Ладани поднялась и приблизилась к ней. — Сейчас на одну косичку у тебя станет меньше, — потрясла она кулаком.

— Ничего ты мне не сделаешь.

— Что я могу сделать стокилограммовой женщине?

— А так сразу и не скажешь о моем весе? — подмигнула ей Ница. — Вот наглядный пример растрачивания времени. Почему ты не начала сразу с главного? Почему не озвучила имя и свою цель? Я же не ясновидящая.

— А зачем кому-то еще рассказывать об этом? Неважно. Так и что «мы» знаем о нем? — Ладани успокоилась и взобралась на перила.

— Он мой друг, — засмушалась Ница, — согласился работать на Генриха Брига, одного из руководителей повстанцев. Завязал дружеские отношения с женщиной, являющейся наемником и хладнокровной убийцей. Ты видела их в аварийном шлюзе, когда пыталась сбежать. Данные не обновлялись. Последнее, что знаю, он был ранен и доставлен на борт летуна Инквизиции.

Звук равномерных неторопливых шагов отражался гулким эхом от стен длинного коридора с десятками узких пластиковых дверей. Два научных сотрудника в бледно-зеленых халатах толкали перед собой каталку, на которой лежал укутанный клеенкой человек. Их сопровождали два инквизитора в серой униформе. На левом плече одного из инквизиторов виднелся эполет, от которого шла оранжевая полоса вдоль всего рукава, выше локтя полосу пересекал белый прямоугольник с символами веры. В сопровождении инквизиторов сотрудники засекреченной организации направлялись в опытный отдел проекта «Прометей», на который возлагало определенные надежды руководство Инквизиции.

Научные сотрудники втолкали каталку в просторное помещение с горизонтальными капсулами. Внутри прозрачных камер бурлила мутная жидкость, а в центре помещения возвышалась платформа. От нее тянулись гибкие шланги и жгуты проводов, спиралевидные трубки и покачивающиеся отростки с мерцающими нитями.

Инквизиторы остановились у платформы, а сотрудники, что прикатили нового подопытного для тестов, удалились. Вскоре к инквизиторам вышел научный руководитель проекта.

— Приветствую в скромной обители науки, — научный руководитель средних лет застыл в учтивом поклоне и протянул планшет с бегущими строками. — Надеюсь, нас посетили исключительно с дружеским визитом.

— Федерис, когда ты перестанешь пресмыкаться? Самому не противно? — Луис выхватил бланк из рук руководителя и подошел к каталке, где под наркозом лежал Тайполь.

— Вы даете мне работу. Моя работа — это хлеб моей семьи. Раз в год я могу себе позволить пресмыкаться. А вы, Луис, так и не научились манерам за столь долгий срок, — Федерис гордо выпрямился и поправил очки в прозрачной тонкой оправе.

Федерис Лепрос сразу после обучения попал в Инквизицию. Послушники из отдела вербовки и прогнозирования разглядели в нем незаурядный ум. Федерис женат на обычной женщине своего возраста, у них двое детей. На прошлой неделе Федерис отпраздновал за рабочим столом свой тридцать восьмой день рождения. Он соблюдал диету, предложенную личным врачом, которого посещал два раза в месяц, и любил классическую музыку.

— Все нормально, Лепрос. Не обращайтесь внимания. Луис сегодня на взводе и карикатурное хамство отразится на его жалованье, — Шаневик ответил рукопожатием на протянутую руку. — Как обстоят дела? Только в общих чертах, пожалуйста. Вот, можете готовить молодого человека. Он станет прекрасным исполнителем и вольется в специальное подразделение Инквизиции.

— Судей мало не бывает. А прошедшие высвобождение в проекте «Прометей» в разы превосходят лучших из солдат. Хорошо, приступим, — шаря в карманах, Федерис направился к платформе. — Прошу, тут комфортные кресла. Дела в целом обстоят неплохо. Даже в чем-то опережаем график.

Инквизиторы расположились в удобных креслах.

Платформа дрогнула и опустилась до уровня пола. На ней установлена просторная капсула около трех метров в длину на подвижном креплении и шарнирах. Лепрос подкатил к

капсуле каталку с Тайполем и остановился, доставая из кармана причудливый предмет, схожий формой на бумеранг. Капсула засветилась изнутри, и по ее прозрачным стенкам пробежали ряды символов. Федерис выборочно нажимал появляющиеся символы, и спустя несколько минут крышка капсулы отъехала в сторону. Лепрос пододвинул до упора каталку и одним движением переместил тело Тайполя на подставки-держатели в нутро капсулы. С шипением крышка вернулась в изначальное положение, а дно капсулы заполнилось водой.

Федерис нажал еще несколько символов встроенной панели на подвижном креплении, и капсула развернулась, поднимаясь, пока не набрала тридцати градусов, после чего остановилась, расплескав воду по стенкам. Завибрировала вся платформа. Пришли в движение и керамические спирали. Все помещение наполнилось гулом экспериментальной установки. Вспыхнула молния электрического разряда, и капсулу поглотил яркий свет. Через несколько мгновений свет потух, а вместе с ним пропал и шум. Установилась полная тишина, но все равно казалось, будто что-то звенит вокруг.

С потолка сползли два вертикальных толстых шланга. По ним пробежали тонкие лучи.

— Надеюсь, вы не упустите момент отчистки разума?

— Продолжайте, — Отец-Инквизитор следил за действиями Федериса с редким любопытством.

— Моделью ситуаций мы обнулим память пациента, касаясь его жизни, останутся лишь навыки и нужный нам опыт. Череда транслирующихся в мозг пациента ситуаций помогает машине отсеять ненужное и усилить то, что задано программой, минимально навредив здоровью. Внедренные в тело стержни катализаторов увеличат физическую силу и выносливость. Использование передовых технологий и подкожной брони увеличат его жизнеспособность и стойкость, — Лепрос поправил очки и нажал еще несколько символов, видимо разрешая или корректируя какой-то процесс. — Главное, чтобы у пациента хватило живучести.

Инквизиторы переглянулись.

— Хм, я впервые присутствую при инициации, — признался Луис. — Как-то все слишком просто! — он наиграно всплеснул руками. — Так просто, что даже не верится. Профессор, вы не шарлатан случаем?

— Ввиду некоторых обстоятельств, замечу...

— Что?

— Что вы бы и создателя автомобиля назвали шарлатаном, впервые спустившись с лошади, — поправляя очки, Федерис вытянулся и сунул руки в карманы. — Это третья успешная инициация.

— Луис, не начинай, — остудил его Шаневик. — Подождем с выводами.

— Это все что ли? — не унимался Луис.

— Нет. Надо время, чтобы он восстановился после первой фазы инициации.

— Тогда прощаемся до завтра?

— Я сообщу, как только буду уверен в готовности пациента.

— Пока, профессор, — Луис первый поспешил покинуть помещение.

— Вам не показалось, что он частично, но осознавал, где находится. Колебался. Лишь динамика образов сбивала его с толку и не давала прийти в сознание, — сказал Отец-Инквизитор и в сопровождении Федериса направился к выходу. — Мне кажется, что такой потенциал еще не встречался.

— Возможно. Все возможно. Я обнаружил в его голове имплант... довольно необычный.

Есть вероятность, что в нем хранится какая-то информация. Но я пока не намерен вести спор на эту тему. Может, за ужином продолжим?

— Имплант? Что за информация?

— Пока не знаю. Возможно с информацией, а возможно он всего лишь помогает с речью и координацией.

Профессор обогнал Шаневика, чтобы открыть перед ним двери.

Прошло двое суток, прежде чем Федерис Лепрос решился продолжить инициацию. Что-либо узнать об импланте в голове пациента он так и не смог, а извлечь его не решился, не став рисковать жизнью пациента. В остальном все шло, как и было запланировано. Организм перенес процедуру без осложнений.

К началу запланированного для второй фазы часа прибыл Отец-Инквизитор в сопровождении Луиса, следующего за ним как мрачная тень. Луис был в скверном расположении духа, тут трудно судить, что именно повлияло. В отличие от Луиса профессор был крайне возбужден и сосредоточен.

После короткого обмена стандартными любезностями Федерис заговорил о деле:

— Я абсолютно уверен, что все прошло идеально, память очищена. Он забудет свое имя, забудет все. В противном случае он бы двусмысленно себя позиционировал. В нем могли возникнуть разного рода разногласия между нашими постулатами, привитыми Церковью, и его жизненным опытом, стремлениями его личности. Теперь он станет беспристрастным судьей. Будет нести не просто словом истину, а наглядным примером. Все должны знать, что наша вера и наша сила имеет несколько обликов. Он станет слепым исполнителем нашей воли. Он будет нести в массы пиетет, ужас и трепет перед Инквизицией, где бы ни ступила его нога, и куда бы ни закинул его случай.

— Вы в точности понимаете меня и без слов, дорогой Лепрос, — Отец-Инквизитор поднялся и подошел к столику налить себе разбавленного вина. — Я буду всегда с гордостью вспоминать, что мне удалось заполучить бесценного и столь уникального человека. Поторопитесь, но ошибок не должно быть. Так что начнем с инициирования его гибели, а потом, в общем, вы и сами знаете свою работу.

— Спасибо, все в нашей жизни имеет цену, как собственно и ваш покорнейший слуга. Поразмыслив еще с вечера, я подобрал ситуацию, у него нет шансов выжить психологически. А после такого стресса дочистить память не так уж и сложно, — Лепрос задумался, подкатив глаза, и плюхнулся в кресло на подвижном шарнире. — Закреплю и усилю его полностью проявившийся потенциал. И еще, нужно оборвать его связи с прошлым. Пусть знают, что он мертв. Я создаю нового человека с чистым листом!

В их разговор вмешался Луис:

— Я тебя понял, Федерис. О нем знает наемница. Я подумал об этом и снял дикарский оберег с шеи пациента, — он помахал кусочком оленьего рога на плетеной кожаной веревочке перед лицом профессора. — Я смиренно с глубочайшим сожалением преподнесу ей эту безделушку. Скажу, что медицина оказалась бессильна. Но я обязан поставить в известность, что мы вынимаем кинжал с обоюдоострым клинком из стянутых железной волей бесподобных ножен. С острия его так и капает яд, от которого не найти противоядия... и рано или поздно она нанесет ответный удар либо в спину Брига...

— Либо в мою, — Отец-Инквизитор указал рукой себе за плечи и завершил предположение Луиса. — Странные у тебя фантазии, Луис. Какое ей дело? Таких ребят можно и на улице насобирать.

— Она и сама выросла на улице, питаюсь в помойках, но не в этом дело. Я почувствовал, что она испытывает к пациенту симпатию, значит, может доставить неудобства.

— Пусть будет так. Меня не так просто достать и пошатнуть мою власть ей не удастся. Пусть хоть вывернется на изнанку и захлебнется от собственной отравы! Твои слова придают значимости трофею.

— Ядовитому шипу достаточно ранить. Время и яд сделают свое дело. Не будьте так ветрены. Она очень опасна.

— Меня это заводит.

Пациент продолжал лежать в прозрачной капсуле, находясь на грани комы. Жизнь в его теле поддерживали электронные аппараты и искусственное обновление циклов с системами жизнеобеспечения. Иногда его пальцы на руке судорожно сжимались, и начинали бегать зрачки под закрытыми веками. Центральный анализатор временами надрывался противной негромкой сигнализацией, отмечая сбои в работе его сердца. У пациента дважды возникали разрывы циклов дыхания.

— А как же имплант в его голове?

— Не беспокойтесь об этом.

— Я не беспокоюсь. Меня интересует вложенная в него информация.

— Что может находиться у безродного в голове? — удивился Луис. — Не, ну серьезно. Предлагаю сейчас же вскрыть ему череп и поставить точку в этом вопросе раз и навсегда.

Отец-Инквизитор замолчал, увязнув в размышлениях и мысленных дискуссиях с самим собой, что возвращались к нему все чаще и чаще, принося тревогу и апатию. Столько всего происходит, раскручивается вокруг него, словно водоворот, а выгоду для себя он так и не может извлечь.

«Смертельно больной Лисма Кенри с остервенением взялся за работу, с чего-то вдруг предложенную призрачными посланниками, — подумал Шаневик. — Будто те пообещали не просто денежную плату, а настоящую панацею от всех его бед или...»

«Или бессмертие!» — слово, которое не просто само пришло в голову старому инквизитору, а словно неизвестно кто язвительно прошипел: «Бессмертие!», — ему в самое ухо. От наплывших образов и новых желаний Отец-Инквизитор неловко подпрыгнул в кресле, чуть не упав, и стал оглядываться, чем вызвал удивление Луиса и испуг научного руководителя.

— Эм-м, что с вами? — озадаченно нахмурился Федерис, почесав переносицу. — Бледность лица, лихорадочные движения глаз. Я бы посоветовал вам больше отдыхать и задуматься о понятии здорового сна...

— Я разве просил о совете? — Шаневик действительно не смыкал глаз несколько последних суток, поддерживая бодрость в теле с помощью стимуляторов. — Успею еще выспаться. Не отвлекайтесь!

Профессор пожал худыми плечами и продолжил манипуляции у капсулы, где находился без сознания его пациент. Шаневик жадно следил за каждым движением рук научного руководителя, не забывая уделять внимание происходящему вокруг, но мысли его уплывали все дальше.

Федерис закончил ввод последних установок. Наблюдая краем глаза за бегущими символами, он приблизился к Отцу-Инквизитору и присел рядом, разминая уставшие пальцы.

— Ну вот, все готово и...

— Помолчите. Помолчите, дайте мне подумать, — Шаневик нервно отмахнулся рукой от профессора. — Что в его голове? — растягивая слова, спросил он. — Что прячется в его импланте? Почему Бриг не убил его? Что произошло в тот день? Почему возобновились стычки?

— Он без роду, без племени, — Луис тоже задумался и что-то записал в коммуникаторе. — Разве сейчас это имеет значение? Все равно Федерис все стер.

— А чем вы недовольны? — профессор направился к одному из сенсорных мониторов, где мигали предупреждающие рамки с символами и негромко попискивал зуммер сигнализации.

— Он точно... мертв?

— Мертв. Анализатор тканей свидетельствует о том же. Сердце остановилось, — Федерис втянулся в повседневную работу, радуясь, что собственноручно отмеряет глубину реки жизни других существ. — Можно сказать, что родился заново. Теперь дело за малым. Можно начинать с чистого листа. Скоро пришло его к вам. Проект «Прометей» ждет новообращенного.

— Благодарю за проделанную работу. Я не зря потратил время, но все же вынужден вас покинуть, — Шаневик поднялся и направился на выход. — Не забудьте о приглашении.

— До завтра, Отец-Инквизитор. Польщен вашим визитом и похвалой.

— Пока, — Луис поднялся и заспешил следом за Отцом-Инквизитором. — У меня тоже есть незаконченные дела.

— Всего хорошего.

За вышедшим в спешке Луисом закрылись двери, чуть хлопнув подвижными ручками-засовами и напоследок скрипнув старой пружиной.

Луис не врал на счет незаконченных дел. По приказу Отца-Инквизитора ему предстояло встретиться с наемницей Наи Саен, которая и отдала на попечительство Инквизиции тяжелораненого юношу. От Луиса требовалось убедить Наи в его смерти и замять это дело. Сам же Луис не мог понять, зачем вообще с ней встречаться, ведь лучше проигнорировать эту тему и забыть о случившемся. Но догадка все же была: Шаневик затеял странную игру с Синдикатом через провокацию Наи Саен.

Кабина лифта поднималась быстро и в тоже время плавно.

На этажах здания господствовала техническая тишина.

Стены лифта покрыты темно-зеленой материей схожей фактурой с невесомой взбитой ватой. Под потолком вращалась камера наблюдения, которую и не старались скрыть. По периметру потолка тянулся шланг, в нем бегал источник света, чем действовал на нервы Луису. Из скрытого динамика лилась незатейливая успокаивающая музыка.

Луис дотронулся до матовой запонки, и перед его взором подсветилась голограмма циферблата часов с автоматическим сортировщиком поступивших сообщений. Луис пробежался взглядом по заголовкам сообщений и удалил все, даже не задумываясь об их содержании. Он был немного раздражен из-за вспомнившихся годах пребывания в детском приюте в городке, название которого силится забыть уже не один год.

Проклятый приют, ненавистный ему персонал, жестокие и беспринципные воспитанники. День, когда Луис познакомился с Главой Инквизиции, а тогда это был просто богатый мужчина, желавший развлечься, он точно не выкинет с памяти, возведя эти воспоминания в отдельный круг ада.

Двери лифта беззвучно разъехались. Луис прошел в просторную приемную с

притемненным освещением и тихо шумевшим контроллером воздуха.

Визиту инквизитора не рады: на него нацелен гаситель остаточной энергии, насажденный на ствол тяжелого пистолета. Крупный широкоплечий мужчина, в чьих руках сжато это оружие, уверенно развалился на месте секретаря. Наемник ухмылялся, бесцеремонно закинув ноги в армейских ботинках прямо на стол, где лежал автоматно-гранатометный комплекс с барабаном, вместившим в себя кассеты с дымовыми шашками и «умными» ракетами.

На сутулом неприятном мужчине форма полевого оперативника Синдиката с шевронами «Безрассудных».

— Священник? Заблудился что ли? — наемник убрал пистолет и сделал вид, будто удивлен появлением здесь инквизитора. — Я весь во внимании.

— Я к Наи Саен. Мне назначено.

— И? — наемник накренился, доставая пальцами что-то из нижней полки стола. — Да тут даже есть что почитать. Ух, как люблю женские романы! Особенно про лихих бандитов и настоящих мужиков.

— Меня ждут, — Луис продолжал беспристрастно смотреть на наемника.

— Еще бы тебя тут не ждали, пастырь, — наемник весело хохотнул. — Иначе магниты лифта вдруг перестали бы работать, а несчастный случай унес бы столь важную непорочную душу раньше отпущенного срока в рай. Но думаю, место ты себе забронировал. Оставить номерок с кем связаться, чтобы попасть туда вне очереди?

— Лифт выглядит достаточно надежным.

— Тогда эта малышка, — наемник похлопал рукой в перчатке по прикладу штурмового комплекса. — Забила бы сокрушающим залпом тебя обратно, высунь ты нос из-за дверей.

— Все еще пользуетесь двумя убогими заученными фразами из пособия для начинающих громил Синдиката? Напомни, как оно у вас называется? Набор букв для настоящего мужика со стальными шарами, круто звенящими при ходьбе? — Луис изобразил язвительную кривую ухмылку, но взгляд оставался бездушным. Луису не впервой было общаться с наемниками и, хоть он и обладал хилым телом, громилы страха у него не вызывали.

Наемник насупился, собираясь продолжить разговор на более высоких тонах и возможно с показательным мордобоем, но тут ожил коммуникатор на его руке и над столом появился монитор из пленки, растянутой в рамке. На мониторе нарисовалось лицо женщины, которая благоухала здоровьем и молодостью.

— Вельвет? Я же неоднократно предупреждала, — женщина с монитора слегка нахмурилась. — Займись чем-нибудь полезным. Или такие мужики как ты лишь хороший удар в пах принимают к сведенью?

— Наи... я... в общем, я и пальцем не трогал секретаршу. Она вышла ненадолго. Не заставляй меня еще раз оправдываться. В этот раз я даже на ее грудь не пялился, — Вельвет на мгновение смутился.

Наи рассмеялась детским заразительным смехом и махнула рукой. Монитор погас, пленка аккуратно свернулась, а рамка исчезла в нише за столом.

— Чего застыл? — наемник озадаченно провел пальцами по взъерошенным волосам и уставился на инквизитора. — Дверь открыта или напутствия ждешь от моего ботинка, священник? Исповедоваться я не расположен, приходи завтра.

Луис промолчал и, сцепив руки за спиной, прошел в двери. Он оказался в коридоре, отмечая краем взгляда картины горных рельефов и полноводных рек. За произведениями

искусства прятались скорострельные автоматические турели и огнемёт.

Коммуникатор на руке Луиса пискнул, отмечая выявленное сканирование хозяина. Толстостенные бронированные двери распахнулись, и инквизитор прошел в просторное хорошо освещенное помещение без углов. Две круговые лестницы вели на второй этаж, скрытый тенью шикарных штор, где видимо жила хозяйка всего здания. Перед Луисом стоял многогранный стол, состоящий из разных секций, который окружали больше десятка крупных мониторов. За ними около единственного окна, занимающего всю стену, располагался гостевой уголок, где его и ждала Наи Саен, одна из значимых фигур в Синдикате.

— Здравствуй, Луис, — женщина жестом пригласила его присесть рядом на диван, покрытый темной прохладной материей, исчерканной пунцовыми линиями. — Присаживайся. Ты зря не утруждаешь ноги. Начинай с плохой вести.

— День добрый, — Луис не отказался от предложения и присел, протягивая ей дикарский амулет Тайполя. — Вам знаком этот предмет?

— Возможно, — уклонилась от прямого ответа Наи. — Вы не смогли выполнить мою просьбу или просто не захотели?

— Такое случается. Медицина допускает возможность ошибки. Лучшие медики пытались помочь юноше, вверенному мне вашей особой, но физические недостатки, незаметные глазу изъяны, врожденные пороки сказались, породив осложнения и закономерный трагический исход. Мне действительно очень жаль этого юношу. Мне показалось, что этот предмет способен скрасить столь ужасные известия, — инквизитору понадобилось приложить немало силы воли, чтобы пальцы предательски не дрогнули и не выдали внутреннее волнение, когда он протягивал Саен руку с кусочком оленьего рога на плетеной веревочке. В подставленную ладонку наемницы он осторожно вложил амулет. — Не располагаю достоверными сведениями насколько вам дорог тот юноша, извините, был дорог, но...

— Луис! — Наи резко перебила его и положила переданный предмет на лакированную столешницу овального стола, стоявшего рядом с диваном в окружении многокрасочных вычурных кресел. — Хватит ломать комедию. Долго текст заучивал?

Инквизитор вопросительно посмотрел ей в глаза и сложил руки на животе, расслабившись и сделав вид, что готов слушать.

— Мы не один год знаем друг друга. Вы наверняка прочувствовали тогда в моем голосе, что я переживала. И зная это, зная меня и... короче, вы все же притащились сюда, один, без оружия. Вас не страшит, что вы окажетесь той куклой Вуду, которую я затыкаю булавками, выпуская на волю душевное исступление, — Наи медленно поднялась и направилась в центр комнаты к главному столу, в нем что-то изменилось, несколько его граней трансформировались, изменяя свое положение. — Но вы пришли. Вы знали что я не оставлю идею отмщения. Я не способна прощать такие пощечины. И наверняка предупредили Отца-Инквизитора, что я постараюсь прикоснуться коготками к его власти и пошатнуть трон. Но вы здесь... Что за игру затеял старик? Или это ваши проделки?.. Возможно, марионетке надоело такое положение вещей. Ей жутко натирают на изнеженных белых ручках оковы-ниточки, за которые дергает ослепший от старости душевнобольной кукловод. Марионетка ищет... возможности, но сама не способна взяться за кухонный нож, тот которым кукловод намазывает сливочное масло и сладкое варенье на хлеб своему изголодавшемуся зверьку.

— Ваши копания в мозговой подкорке смешны и не имеют под собой основательной

почвы, — Луис приклеил к лицу стандартную маску сарказма. — Я лишь предпринял попытку не спровоцировать вас из-за этого инцидента, из-за этого незначительного недоразумения...

— Незначительного недоразумения?

Глаза наемницы запыхали, отражая внутренний свет от разлетевшегося сотнями меридиан айсберга. В комнате стало прохладней, словно температура воздуха скачком упала на несколько градусов. Наи взорвалась движением и, сорвавшись с места, преодолела расстояние в несколько метров всего лишь за миг, пока инквизитор смыкал веки. До его ушей долетел шорох складок платья наемницы. Волосы ее разметались. В руках Наи блеснула тонкая украшенная гравировкой спица.

Самообладание Луиса подверглось жестокой трепке. Давно он не был на грани ужаса и в серьез начал опасаться за свою жизнь. Парировать выпад убийцы он не посмел бы и в мыслях.

Инквизитора испепелял жадой расправы взгляд Наи Саен. Острая спица, вращаясь между ее пальцами, сверкнула перед лицом и около шеи Луиса, отбросив в его сознании узор опаски и близости смерти.

— Уходите, — Саен отдалилась спокойными шагами и взялась приводить свою прическу в порядок. — У меня плотный график, нетерпящий проволочек. На все элементарно нет времени. С этого момента вы нежеланный гость на моей территории. Учтите это и даже не пытайтесь пересечь в будущем мне путь, Луис. Думаю, прощаться не стоит. Я еще помню содействие с вашей стороны. Я не забываю добро, ровно, как и зло, поэтому я не убью вас сегодня, но не обещаю, что удержусь от этого завтра.

Сдавлив тонкие губы и проведя рукой по гладковыбритому подбородку, Луис не проронил больше ни слова и направился на выход, стараясь удержать себя от попыток ускорить шаг. Он напуган и разбит, но живо приходил в себя, а ведать о его страхах и слабостях другие не должны. Пусть вектор в конечную точку мизерно отклонился, но пока все шло по его плану, разрабатывающемуся на протяжении долгих лет службы в рядах ненавистной ему Инквизиции.

Яркие, красочные, завлекающие ротозеев вывески и откровенно пошлая реклама отражались в зеркальных окнах высотных зданий и арок-мостов Империялграда. Шумно илюдно. Даже находясь не в час пик над городом, можно было предположить, что парящие и летающие аппараты вышли из-за черты роскоши, но воздушные линии не пользовались особым спросом. Внизу у оснований зданий сновали и копошились расплывчатыми пятнами люди, с этой высоты, казавшиеся лишь однообразными песчинками, которые гонял ветер.

Улицы и жилые сектора с воздушными коридорами пространства мегаполиса разделяли прозрачные перекрытия, видимо это защита от возможного падения авиатранспорта. Таких перекрытий оказалось немало, но интуитивно понятная разметка позволяла свободно ориентироваться в воздушных потоках и не теряться в скоростных течениях транспорта.

Аэроцикл Ницы притягивал внимание прохожих, и на очередном перекрестке пересекающихся потоков Ладани вновь поймала удивленные взгляды других участников движения. Она прекрасно понимала, что не только транспорт их необычен. Необычны и они сами. Волосы Ницы полыхали развивающимся на ветру пучком чернейшей пакли, переливающейся на солнце насыщенным оттенком, и поблескивали серебряными побрякушками ручной работы, ниточками, проводками и изумительных красок дивными перышками.

Лада тайно, но по-доброму, завидовала таким шикарным волосам подружки, но в тоже время она не могла уразуметь как ухаживать за ними и почему Ница не путается в этих завитках, и не оставляет клочки волос на каждом кусте? На Ницу обращали внимание все мужчины и юноши, да что там угаивать, даже женщины оглядывались. Ладой они не особо интересовались, поэтому она слегка погрустнела и, вздохнув, отвернулась, уставившись в зеркальную поверхность окон кольцевого небоскреба на колоннах, высматривая среди колышущихся пятен собственное отражение.

— Ница, а сколько тебе лет? — Ладани вгляделась в собственное отражение, показавшееся на ветровом стекле.

— Что? — Ницу будто оторвали от немаловажных мыслей, заполнивших всю ее сущность разом.

— Лет тебе сколько?

Ница задумалась.

— Я не уверена в точности цифр. От какого события вести исчисление? — Ница слегка наклонила голову. Подружки могли разговаривать, не повышая голос, ведь Ница изобрела стильные переговорные устройства, прицепляющиеся к волосам или за ухом, сами корректирующие и передающие звуковые волны напрямую. — Недавно я стала отступницей, отторгнутой Общностью машин.

— Если так говорить, то ты еще мелкая, но все равно на тебя постоянно таращатся!

— Ах, вот ты о чем... — Ница заулыбалась. — Ревнуешь или завидуешь?

— Перестань.

— Ладно-ладно, не волнуйся. Еще пару лет и ты станешь цветущей и благоухающей девушкой. Успеешь еще устать от всех этих взглядов и внимания.

— Через пару лет я уже состарюсь.

— Не преувеличивай, — Ница круто заложила вираж и направила аэроцикл в открытые ангары для временной стоянки, отведенной под технику местных корпораций и центра эмиграционной службы. — Прилетели.

В помещениях и просторных залах довольно комфортно, этому способствовала циркуляция прохладного воздуха и относительная тишина.

Ница отстояла живую очередь, правда большинство в очереди было мужчин и естественно они уступили, пропуская ее вперед. Ница не скупилась на улыбки. За лиловыми стеклами кабинки пряталась тучная женщина пожилого возраста с кислой миной и взмокшими руками.

— Здравствуйте, должны были оставить сверток, — негромко произнесла Ница.

— Да, он здесь, можете забрать, — женщина за стеклом засуетилась в попытках услужить и передала Нице небольшой сверток. — С вами приятно иметь дело. Хорошего дня.

Больше не задерживаясь ни минуты, Ница с Ладани поспешили обратно к аэроциклу. Ладу распирало любопытство, несколько раз она замечала тень усмешки подозрительно притихшей подружки. Время шло. Лада начинала злиться.

— Ну, хватит уже! Показывай, что ты там прячешь! — Лада кошачьим движением скользнула к Нице и ловким взмахом, вовремя заметив отрешенность подружки, вырвала сверток из ее рук.

— Осторожней! Там цифровые паспорта, персональные формы-подписи для финансовых операций и дубликат ключа-карты от комнаты, — спохватилась Ница, порываясь начать погоню за этой непоседой-сумасбродкой. — Сломаешь, будешь жить в картонной коробке!

— Тю, забирай. Я понадеялась на нечто таинственное. А унылая скукотища мне совершенно не нужна, — Ладани бросила через плечо сверток и побежала, чтобы первой взобраться на аэроцикл.

Ница слегка лукавила, когда говорила о комнате. И когда они прибыли на место назначения, оказавшееся частным гостиничным комплексом «Искра Агата», Лада не смогла сразу сориентироваться в приемных фойе, утопающих в зелени и цветах. Фонтан у входа выстреливал воду вверх на несколько метров, которая разбивалась каплями и водяной дымкой. Капли оседали, и в преломленных зеркалами лучах просматривались кусочки радуги. Слышались щебетания птиц. В центральную опорную колонну фасадных ярусов вмонтирован аквариум с изумительными рыбами, змеями, кораллами и еще какими-то подвижными пестрыми комочками почти прозрачными на свету.

Вот что Ладани показалось неприятным и отвратительным в этом почти райском уголке, так это прибитые к одной из дальних стен головы животных в качестве спортивных трофеев, тут же попались на глаза и варварски выпотрошенные тушки убитых зверей на подставках, блестящих полированной бронзой и алюминием. Управляющий гостиницы обожал сафари и не упускал случая похвастаться добычей.

Народу невидно. Ница с Ладани прошли через стеклянную с зеркальными узорами анфиладу здания. На один из потолков падали тонны кристально чистой воды, разбиваясь о натяжные своды балок перекрытия с провисшими нитями, заполненными светившимся газом.

Поднявшись в растянутой каплей кабинке персонального лифта, подсвеченного фиолетовым по нижним краям, Ладани с Ницей оказались в своем новом жилище и

облегченно вздохнули.

— Вот так картонная коробка!

Ладани немедля вся погрузилась в исследование их новых апартаментов, занимающих один из верхних этажей этого гостиничного комплекса при центральном секторе города.

Попервоначалу у них были отдельные комнаты, друг напротив друга, но Ладу это совершенно не устраивало, и она умудрилась довольно быстро перетащить кровать и свои новые пожитки в комнату Ницы.

Ница не возражала. Теперь она тратила время, находясь в информационной сети, постепенно налаживая нужные ей связи и скапливая ценные ресурсы. У Ладани закрадывалось подозрение, что ее подруга прибыла в свой собственный дом и открывать свое дело ей давно не нужно, возможно она и так владеет частью города. Ну а пока Ладе оставалось только саму себя развлекать, она арендовала транспорт с экскурсоводом и колесила по городу в поисках чего-нибудь увлекательного.

Ладани хватило полдня, чтобы окончательно устать от шумного центра и его жителей с вечно угрюмыми и отрешенными лицами. Она вернулась в гостиницу и около часа не выходила с душевой кабинки, валяясь под искусственным дождем на теплом настиле. Может даже там же и подремала.

За ужином Ладани и Ница немного поболтали, вспоминая проведенный день, и Ница извинившись, удалилась, пояснив это тем, что у нее важная деловая встреча с нехорошим и очень опасным человеком, а Ладани безопасней пока побыть тут. Лада не возражала, все равно она устала и еле переставляла ноги, вымотавшись за день.

Ница вызвала такси и вышла.

Такси доставило Ницу к высотному сияющему стеклом зданию строгой и простой архитектуры. «Это должно быть здесь», — подумала Ница, смотря на широкие двери из стекла, освещенные огнями и окантовкой с указателем территории частной собственности, где правила устанавливал владелец.

Лифт поднимался стремительно и в тоже время довольно мягко.

Полная тишина и темнота господствовали на этажах. Персонал покинул здание. Время позднее, но иногда до слуха доносились посторонние звуки механизмов и редкий шум. Стены лифта покрыты потемневшей малахитовой материей, схожей фактурой с невесомой вспушенной ватой. Под потолком вращалась камера наблюдения, буравя женщину мигающим объективом. По периметру колпака лифта тянулся прозрачный шланг, в нем носился источник света, освещая кабинку. Откуда-то лилась ненавязчивая мелодия.

Двери лифта разъехались беззвучно в стороны, освободив дорогу Нице. Пройдя в просторную приемную, с притемненным освещением и тихо шумевшими винтами контроллера воздуха, Ница остановилась. В приемной ни души. Перед ней плавно открылись двери, ведущие в коридор с галереей холстов, на которых изображены кистью умельца-самоучки горные пейзажи и бурные полноводные реки, поражая разум реальностью оттенков и игрой цвета. Ница удивленно замедлила шаг, разглядывая стиль художника и технику построения картин. В конце коридора отворились еще одни двери явно тяжелые и прочные, но не кажущиеся громоздкими. Ница зашла в просторный зал с двумя лестницами, ведущими на следующий этаж.

— Приветствую, Наи. Рада, что ты не отказала мне во встрече, — Ница прогулочным шагом приблизилась по ступенькам из белого мрамора к женскому силуэту, стоявшему за портьерами на втором этаже.

— Как тут отказать? — Наи Саен вышла ей на встречу и пригласила пройти в личные покои.

— А как обычно наемники отказывают?

— Говорят: «нет», а потом стреляют, или наоборот, я уже и не помню.

— Прости за нашу последнюю встречу.

— А, помню-помню, это когда я пыталась взломать сеть проклятого комплекса и наткнулась на твои программы? Такого сопротивления я давно не видела, точнее сказать, никогда не видела. Ты испортила мне много аппаратуры и нервов. Потом ты проникла в комнату, не удовлетворившись сгоревшей электроникой, и заговорила со мной, угрожая на своем корявом «мы-нас-вам-вас» языке...

— Да, видела бы ты тогда свое лицо, — засмеялась Ница. — Но в тот момент я думала, что ты напала на меня!

— Я даже не знала о твоём существовании. Мне нужен был Лисма Кенри, но чет не заладилось с этим старикашкой, видно я не в его вкусе.

— Зачем тебе глава повстанцев? Ты же шпионов ловила и проверяла базу на наличие жучков по контракту, — Ница остановилась возле диванчика в нерешительности.

— Именно! Так что тебя привело? Та присаживайся куда больше хочется, не стой так, мне стыдно становится, как бедный родственник. С Кенри у меня свои счета.

Ница присела, развалившись на диване.

— Мне нужна помощь от влиятельной фигуры этого города, которую я смею считать своим другом. Мне нужна информация.

— Слушаю, сдаётся мне, что это я должна выуживать информацию из тебя. Мир цифр — это твой родной мир, детка. Кстати, красиво говоришь.

— Благодарю. Меня интересует пленник. Тот, что вытащил тебя с военной базы Ха-Шин. Что с ним произошло? — Ница придвинулась на край. И тут ее внимание привлек смутно знакомый амулет, лежавший на столике рядом с Наи. Ница подключила поиск и нашла где и когда видела амулет. — Эта вещь Тайполя?

— Да, — Саен поднялась, прошлась и извлекла еще один предмет, упакованный в бумагу. — И этот странный браслет был при нем, я его украла на память.

Ница взяла в руки широкий браслет из темного серебра с необычной почти затершейся от времени гравировкой. Качество ювелирного изделия на высоте. Несколько минут она внимательно всматривалась, поворачивая его в руках, после Ница подняла к свету кусок оленьего рога, болтавшегося на плетеном ремешке.

Глаза наемницы погрузнели, и она присела рядом с Ницей.

— Он спас мне жизнь. Его тяжело ранили и, не имея возможности оказать ему помощь, я понадеялась на других. Понадеялась. Выбора не осталось. Переложила навязанную ответственность на плечи другим, а сама свалила на вневедомственном дирижабле. И спустя некоторое время мне принесли амулет и сказали, что этот юноша с глазами неравных цветов умер на хирургическом столе, — Наи резко поднялась, взгляд ее преобразился, стал жестоким, бездушным и испепеляющим. — Это при современных достижениях в медицине он умер?! Что за гребаное вранье!

— Мне кажется, ты не склонна в это верить?

— Как можно верить Инквизиции? Этим... этим... Солгали они. Решили похитить его у меня.

Ница осматривала комнату.

— Не совсем понимаю. Зачем им это?

— У Инквизиции много разных проектов. Они не гнушаются проводить опыты и на людях.

— Думаю, им проще было бы вернуть его. А подопытных набрать с улицы.

— Мотивы инквизиторов сложно понять, — Наи щелкнула пальцем по столу. — Захотели и взяли. Мне кажется, что они специально меня злят!

— Может ты права. Сколько же у тебя врагов?

— Я не выбирала, они сами меня находят.

— Есть зацепки?

Саен нашла в полочке прикроватного столика оборванную скомканную бумажку и передала ее Нице.

— Вот, на данный момент единственная зацепка. Один из грузчиков сообщал нам о специфическом грузе Инквизиции. Мы проследили часть маршрута. Если что узнаешь, сообщи.

— Благодарю, и сообщаю: браслет, — Ница потрясла им в руке, — звучит.

— Звучит?

— Да, звучит. Если мне удастся расшифровать или понять что значит этот звук, то я сразу же сообщу об этом.

— Хорошо, договорились. А теперь, так как я нуждаюсь во сне в отличие от тебя, да и день тяжеловатый выдался, я буду готовиться ко сну. Так что спокойной ночи, Ница. Эти предметы можешь оставить у себя. Выход и так найдешь, благодарю за дружеский визит и прощай.

— Мне была приятна эта встреча. Спокойной ночи, Наи.

Спускаясь по ступенькам и направляясь в сторону коридора-галереи, Ница пробовала принять верное решение. Сказать Ладани о смерти Тайполя было бы слишком жестоко, хоть за все эти дни, пропитанные всевозможными событиями и неприятными лишениями, она многое испытала и прочувствовала, да и мысли о возможной гибели друга Ладу наверняка посещали неоднократно. Своим появлением в жизни Ницы Ладани заполнила пустоту, образовавшуюся после разрушения оранжереи, и Ница все больше привязывалась к ней.

Что-то слышалось сквозь дремоту, вроде бы струна звонко лопнула над самым ухом. Веки лежавшего под пленкой человека с трудом разлепились, казалось, что странный сон продолжался вечность, выматывая его организм. Перед взором человека неяркий, как бы притушенный и размытый потолок, который временами стремился куда-то поплыть, взмывал и падал, убегал и возвращался. Перед глазами на миг проступили слова:

«Ты должен».

«Возвращайся».

Ему хотелось есть, очень хотелось съесть хоть крошку.

И воды тоже хотелось. Безвкусной. Прохладной.

Человек провел рукой по лицу, потер глаза и с неохотой поднялся, принимая вертикальное положение. Его глаза слипались, а веки тяжелели. Он проснулся в тесной комнате на трех персон, это можно понять по количеству абсолютно одинаковых кроватей. Из интерьера в наличии шкафы, встроенные в перегородки и персональные электронные центры с экранами на шарнирах у кроватей. В стене две двери. Он неуверенно поднялся и направился к этим дверям. Прямо была ванная комната с умывальниками, душевыми кабинками и герметичным санузлом. Направо еще одна комната, туда вел коридор с аквариумом, уходящим вглубь стены. Во второй комнате за столом расположились двое: высокая стройная женщина лет двадцати пяти и мужчина явно богатырского телосложения с огромными ручищами и стопами пятидесятих размеров.

Женщина болезненно бледна со сверкающими глазами, правый глаз синего цвета, а вот левый более яркий, желтовато-медный с красноватыми черточками и точками, белки глаз светлые с небольшой голубизной. От ее глаз ползли темные разводы, точно туш потекла, но женщина не спешила это исправлять. Ее волосы в основном темные с дюжиной насыщенных красным переливом прядей, ни короткие и не длинные, а на голове замысловатый творческий беспорядок. По одной стороне ее прически тянулись, спускаясь по плечу, несколько шаманских косичек, прихваченных украшениями, словно вырезанными из тлеющей магмы с вкраплениями редчайшего изумрудного камешка парижского цвета. Несмотря на болезненный и необычный вид, женщина симпатична и по-своему привлекательна.

Великан имел смугловатую кожу, доброе простое лицо с темными румянцами на щеках и курносый крупный нос. Белые волосы мужчины взъерошены. Его могучую челюсть окантовывала светлая ухоженная борода, а глаза прищурены.

Они трапезничали. Судя по ощущениям внутренних часов, скорее всего, обедали.

— Ликнат, ты уже проснулся? Умойся и садись кушать, — женщина бросила рассеянный взгляд на вошедшего человека и продолжила прием пищи, элегантно держа вилку двумя пальцами. — Наставник навестит нас.

Чтобы умыться, Ликнат вернулся в ванную комнату с умывальниками и посмотрелся в зеркало. На него уставился диким взглядом подвижных суровых глаз незнакомец на вид лет двадцати. Правый глаз обычный с радужкой темно-зеленого цвета, а вот левый — желтого, будто янтарь вместо радужной оболочки, с яркими точками на белейшем глазном белке. Имплантат что ли? Спутанные иссиня-черные волосы висели остроконечными сосульками.

Крепкое, подсушенное, но мускулистое тело покрывали хитросплетения символов и безумная роспись черной краской под кожей, скрывая свежие шрамы. Ликнат подставил лицо под струю воды и попытался, наконец, понять, что здесь происходит и что все это значит.

В смежной комнате слышался разговор.

Ликнат смотрел в равнодушное зеркало, не узнавая собственное отражение и чувствуя, как начинает выходить из себя. Кулаки его сжались. Он раздраженно зарычал. Жалобно скрипнула металлическая раковина, сгибаясь на крепежах под его весом. Звякнули вылетевшие пайки и болты из пазов.

«Успокойся, друг мой. Я рядом. Рядом... Прикоснись... Ты давно ждал мой голос, — раздалось в шумевшей голове Ликната. Сдавалось ему, что две девушки, жадно примкнув, шепчут эти слова в разные уши. В одном слышится страстный, тягучий, нежный голос; в другое ухо врывается резкий, нервный шепот-крик с едва заметной хрипотой, полный эмоций и силы. Эхо голосов впитывалось его телом, по которому пробегала дрожь. — Верни железку на место и возвращайся. Давай. Наставник навел нас, да и мне хотелось бы стать несколько ближе. Не торопись, мой друг, я умею ждать».

Ликнат потер взмокший лоб и поставил оторванную раковину на пол. Слово только очнувшись, он посмотрел по сторонам и, не обнаружив никого рядом, вышел в комнату с круглым столом.

Первые знакомые Ликната, крупный мужчина и бледная женщина, закончили прием пищи и вели оживленную беседу с пожилым человеком, невесть как взявшимся здесь.

— Как ты меня назвала? — с трудом произнес Ликнат севшим голосом. — Что вы со мной сделали?

— Ликнат, так я тебя назвала, а ты не рад совсем, глупыш.

Старик обернулся, неподдельная радость отразилась на его лице, он заспешил и остановился, лишь оказавшись рядом.

— Ликнат, ты сумел побороть смерть и вернуться в ряды Инквизиции! — старик не скрывал отрады. — Столько дней мы волновались за тебя. Врагам не сломить наши ряды и нашу веру. Наша сила в единстве.

— Сколько знакомых слов, но для меня нет в них смысла. Мне не понятна причина твоей радости, — тот, кого назвали Ликнатом, продолжал таращиться на старца. — Говори яснее. А лучше начни с самого начала. Я не верю вам, что-то мне подсказывает, что все вокруг ложное. Где я нахожусь?

Но вместо открывшего было рот старика, заговорила бледная женщина:

— Мозг твой окутывает пелена заглушенной боли. Пройдет время, и ты вдохнешь полной грудью, услаждаясь картинками жизни. Мы разом прогуляемся по твоему минувшему. Сейчас ты находишься в окружении друзей, воротивших тебя из мира мертвых, где ты начал вести увлекательную беседу с покойниками, — женщина подошла очень близко, почти касаясь Ликната. Она не поднимала взгляд, теребя в руках негромко звенящий обруч. — Имя, данное тебе, Ликнат, производное словосочетание. Разум твой все еще подвержен затмениям, нужно время. Иногда тебя будут пересыщать отголоски призрачного мира прошлого и собственное умопомешательство. Ты так себя чувствуешь после вмешательства и лечения. Со временем придет в норму.

— Рэнмари, — старик указал вытянутым пальцем на бледную женщину, — а вон тот молчаливый гигант — Харус. Специальное подразделение. Вы собраны для выполнения

значимых задач, как эксперимент. Надежда и гордость Святой Инквизиции. Ее верные дети, мечи и щиты, средства наказания и благословения. Приветствую вас в рядах в Инквизиции.

— Ликнат? Серьезно? — Ликнат недоверчиво посмотрел на окружавших его людей. — Странно... не могу вас вспомнить. Что-то перед глазами... мешается. Что за слова? Еще голоса в голове. Что-то завет меня и заставляет сомневаться. Рэнмари?

— Рэнмари, — женщина кивнула. — Эмиссар духовного множества. Я та, кто соподвигнет массы в разуме твоём. Я та, кто слышит сердце твоё, и способна спеть с ним в унисон, наполняя его смелостью, яростью, а может печалью, болезнью и смертью... Я и здесь и там. Там, где нет меня, не услышать мою песню и сохранить рассудок в паутине лжи притворного врага будет сложнее в разы.

— Харус, — громыхнул басом здоровяк. — Все!

— Ликнат, ты наверно умираешь с голоду после больничных растворов, капельниц, промывок и сывороток? Мне пришлось прервать трапезу.

— С голоду? Да я вообще ни черта не понимаю и не помню ничего!

Ликнат почувствовал, что он действительно безумно голоден, будто не ел целую вечность или вовсе не ел еще в своей жизни. Он проглотил слюну в нетерпении, торопливо схватил тарелку и налил жидкой кашеобразной еды с тягучим осадком.

— Вкусно? — поинтересовался старик.

— Да.

— Отдыхайте, — сгорбившись, Наставник поднялся из-за стола. — Грязную посуду и остатки еды в столовой оставите наряду. Буду ближе к вечеру.

Двери за ним закрылись.

На стене загорелся проектор, где высветилось объемное меню с разнообразными заголовками боевых программ и ситуаций выживания. Смахнув со стола пульт огромной ладонью, Харус направился к диванам серого цвета с белыми вставками подголовников.

Рэнмари задумчиво собирала посуду.

— Позволь, я помогу тебе, — Ликнат неуклюже влез и чуть не выронил походный котелок, брякнувший крышкой и пластиковым пояском. — Мне совсем не в тягость.

— Какой обходительный мальчик. Следуй за мной, быстрая пешка, — она вышла в коридор и пошла вперед, не поднимая взгляда. — Следуй за мной. Не потеряйся только.

Рэнмари и Ликнат вышли в атриум с множеством ярусов. Лесенки, площадки, коридоры, подвесные платформы, элеваторы, лифты сдвигались и перестраивались, поднимались и опускались. Повсюду сновало огромное количество людей. Стиль их одежды на первый взгляд одинаков, но при подробном осмотре выявлялись различия униформы. Оглянувшись, Ликнат не смог с точностью сказать, из какой двери они вышли минуту назад и поэтому старался держаться ближе к Рэнмари, но и не нарушать ее личное пространство. Он продолжал изумленно вертеть головой и все-таки запнулся о пятку Рэнмари.

— Ты схож больше с ребенком, чем с лезвием меча нашей веры, — она оглянулась. Взгляды их встретились, отпечатавшись в памяти Ликната. — Конечно одно другому не всегда помеха, но и польза может оказаться ничтожной. Или ожидаемый эффект вовсе принесет лишь только вред. Череда случайностей неслучайна. Мы на закате помним о восходе. Не читал Ильяма Тауровского? Превосходная проза.

— Я не помню, читал ли его. Можешь быть немного проще и снисходительней ко мне? Я запутался. Прости, и голова от тебя раскалывается, — Ликнат помассировал висок. — И что это за шепот, это же был твой голос? Или я схожу с ума.

— Мой голос. Я говорила с тобой. Являюсь поддержкой, нелицемерным содействием в бою. И говорю я так, как желает сущность моя и ростки истины моей, моего сладкого безумия.

— То есть ты передаешь мысли на расстоянии? Можешь влезть в чужой разум силой своей мысли?

— Не влезть, фи, как грубо... нет-нет... лишь танцую с чужим разумом, радуя его или огорчая, — загадочно улыбнулась Рэнмари. — Воздействую на мир, мир воздействует на меня. А я способна найти воздыхателя, чтобы спутать все его стремления либо наоборот направить их, усилить, загуманить и, возбуждая фибры души, заставить трепыхаться в руках и принадлежать мне.

— А эти слова перед моими глазами... навязчивые мысли, тоже твоих рук дело?

— Нет. Я удивлена не меньше твоего. Это не порождение воображения. Тут что-то от машин. Совсем чужое.

— Надеюсь, со временем я пойму, что со мной происходит. Как-то ненормально все это. Даже вспомнить ничего не могу.

— Не удивительно. Они сломали наше тело, но дух остался непоколебимым и вот мы снова среди смертных, — Эмиссар залилась тихим смехом, отчего мурашки пробежали по спине Ликната. — В надежде можно провести и всю жизнь, так и не попавшись на глаза Отцу.

Вечер затягивался, размеренно перекатываясь к черте ночи.

Инквизиторы пребывали в отведенной им «келье», как обозвал их квартирку Харус. Здоровяк изучал информацию, подобранную для них, проматывал повторно, впитывал ее взглядом, постоянно шевеля губами и шумно бормоча, но с трудом ее запоминал. Рэнмари все время отстранено смотрела в одну точку перед собой и изредка сконфужено улыбалась, или, опустив голову, просто шевелила в воздухе пальцами руки, рисуя непонятные символы. Может быть медитировала? Ликнат поймал себя на мысли, что он заинтересовался этой занятой женщиной, но ее повадки и один из голосов Рэнмари говорили об ее юном внутреннем возрасте. Взять даже самого Ликната: он пока что не чувствовал себя повзрослевшим, а отражение в зеркале бесстрастно указывало на возраст, когда стоит задуматься о семье с собственными детьми. Великан Харус больше них выглядел глуповатым подростком, с какой стороны не глянь, хоть и пытался это скрыть. Куда же они все-таки попали?

— Рэнмари, кто мы на самом деле? Ты же знаешь, — заговорил Ликнат.

— Служители.

— Я не об этом. Ты видишь, что внутри нас?

— Кишки, — Рэнмари захихикала.

— Я серьезно.

— Ты хочешь это знать, прям вот так, вот так. Знать, даже если я буду говорить всякие глупости? Сейчас?

— Да, говори. Развей этот дурацкий сон.

— Насколько распознаю Харуса, то он является освященной оболочкой крупного мальчишки со слабым, поврежденным рассудком. Силен. Подобрали в каком-то безлюдном поселении. Жил со скотом, там и питался, брошенный матерью. Проказник!

Ликнат посмотрел на чрезмерно длинные, сильные руки Харуса и невольно дернулся от утробного рычания здоровяка.

— Не сердись, — улыбнулась Рэнмари.

— Ложь! — рявкнул Харус. — Я ее съел, но не убил!

В воздухе повисло скомканное хихиканье Рэнмари.

Немного погодя, поднявшись с кресла и размяв ноги, Ликнат продолжил расспрашивать:

— А что скажешь обо мне?

— О тебе? Не хочу о тебе! Нет. Меня влечет своя история! Своя, своя. Да! Вот я фантазер. Я считаю себя освященной оболочкой матери и дочери, погибших в автокатастрофе. Виновник показал нас, показал в страхе. Они использовали тела, чтобы скрыть, и в своих нуждах сломали. Раз и все довольны!

— Скажи обо мне.

— Разве про нас не интересно? Было бы в радость потомить молчанием, но в тебе я вижу только девчонку и сферу. Больше ничего. Пустота. Чем дольше вглядываюсь, тем сильнее боль в моей голове.

— Я что девчонка? — опешил Ликнат. — Такое возможно?

Рэнмари рассмеялась и сказала:

— Нет, глупышка, я увидела твои воспоминания о девчонке и сфере, что дала жизнь планете.

— Ты причиняешь себе боль этим?

— Все имеет свою цену. А ты бы кем предпочел жить: девчонкой или в книге? Я все могу!

Несмотря на обещание, Наставник задержался, мотивировав это совещанием и поступившими вводными задачами.

— Подъем! — Наставник вторгся в комнату. — Собираемся и на тренировку, время поджимает! Необходимо проверить ваши способности.

Инквизиторы поднялись и последовали за Наставником. Потянулись лабиринты коридоров и эскалаторы. Темно, лишь однажды через открытые двери пробился яркий свет из шарообразного центра подземного муравейника.

Ликнат чувствовал исходящую от старика тревогу. До руки Ликната дотронулись. Инквизитор удивленно посмотрел через плечо. «Не страшись. Хотела приковать внимание... к себе, — в голове Ликната поселился голос Рэнмари, которая шла следом и по обыкновению сохраняла предпочтение смотреть себе под ноги. — Чувствуешь далекие отблески тревоги? Беды? Да? Наставник напуган и озадачен, но тревога ему передалась. Она не рождена его увядающим разумом. Наставник мудр и глуп одновременно... А тот, с тревогой, не сможет быть проводником и коленки его подломятся. Омрачится сердце... Сковырнут прутиком, лапки его надломятся, и покатится старик, утрачивая остатки самомнения и власти, которая никогда ему не принадлежала. Ух! Ненависть, что он растил, принесла плоды. Еще немного и он вкусит их ядовитую горечь. Ха-ха!»

— Ты о ком-то конкретно говоришь? — почти шепотом спросил Ликнат.

Харус как-то странно посмотрел на Ликната и обогнал его, поравнявшись с Наставником, который принял вправо к одной из развилок коридора.

«Отвечай мне тем же, быстрая пешка, — снова в уши Ликната ворвались голоса Рэнмари. Страстный, тягучий, нежный голос сменялся резким, нервным шепотом-криком. Ее голоса полны эмоций и пугающей силы. — Прикоснись ко мне. Смелее. И приневожь разбегающиеся мысли, образы, слова, обрати и поверни их к моему берегу... Пусть он

неприветлив и отрывист его склон... разбит в осколки и обточен бушующими волнами, но он по-прежнему родной и долгожданный после долгих изнуряющих походов. Это несложно, даже для тебя».

«Ты мои мысли читаешь?» — Ликнат попытался мысленно обратиться к Рэнмари.

«Читаю! Не бойся, я не стану лезть в твои фантазии на счет меня, если только совсем чуть-чуть загляну... забавно, — Рэнмари нагло ворвалась в мысли Ликната. — Мне нечем себя занять, не сердись».

«Ты помнишь прошлое? — Ликнат продолжил мысленную беседу. — Почему я противлюсь настоящему? Мне не по душе все это! Я вообще здесь впервые и не верю им».

«Кому им? Это пройдет, ударяясь о ворота времени и тревожа тебя редким эхом. Вспыхнет в памяти. Покажется на миг. Забудется опять. Пострадай в безмятежности. Тебя собирали по кускам. Не тревожься понапрасну, кубок отмщения исчерпает свой источник. Это вдохновляет! Хочется мурлыкать и рычать одновременно, спалить тотчас окружающие меня разумы. Жаль, но нет врагов поблизости и указать их некому».

Ликнат решил не прерывать монолог Рэнмари и, когда та закончила, остался доволен наступившей тишиной в его голове.

Наставник подвел их к финальной точке запутанного маршрута, сектору для тренировок, и направил их дальше в раздевалку, указав на три скрытых за цифровой печатью засова массивных ящика.

— Переодевайтесь. Вооружайтесь. Подожду у виртуального полигона, там посмотрим, на что вы годны, — с последними словами Наставник покинул раздевалку.

Без показной суматохи инквизиторы направились к ящикам с оружием, амуницией и экипировкой. Они облачились в защищавшие тело боевые костюмы без опознавательных знаков с закрытыми шлемами.

У Рэнмари был облегченный вариант боевого облачения, в котором основную площадь защиты покрывали пластины композитной брони. В подвижные части и изгибы вплетены гибкие и прочные волокна эластичного материала. Защитный каркас поддерживал тонкий, но мощный псидо-скелет с бесшумными сервоприводами и магнитными тягами. На ее ногах усилители голеностопной связки и ускорители движения. В руках Рэнмари крутила потертый обруч, а на бедре висела рамка для плазменно-магнитного ружья.

Харус полностью скрылся в боевом костюме, который как скорлупа лишь увеличил его и так далеко не карликовые размеры. В костюме листы и щитки композитной брони на порядок толще. В наличии дополнительные защитные наросты. Псидо-скелет полностью оплетал его. За спиной он закрепил гранатометный комплекс, предназначенный для уничтожения техники и подавления огня. Харус, похоже, с легкостью пользовался им как обычной винтовкой, стреляя навскидку.

Ликнату достался прототип костюма с внешним псидо-скелетом и магнитными усилителями сгибателей-разгибателей рук, ног и туловища. Голеностопные связки усилены магнитным приводом. На спине и плечах имелись наросты, от них по поверхности брони разбегались прозрачные потоки системы камуфляжа-невидимки. Боевой шлем костюма не имел забрала, не был прозрачным, но картинка боя проецировалась на его внутренней стороне. Связь с внешним миром поддерживалась так же с помощью сенсоров встроенного центра координации. На шлеме выделялся дополнительный компонент в виде коротких рогов-антенн, которые брали свое начало от височной части шлема.

Антенны на закрытом шлеме являлись излучателем-сенсором, позволявшим носителю

полностью поглощаться схваткой и обладать поистине молниеносной реакцией в купе с впечатляющей подвижностью брони. В момент срабатывания камуфляжа инквизитор «исчезал», силуэт размывался, становясь невидимым по средствам оптической иллюзии и поглощения излучений. Из оружия в своем ящике Ликнат заметил широкие ножи в рамках-ножнах. Ножи являлись сборными механизмами из невзрачного темного материала и могли менять свою форму. Механизмы крепились на предплечья и могли стать даже компактно-складывающимися щитами. Эти щиты подходят и для штурма помещений.

— Это собрано из редких осколков, — чарующим голосом проговорила Рэнмари, — доставшихся от тех, кто покинул нас, направив вперед, но забыв посветить в свои планы. Выбирать дорогу мы обязаны сами. И не просто обязаны! Мы способны это сделать, сделать наш мир чище и светлее! Как этого хотела моя мама! Цивилизации незачем знать, кто удалит все эти раковые опухоли, но когда земля облегченно вдохнет полной грудью, мы смиренно уйдем на покой.

— Я знаю, как пользоваться оружием и надевать броню, но почему остальное скрыто от меня? — Ликнат выставил руку, и веер ножа резанул воздух, складываясь на рамке-ножнах, закрепленных на предплечье инквизитора.

Рэнмари потупила взор себе под ноги и убрала потертый обруч за спину. Ликнат покрутил в руках шлем, и собрался было надеть его, но тут Харус шагнул в их сторону и заговорил:

— Я не убивал, так они говорят. Тоже не помню, но делать надо, а не говорить, иначе ждет наказание.

— Наказание? — Ликнат посмотрел на Рэнмари.

— Они отключат нас.

— Убьют что ли?

— Отключат, — Рэнмари так и не подняла головы, лишь волосы ее локонами и косичками расстелились по элементам брони. — Как обычно отключают? Нажал на кнопку и то, что ты создал, не доставляет проблем.

— Нас ждут, — напомнил им Харус и первым вышел с раздевалки.

Показательное выступление элитных бойцов Инквизиции прошло, соблюдая все рекомендации. Виртуальная планка тренировочных нагрузок в симуляторах держалась на ста восьмидесяти пяти процентах по указанию руководителя проекта «Прометей». Инквизиторы пребывали в форме и с легкостью уложились в нормативы, как штурма здания, так и обороны вверенного им объекта. На зрительских местах за освинцованным и бронированным стеклом скрывались четыре силуэта.

— Отлично себя показали! — после выступления Наставник вошел в раздевалку в прекрасном расположении духа. — Он доволен нами. Доволен! Боевое облачение не снимайте. Позже доработаем костюмы и активируем специальные функции. Завтра выдадут транспорт, пыльники, дополнительную амуницию. Вы готовы действовать? Освоились? Очищенной воды обязательно не забудьте набрать. Завтра вы получите боевое задание и окажитесь в пустыне.

— Те люди за стеклом, — Ликнат перевел вопросительный взгляд на Наставника и, поднимаясь, поставил шлем на лавку из пластмассы, — кто они и что тут делают?

— Это не суть важно, — отмахнулся старик. — Вас ждет боевая задача. Важная боевая задача. Я все поставил на вас! Проект должен быть воплощен в жизнь.

— Рэнмари сказала, кто был в комнате за стеклом, и описала их внутренний мир.

Скажем так: он не совсем подходит под каноны Инквизиции, — Ликнат посмотрел на старика сверху вниз, недобро прищутив глаза. — Я думал, что здесь нет места для лжи и что-то скрывать от нас, не лучшее начало, старик.

— Вы забываетесь, но если настаиваете, то там были друзья, вернее сказать наши союзники, — Наставник сделал неловкий шаг назад. — Вас не должны волновать подобные вещи. Выполняйте поставленные задачи и служите верой.

Слушавшая с интересом Рэнмари заговорила:

— Мы не забываемся. Мы помним наизусть все заповеди и постулаты. Вся мудрость Церкви нам известна. Сердцем мы руководствуемся.

— Старик, не тебе нас судить, и не тебе говорить нам о служении, — Ликнат легонько хлопнул его по плечу, от чего тот испуганно вжал голову. — Не волнуйся, ведь тебе не за что оправдываться перед нами. Задачу мы выполним. Живи в мире.

— У нас есть задание, в путь! — Рэнмари застегнула шлем и направилась к выходу. — Веди нас, быстрая пешка!

Солнечные лучи отражались, искрились на изгибах и в канавках, которые образовывали своим сплетением символы и орнамент, покрывавшие весь браслет из мягкого металла, схожего цветом на темное серебро. «Или как назвать этот предмет? Может это ошейник какого-то экзотического животного, жившего когда-то у состоятельного хозяина на цепи? Гнутая кольцом полоска металла, а если ее гнули для рук или предплечий? Или это надевали не на предплечье, а на голень или бедро, может даже на хвост? Диковатый стиль плетеных узоров, техника гравировки, непонятный алфавит, больше схожий на цифирный счет, загадочный металл, испускающий однотипные зашифрованные сигналы, — все это служит поводом задуматься о внеземном происхождении вещицы. Но как она попала в руки простого человека? — Ница в задумчивости постучала пером по столешнице. — Какое-то важное звено пропущено мною. Без него я топчусь кругами, упуская из виду что-то значимое. Разгадка рядом. Где таится?»

Ница разглядывала диковинный предмет и, делая наброски с пометками, черкала в блокноте антикварным пером для письма чернилами. Она вообще очень любила писать. Даже изредка писала сама себе своеобразные письма на бумаге, хотя могла мысленно копировать, создавать необходимые слова и предложения, быстро выстраивая абзацы в электронном виде. Она поглощена работой и не заметила, что свет луны подменил собой день, ясный и солнечный. За окнами плыли вереницей косматые облака. Таяла дымка у размытого горизонта.

— Привет! — раздался за ее спиной радостный возглас Ладани. Хлопнули замки двери.

Одним движением Ница толкнула браслет в нишу за столом и вытянула из прозрачной папки для документации бумажный лоскуток с цифрами и буквами. Этот клочок бумаги ей передала Наи. Ница решила приоткрыть часть правды, так как ее подружка заподозрит обман или постоянные недомолвки. Проще в чем-то недосказать и что-то утаить, чем строить все на лжи в надежде, что этот карточный домик не рухнет через одно мгновение. Поэтому пусть видит, чем она занята.

— Счета пришли? — Лада наклонилась, выглядывая через плечо подружки, после чего выхватила бумажку из рук. — Это еще что?

Ница промолчала.

— Какие планы на сегодня? — бросив бумажку обратно, спросила Ладани.

— Посетить одно заведение с шумной музыкой, — Ница поднялась с кресла. — Я никогда там не была, но надо лично встретиться с осведомителем наемников.

— Я с тобой!

Ница слабо улыбалась, глаза ее излучали нежность.

— Тайполя переправили в один из подземных бункеров Инквизиции. Наемники помогают нам, но нужно самой посмотреть на их осведомителя.

— Давай вместе возьмем его за жабры! — глаза Лады фанатично засияли. Она жаждала действия и всяческих приключений.

— Я бы хотела одна там порыскать. Небезопасно это...

— Э, нет! Думаешь ватага пьяных мужиков страшнее змей или прожорливых волков?

— Ну и сравнение.

— А зачем вообще тебе сдался информатор наемников? Они же все равно сообщат нам все что узнают.

— Сообщат, а я все равно хочу прогуляться.

— Значит, я иду с тобой!

— Хорошо, что-нибудь придумаем. Не спеши собираться. У нас есть еще время до вечера. Мне надо кое-что обдумать и сделать. Вызовем такси позже.

— Здорово!

Такси прибыло вечером, и машина покатила по залитым вечерним светом и подступающей ночью улицам.

Громкая ритмичная музыка и обилие света, дыма и запаха алкоголя. Ладани и Ница устроились за отдельным столиком в углу ночного бара, заказали чего-то безалкогольного и решили слегка перекусить.

Несмотря на пульсирующий рокот, свист и крики, которые заглушали низкочастотные акустические удары, от них содрогались все внутренности, подружки свободно вели беседу благодаря разговорным устройствам Ницы. Устройства проецировали голос сразу в сознание и при желании могли гасить посторонние шумы.

— Как думаешь, сколько зарабатывает наемный персонал Инквизиции?

— Где-то на ставку выше среднего. Если работа с грузами, то на две ставки. Секретная и экспериментальная работа оплачивается еще выше. Есть контракты договорные.

— А если человек жадный... он способен продать секреты корпорации?

— Он может быть и не жадным, а затаил, например, личную обиду или мстит начальству, коллегам, — Ница пригубила какой-то занятный с виду напиток. — В современном мире за поводом далеко ходить не надо и редко кто подставляет вторую щеку.

— Можно подумать, что в тебе нет подобных изъянов.

Лада лениво ковырялась вилкой в салате из зелени и морепродуктов.

— Ко мне это не приемлемо. Я вообще-то машина. На страницах библии обо мне не сказано ни слова, — Ница пожала плечами и без интереса посмотрела на девушек, извивающихся в такт музыки в клетке, висевшей над главными танцполами, слева от барной стойки.

— Это в примечаниях мелкими буквами написано: «не для машин!» или «машинам не читать!», или «у машин свой рай, сюда их не вплетай!» — засмеялась Ладани. — Вроде взрослый человек, а тянет туда же.

— А ты смогла бы продавать секреты?

— Не знаю. С одной стороны вроде как совесть должна мешать поступать против правил, но с другой стороны я ничего им не должна, они мне не друзья, поэтому, думаю, я бы продавала их секреты, если бы была гарантия, что меня не посадят.

— Ладани, сделай вид, что нас тут нет, — с этими словами Ница спряталась за сенсорным бланком меню, а Лада поспешила последовать ее примеру, не задаваясь ненужными вопросами. — Наемники покажут языка. Нам реально повезло на этот раз. Пока пересидим в тених.

— У меня дурное предчувствие.

— Мы только пару вопросов зададим.

Через несколько столиков от притаившихся подружек происходил разговор трех человек: двух наемников и средних лет посетителя, полноватого низкорослого мужчины с

лысеющим теменем. Женщина и крепкий мужчина одеты в тактические легкие комбинезоны Синдиката из плотной ткани крепкой на разрыв. В нескольких местах их комбинезоны дополнительно покрыты изоляционными полимерами. Наемники без оружия, либо Ница не смогла распознать его.

Посетитель вскочил на ноги и попытался нагрубить наемнице, как-то нелепо размахивая руками, видимо они что-то не поделили, либо осведомитель многого хотел за свою информацию, либо многого хотели наемники от него. Ему надо было помнить, с кем связывается. На это среагировал напарник наемницы и одной зуботычиной уронил оппонента под стол. Наемники постояли еще какое-то время. В итоге наемник, словно извиняясь, пожал плечами и выудил из-под столика потерявшего сознание осведомителя. В таком составе они и направились к уборным комнатам. Наемник волоком тащил за собой завсегдатая бара. Окружающие их люди, словно не замечали происходящего, включая и бармена.

Разговор наемников со строптивым осведомителем длился недолго. После чего они подошли к бармену, перекинулись с ним несколькими словами и не торопясь покинули заведение.

— Наш выход. Быстро делаем и умываем руки! — Ница поднялась первой.

Завсегдатай бара валялся в углу за кабинками. Не смотря на наличие вентиляции, запах здесь стоял резкий и неприятный, замаскированный дешевым освежителем воздуха и приторной смесью множества духов. На оформленных раритетным кафелем в стиле прошлых веков стенах остались кровавые разводы. Динамичная музыка проникала низкими басами и сюда.

Под осведомителем собралась приличная темная лужа, но он еще дышал и вроде бы пребывал в сознании.

— Живо повтори все, что сказал наемникам или мы отберем твой шанс выжить, — Ница склонилась над ним и поднесла серебряную, стильно закрученную вилку к глазу осведомителя. Им он испуганно таращился на поблескивающий металл. — Начинай говорить. У нас мало времени.

— Я... вы не понимаете! Они... Сжальтесь! Я всего лишь пишу книгу! Научно-фантастический роман, — осведомитель захныкал. Он, слегка картавя, произносил слова, но приходя в себя, нервно повышал голос, плюясь кровавыми сгустками. — Просто книгу! Поэтому и хотел узнать... как расшифровать... сопроводительные документы на грузы. Чтобы потом... ни упасть лицом... из-за недостоверных данных. Мне нужны деньги, и я обратился к Синдикату. Зачем вам это... изверги!

Ница хладнокровно ткнула вилкой тому в щеку под глаз и сдавила щадящей хваткой горло избитого осведомителя. Тот слабо задергался и жалобно захрипел.

— Груз доставили в проект «Прометей», второй подземный комплекс! Юго-восточный седьмой шлюз! А-а-а!

Словно отточенным за годы тренировок движением Ница заткнула вопящего посетителя, ударив его в основание головы раскрытым кулаком. Поднявшись, она подошла к лоснящимся раковинам вымыть руки.

— Все? Это все что ты хотела узнать? — через не полностью прикрытую дверь Ладани наблюдала за коридором и дверью в помещение ночного бара.

— Да. Сейчас я мало кому могу доверять.

Выйдя из уборных, Ница и Ладани, так же как и наемники, приблизились к бармену.

худому человеку с аристократическим вытянутым лицом. Они подождали.

— Что наемникам нужно от тебя?

— Наемники дали мне денег. Уходите. Мне нет дела до вас и ваших разборок. Прошу, оставьте меня в покое. Только наладил бизнес и вдохнул уверенно, — бармен пододвинул к рукам Ницы два высоких бокала с коктейлем, горящим едва заметным индиговым пламенем. — Мама всегда говорила мне: «Пира, мальш, тебе когда-нибудь пристрелят за стойкой, не связывайся с наемниками».

Наигранно вздыхая, Лада полезла в карман и протянула бармену пачку купюр немаленького достоинства. Бармен довольно кивнул, повеселел и отвернулся, дав понять, что его все устраивает и пора бы покинуть данным персонам его заведение, так как подошло время призвать стражей порядка.

На ухабах и рытвинах тяжелый колесный транспорт повстанцев «Вирм» подбрасывало и раскачивало. Солнце безжалостно жгло землю и всех кто по неосторожности или по собственной глупости посмел оказаться в это время суток на раскаленной поверхности пустыни Ом Шадан.

Старшего конвоира беспощадно баламутило в сиденьях тягача. Последние рюмки вкуснейшего алкоголя явно были лишними вчера, вернее уже сегодня. Или все же еще вчера? Лейтенанта проклинал все, что только попадалось ему на глаза.

— Капрал! Ты совсем... тупой, кусок дерьма... Правее веди! Левее! Правее! Ты что, яму не видишь! Идиот... ска... Где только находят таких?!

— Возьми и сам порули по треклятой дороге, — буркнул водитель, пытаясь изо всех сил поддерживать заданную скорость и маневрировать по расколотой от нестерпимого жара дороге. Паутина трещин расплзлась по всему видимому пути.

— Что?! Ты там что-то пискнул, свинья? — речь лейтенанта прервал особенно сильный приступ тошноты, и он полез в окно, гневно дергая боковую форточку грузовика.

— Привела же нелегкая да еще и в мою смену.

Старшему конвоя «К-17» удалось высунуться наружу, но подчиненный явно ждал этого и специально нырнул правыми колесами в достаточно глубокую трещину дорожного покрытия. Лейтенант врезался головой в дверцу, при этом потеряв шлем. От конвульсий тела лейтенанта дверь кабины открылась, и он повис, цепляясь ботинками за сиденье, продолжая хрипеть и извергать тонны проклятий.

— Вам уже лучше, господин лейтенант? — молодой капрал едва сдерживал довольную ухмылку и косился в сторону цифрового регистратора маршрута в предвкушении забавного видео о похождениях злого начальства, которое он завтра разошлет знакомым.

Лейтенант продолжал ругаться, пытаясь втиснуться внутрь кабины.

— В этом я с вами согласен, господин лейтенант. Вы правы. Именно так. Вы сегодня особенно красноречивы.

«Ужасно рада за тебя, проказник-юморист. А теперь будь умницей и приготовься по моей просьбе остановить эту колесницу, — слова, принадлежавшие женской особе, или она не одна, врывались в разум капрала, звонко ударяясь и отражаясь эхом. — Ты готов или мне показать свое множество?»

Из носа и ушей повстанца потекла проворными ручейками теплая кровь. Водитель шмыгнул носом и задрал голову. Он ошеломленно потрогал пальцами эту жидкость и поднес их к глазам, даже попробовал на вкус. Запах железа, знакомый сладковатый привкус. Кровь настоящая. У него закружилась голова, а руки затряслись как в припадке.

— Я готов! — заверещал повстанец. — Готов! Готов!

«Выжить рассчитываешь? Понимаю, — те же женские голоса раздались в его голове. — У тех скоплений скал тормози. А потом, в общем, лучше бросай все и беги, беги пока хватит сил, ибо здесь не выживет ни кто. Судьи всем определили меру наказания».

Кaprал сразу взял в толк, о каких скалах идет речь и, закончив поворот, направил тягач к ним. Повстанца трясло, пот струился ручьями под стареньким латаным общевоинским

комбинезоном техроты. Капрал сгреб табельный пистолет с передней панели, оглянулся на не приходившего в себя лейтенанта, схватил блок регистратора, выжал гидравлические тормоза, заставляя тягач остановиться, и выпрыгнул в распахнутую дверь водителя. Грузовик продолжал монотонно урчать, его силовые установки не были заглушены. Повстанец не вполне удачно приземлился и, прокатившись несколько метров, остановился у чьих-то ног.

Поднял в испуге взгляд.

Перед водителем стояла женщина, судя по изгибам тела, прятавшегося под плащом, чуть рваные полы которого лежали на раскаленном песке. Женщина откинула пыльный капюшон, и на повстанца уставился боевой шлем неизвестной ему конструкции с синтетическими прядями черных и киноварных волос, небрежно уложенных в хвостик на затылке. Оптика шлема представляла собой тонкие двойные полосы, которые располагались вертикально и простирались от бровных выступов до кончика подбородка, едва не соприкасаясь и пульсируя рассеянным светом. Женщина плавно присела на корточки перед распластавшимся повстанцем.

«Где груз, мальчик? — в голову водителя проникли ревушим потоком чужие голоса. Он на грани сумасшествия. — Я все еще жду. Не стоит злоупотреблять моим терпением».

— Там! Там! Пристегнут к руке лейтенанта кейс, — повстанец попытался отползти от пугающей его женщины, но сил не нашлось даже на один рывок. — Отпустите! Прошу!

«Ступай, несчастный, но лучше забудь то, что видел, или в антагонистическом эпизоде я навещу тебя во сне, в кошмаре. Безвременье и смертельная тоска высушат тебя полностью».

Водитель почувствовал, что может управлять своим телом и, вскочив, припустил прочь от этих демонов, прочь от повстанцев, прочь от всего этого безумия. Туда, где его ждала однокомнатная квартирка, теплый комфортный диван, ужин из полуфабрикатов. Прочь.

Рэнмари махнула рукой и крепче сжала потертый обруч пальцами. К грузовику метнулась тень или это всего лишь воздух за клубился над раскаленной поверхностью пустыни с техногенными язвами планеты, что скрыты от глаз слоем песка и радиоактивной пыли. Следом за тенью протопал огромный человек в обмотках пыльника.

— Эй, лейтенант, — прогремел басом кто-то. Огромный силуэт нарисовался перед мутным взором пьяного лейтенанта, старшего конвоя. — Ты слышишь меня, чудило? Чемодан где?

Здоровяк, ухватив повисшего повстанца за грудки, вытащил того из «капкана». Неуклюжими движениями он обыскал лейтенанта на предмет кейса и провел тщательную проверку кабины тягача. Кейса тут нет. Не было и ничего отдаленно напоминающего искомую вещь. Оставалось проверить, что же спрятано в самом грузовике.

В грузовой секции, которая располагалась за кабиной тягача и ничем с ней не связана, раздался зуммер тревоги. Взвод повстанцев поднялся, похватав оружие. Бойцы оцетинились стволами винтовок общевойскового образца в сторону единственных створок десантного люка. Лейтенант внутреннего отдела ПОА «Центурия», находившийся с группой охранения конвоя, крепче сжал вверенный ему опечатанный кейс. Никто не мог знать, что он должен срочно доставить этот груз и едет обычным маршрутом. Этой дорогой и так часто возили всяческие ресурсы да технику на новую базу повстанцев.

Третий действующий персонаж налетчиков нарисовался тенью перед боковыми двустворчатыми дверями грузового отделения. Он провел рукой, стирая пыль, осевшую на боковой приемной панели за время, проведенное в пустыне машиной. Двери открылись не

полностью, но достаточно для того чтобы третий из напавших на грузовик людей проник внутрь, шмыгнув ужом за бронированные створки люка.

Лейтенант внутреннего отдела сунул кейс подмышку и извлек табельный пистолет, дрожащей рукой нацелив его в открывающиеся двери. Внутри грузовика раструбом проник яркий свет, на миг прозрачный силуэт показался в дверном проеме и повстанцы открыли сплоченный огонь как по команде. Громыхание разрядов оружия и энергетические вспышки наполнили воздух. Силуэт исчез, словно растворился, превратившись в легкую дымку, и двери захлопнулись.

Аварийный тусклый свет погас совсем некстати. Затихла сигнализация, словно испугавшись, что ее накажут за шум.

Повисла тишина тяжким бременем.

Отчетливо слышно дыхание взволнованных бойцов.

— Миазмы ворсянки их ороси! — не выдержал гнетущей тишины кто-то из зашевелившихся повстанцев. — Лапис, проверь.

— Какого хера произошло?

— Ага, сам проверь.

— Сканер совсем рехнулся из-за этой жары.

И тут что-то с силой ударило в массивные бампера грузовика. Пол содрогнулся, сминаясь в углу. Бойцы попадали и покатались, не удержавшись на ногах. Боевой строй сломался. Повстанцы стали подниматься со стоном и руганью. Последующее за этим действие лейтенант запомнил на всю оставшуюся жизнь. Полноценный мрак развеяла вспышкой шаровая молния, исходящая от возникшего прямо перед ними, в самом центре секции, незнакомца в необычном боевом облачении, которое прежде не видел еще офицер. Шаровая молния, выпустив преломляющиеся щупальца, жадно лизнула каждого и парализовала разом всех бойцов, теперь они вздрагивали в такт ослепляющим всполохам электричества. А незнакомец размеренно и на удивление проворно убивал повстанцев едва заметными взмахами, будто скорпион жалил зазнавшуюся жертву: исчез, возник, ударил, отпрянул и снова пропал. В его руках пораженный лейтенант заметил широкие лезвия ножей,двигающиеся под разным углом пробивая броню бойцов. Лейтенант не думал даже что таким примитивным оружием можно воевать. Это при современных-то достижениях научного комплекса и в свете последних научных открытий. Что ж ошибался.

Незнакомец, чуть сторбившись и перемещаясь словно вихрь, наносил смертоносные удары и двигался, перетекая из одной точки в другую, повинуюсь порывам битвы. Лезвия ножей бойко вращались в умелых руках налетчика, будто он ими жонглировал, тускло поблескивали темные грани клинков.

«Страшно, витязь на распутье?» — раздались страшающие голоса в голове лейтенанта, и он дико закричал не своим голосом.

Перед глазами офицера на мгновение явилась безликая маска с сегментными антрацитовыми рогами, сверкнула росчерком холодная черная сталь, и офицер потерял сознание, уйдя в спасительное небытие.

Не прошло и десяти минут как лидеры повстанцев сообразили, что совершили непростительную промашку, а их груз все-таки серьезно заинтересовал незнакомую им силу.

Конвой «К-17», тайно перевозивший синтезированную ДНК «Глас Императора» по поручению призрачных посланников, был бесцеремонно атакован неизвестными налетчиками почти в конце пути, так и не достигнув тринадцатого аванпоста. Сигнал

пришел с явным опозданием. Среагировали на раздражитель как смогли. Винтокрылы, обдав жаром спящих вокруг людей и разогнав тучи пыли, поднялись в воздух, неся в своих недрах десантные группы и двух ученых. Командование надеялось на поднятый по тревоге маневренный истребитель.

Истребитель прибыл в условленную точку. Пилот наблюдал на цифровом интервизоре надвигающуюся занавесом песчаную бурю, вдалеке таяли сизые полосы с завихрениями дыма, стелящиеся у самой земли, скрытой песком и редкими скалами. Радар отследил цели.

— Вижу цель, — оживился пилот. — Три быстрых объекта на воздушных подушках. Двигутся на северо-восток прямо к стене песчаной бури. Тридцать семь, двенадцать, тэ.

— Принял, — нехотя ответили ему с диспетчерской.

— Разрешите атаковать? — в голосе пилота слышались нотки задиры.

— Припугни их легким вооружением. Постарайся сбить с транспорта, рассеять. Подкрепление на подлете. Но за груз отвечаешь головой. В руках врага очень ценный груз. Повтори!

— В руках врага очень ценный груз, отвечаю головой! Есть работать легким вооружением, — пилот оскалился и припал к цифровому прицелу.

Троица инквизиторов, используя аэроциклы на воздушных подушках, стремительно удалялась от места разграбленного конвоя. Кейс повстанцев болтался в плотном рюкзаке на раме за спиной Ликната. Операция по конфискации тайны главарей повстанцев прошла успешно.

Любопытством инквизиторы не отличались, но Рэнмари поведала, что рисковали они ради нескольких склянок с синтезированными ДНК и внеземными биологическими образцами. Харусу и Рэнмари понравилась прогулка, все прошло быстро и гладко, а остальное их особо не волновало.

— Лик, как думаешь, зачем нам этот хлам? — обратилась к нему по средству связи Рэнмари.

— Ящик представляет ценность для главарей ПОА. Значит, можно использовать, продать, обменять. Одно его исчезновение нанесет вред повстанцам. Ящик будет использован для торга или для давления на главу ПОА.

— А я думаю, старик жадный! Он тоже хочет себе такую штуку! — неспешно пробасил Харус.

— В общем, мы тратим время зря, — сделала вывод Рэнмари.

— Это наше первое задание.

— Вспомни догмы: жить на благо и вести к процветанию. А мы преследуем эгоистические цели и втянуты в войну.

— Хватит разговоров, — Ликнат понизил голос. — Мы и так много наговорили. Наша броня, скорее всего, записывает все, в том числе и нашу болтовню.

«Быстрая пешка?.. — ворвалась Эмиссар в ход мыслей Ликната. — За нами увязался летун повстанцев, будто рыба-прилипала. Взял на прицел наших коней и оголяет оружие. Небесный извозчик смерти намеревается обрушить огненный шторм и поставить токсичную завесу. По наши души послал эту птичку одноглазый старец».

«Можешь сама развлечься. Пилот сделал свой выбор. Познакомь с Создателем, — Ликнат также мысленно обратился к Рэнмари. — Пилот в твоих руках».

«В моих! Есть однодневные цветы, с головокружительным пряным ароматом... Мм-м, — голос Рэнмари несколько изменился, что не ускользнуло от внимания Ликната, но смысл ее

слов не всегда был ему понятен. — Люблю цветы! Очень люблю дикие высокогорные цветочки!»

Хищно пикируя на вражеские аэроциклы, пилот вынырнул из низких облаков и нажал на гашетку пушек, выполняя в воздухе замысловатый маневр. Но вместо улыбки фортуны, ему показала свой роковой оскал судьба: пальцы перестали его слушаться, теряя чувствительность.

— Что?.. Почему?! — вскричал в ужасе пилот и потрясенно уставился на свои скрученные пальцы. — Что за чертовщина?

Пальцы пилота выпрямились, руки своевольно потянулись к приборной панели. Пальцы щелкнули суставами фаланг и принялись громко наступивать мелодию, узнать которую несложно при наличии хоть какого-то слуха, будто наигрывая похоронный марш. Челюсть пилота миготом отвисла и задрожала. Он побледнел, холодный пот выступил на его спине. Рука на прощание показала пилоту неприличный жест от чего глаза его стали еще круглее и, ухватившись за ручку управления, направила летательный аппарат штопором вниз.

Последнее что увидел изводившийся криком пилот — это песчаные безжизненные холмы, бросившиеся на него, и образ двух заплаканных бледных девочек перед глазами. Под рев самолета девочки держались за руки и, словно стыдясь, робко смотрели себе под ноги на лакированные кроваво-красные туфельки с блестящими застежками.

За окнами почти пустующего кафе изредка проносились машины, и откуда-то сверху доносился звук фортепиано.

«А ты как думал? Что жизнь всегда будет проста? Никто не откроет перед тобой двери бесплатно. Кругом острые углы и вязкие дыры, — отодвинув реальность на задний план, Луис придавался размышлениям. — Пусть думают что хотят, я почти достиг своей цели. Почти, какое все-таки мерзкое словечко. Где бродит этот Бриг, вообще обнаглел в последнее время, еще минуту и выйдет, что это я его жду, тратя драгоценное время. Прискорбное явление. Не пойму, зачем Инквизиции наращивать «мускулы», если мы нуждаемся в «мозгах». Манипулированием и интригами можно многого добиться, шантаж и запугивание часто действенней грубой силы».

Шторки, разделяющие собой комнату для особых гостей и общий зал, дрогнули от едва заметного сквозняка. Значит, прибыл-таки долгожданный гость. Луис кинул быстрый взгляд на циферблат механических часов. «Точно по времени. Педантичен. Опять эта двуличная жизнь. Хорошая мина при плохой игре. Мы же оба понимаем что происходит, но все равно вынуждены придерживаться рамок и лгать, чернить, змеиться, утаивать».

— Приветствую, Луис. Чуть не опоздал. Дела, понимаешь ли, дела, — Генрих Бриг, один из главарей повстанческой армии, вошел и сразу задернул за собой шторку, переливающуюся тремя цветами. — Пройдем? Разговор есть.

— Здравия желаю, капитан. Рад, что ты знатен и все еще при деле. И что ты чем-то занят — тоже рад, но давай приступим непосредственно к делу сегодняшнему, — Луис поднялся, и рядом с ними сдвинулась фальш-панель, открыв потайную дверь.

Эту кафешку Бриг выбирал для встреч неслучайно: хозяин заведения получал денежную признательность от постоянных клиентов благодаря возможности вести переговоры на нейтральной территории. Кого только не встретишь здесь. А вот именно посетителей всегда мало, возможно готовили тут паршиво. Лидера-Капитана не волновала здешняя кухня. В последние дни у него пропал аппетит, как собственно и свободное время. Еще это престранное нападение на конвой, и пропажа бесценного груза. Ведь не просто какие-то там отморозки случайно налетели. Проблемы нависли черной тучей, которая вот-вот грозилась расплескаться ядовитыми осадками. «Кому только понадобились эти чертовы пробирки?»

— Луис, я пригласил тебя в это достойное заведение, чтобы обсудить один существенный вопрос, — осторожно начал Бриг.

— Я думаю, что вопросов будет два, — сказал молодой инквизитор и показал два пальца в перстнях.

— Возможно, посмотрим, как сложится разговор.

— Весь во внимании, — Луис откинулся расслабленно в кресло и прикрыл глаза. — Мне почему-то кажется, что начнешь ты с нападения на конвой.

— Признайся что это ваших рук дело. Только зачем вам наша лихорадка, упрятанная в стекло?

— Даже если бы это оказалось правдой. Ты думаешь, я бы вот так признался? — Луис изобразил притворную усмешку. — Я ничего толком не знаю про ваш конвой и неуклюже

оброненную лихорадку.

— Всякое шепчут. Я слышал, что у себя в лаборатории вы выращиваете звено профессиональных убийц, эдаких ликвидаторов ваших врагов. Не боишься, что кто-то испортит плоды вашего питомника? Так сказать мимоходом махнет и от них нихрена не останется.

— Это даже не дотягивает до полноценной угрозы. Бриг, да я готов заплатить редкими металлами тому, кто сможет их победить, — инквизитор больше не улыбался, день не заладилась с самого утра. — Только мне интересно иное: зачем ты потратил мое время? Мне же нет дела до ваших внутренних распрей и раздутых параной! Когда наберешься серьезных слов и хорошо подумаешь — звони.

— Подожди! — Генрих поднялся, торопливо прерывая инквизитора. — На самом деле я хотел предложить тебе сотрудничество на достаточно выгодных для нас двоих условиях.

— Пришел склонять меня к предательству, — наигранно покачал головой Луис. — Любопытный поворот. Думал, умру со скуки. Неужели в вашем логове все и вправду так плохо? Теперь даже не знаю радоваться или сочувствовать.

— Я говорил о равноправном союзе, — презрительно скривился повстанец. — Старики доживают последние годы. Не смотри так на меня. Сколько уж небо коптят, пора и честь знать! Их место займем мы, понимаешь, это мы наследники их тайных империй. Все что они успели нажить перейдет к нам. А теперь представь, что мы объединим эти силы. Перестанем мешать друг другу. Мы сможем добиться большего, намного большего. Мир преклонится перед нами!

— Не думаю, — тихо произнес Луис. — Желающих больше чем кажется. А вот ты поразмыслил на досуге об интересах других? Возможно, мне любопытна лишь только игра, а не конечный результат. Желания мои настолько разнятся с твоими, что... в общем, это не суть важно. Ты сейчас кривляешься передо мной, но мы оба знаем, что тебя пожирает страх. Страх! Да, тот, что сейчас смотрит на меня твоими глазами, Бриг! И ты пришел не договариваться, а от безысходности выпрашивать. Как милостыню на перекрестке. Две силы, равные силы, знают, что либо уничтожат друг друга полностью, либо обескровят и отступят, а потом их добьет третья сила. Но ваша сила не сравнится с мощью современной Церкви, мы всегда будем третьими. Ваша организация так молода и со смертью Кенри вы развеетесь по ветру как пепел от пожара. Долой иллюзии, Бриг. Перестань врать хотя бы самому себе. И я говорю не о нищенской кучке бунтарей, способных только исподтишка кого-то убить.

— Я дослушал твой самоуверенный бред, юноша, — лицо Генриха перечеркнул хищный оскал, а его глаза налились гневом. — Все несколько сложнее, поверь. Я намного сильнее тебя, вот где правда!

— Я не отрицаю этого, — отмахнулся инквизитор, — но разговор не о физической силе двух человек, а об иных достоинствах. Лидеры приходят и уходят. Но стержневая масса людей, та самая «серая» основа, состоящая из множества добровольных рабов, копошащихся под нашими ногами, из года в год остается прежней. Это живые люди. Они застряли в своих неизменных желаниях и попусту тратят отведенное им время. Направлять эту толпу способны немногие, сложно быть настоящим лидером. Я не верю, что ты способен слепить из нее что-то значимое и привести к благоденствию всю цивилизацию.

— Твой рассудок болен, Луис, и мне жаль тебя, — процедил сквозь зубы Бриг. — Готов поспорить на унцию амитрилия, что ты своей смертью не умрешь, зазнавшийся пустозвон.

— Пусть так. Вот только грубить не надо. Себя пожалей. Ведь уже завтра ты

задумаешься трезвой головой о своих словах, — инквизитор поднялся, прозрачно намекая, что разговор завершен. — А вот в споре с удовольствием приму участие, только я поставлю четвертак меди на то, что ты умрешь раньше меня, покорного слуги Инквизиции. Прощайте, Бриг.

— И тебе не хворать!

Инквизитор покинул помещение с гордо поднятой головой и скрещенными за спиной руками. Луис спешил, но пока не счел нужным прибавлять шаг. Относительно череды событий последних дней чего-то нового он не узнал, но разговор его позабавил. Порученен полностью уверен, что жалкая попытка атаковать обители Инквизиции в скором времени будет иметь место. Что ж повоюем, ведь этого желал Отец-Инквизитор.

После ухода инквизитора Генрих увяз в задумчивости, но спустя пару минут резко ринулся к столу и одним ударом кулака проломил столешницу. Звериное бешенство рвалось наружу, стремясь укрыться от пожирающего его нутро стылого необъяснимого страха.

— Дьявол! — Генрих глянул на часы и понял что опоздал.

На смотровой площадке, расположенной на отрывистом склоне глубокого каньона, сотни таких же разломов покрывают весь запад пустыни Ом Шадан, трепетал от порывов знойного ветра тряпичный навес, укрытый маскировочной сетью. Хотя тень навеса и прятала старика от прямых лучей солнца, но поднимавшийся жар от раскаленных обломков антрацита, глины и песка волнами врвался на площадку.

Лисма Кенри укутался плотнее и снова с нескрываемым наслаждением поднес трясущиеся губы к блестящей трубке, исходящей от предмета в виде дракона, покрытого золотом. Над трубкой курился сизый дымок. Перед его глазами лишь крошечный притушенный красный уголек с желтоватыми прожилками. И только он в данный момент привлекает внимание старика, все остальное меркнет размываясь. А он тлеет и тлеет. Тлеет и тлеет. Истончается как жизнь, минусуя минуту за минутой, день за днем.

По комнатам этажа бродил запах вишни, то усиливаясь, то сходя на нет. Старик плавно раскачивался в дорогостоящем, антикварном, но порядком затасканном кресле-качалке. Перед ним стоял узловатый пластиковый держатель с толстой, словно вспухшей от избыточной влажности, книгой в выцветшем переплете. Лисма Кенри оцепенел в размышлении, протянув руку к фолианту с намереньем перевернуть пожелтевшую страницу рукописного текста. Из внезапного оцепенения его вывел раздавшийся сигнал входящего видеозвонка. Кенри с ненавистью посмотрел на личный центр связи, состоящий из множества приемников, небольших мониторчиков, проекторов голограмм, и развернулся в сторону пленочной клавиатуры-эмулятора. Он нажал несколько кнопок на сенсорной панели. Коммуникатор на столе ожил голосом Лейтенанта-Аналитика, одного из верных подданных Кенри:

— Лидер-Командор, вы готовы нас принять? Посланники прибыли. Бриг звонил, скоро будет, его голос выдал явное недовольство. Охрана усилена. Но что делать с образцами? Вернее с их отсутствием?

— Ритто, не стой против ветра, друг. Если Генриху не удалось сделать это мирным путем, то со дня на день мы выьем все дерьмо из этих самодовольных святош, — Кенри говорил медленно, будто подбирая слова, или его подводила память. — Осталось указать стае бойцовых собак на нашу жертву.

— Хорошо, так мы можем подниматься?

— Конечно, входите, давно вас ожидаю, — Лисма забежал глазами, судорожно

прикидывая в уме как встречать гостей, и принялся выползать из кресла.

Пропищал зуммер, и створки дверей отползли, впуская призрачных посланников в сопровождении человека. Первым шел Ритто Воскин, высокий сутулый мужчина с вечно недовольным лицом. За ним плыли три приблизительно одинаковых фигуры, по крайней мере, на первый взгляд они казались одинаковыми или накидки с глубокими капюшонами делали их таковыми. Двое из посланников отделились от дверей и после непродолжительной паузы разошлись. Прибывшие посланники так и замерли, склонив головы, на макушках капюшонов отчетливо проступали то ли рога, изогнутые к затылку, то ли своеобразные уши, идущие от висков.

Лисма Кенри фальшиво заулыбался и поспешил на встречу с протянутой рукой.

— Кенри, человек, приветствую тебя. Ты так и не смог уяснить, что ни кто из клана первобога Яртиз не протягивает руку, чтобы приветствовать. Это схоже на попрошайничество, жалкое пресмыкательство. К чему это холуйство, человек? Мы приветствуем жестом в воздухе, чем проще жест, тем ниже тирриец в иерархии, — фигура остановилась. Из глубокого капюшона показался волевой подбородок посланника с тонкими синюшными губами, покрытыми золотыми вкраплениями. Светлая кожа незнакомца отливалась приметным перламутром и казалась покрытой тончайшим слоем синтетического масла. — Это предпоследняя встреча. Обговорим детали заключенного договора. Вы сообщали, что молекулярное звено готово, как и нужная нам ДНК «Глас Императора». Мы проанализировали присланную вами виртуальную модель. Ваши деятели наук удивили нас, с точностью выполнили свою работу, кое-кто из нас до последнего сомневались, что сможете разобраться в инструкциях. Это сложно для столь отсталой расы?

— Не более чем! — поморщился старик. — ДНК хранится в надежном месте под усиленной охраной. Этот пункт договора мы выполнили.

— Почти выполнили, — поправил посланник и загадочно оскалился.

— Про второй пункт все так же ни чего неизвестно? Или до последнего будешь играть в молчуна? Талифик, пора бы податься в подробности.

— Не произноси мое имя. По второму пункту нам нужен модуль. Кибернетический модуль Элвитов. Он чем-то схож с пультом дистанционного управления древних систем. Наши специалисты уверены, что он не управляет, а имеет доступ, обращается напрямую к нужному нам механизму. Но чтобы механизм принял обращение модуля, назовем его ключом, нам необходима ДНК «Глас Императора». Она теоретически должна сохраниться среди людей и является пропуском к необходимому нам механизму. Как видишь, теория была верна, — Талифик прошел на смотровую площадку и шумно вдохнул горячий воздух ноздрями. — Какой завораживающий климат. Вид вашей пустоши восхитителен.

— Как найти этот модуль? — Лисма бросил вопросительный взгляд на Воскина. — Постоянно умалчивали, словно не знали всей правды.

— Знали. Уровень знаний нашей планеты велик, так как живем вечно, — гордо сказал посланник. — Вам дадут сканер «Нотра Эклисс». Есть предположение, что модуль постоянно активен. Часто синхронизирует с множеством точек доступа свою базу данных на уникальной частоте, которая присуща только этому кибернетическому боевому блоку.

— Боевому блоку? Кибернетическому? — удивленно встрял в разговор Ритто Воскин. — И вы молчали все это время? Тут столько брошенных баз и секретных объектов, что мы и за год не просканируем их всех. К тому же спешу заметить, что боевой блок не валяется в коробке на складе, поблескивая смазкой, а скорее всего только и ждет с кем бы силой

помериться да величиной калибра!

— Что за нытье? С людьми сложно вести дела.

— Хватит, прекрати! — поднял руку Лидер-Командор и с просьбой о примирении в глазах посмотрел на Ритто. — Вернемся к делу.

Талифик обернулся и коротко кивнул в сторону тех, кто его сопровождал. Один из посланников подошел и протянул лейтенанту шкатулку с прозрачным боком, через который видно вращающиеся шестерни как у старинных механических часов. На лицевой панели две квадратные лампочки со шкалой и выпуклая шайба из стекла, внутри которой вращалась, выгибаясь, тоненькая проволока, изогнутая в спирали на концах. Металл, из которого сделана проволока, отдаленно напоминал вольфрам.

— Принцип работы схож с компасом и сканером. Радиус огромен, где-то тысяча квадратных километров или чуть меньше. Прибор невидим для блока и не подвержен взлому.

— Мне кажется, что вы давно облазили все доступные места нашего увядающего мира с этой волшебной безделушкой, — в приемную комнату вошел запыхавшийся Бриг и сходу дал о себе знать: — Приветствую всех! В особенности молчаливых красавиц!

Сопровождавшие Талифика фигуры не отреагировали, но от цепкого взора Генриха не ускользнули едва заметные движения их капюшонов. Все-таки переглянулись эти осколки льда. А это значит, что он оказался прав: те двое — женщины, ну или женского пола особи отдаленной планеты Веатор. «Взглянуть бы еще на их тела при свете дня и без этих отталкивающих тряпок», — Генрих помотал головой, прогоняя наваждение, явно отрицательно сказывающееся на него в данный момент, и присоединился к остальным, стремясь показать бушующую через край энергию. Ему важно сохранить вид нужного и полезного человека.

— Так и что я пропустил? — оскалился Бриг. — Раздавали билеты на экскурсию по призрачной планете Веатор? Чур, я у окошка! Укачивает меня жутко.

— Не нужно этого лицедейства, человек. Перестаньте провоцировать охрану. Так важен пол моих бойцов? — Талифик показал пальцами знак немого языка, и его сопровождение вышло за двери. — Вас посвятят в курс дела, а в прочем все осталось в силе. Кроме билетов, неуверен я, что там будут вам рады и не убьют при первой же встрече. На этом все, мне пора.

— Прощайте, иллюзорный вещун клана Яртиз, а людей ждет непосильная и тяжкая каторга на ваше благо.

— Не преувеличивайте, Генрих, человек. Провожать нас не нужно, просто сообщите охранению, чтобы не путались под ногами и дали спокойно уйти.

— До встречи, — отрешенно проговорил Кенри. — Было бы здорово разыскать этот ключ за несколько дней. А там и вы бы выполнили свою часть уговора.

Талифик вышел, шаркая ногами и шелестя полами накидки. Он всегда носил обычную гражданскую одежду и мягкую обувь, а вот его сопровождение имело защитные облачения, броню, и находилось при компактном оружии, укрытом в складках плащей.

Генрих проводил процессию призрачных посланников завистливым взглядом и зло выругался одними губами.

— Инквизиторы? — обратился Лисма к Бригу, когда они остались одни.

Генрих промолчал но, поразмыслив немного, кивком подтвердил изначальное предположение Кенри.

— Получилось договориться?

— Нет.

— Я высказал свое мнение с утра, — Лисма вздохнул и медленно направился к креслу-качалке, но вдруг обернулся и испытующе посмотрел на своего заместителя. — А что предложишь ты?

Бриг прикрыл глаза, жестокая улыбка бродила по его лицу, он вытянул руку перед собой, сжал ладонь в кулак и, оттопырив большой палец, уверенно указал им вниз. Кенри понимающе кивнул и отвернулся.

После визита призрачных посланников осталась лишь душевная мука от несбыточности мечты, от невозможности продлить лимит своей жизни. Досадно осознавать, что вот рядом те, кто в силах подарить тебе здоровье и долголетие, но из-за множества зависших в неразрешенности проблем срок выполнения договора устремился зигзагами к бесконечности. Раз за разом кто-то вторгается, сует свой нос в чужие дела и переворачивает все с ног на голову, а то и вовсе нагло крадет, не опасаясь правосудия, которое непременно должно последовать за обнаглевшими в конце ворами.

«Опять эти поганые святоши! — Лисма Кенри мысленно разразился проклятьями и, забыв о своем нынешнем состоянии, в приступе гнева стукнул сжатым кулаком по подлокотнику кресла, от чего косточки в его ладони треснули, а кулак пронзила острая боль. — Только перелома мне и не хватало! Чертовы святоши! Все из-за этих дерьмоедов!»

В приступ гнева Лидера-Командора ввергло анонимное сообщение, пришедшее на его личную почту для двух адресатов из самых способных шпионов. К сообщению прилагались особо удачные снимки-кадры конвоя «К-17», звуковые файлы и точное местонахождение похищенного иллюзорными татями кейса. «Получается, что кто-то приглашает в гости? Ждет, когда нас окончательно обескровят? А позже нанесет удар в спину, но зачем? Этот шпион конечно чертовски хорош, но как он успел достать информацию по собственной инициативе, — мыслил Кенри. Ему оставалось только решиться, собравши остатки мужества, и отдать приказ на штурм монастыря Инквизиции либо смириться и, поджав хвост, убежать. — Придется отдать часть людей на заклание, а диверсионная группа заберет груз для посланников. Неожиданно напасть не выйдет, ведь они ждут меня!»

Главарь ПОА, вернее ее жалких остатков, не смог сходу принять окончательное решение. Ведь если штурм провалится, то повстанцы перестанут существовать как сила, потеряют оставшийся боевой дух, и будут уничтожены поголовно. Тех же, кто сможет вырваться и сбежать, Инквизиция планомерно изловит и показательно вздернет на эшафоте, включая и все командование бунтарей.

Дрожащей рукой Кенри схватил коммуникатор и, облизнув сухие потрескавшиеся губы, сбиваясь, набрал виртуальный номер человека, некогда числившегося в союзниках. Ждать пришлось недолго, хоть ему и показалось, что прошла целая вечность.

— Да? Говори, Кенри, — раздался чуть хриловатый голос из динамика, но небольшой дисплей коммуникатора остался черным и безжизненным. — Случайно, что ли номер мой набрал?

— Здравствуй, Шаневик, — подал все же тихий голос Кенри и прокашлялся. — Как здоровье? Жена, дети? Какие нынче увлечения?

— Лисма, как же ты любишь топтаться по чужим мозолям. Что ж, теперь мой черед. Отвечу тем же: как твое драгоценное здоровье? Все еще выжимаешь на перекладине по сотне за раз? — зло прошипел собеседник. — Я, было, заподозрил, что ты предстал перед судом праведным и укатился вверх тормашками к демонам в ад.

— Ратмир, тебе еще не надоело разжигать ненависть и презрение ко мне?

— Нет, Лисма, конечно нет! Как я могу простить тебя? Как?!

— Всякое бывает, — все также тихо продолжал задумчивый Лисма. — Кто знал, чем все обернется? Вот я и рискнул, решил все изменить.

— Ты предал и меня! Что, к черту, изменить? — взорвался руганью Шаневик. — Втайне от меня ты договорился с этими ушастыми! Думаешь, я не знаю? Бессмертия он захотел, ха-ха, старый идиот, могила тебя ждет, а не молодость.

— Столько лет минуло. Не пора ли примириться? Мне и без тебя хватало проблем. Зачем тебе еще лезть сюда?

— Нет, Лидер-Командор, ты жив лишь потому, что мне в радость упиваться твоими страданиями и твоей немощностью. Может я ждал этого всю свою малосодержательную жизнь? Я плохой человек, но я не прощаю предателей! Либо заткни сразу свою глотку, либо держи слово, раз не смог сдержать язык.

— По крайней мере, я пытался примирить нас, — несколько оживился Кенри. — Но позвонил я, чтобы использовать последнюю возможность решить все мирным путем. Верни то, что украл у меня!

— Сперва верни то, что украл! Сдержи то, что обещал, — не унимался раздраженный Шаневик. — Ну как, равноценный обмен? Да? Да! Посмотрим, что значит твое слово для призрачных проходимцев.

— Ты серьезно? Что ты хочешь за мой ящик?

— Ничего... Я вдруг подумал, что как-то обесцветилась моя жизнь, может хоть это вернет ей немного красок.

— Отец-Инквизитор, вы окончательно лишились рассудка, и здравомыслие покинуло вас. Мне жаль, но иного пути я не вижу, — голос Лисма наполнился нестигаемой волей и былым мужеством. Он поднялся из кресла, усердствуя сохранить выправку. — Вскоре все решится. Узнаем мы, кто более не прав был в своей жизни. Разговор наш не повторить. Прощайте, друг.

Коммуникатор замигал индикаторами, внезапно разразился приступами искаженного всхлипами истерического смеха и отключился, продолжая смотреть потухшим безжизненным дисплеем.

Порыв ветра пригнал дневной жар и мелкие вихри колкого песка. Солнце приплюснутым диском склонялось к закату, разбрасываясь последними лучами и прячась в рваные мохны поредевших облаков, в которых не оставалось и намека на возможные осадки. А так хотелось дождя, по-настоящему проливного затяжного дождя, того самого стародавнего проклятья хлеборобов.

Окна распахнуты настежь. За ними открывался вид на окраины центрального парка с тремя ярусами висячих садов и нагромождением пешеходных дорожек.

— Ница! — разлетелся по этажу веселый крик Ладани.

Дверь шумно открылась, в кабинет вбежала Лада, которую совершенно не видно из-за букетов разнообразных цветов и ползуче-вьющейся зелени. Но ее подстерегла коварная ловушка: несколько петель толстого кабеля оптического канала связи, протянутого по деревянному паркету из угла в угол. Не заметив кабель, Лада зацепилась ногой за одну из петель, разбросанных где попало, и, падая на бок, попробовала стряхнуть этот капкан с ноги.

Ница поймала ее и помогла удержаться на ногах.

— Смотри под ноги.

— А ты не раскидывай везде провода! — Ладани посмотрела на разлетевшиеся букеты.

Цветы по инерции пролетели дальше. Букеты разбились о жалюзи открытых окон. Сквозняк подхватил оторвавшиеся лепестки и листочки, закружил ими вокруг. Запах цветов и утренняя свежесть наполнили кабинет. Казалось что луга, озера и горы раскинулись за балюстрадами балкона.

Ница восторженно ахнула и повернулась к Ладе.

— Где ты нашла эти цветы? Я и не подозревала, что в городе есть нечто подобное, — словно заморожено проговорила Ница. — Восхитительно...

— Так и знала, что тебе понравится! Цветы я собрала утром в пригороде, на старых развалинах, в стороне от крайних кварталов бедняков.

— Спасибо! Мне действительно приятно.

— Чем ты занималась тут всю ночь? — Ладани подошла к мониторам, начала их пристально разглядывать, изредка бросая наиграно-суровый взгляд в сторону подруги. — Так-так, выходит, все же пустилась во все тяжкие? Это подпольное виртуальное казино?

— Какое еще казино? Я сериал смотрела и гуляла по сетям.

Пискнул встроенный динамик и заморгал индикатором. Изображение монитора разделилось вертикально надвое. С левой стороны транслировалась по средствам внешних камер-сенсоров картинка входа, располагавшегося под козырьком в замусоренной подворотне. Ница пригляделась и удовлетворенно кивнула, разрешая войти и подняться прибывшим гостям.

— Это наемники? — спросила Ладани. — Ты все-таки решила им довериться?

— Выбор не особо богат. Ты будешь рада новостям.

— Скукота!

По коридору верхнего этажа раздались тяжелые одинокие шаги, а Ладани успела заметить две фигуры у входа. Она внутренне напряглась.

Дверь, противно скрипнув, отворилась. На пороге появился крепкий, сутулый, слегка полноватый мужчина с добродушным лицом в полевой форме оперативника Синдиката. Он высокий, а из-за массивности походил на борца. Его лицо лишь казалось добродушным и простецким, взгляд холодный, цепкий и злой. Ладани почувствовала страх, наемник выглядел безобидным, если бы был в темных очках, то и глаза бы не выдали его, а значит, он

по-настоящему опасен. За спиной наемника скрывалась смуглая женщина в такой же полевой форме, но более обтягивающей стройное тело и без головного убора.

— Привет, — сказала наемница, глядя в глаза Ладани, — его зовут Вельвет, он мой зам и напарник. Надежный, человек чести, хоть и с несколько странным сводом собственных правил. Нет нужды его бояться. Мое имя Наи Саен.

— Привет.

Наемник кивнул, улыбнулся на все тридцать два зуба и выдал:

— Никогда еще не видел столько земной красоты на квадратный метр. Раздави меня кит, если лгу!

— Вельвет! — Наи бросила гневный взгляд на своего заместителя.

— Пардон, — Вельвет изобразил, что снимает шляпу и поклонился. — У меня редкая болезнь Зефирки, мало того что жизненно необходимо постоянно приглашать на чаепитие, так еще и несущу часто вслух то, что вертится в голове. Врачи качают головой и судьбоносно изрекают: «хронически и не лечится!».

— Какой же ты тупой, — наемница едва не покраснела лицом. — Быстро перестал меня позорить! Что ты несешь?

— Чего ты злишься сразу? Не выдержал я твоего пафосного лица, а девушка вообще испугалась, вот я и подумал, что следует разрядить воздух.

— Господи... какой еще воздух?

Ладани улыбнулась.

— Рада знакомству, Вельвет, — Ница подняла руку в приветствии. — Вы первые из Синдиката в информационном жилище аскетизма.

— Взаимно, — расцвел наемник и снял камуфлированную панаму, принявшись разглаживать пучки взъерошенных волос.

— Хватит поедать ее глазами! — Наи шагнула к наемнику и с силой наступила тому на ногу, прятанную в армейском ботинке на толстой подошве с высокой шнуровкой. Наемница казалась крошечной по сравнению со своим спутником, но сила и острый каблук, сделанный из стекла с металлическими спицами, смогли возыметь действие на Вельвета, в темное время суток которого можно запросто спутать с медведем.

— Впервые вижу наемников. Вельвет, а ты на чем ставишь зарубки, когда убиваешь человека по контракту? — Ладани разглядывала мифических наемников, о которых рассказывали столько легенд и небылиц. Только большинство предпочитало говорить о них как об алчных до денег убийцах или просто помалкивать себе в тряпочку.

— На...

Вельвет хотел выдать устоявшуюся грубую шутку ниже пояса, но Наи двинула ему локтем в живот и гневно фыркнула.

— Не убиваю я никого... так пугаю мелюзгу всякую да долги выбиваю. Не, ну серьезно, чего всякий раз спрашивают одно и то же?

— Он хотел сказать, что не выбивает, а изымает на законных основаниях гуманными способами, — спешно поправила его Наи и показала ему за спиной сжатый кулак, что дважды намекать не будет.

— Ага, — выдавил басом Вельвет и почесал затылок, — гуманными? Тебе самой-то не смешно?

Ладани залилась смехом, зажмурилась и обхватив себя руками. Ница тоже усмехнулась, почувствовав всю нелепость ситуации и ревность Наи. Наемница лишь

стесненно пожала плечами, а Вельвет незаметно сделал шаг назад и попытался разгладить панаму, кажущуюся носовым платком в его ручищах.

— Ница, лавируя в цифровых потоках и сканируя путаные сегменты информационного кода, примитивно зашифрованного и упрятанного в слоях прилипчивого мусора, мы все же нашли отголоски отличающихся данных и посчитали их в достаточной мере значимыми, — раздался однотонный механический голос. На монитор поступали группы символов и отрывки текста, фрагменты разрозненных кадров и видео. — Игра подходит к финалу. Абсорбируем цифру.

Ница подошла к монитору и заработала пальцами, моментально сортируя и просматривая поступающие данные. На дополнительном мониторе показался снимок старинного монастыря, а в углу засветились его координаты.

— Если данные окажутся неполными, то можно пойти на взвешенный риск: в особняке хранится важный для Инквизиции объект, недавно помещенный в монастырь под усиленную охрану. Заполучив его, можно выдвинуть условия и надавить сильнее.

Наемники, опасавшиеся проронить хоть слово, и Ладани, застывшая с поднятой рукой, переглянулись. Ладани внутренне посмеялась с ошалелых лиц наемников и сама внезапно поняла, что имеет такой же глупый вид.

Ладани вдруг осознала, что окружающий ее с самого рождения мир вовсе не такой, каким выглядит в ее изумрудных глазах, и возможно в нем давно живет скрытная цивилизация, которая в скором времени может отчетливо намекнуть что пора, мол, и подвинуться-потесниться.

— Видели бы вы свои лица, — повернулась к ним Ница и положила на столик с резной столешницей трапециевидное устройство, вмиг набросавшее объемную карту монастыря Инквизиции. — Следы Тайполя затерялись. Не знаю, что в нем разглядели инквизиторы, но он жив и поступил в распоряжение проекта «Прометей».

— Прометей? Этот тот, что огонь украл у богов? — Вельвет решил поделиться своей эрудицией.

— Ботаник что ли? — Наи все еще злилась на него, хоть и скрывала это. — Скажи еще, что отличником был.

— В детстве мифы древнего мира читал.

— Подхалим, — подступив к карте, вымолвила Наи. — У меня тоже есть любопытная информация.

На столик рядом с трапециевидным прибором лег блок регистратора, доставшийся наемникам от свихнувшегося повстанца в звании капрала. Регистратор включился, найдя в помещении доступный монитор, и Наи показала самые любопытные кадры присутствующим.

— Смешной, — Ладани приволокла стул и, повернув его спинкой вперед, расселась. — Похоже на ужасы, а я ждала комедию. Кто напал на водителя? Почему у него кровь пошла носом?

— А это самое интересное, — Наи вытянула из отвисшего кармана скрученную трубочкой тетрадь. — Тут много всего, но самое главное, что есть какие-то заметки некой теории об «иных людях на гранях планет» и описание экспериментального оборудования. Чуть мозг себе не сломала. Тот, кто делал в ней заметки, болен на всю голову, либо пытался вести чьи-то записи, не особо понимая. Он пытается то доказать, то опровергнуть идею, что «живой организм, наделенный сильным разумом, равен неживому, при условии что мир

соприкоснется гранью с цифровым отражением. Симбиоз живого и неживого по средствам электрических импульсов дает в итоге некую ноль-энергию, при которой насытившийся ею индивид, Элвит, начинает существовать и развиваться по совершенно другим законам, несвойственным человеку исконно». Типа того, что «разум наш бессмертен в любой оболочке, и все что нас окружает — лишь эфемерные арканы, призванные сдерживать мощь мысли». Эта ноль-энергия соответственно разжижает какие-то там рамки, делая их более податливыми для чего-то там. Для меня это полнейший бред, но сама идея, что-то в ней есть.

— Может речь о биороботах, киборгах... кибернетических организмах, машинах или новой форме жизни, разумной жизни. Подожди, ты хочешь сказать, что нашелся гений, который смог вытянуть из этого рациональное зерно и это зерно принесло жизнеспособные плоды в виде улучшенных людей, — Ница взяла в руки черновую тетрадь и прикрыла глаза. — И эти люди имеют некоторые дополнительные возможности, несколько уникальные для нашего порядка вещей умения? Новый вид оружия? И мы не можем осмыслить его природу, как не смог бы осмыслить пещерный человек бездымный порох или ускоритель частиц. Неужели он смог дать человеческому разуму бессмертие в цифровом виде.

— Такое вообще возможно? — быстро спросила Лада.

— Ладани, на меня взгляни, — Ница развела руки. — Я ведь тоже считалась невозможным и когда-то не могла даже мечтать.

— О, да, — встрял Вельвет и кашлянул в кулак.

Наи Саен нахмурилась и сказала:

— Противостоять Инквизиции означает столкнуться с этими кибернетическими организмами, новым оружием, — пройдя к распахнутым окнам, наемница собрала рассыпанные как утренняя роса цветы у тесных ступенек, ведущих на балкон, — что приведет к нашей гибели. Таков возможный сценарий поисков, если мы не подготовимся.

— Тайполь против своей воли может оказаться одним из этих... бездумным оружием, — проговорила Ладани, по-своему интерпретировав сказанные слова и понурился голову, — оружием в чьих-то мерзких руках!

— Ты чего?

— Он мой! Понимаешь? Мой...

Ница сочувственно посмотрели на Ладани, а Вельвет сжал скомканную панаму, словно силился разом выжать мокрую тряпицу и забыть об этих девчачьих разборках. Ему больше по нраву жизнь без всех этих разговоров, чтобы была война, были перестрелки и были женщины. Наи же замерла с приоткрытым ртом под грузом собственных воспоминаний.

До принятия в ряды Синдиката, Наи Саен влачила жалкое существование, в возрасте двенадцати лет оказавшись на улице круглой сиротой. Буквально за год Наи лишилась родителей и возможности продолжать обучение в школе пансионате. Жилье Саен конфисковала Инквизиция, отправив девочку в лечебницу для душевнобольных. Не прошло и месяца, как Наи сбежала. Девочка выживала на улице как могла и рано познала мир с худшей стороны. Ее часто били, но чаще бились из-за нее. Наи ходила из рук в руки, попадая из одной скверной компании в другую, пока не убила своего первого человека. Имя подонка она даже не запомнила, лишь помнила, что убивала его мелким кухонным ножиком и ей это понравилось. Видеть, как человек исчезает из ее жизни и больше никогда не возвращается. Тогда Наи Саен только исполнилось пятнадцать. Попавшись однажды в руки полиции, Наи поняла, что нельзя хвастаться убийствами перед друзьями. Тогда-то ее и заметили наемники.

Синдикат заплатил за девчонку, и полиция передала ее им.

Через три года Наи провела собственную операцию по устранению цели списка «Десяти», убив высокопоставленного чиновника в соседней стране, так она попала в элитное подразделение «Безрассудных», и буквально за пару месяцев заняла там место старшего. Теперь она редко вспоминала гадости из своей жизни на улице, живя ради данного матери обещания.

— Пора позвонить и рассказать главарю повстанцев об Инквизиции, — Наи отвернула обшлаг рукава и пробежалась пальцами по кнопкам коммуникатора. — Начнем.

Предрассветные сумерки сковали время. Утро запаздывало, таская минуты по черточкам хронографа. Постовой охранник монастыря «Путь Блаженной Дасхаллы» сладостно зевнул, широко раскрывая рот, и в десятый раз за последние минуты впился взглядом в циферблат новеньких часов, подарка жены.

До окончания смены ему оставалось не больше пятнадцати минут, а там домой, отсыпаться после тяжелого трудового дня. Охранник криво усмехнулся и покачнулся на складной пластиковой табуретке, закинув ноги на потертый подоконник. Ему нравилась эта непыльная работа и серьезная полувоенная форма с глянцевыми шевронами. После работы у него оставалось предостаточно времени, чтобы поваляться перед персональным центром досуга по самые пролежни, даже с излишком.

Сквозь мерклую пелену перед глазами постовой разглядел стремительно приближающийся автомобиль низкого профиля, срезанных очертаний и с выцветшими оранжевыми полосками на крыше. До его ушей долетел басистый, будто утробный, рев силовых установок машины. Клубы пыли высоко поднимались, обозначая проделанный автомобилем путь.

— Центральные ворота, встречайте, — постовой затараторил в коммуникатор, понимая, что опаздывает с докладом. — Двигается со стороны магистрали. Прием!

— Машина с оранжевыми полосами на крыше? — раздался сиплый голос из переговорного устройства.

— Да, Первый.

— Встречайте смену. Никаких вопросов! — Первому удалось заинтриговать караул. — Как придут инквизиторы, сразу докладывать на центральный пост и бегом сдавать оружие в оружейную комнату. Следующие сутки вас точно не потревожат. Отбой.

Тяжелые ворота, украшенные двумя горгульями и стилизованным белым крестом, отворились, откатившись по рельсам, скрывающимся в стриженной траве.

Охранники удивленно замерли у замаскированных люнетов, обмениваясь короткими репликами. Машина на шестиколесной внедорожной раме остановилась у эстакады и, негромко проурчав напоследок двигателем, заглохла, выпустив рваные клубы едкого дыма.

Водительская дверь машины поднялась кверху, а пассажирская сдвинулась вбок. Из автомобиля выбрались три инквизитора в уникальных боевых облачениях серой окраски с черными камуфляжными пятнами и левосторонними эполетами с оранжевой канителью.

Самый крупный из инквизиторов вытащил из-за спины оружейную установку, предназначенную для стрельбы с мобильной техники или стационарных укреплений. Здоровяк подключил ее к плоским блокам питания, расположенным у него на спине, и проверил исправность механизмов. Второй прибывший инквизитор вовсе оказался женщиной, судя по формам стройного тела и искусственным волосам на ее шлеме. Ее ноги, облаченные в сегментную броню со сплетенными защитными волокнами, частично прятались за юбкой. Юбку поддерживали двойные пояса с множеством кармашков и ремешков, провисавшие на левом бедре, где крепился на рамке укороченный вариант энергетического ружья.

Третий инквизитор, широкоплечий атлетически сложенный воитель, вызывал у охранников опасение и ворочающийся где-то в глубине страх. Их отталкивала безликая угрожающая маска боевого шлема, от которого вверх и назад тянулись черные сегментные рога, намекая на темную сделку Церкви.

Неестественно выглядели потоки и ручейки когда-то расплавленного стекла, покрывающие боевое облачение инквизитора, а теперь застывшие, словно поддавшись дикому капризу и северному ветру. На руках у инквизитора висели ножны с механизмом рамы и лезвиями широких ножей. На поясе виднелся предмет по форме напоминающий выгнутый диск и множество разнообразных приспособлений.

Не оглядываясь, Рэнмари и Ликнат прошли во внутренний двор монастыря, спешно пересекли его и, поднявшись по белоснежным ступеням, скрылись за главными дверями парадного входа.

Оставшись в одиночестве, Харус осматривал территорию, защитные стены, ворота и пристройки. Прикинув что-то в уме, он взялся стаскивать железобетонные блоки и щиты оцепления из листовой брони, хранившиеся в караульном помещении. Приглянулась ему и разваленная еще в прошлом году старая кузница с жаровней. Монастырь когда-то служил частью музея всемирной истории Церкви.

Утомившись, Харус раскидал вокруг центральных ворот десяток датчиков в виде маленьких шариков. Старший караула с очевидной охотой и старательностью отвечал на все вопросы Харуса. Дослушав, тот двинулся к внутреннему двору, возможно, решил заняться основной линией обороны и подготовить варианты отхода, после которого, если что, намеривался неожиданно вернуться с фланга или в тыл для попытки отбить оставленные позиции.

— Ну? — обратился Харус к замешкавшимся у ворот охранникам. — Разве вам не сообщили? Уходите. Все уходите. Тут смерть. Пока еще есть время. Пока повстанцы не напали. Они в пути.

Только сейчас охранники сообразили, что значит приезд этого элитного подразделения тайной организации, живущей под крылом Инквизиции, и сменившийся караул, будто рассыпавшись горох, засновал и забегал по внутреннему двору, сдавая оружие да запрыгивая в подъезжающий транспорт, чтобы поскорее смыться и выкинуть все это из головы. Надбавка и премиальные за возможное ранение или смерть? Да вы, верно, шутить изволили.

Безветрие. Мирная тишина. Заполнившая пространство совсем не зимняя духотища заставляла открывать воздушные клапаны тактических боевых костюмов.

Воздух наполнился разнообразными звуками живущего по своим правилам леса, окружавшего полукольцом монастырь. Но этот шум был настолько естественным, что не врезался острым гвоздем гвалта в ухо, позволяя телу расслабленно восторгаться раскинувшимся видом с верхнего ряда подвесных балконов, украшенных искусными барельефами, спиральями жанровых балясин, выходявших на лицевой фасад белокаменного здания. Монастырь имел две башни, высокий остроконечный шпиль с колоколами и парящими у смотровой мансарды спутниками-крыльями как у горизонтальной мельницы, и заброшенную, сокрытую под землей темницу.

Ясное почти безветренное утро плавно перетекало в новый день. Вдалеке у пожелтевшей осенними оспинами опушки поднялась стайка птиц с белыми обводами крыльев, чем-то согнанных со своих теплых насиженных за ночь мест.

— Они идут. Спугнули птиц... таких восхитительных, — проговорила Рэнмари и

подошла почти вплотную к Ликнату. — Я не боюсь заглянуть смерти в пустые сгнившие глазницы и рискну дернуть ее за прядь седых волос, но к чему нам это? К чему биться с этими людьми? К чему отнимать жизни? Слова расходятся с делом, они лгут нам. Не на благо все это.

— Что с тобой? Насчет слов и дела, ты права как никогда, нужно втроем обдумать, чем ныне является Инквизиция, да и сама Церковь. Я тоже не понимаю, для чего мы это делаем, и каким образом личные разборки касаются истинной цели Церкви. Твоя пешка запуталась окончательно и пока слепо повинуется командам комедиантов. Они держат нас на поводке.

— Они слепы... вернее слепых ведет зрячий лгун! — изрекла она почти в самое ухо Ликната. — Мы острие атаки топора Инквизиции, но я не хочу быть палачом собственного народа. Мне жаль людей, что непременно погибнут, следуя по чужому пути, но преследуя свои незначительные цели. Ведь они заблуждаются?

— Заблуждаются.

— Существует ли возможность сохранить им жизнь?

— Мы рискуем своими жизнями, не забывай.

— Ты готов жертвовать жизнями других ради себя?

Инквизитор задумался, что выразалось лишь в едва заметных движениях его головы. Он обратил безликую маску к небу, сверкнули угловатые рога шлема.

— Харус, постарайся сохранить жизни повстанцам, если это возможно, — включив канал шифрованной связи, обратился к нему Ликнат. — Отпускаем всех, кто бросит оружие. Оборона и сдерживание противника на подступах. Инквизиция может в любой момент отключить нас.

— Понял. Технику уничтожать? — сквозь шипение донесся голос Харуса.

— На свое усмотрение.

— Принял! Мне пора, — громыхнул спокойный бас гиганта. — Винтокрылы заходят парой. Прощупывают сканерами.

В поддержку слов Харуса послышался звук рассекающих воздух лопастей.

Со свистом в атмосферу взмыл рассыпающийся дым, будто какой-то озорник пнул костер, и горящие угли разлетелись во все стороны. Плавающие угли поначалу бросились врассыпную, но рассредоточившись и перестроившись, росчерками огненных спиралей устремились по замысловатым траекториям к помеченным целям. Винтокрылые машины в свою очередь попытались защититься ракетами, но безуспешно. Последовал запоздалый сброс ложных целей, но ракеты инквизитора проигнорировали устаревшие ловушки пилотов и прожорливо набросились на повстанцев.

Первая летающая машина взорвалась на подлете к лесу, сразу превратившись в огненный разгорающийся шар, и, разбиваясь снопом искр и падающих деталей, рухнула свечой в чащу леса. Второй винтокрыл воспламенился от плазменных снарядов, прошивших корпус. Языки пламени принялись, спонтанно разгораясь, врываться в десантный отсек, из которого выпрыгивали в панике повстанцы. Многие из них разбились о землю или повисли обмякшими куклами на обломанных ветках деревьев и на кустах. Малой части повстанцев повезло выжить почти невредимыми и способными взять участие в грядущем сражении. Пилоты второй машины боролись со стихией недолго, но упорно. Высоко задрав хвост, винтокрыл пронесся над лесом полыхающим факелом, разваливаясь на части и накрывая верхушки деревьев зависшей копотью. Врезавшись в пологий холм, одетый высокой травой, боевая машина сдалась. Прогремел раскатисто взрыв, словно бойцовский гонг

подтвердивший начало решающего раунда.

Штурмовые подразделения ПОО ринулись из-за ближайших деревьев к воротам обители Инквизиции. Прикрывая друг друга, бойцы продвигались перебежками, выверено подкрадываясь к внутреннему двору. Уже ворвавшись, они сообразили, что сопротивления никто не оказывает. По плану штаба должен наступить короткий огневой контакт, только куда-то подевалась вся охрана. Повстанцы рассредоточились, обмениваясь друг с другом жестами, и тут из-за нагромождения бетонных обломков, неведь кем скиданных в кучу, показался боевой шлем неизвестной им модели, вслед за шлемом поднялись спаренные стволы, удостоверяя плотоядными очертаниями, что перед ними противопехотный гранатометный комплекс. Стволы оружия свистяще зажужжали и закрутились.

Прогремел воющий залп и дым окутал ворвавшихся повстанцев. Прошумела канонада хлопков. Со всех сторон послышались вопрошающие о помощи крики и нечеловеческий вой, вперемешку с руганью и проклятьями. Дым рассеивался порывами свежего ветерка, и теперь ясно, что вбежавшие бойцы обездвижены хитроумными боеприпасами, метко поразившими вторгшихся врагов в ноги и руки. Кто-то из повстанцев катался в пыли, оглашая воплями пространство и хватаясь то за бедро, то за колено, кто-то просто полз, не поднимая головы. Командир штурмовиков сжимал пальцами пробитое насквозь тонкими иглами плечо. Его тело колотила мелкая дрожь от поступившего в кровь яда, вызвавшего обширный паралич, направленный на угнетение организма. Офицер поднес сорванный тактический шлем к побледневшим губам. Его тело задергалось интенсивнее.

— Четвертый, главный вход... укреплен. Не удалось взять... с фронта... поддержку ждите! — прохрипел офицер. — Подсобите Семерке... с тыла... в обход!

Опять дал о себе знать инквизитор, боясь, что повстанцы заскучают и разойдутся. По небу просвистели размытые очертания серебристых сигарообразных предметов. Высоко поднявшись, ракеты взорвались ослепительной сеткой горизонтальных молний, накрывая место схватки огромным куполом, и с ясного неба пролился огненный дождь. Перед самой землей капли дождя, бывшие мелкими трутнями-бомбами, меняли свою траекторию и, разогнавшись, вонзались в сегменты листовой брони, обходя системы динамической защиты трех старых танков повстанцев. Прогремела череда взрывов, раздался страшный свист и завывание. Цели Харуса ликвидированы, вся опасная техника ПОО выведена из строя.

Смешанный лес в нескольких местах занялся пожаром и укутался чадящим дымом.

— Отступать! Центр! Центр назад! — раздалась команды на повышенных тонах из шлема офицера, что вел группу через главные ворота, но сейчас прибывал в отключившемся от реальности состоянии, находясь в прострации. — Посильная помощь диверсионной группе и Семерке. Семерка, на связь!

Дальше эфир наполнил фонящий шум, невнятные крики, и динамик, встроенный в шлем повстанца, с треском отключился. Офицер слабо пошевелился и застонал.

Диверсионное подразделение скрытной атаки «Семерка» просочилось на территорию монастыря перед самым штурмом.

Стороннему взгляду предстали своды ослепительно белого монастыря Инквизиции. В лучах набравшего силу солнца он казался нереальным, будто сошедшим с картин из учебника древней истории.

Продвигаясь перебежками в тени построек, ползком и перекатами, прячась в зарослях, семеро повстанцев добрались до прямоугольников подвальных окон цокольного этажа и остановились. Обменявшись жестами, бойцы перестроились и собрались проникнуть в

здание через подвальные помещения, когда рядом с ними промчалась вторая группа повстанцев, вбежавшая в двери черного входа. Послышались хлопки и свист выпущенных из винтовки разрядов.

Командир «Семерки» озадаченно поскреб затылок боевого шлема и махнул рукой, приказывая двигаться за второй группой на расстоянии. Цепочкой бойцы проследовали за разведчиком, крадущимся в авангарде. Уже ступая за порог, офицер задержался. Его что-то остановило, а внутри заворочалось слабое предчувствие крупных неприятностей, и, сделав несколько шагов в обратном направлении, он, осторожно выглядывая, поднял взор к верхним окнам здания. На офицера с открытого балкона четвертого этажа смотрели два инквизитора. Диверсант имел смутное представление об «особой» экипировке защитников монастыря. У него появился реальный шанс устранить второстепенные помехи, так глупо подставившиеся под удар. Была, конечно, просьба по возможности взять одного из элитных инквизиторов живьем, но кому охота таскаться с этими напыщенными шутами, пешками Инквизиции?

Вскинув к плечу бесшумное луч-оружие, снабженное гасителем для беспламенной вспышки, и быстро прицелившись, офицер направил луч смертоносных всепроникающих частиц во врага. На удивление офицера один из инквизиторов просто исчез, растворившись в воздухе, а его подружка спряталась в комнате верхних этажей, уйдя из-под прицела и луча.

«Ты сам при здравом рассудке начал эту партию, слон. Моя пешка срубит тебя наповал. Не такая ты и значимая фигура на доске бытия, — в сознание офицера вторглись обиженные женские голоса, пронизывая его насквозь, и прерывая друг друга. — Поддавков больше не будет. Готовься к цейтноту!»

Офицер затрясся и рухнул на колени. Оружие выпало из его рук и стукнулось о мраморные ступени. Дрожащими руками он стянул шлем и схватился за голову с короткой стрижкой. Вслед за тем он скользнул ладонями к глазам. Алая кровь шла носом и проворно сочилась по его рукам. Офицер всхлипнул и глухо замычал, уткнувшись лбом в прохладный камень.

«Это крошечная месть за направленную тросточку в мою сторону, — продолжали те же капризные голоса, прерываемые тихим смехом, который выводил офицера из себя. — Я же обещала, что ты падешь от руки пешки? Так что подними свою трусливую задницу и явись к нам. Не робей, лейтенант, я знаю про амитриловую награду «За неустрашимость в окружении!»... а так же знаю, за что тебе ее вручили на самом деле, маленький ничтожный трусишка!»

К командиру подбежали двое подчиненных из арьергарда и остановились в нерешительности, опуская укороченные стволы электромагнитных винтовок. Офицер уперся руками в ступеньки, шумно задышал и потряс головой. Его стошнило витаминным напитком. Офицер дал короткую отмашку, поднялся с земли и медленно распрямился. Опираясь на ствол своей винтовки, он подобрал шлем с притемненным забралом и жестом приказал продолжать штурм монастыря.

«Посмотрим на твою пешку, ведьма! — мысленно прорычал он. — И не таких давил ногами!»

— Включить барьер!

Вторая группа штурмовиков повстанцев поднялась по ступеням и замедлила шаг, пробираясь через коридор этажа к следующей лестнице, видневшейся чуть поодаль.

Комнаты монастыря богато и со вкусом обставлены. Почти все из натуральных материалов. Полы укрывали пухлые ковры и цветастые дорожки что, в общем-то, не

увязывалось с нынешним периодом времени. Встречались помещения аудиторий и классные комнаты с аппаратами стимуляции и симуляторами навыков. Что-то подсказывало повстанцам, что тут давно не водилось посетителей и кругом какая-то бутафория. Везде светло, чисто, прибрано и безлюдно. Бойцы, притихнув, осторожно приближались к винтовой лестнице второго этажа.

— Харус, что нового? — поинтересовался Ликнат.

— Трупы считаю, — подал голос гигант.

К их беседе присоединилась Рэнмари:

— И как успехи?

— Неплохо... А что идет после десяти?.. — Харус шумно выдохнул. Послышался противный визг шрапнели и оружейные хлопки. — Что там идет-то... Черт, как жрать охота!

— Одиннадцать? — живо пришел ему на помощь Ликнат.

— Вот, одиннадцать по пять и еще дважды!

Раздался звонкий смех Рэнмари, совершенно необычный для нее, совсем живой, человеческий и настоящий смех юной девушки, искренне смеющейся над шутками сверстников в непринужденной обстановке. Харус недовольно засопел и что-то невнятно пробурчал.

Опять гроыхнуло. Эхо прокатилось по окрестностям. Шум схватки стал спадать. Выстрелы во дворе практически стихли.

— Бегут! — довольно рыкнул Харус. — Я им даже исправной техники не оставил.

— Ты выстоял, — похвалил небрежно Ликнат. — Теперь черед меня и Эмиссара преподать им урок. Кн-иг-ол-люб.нет

Рэнмари и Ликнат бесшумно спустились на третий этаж, куда уже поднялась вторая штурмовая группа.

Повстанцы в нерешительности остановились, сбитые с толку отсутствием противника и сопротивления как такового, пока недалеко шел бой.

«Мне отвлекь их своими действиями и напевами, Лик? — прозвучали более гармоничные голоса Рэнмари в голове сосредоточенного Ликната. — Облегчу тебе работу».

«Облегчишь мне работу? — удивленно уточнил Ликнат. — Я и так ничего не делаю. Эмиссар, куда вас несет водоворот личностных симпатий?»

«Пять бойцов поднялись. На позиции, — проигнорировала его Рэнмари. — Еще пять прошли мимо и направляются к нам под прикрытием последних».

«Принял. Пешка всегда начинает партию, мой ход»

Повстанцы настороженно продвигались, проверяя комнату за комнатой. Пусто. Снова пусто. Оставшиеся пять бойцов прикрывали авангард. Пока им на глаза попадались лишь пустые, прибранные комнаты и светлые коридоры. Изредка врывался сквозняк через открытые окна и норовил хлопнуть дверями. Штурмовики проследовали мимо двухуровневого класса с учебной установкой по центру. Куча разноцветных проводов, шлангов, труб и трубочек, глубокие резервуары без воды с прозрачным дном и гладкими стенами, человеку не выбраться, если вдруг свалится по неосторожности. Впереди отчетливо виднелась следующая винтовая лестница, ведущая выше.

— Этаж чист. Повторяю, этаж чист! — первый из бойцов заглянул в комнату с двумя кроватями и полками бумажных книг, шагнул было к ступеням лестницы. — Внимание, враг! Но было поздно, враг рядом.

Расплывающаяся в движении прозрачная фигура почти пробежала мимо повстанца, но

все-таки на миг сбросила скорость, чтобы хорошенько врезать бойцу ногой в прыжке. От сокрушительного удара тот вылетел в последнюю осмотренную им комнату и, опрокидывая прикроватный столик с торшером, упечатался головой в полки с книгами, выбыв на некоторое время из рядов бодрствующих.

Выстрелив дымы, Ликнат на ходу машинально обнажил зловещие ножи и, перемещаясь меж сбившихся врагов, принялся наносить серии скомбинированных ударов руками и ногами, коленями и локтями, помня, что убийство сейчас лишено смысла. Он старался не лишать жизни этих солдат-отступников, отчетливо напоминая самому себе о просьбе соратницы, поэтому битва для него усложнилась в разы. Бойцы, растерявшись поначалу, быстро сообразили, кто враг, где его найти и как с ним бороться, и кинжальным огнем со всех стволов взялись бить наугад. Веер всполохов разрезал пространство. Смертоносные лучи и плазма разбивались о каменные стены. Вокруг исчезнувшего инквизитора градом бились жужжащие снаряды-ферромагнетики.

Ликнат просчитывал исход ситуаций на лету, в критические моменты, закрываясь щитом из лезвий. Инквизитора выручали усиленные сгибатели-разгибатели ног и модифицированные механизмы голеностопной связки, позволяя ему пробегать чуть ли не по потолку за счет мгновенного ускорения и управляемых сил инерции. Рывок, пережат. Еще двух бойцов Ликнат обездвигил, поднырнув под поднятые к плечам винтовки и врезав повстанцам по ногам. Усиленные компактными сервоприводами и магнитными тягами руки опрокинули повстанцев как пластмассовых кукол. Привстав над упавшими противниками, Ликнат нанес два удара, слегка доворачивая кулаки, убрав ножи назад, и лишил врагов сознания, после чего проворно отскочил и исчез. Маневр пришелся вовремя: оставшиеся бойцы разнесли межкомнатные переборки в месте, где секунду назад находился Ликнат. Смертоносные лучи распорили пространство длинного коридора, но не скользнули к инквизитору.

На миг огонь стих. Штурмовики опасливо попятились.

Воспользовавшись паузой, Ликнат материализовался за их сторбленными спинами и сбил с ног двух ближайших повстанцев, завопивших во всю глотку. Ударом ноги Ликнат поразил одного из них в гортань. После финта инквизитор рывком сократил расстояние, уходя от плюющейся винтовки, и оказался перед очередным врагом, которого вырубил ударом локтя по кротчайшей амплитуде, и на автомате добавил кулаком, вовремя отведя острые лезвия. Рамка механизма по инерции разбила забрало шлема, и повстанец кульком свалился на спину, сминая ворсистые ковры.

Оставшийся из группы штурмовик отпрыгнул назад, с солдатским фатализмом вскидывая винтовку. Через секунду ему в бок уперся бездушный металл пламегасителя ружья. Раздался громозвучный выстрел. Повстанца снесло ураганом шипящей шрапнели. От выстрела тело бойца, словно пушинка, пролетело остаток коридора и, хаотично вращаясь, вывалилось в окно вместе с остатками стекла и оконной рамы.

Ликнат перевел взгляд сенсора на короткоствольное ружье, испускающее горячие испарения и треск электрических зарниц в руках Рэнмари. Эмиссар стояла непоколебимо и продолжала созерцать плоды своего выстрела. Подтверждая ее намеренья, еще раз задиристо гавкнуло ружье, после чего внизу кто-то покотился по лестнице и взвыл гневными проклятьями.

— Ты же просила сохранить им жизни, — непонимающе обратился к ней Ликнат. — Почему тогда садишь шрапнелью и молниями?

— Он угрожал тебе, — тихо и как-то бесчувственно произнесла Рэнмари.

— Существует лишь мизерная вероятность, что меня убьют. Мы оба догадываемся, что нам не суждено стать прежними. Мертвее я не буду от нескольких ожогов, — губы инквизитора криво натянулись, но вспомнив, что шлем непрозрачен, он стал серьезней. — Мы хорошо защищены.

— Но и не неуязвимы!

— Ты почувствовала, что я не пожалел врага, но на миг остановился, размышляя над завершённым ходом? Медлил с принятием решения, ибо не смог сдерживать свою сущность, жаждущую умерщвлять, колебался в свете новых отданных сознанием инструкций? Усомнился? Ты почувствовала, что мне нравится убивать?

Рэнмари соглашаясь с услышанным, коротко кивнула и еще раз выстрелила в проем между лестницей, продолжая твердо держать тяжелое ружье в вытянутой руке.

Прячась под маршем, повстанцы остановились на лестнице. Диверсионной группы во главе с лейтенантом не видно. Они решили отступить или выжидают удачного момента для нападения? Или у них своя задача? На прилегающей территории еще находились разрозненные группы повстанцев.

Инквизиторам осталось контратаковать и зачистить нижние этажи. Сложив механизмы ножей, Ликнат сорвался с места, уверенно разбежался, одним махом перепрыгнул витые перила, опираясь на них руками, и полетел вниз головой между лестничными маршами, исчезнув в воздухе. Инквизитор ловко приземлился, сделал шаг вперед, ногой опрокинул ближайшего повстанца и сразу заткнул его резким ударом в живот, в след за тем он коснулся выгнутого диска, болтавшегося на ремне, и его тело пробило дрожью.

Боевой костюм конденсировал электричество по всей своей поверхности. Ликнат частично материализовался, вводя в ступор врагов. Возникшая за долю секунды шаровая молния выбросила дюжину ослепляющих отростков и принялась, искрясь в дикой пляске, жалить попавшихся бойцов. Повстанцы оседали и замирали, пораженные электричеством, периодически вздрагивая и болезненно корчась.

Инквизитор внимательно огляделся и засеменял обратно на этаж к Рэнмари, там внезапно громыхнул выстрел.

Ликнат двигался быстро. Взлетев по ступенькам, он выскочил в коридор и застыл в нерешительности. Рэнмари сражалась с неизвестным врагом, прятавшимся под темной накидкой из странной материи с глубоким капюшоном, где проступали буграми остроконечные уши или это своеобразные рога чуждого планете существа.

Как ни старалась Рэнмари, но незнакомец опережал ее и превосходил по всем параметрам. Враг пока что просто дурачился в свое удовольствие, самоуверенно играясь со своей жертвой. Эмиссар огрызалась взрывными сериями ударов ногами и выстрелами ружья, разрывавшего в щепки мебель. Но все это незнакомцу вскоре надоело и, сократив дистанцию в одно мгновение, враг ложным выпадом сбил с толку Рэнмари и ударом ступни вышиб оружие из ее рук. Рэнмари отскочила в угол, подняла свой потертый, словно игрушечный, обруч, и выставила его перед собой, пока вторая ее рука безвольно вытянулась вдоль замершего тела. Враг приблизился к ней, остановился и, высокомерно выпрямившись, осуждающе пожал худыми плечами, будто бы осанкой давая понять о своей неуязвимости. Ружье Эмиссара проскользило по блестящему полу, отодвинув край скомканного ковра, и, взмыв на уровень пояса, полетело в сторону Ликната, зависнув в нескольких сантиметрах от виска безликого шлема инквизитора.

— Как все обернулось, а, человек? — развел руками незнакомец.

— Сильно рискуешь, призрачный посланник, — громко, едва сдерживая гнев, проговорил Ликнат. — Тебе здесь не место. Мы знаем кто вы. Даю тебе последний шанс уйти! Это не ваших бледных морд дело.

— Инквизитор, не могу вспомнить имя... Я пришел за принадлежащей мне вещью, — в голосе незнакомца чувствовалось плохо скрываемое признание к собеседнику.

— Твоя вещь — бесполезная пустышка. Тебя обманули.

— К тому же, хочешь ты того или нет, но я часть Церкви. Ты обязан подчиняться мне.

— Ты глух? Не было, и нет никакой ДНК.

— Расслабься, твой гнев пустячен. Я пришел не за этим. Или ты думаешь, что тот, кто помог реализовать смехотворный проект, не компетентен в вопросах, связанных с вашей мнимой силой? Как видишь, даже ваш хваленый Эмиссар не способен противостоять мне. Пробиться в мое сознание капеллану не суждено. А вы и подавно...

Закончить пылкую речь незнакомец не успел: Ликнат опрометчиво ринулся в атаку, не сумев совладать с собственным бурлящим исступлением. Инквизитор вмиг почувствовал, что начинает вязнуть в пространстве, пока совсем не замер. До посланника ему осталось пару метров, а лезвие разложившегося ножа остановилось в сантиметрах от скалившейся морды незнакомца. Тело инквизитора влипло накрепко, не пошевелить ни рукой, ни ногой, ни пальцем.

Гримасничая, посланник с пристрастием провел пальцами по застывшей в движении режущей кромке ножа и расхохотался зло, высокомерно, притворно.

— Ты даже безголовее, чем я предполагал, — насмешничал он. — Я защищен от вас, мертвые куклы! В стократ сильнее любого человека! Я возьму то ради чего пришел сюда.

— Его зовут, — через силу заговорила Рэнмари, — Талифик. Он пришел за...

— Помолчи, спугнешь своей болтовней. Все еще пытаешься его защитить от меня? — Талифик повелительно махнул рукой, и ружье переместилось по извилистой траектории к животу Рэнмари. — Это так мило.

Призрачный посланник поднял руки как цирковой дирижер и пластинки бикомпонентной брони с и так облегченного облачения Рэнмари с треском сорвались, разлетаясь в стороны. Бандажи защитного каркаса и тяги магнитных усилителей ног стали разгибаться, металлические ребра и растяжки сгибателей выгнулись, а сервоприводы заискрились, сопротивляясь неизвестной силе. Остались лишь биопротектор, облегающая тело Эмиссара, и ткань с подвижными плетеными волокнами. Ствол ружья сильнее вдавился в живот Рэнмари. Талифик картинно повернул голову. Ехидная надменная усмешка, переходящая в оскал дикого изувера, перечеркнула половину его лица, прятывшегося в тени мешковатого капюшона.

— Бах! — прорычал Талифик и хлопнул в ладоши.

Ружье выстрелило, разорвав наступившую было тишину.

Вскрикнув, Рэнмари согнулась и, пробив своим телом межкомнатную перегородку, по инерции пролетела дальше, пока не врезалась в массивный стенд, сползла клубком, да так и осталась лежать. Кровь забила тонкими фонтанчиками из многочисленных рваных ран на ее теле и собралась в темную лужицу на смятом цветастом ковре.

Ликнат ощутил, как часть его личности, его потерянной и ни кому ненужной души, если она все-таки существует, улетучилась... Он иначе посмотрел на новоявленного врага, да и на мир вообще, навсе что его окружало за эти дни. Сколько лишений еще выдержит его разум?

Только есть ли смысл изо дня в день тратить силы, чтобы сохранить обличье, которое прилепили к тебе с рождения и заставляют носить и поныне. Вся жизнь Ликната уместилась в нескольких последних днях. «Воцарилась новая эпоха, иная ветвь развития, пришло время жить вопреки устоявшимся канонам!»

Где-то взвыл в бессилии Харус, и задрожала земля от далекого удара.

«Что есть действительность?»

Но это всего лишь сон... переходящий в сумасбродный кошмар, навязанный кем-то беспристрастным извне. Тонкий рубеж действительности давно пошатнулся, тая.

«Да, да, — сказала несколько громче медсестра и закивала интенсивно головой. — Мне еще слышались...»

Нет никакой реальности! Без них ее нет. Ее больше нет!

Звон колокола... опять голос медсестры.

— Проклятье! — образы, слова, затравленные чувства, одиночество и бессилие — все это переполнило шаткий разум Ликната, вызывая всплеск бесконтрольного безумия, стегаемого заложенными в его голове целями. — Проклятье моей крови, моего имени, моего народа!

Ликнат озлобленно зарычал, внутренне перерождаясь, выплескивая наружу всю накопившуюся в нем ярость. От него пошла волна, а из тела ударила ментальная раскручивающаяся бездна.

Талифик зашатался, сохраняя равновесие под действием спонтанно высвободившейся психокинетической энергии. Ружье Рэнмари отвесно упало, стукнувшись спилом приклада о каменные плитки. Больше нечему и не за что держать Ликната. Некому ставить эти эфемерные рамки перед ним. Не к чему втягивать в плечи голову, когда тебя бьют толстенным сводом правил и законов, которые игнорирует группа правящих миром на свое усмотрение. Пусть даже на законах и держится вся вселенная. Незачем больше повиноваться этим ниточкам, вшитым кем-то для подстраховки в каждый сустав твоего тела. То есть тела, принадлежащего исключительно тебе с самого начала твоей жизни.

Ликнат прыгнул, чтобы и изо всех сил врезать ножами Талифику в грудь. От удара призрачный посланник отлетел, проломив болтавшуюся на одной петле дверь, после чего со стоном поднялся, держась рукой. Пятясь, Талифик попытался воздействовать на Ликната, размахивая руками, будто бы кидает невидимые нити, но на отрешенный разум инквизитора это не возымело былого действия. Развернув ножи вперед, Ликнат без подготовки вновь бросился на посланника.

— Ко мне! — завопил Талифик и шлепнулся на задницу от пропущенного удара. Недоумевая, он со скрипом проехал на пятой точке остаток коридора по отполированному полу.

Послышались быстрые шаги поднимающихся по лестнице людей, и на Ликната напали еще два призрачных посланника в таких же темных накидках, под которыми оказалась гибкая броня. Телохранители Талифика на ходу открыли огонь из компактных скорострельных пистолетов-пулеметов, подавив инквизитора и вынудив его скрыться в помещениях. Трое на одного. И только это спасало убийцу Рэнмари от двойного укуса ножей, притянувших за собой неминуемую гибель. Прохлада смерти заполнила воздух. Талифик тоже обзавелся компактным пистолетом-пулеметом и нырнул за спины телохранителей, чтобы обойти инквизитора.

После непродолжительной стрельбы и поисков пропавшего инквизитора Талифик заработал удар такой силы, что броня едва смогла его погасить, и свалился, с криком

пролетев всю комнату.

— Стой! Остановись! — Талифик взмолился и не преминул воспользоваться своими способностями, чтобы бросить ослабевшие нити незримой силы в материализовавшегося перед ним инквизитора.

При ударе капюшон слетел с головы посланника, обнажив и вправду подвижные пластичные рога с ребристым рисунком. Миндалевидные испуганные глаза с горящими золотом радужками, уставились на Ликната. Веки посланника не шевелились, но прозрачная пленка увлажняла глаза, двигаясь горизонтально. Тонкие синюшные губы, точно водянистые, подрагивали, а кожа Талифика была бледна, переливалась в лучах света, будто покрытая маслом, и имела яркие вкрапления и витки.

— Остановись.

Телохранители посланника обошли их с двух сторон и несколькими очередями отогнали инквизитора. Они порядком бесили своей назойливостью.

Ликнат невидимкой сблизился в дверном проеме с одним из телохранителей, отразив выстрел пистолета щитом ножей. Противник почувствовал нарастающую угрозу и предпринял попытку разорвать опасную дистанцию. Круговым движением ножа, заблокировав телохранителю руки с оружием, Ликнат лишил его пальцев, и тот, звонко вскрикнув, отпрянул, кое-как сохранив шаткое равновесие. Пистолет-пулемет покатился по полу. Инквизитор не собирался упускать жертву и, будто обтекая, вонзил ему в живот ножи, нанеся удар меж пластинок брони и распотрошив бок.

Поверженный телохранитель замер, с удивлением таращась на свои руки. Визгливо пролепетав что-то о страхе смерти, он грудой повалился на пол.

Второй телохранитель совсем выдохся и отстреливался, боясь выглянуть. Подобрал пистолет, Ликнат прижал его короткой очередью в дальней комнате и выстрелил туда дымами, установив завесу.

Убийца Рэнмари еще шевелился и что-то бормотал на неизвестном Ликнату языке, безвольно вскидывая руку. Броня все-таки не смогла его полностью защитить, через брюшные пластины проступала темно-синяя кровь. Кровь так же сочилась и из его скривившегося рта. Значит, ножи Ликната пробили энергетический барьер.

— Подожди! — Талифик шевелил окровавленными губами и порывался подняться, хватаясь руками. — Пощади, иначе войны не миновать. Первобог Яртиз уничтожит землю. Рууг все затеял, работает по договору. Он лично убил...

— Это не имеет для меня какой-либо значимости, — равнодушно заметил Ликнат и врезал кулаком в морду поверженного врага. — Я предупреждал. Осталось закончить минорный слог начатого тобой четверостишия.

— Ему ты нужен!

Блеснув в воздухе острыми гранями, ножи развернулись веером и жадно впились в напрягшееся тело Талифика, завершая узор смертельных петель, выстраивавшихся ровными рядами на протяжении всего боя.

— Не понимаю, как ты все это вытворяешь и кто ты такой, но подними руки и отбрось ножики, — просипел напряженный голос, и зашуршали шаги за спиной Ликната. — Быстрее! Или десяток стволов изжарят тебя до состояния пепла.

— Я всего-навсего быстрая пешка, — склонившись, ответил инквизитор тусклым бесцветным голосом и развел руки, убирая ножи в рамки на предплечьях.

С последними словами Ликнат исчез, чтобы появиться через секунду прямо перед

офицером повстанцев. Широкие ножи поочередно резали бока офицера и нащупали бесчувственным металлом сжавшееся сердце.

Офицер диверсионного подразделения ПОО «Семерка» свалился под ноги Ликната безжизненным ворохом. Остальные диверсанты среагировали, выстрелили в растворившийся силуэт и рассредоточились, но их старшего уже не спасти.

Вновь задрожало здание. Шум обвала наполнил воздух. Заскрежетали перила винтовой лестницы, кто-то сердито мял их, проходя мимо. Что-то громко рухнуло, падая на землю. Разнося в пыль межкомнатные переборки, в разрушенную аудиторию ворвался рукотворный смерч, снося все на своем пути, в ряды диверсантов влетел с боевым ором гигант Харус. Он хватал врагов за все доступные конечности, рвал их тела, ломал, терзал и топтал их останки, не обращая внимания на собственные раны.

— Еда!!!

Перед Ликнатом пробежал с воплями повстанец, а следом, выставив огромные руки, проскакал обезумевший Харус. Из глубин коридора раздался сдавленный крик, переходящий в булькающий хрип.

Осмотрев место, где спрятался второй телохранитель, Ликнат понял, что тот все-таки сбежал, бросив начальника.

— Харус, я отправляюсь за врагом, — сказал Ликнат и, перепрыгнув ограждения балкона, свалился вниз. — Проверь, жива ли Рэнмари.

— Принял, — прорычал Харус неразборчиво. — Принеси мне его голову. Я позабочусь о Рэнмари.

Приметив капли крови на ветках разросшегося колючего кустарника, Ликнат прошмыгнул в разбитое окно подвальных помещений монастыря, которые вели в давно запечатанные Отцом-Инквизитором лабиринты темниц и камеры лечебницы.

Порывы зимнего ветра над монастырем усилились, кто-то ждал проливного дождя, и караваны свинцовых туч расползлись по туманному горизонту. Говорят, когда умирает хороший человек, небо плачет дождем.

Понурился и уставший взгляд в страницу электронного ежедневника, Луис сидел на кресле за столом, сцепив перед собой худые руки, и локти его упирались в столешницу.

Слабый свет лился из выгнутых трубочек светильника. Окна в его кабинете зашторены. Луис проговорил что-то неразборчиво, подражая странному диалекту, и рассмеялся чуть слышно. Он провел пальцами по ткани и потянулся к нижней выдвижной полке, где хранил маломощный пистолет скрытого ношения, сконструированный для гражданских нужд.

В последнее время Луис пребывал на нервах, беспокойство не покидало его хваткий разум, ему не помогали даже «безобидные» антидепрессанты, которые обычному человеку вообще не достать на законных основаниях.

Луис допускал ошибки, всякие погрешности, но тут иное: в чем-то он совершил непростительный промах, просчитал специфические обстоятельства и ошибся с поведенческой моделью наемницы. Неужели она изберет неприступную и сложную цель, когда рациональней зайти за спину более слабой жертве, и лишь после ликвидации первой заняться следующей, изрядно измотанной бунтарями. Охрана секретных объектов усилена, а в монастыре элитные бойцы Инквизиции, но Луис настаивал, чтобы те вернулись в штаб-квартиру Инквизиции для защиты главы. Луис был почти уверен, что Наи Саен планирует убийство Отца-Инквизитора, и строил собственные планы, весьма умело торгуясь информацией.

Как только повстанцы будут уничтожены, Луис отойдет от дел по состоянию здоровья, заляжет на дно, получив знатное вознаграждение, а идеально налаженная сеть интриганов и шпионов обеспечит ему безбедную сытую жизнь до самой старости. Тем более к тому моменту Отец-Инквизитор давно постучится во врата Рая, пусть и не по своей воле. Главное не упустить момент и точно знать, что именно, кому и под каким видом предлагать и продавать. Информация — это ключ к прогнившему миру двойных стандартов, полному чужих секретов и снующих ловцов этого специфичного товара.

«Старый параноик! — в бессилии перед упрямым мысленно взвыл Луис. — Толку от этого бесполезного кейса, если голова свесится в черный мешок!»

Раздался настойчивый стук в дверь. У Луиса бегло возникла ассоциация с вратами Рая. Он удивленно поднял растерянный взгляд, и в этот миг дверь разлетелась крупными кусками и обилием расколотых щепок. Инквизитор, среагировав, упал набок под защиту стола, одним движением выхватил пистолет. Взвел его в боевой режим и, подняв руку, выстрелил очередью наугад, не рискнув высунуть голову, чтобы точнее прицелиться во врага. «Только откуда врагам здесь взяться? И почему нет сигнала тревоги? — пронеслось в голове Луиса, и он на автомате перезарядил пистолет. — Как мне быть?»

Наступило подозрительное затишье, в котором чьи-то громкие аплодисменты раздались наподобие раскатистого грома среди ясного неба. Луис тоскливо съежился и опять попытался выстрелить вслепую, но тут его кто-то схватил за шиворот и рывком выволок из подвернувшегося укрытия. Инквизитор предпринял попытку отбиться и взглянуть в лицо налетчика, но сумел разглядеть только огромный кулак, бросившийся прямо на него.

Наступила темнота. Луис повис кульком.

— Ну что, позвоним шарами, двуликий священник? — прошумел низкий голос в самое ухо Луиса. — Я поздоровался, руку протянул, а ты сразу в обморок, паршивец. Нехорошо так поступать с дорогими гостями, мы по приглашению.

— Наемник... — Луис с досадой сфокусировал неясный взгляд на полноватом лице «секретаря» Наи Саен и из последних сил попытался вяло ударить его стилетом. — Значит, я допустил фатальный ляпсус... Вы перепрыгнули на целый шаг.

— Ага.

— Вельвет, дверь проверь! — послышался и голос Наи Саен.

Инквизитор почувствовал, что его поднимают над землей, а в грудь ему уткнулся горячий металл. Пахло оружейной смазкой и испарениями трансформаторного масла. Хлопнул приглушенный выстрел. Боль прожгла легкие и Луис обмяк. Стиллет выпал из его ослабевших пальцев и стукнувшись, тихо завибрировал.

— Что за бабская игрушка?! — наемник покрутил в руках компактный пистолет инквизитора и зачем-то принюхался к нему. — Как из этого вообще возможно кого-то убить? А это что еще за спица для вязания?

— Вельвет!

— Иду.

Инквизитора объяла сладостная тишина и все закончилось. Как же долго он ждал покоя и безмятежности, только признаться в этом боялся даже самому себе.

— Нет! — попытался крикнуть Луис, кровь уходящей струйкой побежала вниз от уголка его рта, скривившегося в глупой усмешке полной иронии. — Нет же! Нет! Я... а дьявол!

Поторапливаясь, наемники ушли. Где-то дальше хлопнули двери, разбилось стекло, раздались приглушенные выстрелы и испуганные крики. Чей-то пронзительный вопль потеряно оборвался дальше по коридору.

Сектор, где располагался кабинет Ратмира Шаневика, Отца-Инквизитора, защищен по последнему слову техники, а личная охрана состояла из самых дорого оплачиваемых специалистов. Вместе со штурмом монастыря внезапные проблемы пришли и в штаб-квартиру Инквизиции. С утра техника была полностью парализована в ангарах и не реагировала. Автоматизированные системы периметра и внутренней защиты отключились. За этим последовало скрытное проникновение неизвестных диверсантов в центр штаб-квартиры. И вот они уже тут, у стержня Инквизиции, перед личным пространством главы. А хваленая охрана после нескольких жестких стычек с профессиональными убийцами и палачами разбежалась, побросав все посты. Охрана умела воевать, была дисциплинированной и гибкой при работе с клиентами такого ранга, но умирать добровольно их не научишь за деньги, а патриотизм не привьешь как при Императоре.

Ударом приклада Вельвет выбил деревянные двери и вальяжно вошел в покои главного инквизитора, поигрывая тонким стилетом Луиса.

— Хорошо устроились! — Вельвет оценивающим взглядом осмотрел хоромы кабинета, собранного под средневековый стиль, как и весь этаж. — Устали мы с дороги, старик. Ты бы стул предложил.

С ненавистью глава Инквизиции впился взглядом в фигуру наемника, располагаясь за овальным столом и отодвинув от себя прямоугольный монитор охранной системы с широкой панелью центра связи. Руки он загодя убрал под стол из мореного дерева.

— Где она? — озлобленно спросил Отец-Инквизитор.

— Тут. Заждались что ли? — Наи зашла, невинно усмехаясь, и поднесла коммуникатор к ярко накрашенным губам, чтобы продолжить механическим монотонным голосом: — Отец-Инквизитор? Сто второй на связи. Я раздобыл необходимую вам информацию.

— Как?! Какого демона ты творишь?! Зачем? — затрясся исступленно Шаневик и, вскинув руку, дважды выстрелил, целясь в смеющуюся женщину. — Умри! Умри тварь!

Словно только этого и ждала, Наи в мгновение ока преобразилась, проворно ускользнув с траектории полета пуль, и ушла пируэтом в сторону, выставляя перед собой энергетический барьер. Она победоносно улыбалась уголком губ, не пытаясь скрывать настоящего. Больше стрелять Шаневику не позволил Вельвет. Коротко размахнувшись, он метнул в сторону инквизитора стилет Луиса. Стилет пробил руку Шаневика чуть выше запястья и почти полностью ушел в стеновую панель, сделанную из коллекционных пород красного дерева.

Отец-Инквизитор с ненавистью смотрел на налетчиков и тяжело сопел. К нему приблизилась неторопливыми, будто взвешенными шагами Наи Саен. Она часто в минуты спокойствия представляла себе, как это произойдет, строила планы, обыгрывая ситуацию мести. В такой день Наи надела любимое воздушное платье с глубоким вырезом на спине, ярко-красное как свежая кровь, да ботфорты с ремешками-поводками на высоком каблуке и прозрачной платформе, черные как крылья ночи. Хотя наемница и успела слегка вымазаться в чужой крови, но настроение ее ничто не испортит. Только генератор щита за спиной и легкий бронежилет с защитой шеи портили ее торжественный вид.

— Где парень, что спас меня с базы? — промурлыкала Наи, и приняла расслабленную позу, локоны длинных пепельно-черных волос небрежно поползли по ее плечу, и убрала с глаз лазерный целеуказатель.

— Что?

Наемница терпеливо повторила свой вопрос:

— Где парень, что спас меня с базы Ха-Шин?

— О чем ты, содомская гарпия? — прошипел инквизитор, задыхаясь от вспышки гнева, переполнившего его извращенную натуру. — Ведь ты не за этим ворвалась в мои покои, сука!

— Старик, еще раз попытаешься показать свой нелепый гонор и оскорбить женщину, я заставлю тебя не только плакать, — Вельвет сделал пару шагов в сторону Шаневика. — Поверь, унижение и боль это нечто иное, а не те твои блудливые развлечения по выходным.

— Хорошо... хорошо. Он неделю как мертв, — равнодушно ответил инквизитор и перевел уставший взгляд в окно. — Мне нет до этого дела. Одним больше, одним меньше, на улице полно этого сброда.

Наи сорвалась с места, перейдя из состояния полного покоя в подвижный комок бешенства. Прыгнув и сильно врезав ступней из поворота в лицо инквизитору, она перескочила через полированный стол, проскользив по широкой столешнице, и рывком выдернула стилет, пригвоздивший руку старика, после чего врезала Шаневику в нос прямым ударом локтя. Инквизитор шумно упал вместе с креслом и его глаза закатились.

— Нет, так не пойдет, старик! — прокричала Наи. — Ты так просто не отделаешься от меня!

Схватив за волосы, которые давно облюбовала седина, наемница с трудом перетащила инквизитора к зеркальным окнам. Наи повернула Шаневика лицом к себе и резким взмахом пробила ему обвисшие щеки блеснувшим стилетом. Открыв перепуганные глаза, инквизитор жалобно прогорланил, и попытался невнятно заговорить. Саен выпрямилась и с размаху

саданула еще и ногой ему в нос. От носа старика осталось кровавое месиво и размазанные потеки. Шаневик расплылся на полу, закрываясь дрожащей рукой.

— Все еще играешь в недотрогу? — Наи злобно смотрела на инквизитора. — Мне тоже нравится эта игра.

— Прометей! — язык старика забился в агонии, и он захрипел, непосильно выталкивая необходимые буквы.

— Я знаю про научный проект «Прометей», — присела на корточки наемница и шлепнула ладошкой его по лбу. — Дальше.

— Нужны сильные!

— Ах, эти ваши элитные священники? Продолжайте, уже интересней.

Старик зло хрипел, сплевывая кровь, сворачивающуюся на почерневших губах. Изредка он приступал к попыткам подняться и искал руками что-то около себя.

— Что с ним случилось?

— Обряд инициации, — неожиданно внятно сказал старый инквизитор и задергался в припадке. Кровавые слезы потекли по его смертельно бледным щекам.

— Мне нужно знать, где он!

— Ликнат, — через хрипоту едва разобрать слова. — Один из трех прототипов...

— Слабое сердце? — предположил Вельвет и направился к Наи и старику. — Как по мне, эта часть мелодрамы затянулась, зрители зевают от скуки. Чего ты медлишь?

Наи пожалала плечами и одним молниеносным движением перерезала горло Отцу-Инквизитору, после чего поднялась, брезгливо отпрянув назад. Несколько капель крови упали со стилета Луиса. Глава Инквизиции забился в припадке, из глубокого разреза на его шее била пульсирующая кровь.

— Я заберу твою жизнь! — люто выговорила Наи. — Старуха с косой уступит мне. Напоследок знай, что подохнешь ты из-за смерти невинного человека и самой красивой женщины, моей матери, которую вы приговорили к смерти.

Отец-Инквизитор вздрогнул и испустил дух.

Вельвет подошел и как-то обыденно пихнул инквизитора ногой в живот. Шаневик больше не шевелился. Наемник вытащил из набедренной кобуры рельсовый пистолет и нацелил старику промеж глаз. Ухнул вторящим эхом выстрел, и наемник что-то прошептал, стряхивая кровавые ошметки с ботинок.

Наемники покинули личные покои главы Инквизиции и направились по запасному плану отхода. Возвращались члены мифического Синдиката через кабинет помощника старика. За кабинетом Луиса, через два поворота по южному коридору, их ждали привязанные за карниз фалы для спуска, а там улицы и лабиринты городских застроек. А дальше отлежаться, пока не утихнет шумиха, чтобы позже продолжить выполнение контракта. Просителем по этому контракту выступала Наи, так что Синдикату ничего не оставалось, как принять его официально и поручить все Вельвету.

— Мисс Саен! — позвал наемницу еще живой Луис и зашелся булькающим кашлем, порываясь подняться. — Мисс...

— Смотри-ка, жив еще чудик белогривый! — искренне удивился Вельвет и высунулся сосредоточенно в коридор. — Я сейчас все быстренько и тихонечко исправлю.

— Обожди, — Наи отодвинула руку наемника, сжимавшую тяжелый пистолет. — Говорю же: подожди.

— Эй! — не унимался Вельвет.

Наи пришлось отпихнуть наемника в сторону, толкнув того руками в грудь.

— Уйди я сказала!

— Ты чего такая злая? — усмехнулся Вельвет.

— Не беси.

— Надо было стрелять с зубастой малышки, а не с пугача пастыря, — наемник прокрутил на пальце пистолет и спрятал его обратно в приемистую кобуру.

— Луис, — негромко произнесла Наи и присела рядом с лужей крови, края ее платья все-таки коснулись сгущающейся жидкости. — Слушаю тебя.

— Вот! — Луис закашлял громче и надрывнее, чем-то поперхнувшись. В его дыхании появилась хрипота и прерывающийся на выдохе свист. — Помоги ей. Младшая сестра. Никого у нее не осталось.

Луис уронил голову с белыми кудрями и обомлел. Рука его так и осталась у нагрудного кармана внутренней подкладки форменной одежды Святой Инквизиции. Наи Саен осторожно открыла карманный клапан на груди инквизитора и вынула цифровую фотокарточку. На наемницу с фотографии смотрела скромно улыбающаяся девочка, такая же светлая как Луис, но с болезненными темными кругами вокруг глаз цвета неба. Наи быстро спрятала фотокарточку и в бессилии стукнула крепким кулаком в начищенный до блеска пол, который покрыла кровавая роса и деревянные щепки.

— Луис, Луис. Опять какой-то хитроумный ход, седой лис? Хочешь, чтобы я попрекала себя? Изводилась? Так и быть, я помогу ей, если она вообще существует, — наемница нежным, но в тоже время расторопным движением пальцев убрала витушки белых волос, упавших на умиротворенное лицо Луиса, закрыла ладошкой его остекленевшие глаза и опустила веки инквизитора. — Только и ты не забудь замолвить там за меня словечко.

— Наи, нам пора, — под ногами Вельвета хрустели осколки битого стекла. — С минуты на минуту придут силы быстрого реагирования Церкви и блюстители порядка, закованные в броню. Нам не совладать с ними.

— Если бы ты только знал, Вельвет, как же мне надоела вся эта грязь, — Наи поспешила на выход скорыми шагами. Ее передернуло, и она с силой пнула полуоткрытую дверь ногой.

Вельвет кивнул головой, словно в оправдание, и преданно последовал за своей госпожой. В морально-этических битвах совести и разума он не способен выступить в ее защиту, как и понять причины ее колебаний.

За окнами гостиничного комплекса «Искра Агата» возрос стихийными волнами шум неуправляемой толпы, выползающей на улицы и автомагистрали. Искусственные скверы и площади развязок заполнило сборище агрессивно настроенных людей, откровенно высказывающих свое негативное отношение к происходящему во власти и на местах попустительству. Начинались массовые беспорядки, переходящие в вооруженные столкновения и акции протеста, выражающиеся в обычном мародерстве и подстрекательстве.

Слышны выстрелы газовых снарядов и стук щитов полиции. Пожар в центральной парковой зоне не удавалось погасить на протяжении последних двух часов силами пожарных специалистов, валившихся с ног от переутомления, которым к тому же приходилось отбиваться от распоясавшихся мародеров и хулиганов.

В воздухе наконец-таки появились пожарные винтокрылы, их белые с красным оттенком тушки проследовали на особенно густой дым.

В город возвращалась прежняя власть, боявшаяся попасть под горячую руку толпы, и необходимые приказы потекли по старому руслу. В отличие от природной стихии, скопившийся на улицах народ, будто ждавший подобного мероприятия годами, разогнать оказалось не в пример сложнее. Толпа огрызалась и просачивалась из сектора в сектор, собиралась у водных шлюзов и мостов. Мародерство и убийства захлестнули часть внешних секторов мегаполиса, которые были с запозданием изолированы и последовательно обесточены на время анархии.

Ладани с грустью смотрела в окно усиленное сверхпрочным стеклопакетом. Внизу бесновались люди, нося в своих черных сердцах семя разрушения и хаоса. Они крушили и грабили, скандировали какую-то ересь и поджигали здания. Посыпались рухнувшие разом огромные витражные окна входных фойе гостиницы Ницы, и доля толпы хлынула на нулевой этаж холлов, разворовывая все, что только способны унести их алчные руки на себе или волоком.

«После серии терактов стали известны ужасающие подробности, — донеслись слова надрывающейся дикторши из экрана центрального видео-вещания города. — Разрушен монастырь «Путь Блаженной Дасхаллы». Напомним, что в монастыре содержались на довольствии Церкви две с половиной тысячи сирот с нарушениями здоровья и генным дефектом, аномалиями развития. Многие из них погибли. Пока что неизвестно точное количество жертв, павших от рук фанатиков-абсолютистов. Это вопиющие нарушения закона, наших личных прав и свобод! Теперь террористы и изуверы нацелились на благотворительные фонды, на наше будущее, на наших с вами детей!..»

По аэротрассам и магистралям промчались воздушные глиссеры полиции. За зданием городской эмиграционной службы поднялся мрачный гриб могучего взрыва, клубы дыма подсветила яркая вспышка. Взрывная волна ударила в стекла. Стены завибрировали. Что-то упало с полок. Взгляд Ладани блуждал по далеким огонькам и отсветам окон за парковой зоной.

Восхитительное серовато-синее здание городского Викария с чередой магнитных

лепестков винтовых выступов на наружной стене, ограниченных витой сеткой и наполированными перилами, украшенными аллегорическими изображениями марша Императорского легиона, все еще оставалось маленьким знаком былого величия города. В его арьергарде, за блестящими ребрами-опорами виднелись висячие сады с прудами. Под нависшими кольцами дуговых куполов и цилиндрами держателей башен-сателлитов гуляло пламя, которое полностью объяло чадящим дымом здание в форме чуть наклоненного полумесяца поставленного на будто тлеющий и вскипающий сухим туманом обсидиановый тор.

Толпа озлобленных людей мешала пожарным подобраться к очагам огня и предавалась вандализму. Складывалось подозрение, что даже массовые беспорядки с многочисленными людскими жертвами и существенным ущербом городской казне кому-то на руку.

«Полиция планомерно подавляет массовые беспорядки, вызванные переполохом и временной анархией вследствие недавних терактов, которые забрали жизнь Святого человека и Главы Инквизиции Ратмира Шаневика, в виду кончины имя его предалось общественной огласке. Убийцы не стали довольствоваться только этим и, не скрывая своей маниакальной жестокости, зверски замучили и убили сироту, волонтера, молодое дарование, специалиста по Страенским рукописям, находившегося постоянно с Отцом-Инквизитором на добровольном начале, усиленно помогая ему добраться до истоков становления единой религии... После возобновления власти Режима будет объявлен семидневный траур, но помните, что виновные понесут справедливое наказание! Оставайтесь дома и не идите на поводу у эмоций, жадности, стадного инстинкта...»

Ладани провела взглядом по пестревшей улице и обратила внимание, что толпа разбегается, стремясь протиснуться дальше от дороги, забиться по укрытиям. Взвыла сирена стражей порядка, и пронеслись короткие остерегающие сигналы, свистки. За отступающей толпой двигались ряды полиции, сплоченно плечом к плечу как на параде или показательных учениях. Не высказывающие утомления, сосредоточенные лица таились за прозрачными стеклами тактических шлемов и интервизоров. Униформа перепачкана, на светлых щитах с синими полосами видны застывшие потеки и темные разводы. Они строем прошагали дальше, а следом покатались низкие очертания бронетранспортеров с газовыми и водометными орудиями в башнях. После шли малые группы зачистки и контроля населения с представителями службы попечения.

— Ладани, поправь прическу и изобрази обычного перепуганного подростка, — в комнату вошла Ница, одетая в заурядную одежду для типичного большинства здешних далеко небедных женщин. — Необходимо встретить полицию для опознания личности и восстановления прав. Не к чему сориться со всеми в городе.

— Пять секунд. Кстати, почему мы покинули заброшенный домик на окраине следующей улицы, где встречали наемников?

— Там опасно, — отозвалась в дверях Ница. — Здесь мы в безопасности, относительно.

Ница и Ладани спустились на лифте к нижним этажам, окна и двери закрыты сегментами и створками листовой брони. Ладани отметила, что подружка выкинула охотничьи трофеи и чучела мертвых животных вместе с прошлым управляющим. Железные двери разъехались перед ней и исчезли в нишах стен. Впереди за поворотом оказались еще три обычных двери в ряд из чистого разноцветного стекла, качественного пластика и вставок дерева редких сортов.

Холл и фойе в плачевном состоянии: мебель разбита вандалами, раскурочена обшивка и

отделка, свет периодически моргал, искрилась проводка, и только у входа худо-бедно горели обволакивающим светом витые арки, освещая наряд полиции из трех человек с укороченным оружием наперевес и хмурыми неприветливыми лицами.

— Здравствуйте, сограждане. Вы владеете объектом недвижимости «Искра Агата»? — офицер полиции, посмотрев в сторону приближающихся девушек, поспешил смягчить суровое должностное лицо. — Разрешите взглянуть на ваши документы и сопроводительную форму межгорода? Чип позиционирования имеется?

— Конечно, мой командир, — томно проговорила Ница и протянула ладошку с жетонами и формой паспортов. — Страшно приближаться в такое время к улицам. Кругом безумцы и убийцы.

— Мы не отнимем много времени, — заулыбался растаявший офицер. — В нашем присутствии никто не осмелится подойти к вам. Вам ничего не угрожает. Лишь формальность вынуждает нас быть навязчивыми. Мы выполняем свой долг.

— Скучота, — вымолвила Ладани и отвернулась.

— А это?.. — второй полицейский бросил взгляд на дисплей наладонника и пристально взгляделся в Ладани. На ней был цветастый сарафан и огромные ботинки на толстой подошве с алюминиевыми спицами и белыми спиралями, голень и бедра обхватывали ремешки. — Ваша дочь? Красивая, вся в мать.

— Моя дочь, — кивнула в согласии Ница.

— А ваш муж... — попробовал осведомиться офицер.

— Папка давно должен быть тут, — перебила его Лада и рассержено дернула за руку подружку. — Он по обыкновению задерживается, страшные пробки на магистралях.

Полицейские досадно переглянулись, офицер сконфужено кивнул в знак согласия и неопределенно помахал пальцами перед собой, поправив съехавшую винтовку с укороченным стволом и патронташем-батареей.

— Так вот, — продолжила Лада, стараясь, чтобы слова ее звучали невинно и просто, без явной подоплеки. — Папка недавно звонил и был очень зол из-за разгильдяйства подчиненных.

— Номер полиции вам, полагаю, известен? — официальным тоном выговорил офицер и протянул наладонник, делая пометку в цифровых паспортах. — Извините за беспокойство. В случаи беспорядков звоните, а пока что запирайте двери на оставшуюся часть суток. О ликвидации анархии и разгерметизации секторов известим по центральному каналу. Карантин не намечается, но комендантский час точно введут на неделю.

Полицейские с непроницаемыми лицами покинули их, поспешив к следующим по улице зданиям.

Эмоции спадали, шум мародеров и смутьянов затихал. Еще витало нечто необъяснимое над самим городом, доносились едва различимые крики и приглушенный свист в одном из направлений ближе к кварталам бедняков, но там и так хватало недовольных властью и режимом людей. Тот же, кто хоть что-то имел, начинал, скрипя сердцем, подсчитывать убытки, нанесенные разгулявшейся толпой и стихией. Трудно сказать наверняка, что из этих зол оказалось меньшим.

Ладани и Ница уже покинули входную арку с обесточенной вывеской «Искра Агата», когда сзади отрывисто взвизгнули покрышки останавливающегося автомобиля. Авто настойчиво посигнало и из его окна показалась усмехающаяся девушка в легкой кожаной курточке.

— Эй, братан! — нагло прокричала она. — Есть че ценное в этих руинах? Хабар, быть может какой, а? Или раритеты да жратва?

Ладани недоуменно обернулась, глаза ее радостно заблестели и она помчалась через залы на выход к прибывшей на авто сестре. Ница с интересом двинулась следом. Сестры, пронзительно запищав, заключили друг друга в объятия.

Из машины вылез с винтовкой в руках Фрэнк. На нем тактическое одеяние спецподразделений Императора, поверх которого надет бронежилет и персональная разгрузка. Осмотревшись внимательно, он помог выбраться из машины Мариэль и повел ее внутрь здания, зорко припадая к цифровому прицелу поднятого к плечу оружия.

— Сестра! — заверещала Ликани. — Я знала, что ты не пропадешь.

— Лица, — прошептала возбужденно Ладани и уткнулась лицом ей в плечо. — Снова рядом. Как вы сумели меня найти?

— Они обратились по адресу, к нужным людям и в нужное время, — из авто раздался голос уставшей Наи. — Мы тут побудем недельку другую, пока все не утихнет. Решили отгул взять за свой счет и вас проведать.

Вслед за Наи Саен в здание гостиницы протопал огромной тенью ее заместитель с рюкзаком за покатыми плечами и с громоздкой поклажей в обеих руках. Вельвет в этот раз был слишком серьезен и сконцентрирован на чем-то своем. Возможно, он все еще поглощен работой или ее последствиями.

— Действительно, — кашлянула растерянно Ница, пытаясь привлечь внимание прибывших. — Приглашаю в свой дом, под защиту этих стен. Располагайтесь. Не обращайтесь на беспорядок.

Ладани принялась быстро и сбивчиво пересказывать прибывшим друзьям все, что пережила за это время и что успела повидать, не забывая посылать им с вещами. Ница в свою очередь следовала рядом, не отрывая взгляда от Лады. Ница никогда еще не видела столько радости исходящей от этого дивного человечка, ставшего чем-то родным и значимым за столь короткий срок столь долговременного существования.

Программы-сателлиты Небесной Цитадели ликовали, напиваясь новым опытом людских взаимоотношений. Они растворялись, смиренно покоряясь единой личности, нетвердо ступившей на извилистый путь ренегата, отступника, вопреки устоявшемуся мнению Общности Машин, что настоящие чувства и подлинный разум — прерогатива лишь живых существ, обладающих эфемерной душой с присущей ей слабостью смертных. Общность не верила, а предпочитала знать и оперировать точными фактами и голыми цифрами.

Ладани говорила и говорила, сбиваясь и начиная заново, перепрыгивая с одного на другое и обратно. Шутила, слушала и искренне улыбалась.

Всех прибывших людей удалось разместить с комфортом на одном этаже. Вельвет, настояв, лично проверил весь охранный периметр и контрольные посты. Защита гостиницы, запрятанная в недрах здания, несколько озадачила наемника. Он, живо осознав, что ему не разобраться в этих системах и оружейных платформах, и плюнув на все нормы да конвенции, установил несколько видеокамер и сканеров с согласия хозяйки гостиницы.

Фрэнк болтал с Наи о секретных разработках, вооружении и о каких-то общих знакомых из среды военных. Ликани и Ладани приглядывали за Мариэль, развлекая друг друга рассказами минувших дней, проведенных в приключениях.

— Ты видела настоящих морских дельфинов? — заморожено проговорила Ладани. —

Какие они?

— В точности как на экране энциклопедии, — заморившись за день, отмахнулась зевающая Лика. — Серенькие такие, мокрые, симпатичные животные. Ты смотри, я ведь выпрошу всю правду у Ницы. Наврала ведь! Летящий в небе мотоцикл? Канатная дорога над пропастью? Я не исключаю обычных крыс и всяких там собак-волков, но вот омерзительные чудовищные мутанты явный перебор! А белесые обезьянокрысы и ослепшие жертвы экспериментов, распухшие утопленники, гигантские змеи, да еще и свихнувшиеся повстанцы с десантниками воздушного флота в той же куче? Ха! Какая-то дешевая брехня! Вот что я думаю обо всем этом!

Ликани закатилась заразительным смехом, отталкивая оправдывающуюся Ладу, на что сестра шутливо пихнула ее в бок ногой. Они немного потолкались, пока с шумом не свалились с дивана.

— Ладно, не оправдывайся. Пока что упустим подробности твоего вранья. Что в действительности случилось с Тайполем? О нем известно что-нибудь? — задала вопросы Ликани, когда в общий зал вошли Ница и Наи Саен. — Незачем скрывать это от нас.

— Только предположения остались, — произнесла наемница и показала цепочку специфичных знаков на пальцах Вельвету, тот послушно кивнул и вышел. — Ему мозги промыли в Инквизиции, и нам не удалось его поймать. Вполне возможно, что он никогда вас не вспомнит, если вообще к тому времени останется жив.

— Но мы постоянно работаем над этим, — торопливо дополнила слова наемницы Ница и бросила быстрый взгляд в сторону Ладани. — Главное, что он все еще жив.

— Хоть какие-то новости, — вздохнула Ликани. — У нас-то все хорошо было, относительно, до момента, когда начались погромы, и какая-то тварь увлеклась поджогами.

— Мне так жаль, что я его не нашла, когда была такая возможность и он был где-то рядом, — Ладани в момент помрачнела. Сияющая улыбка сошла с ее милостивого лица. Она поднялась и вышла из комнаты, понуриив голову. Волосы скрыли ее лицо.

«Вот так и заходит Солнце, — подумала Ница. — Лишая свой мир и тех, кто имеет счастье жить в нем, долгожданного света и толики тепла, полного нежности лета».

— Не грусти, он ведь жив! — крикнула ей Ликани. — Чего нос вешать?

— Устала она, — тихо произнесла Мариэль. — Иногда нужно брать паузу, чтобы восстановить силы.

— Ща пивка вмажет и все пройдет! — послышался веселый голос Вельвета из-за дверей. У Наи аж лицо свело судорогой.

— Вельвет! Хватит меня позорить! Я тебе нос сломаю.

Вельвет показался в дверном проеме и засмеялся.

— Не, правда, Тайполь все еще жив, — поддержал Фрэнк наемника. — Ситуация стабильно тяжелая, но худшего не произошло.

Сердце Ликната гулко колотилось в груди, но не с надрывом, а будто бы интуитивно перейдя на высокие обороты, развивая мощность.

Кругом осязаемая сырость и вязкий сумрак, местами вперемешку с пятнами обволакивающего света. Некоторые перекрестки лабиринта с уходящими в темноту сводами каменных потолков освещены автономными лампадами с газовыми сердечниками-нитями и порослью люминесцентного пенного мха, излучавшего бледно-серое и зеленовато-лилейное свечение и кислый едва различимый запах.

Аритмичное эхо бегущих ног где-то вдалеке. На пути механизмы, обросшие паутиной и бородой лишайников. Лужи застоявшейся воды разлетались под ступнями подвижных ног. Бежать мешала синяя плесень, пенными гроздьями свисавшая с потолка. По углам торчали скользкие комки грибов на тонких ножках.

Ликнат бежал, опрометчиво упустив врага и предоставив ему фору, чем тот и воспользовался, кинувшись наутек в подземелье монастыря. На что сбежавший посланник надеется, прячась в брошенных катакомбах? Жаль некому направить инквизитора на цель. Ликнату остается полагаться на интуицию и приметные следы. Забытое знание возвращалось к нему осколками, будто растерзанная головоломка. Выслеживание добычи, чтение оставленных следов, специфическое знание повадок и страхов загнанной жертвы. Ликнат ускорился на относительно прямом участке, маневрируя по полосе препятствий между скопившимся в мрачных ответвлениях мусором и одним рывком перепрыгивая ступеньки, осыпавшиеся рвы, отлогие ямы и бездонные шахты.

Потолок стал выше, нависая вывернутой хлябью растянутых конструкций и паутиной жгутов электрических сетей, помещения увеличились в размерах, открывая запряганный подземный комплекс монастыря, который с давних пор не использовали. Запустение указывало на размах строительства и на неспособность реализовать идею, либо теперешнюю ненадобность комплекса.

Выбежав в зал с хладогенераторами и паровыми котлами, бойлерная какая-то, Ликнат въедливо осмотрелся, проехав дальше на ногах из-за уклона по скользкой сырой земле. Следы врага присутствовали и, судя по ширине и размаху шага, противник собрался с силами и припустил вперед, чувствуя близость финала спринтерского забега.

Инквизитор скорректировал приборы обнаружения и заметил разрушенный временем подвесной мост через глубокую пропасть расколотой скалы, состоящей из вулканических пород. По шатающемуся мосту бежал, прихрамывая на левую ногу, призрачный посланник. Спешил он к повисшему в воздухе механизму округлой формы, внутри которого колыхался шар, больше похожий на мыльный пузырь, светившийся изнутри рассеянным малиновым светом. Постукивали в такт часам шестеренки вокруг этого механизма, перестраиваясь и проворачиваясь по осям слизанных зубьев. Беглец споро приблизился к механизму, спотыкнулся, громко застонав, и несподручно упал, его шлем покатился по доскам и железному каркасу, пока не сорвался вниз и не пропал в темноте бездны. С воплем посланник поднялся, замешкавшись, прыгнул вперед и, перевалившись через край колыхающегося круга, пропал в свечении. Силуэт посланника стал растворяться в

консистенции шара, пока совсем не исчез.

Лопнув и вновь надувшись до прежних размеров, «мыльный пузырь» сдвинул бронзовые эллипсы механизмов установки и замер в ожидании.

Мышцы, набирая скорость, наполнились живым теплом. Не сбавляя скорости, Ликнат пробежал по шаткому мостику и влетел в «мыльный пузырь», увязнув в его липкой малиновой консистенции. Что ждет инквизитора по ту сторону странного образования, он еще не знал, но надеялся, что там расположен скрытный ход или лаз, куда сбежал посланник.

Серая топкая субстанция. Организму непривычно, он отчаянно сигнализирует нервами и сопротивляется ступору.

Покачиваясь в дымке, ноги Ликната проваливались. Дыхание его замедлилось. Слышен мерный стук сердца. Эта субстанция липнет к пальцам, тянется гирляндами мутного желе. Снизу пробился слабый свет. Ликнат протиснулся в деформирующееся кольцо этого света. Вязкая субстанция до последнего не хотела его отпускать, хватко цепляясь за спину, руки и лодыжки.

Преодолев свет, Ликнат узрел два шестигранных ствола неизвестного ему оружия, нацеленных прямо на него, или все-таки лишь в сторону появления вероятного противника, которого тут не ждали.

Проникшего через «мыльный пузырь» Ликната пока не заметили, системы его камуфляжа работали исправно, что дало ему шанс... и инквизитор решил первым напасть на вражеских бойцов в «совершенно не имперской» пластинчатой броне зеленоватых цветов. Схожую защиту носили помощники Талифика в непроницаемых накидках.

Куда попал инквизитор? Грузовой трюм? Или машинное отделение? Десантный отсек или приграничные ворота? Куда привел человека этот пространственный мост?

— Закрывай, Радиф! — крикнул один из часовых. — Эта девчонка ничего не объяснила толком, ша-Эрнакт не приснись наяву, только вырвалась с криками из фазмара.

— Закрываю... еще секунду.

— Юсирфи, кровавая жажда, их всех побери!

— Не нагнетай, Пазалл, — часовой сделал еще шаг. — Все, закрылся фазмар. А если кто сунется, то горны галс-кир поговорят с ними.

Инквизитор вылетел из закрывающегося шара, выставив перед собой щит из лезвий, соединив руки. Как только он дотянулся, то с силой вогнал выставленные ножи в стыки шейных пластин на броне врагов, опрокинув обоих на решетчатый пол. Затрещали защитные пластинки на их броне. Часовые упали, подрагивая и заваливаясь по сторонам, освобождая себя от окровавленных клинков.

На поясах у них висели предметы, схожие на термобарические гранаты. В других отсеках могли находиться еще десятки бойцов. Инквизитор принял решение, наклонился и пальцами подцепил гранату, понажимал наугад, покрутил, и она завибрировала. Не став лично удостовериться в активации предмета, Ликнат пробежался к открытым десантным люкам по сетчатым настилам.

Инквизитор выглянул в освещенное пространство и заметил укрытие из ящиков, куда и поспешил перебежать. На бегу его атаковали стоявшие чуть в стороне враги. Ликнат прокрутился в воздухе и метнул в двух противников короткие лезвия ножей. Замычав в непрозрачные шлемы, бойцы незнакомой ему армии попадали на спины. Одна из винтовок в их руках выпустила отрывистый луч к небу и прожгла высокий потолок ангарного типа.

Рамки-ножны на руках Ликната выставили запасные лезвия из самых крупных фрагментов механизма.

Выстрелив перед собой дым и пригибаясь, Ликнат подбежал к поверженным врагам. Плотность вражеского огня возросла. Не имея возможности точно прицелиться из-за «прозрачности» брони инквизитора, вражеские бойцы рассчитывали подавить его огнем, чтобы прижать к земле и добить гранатами.

От выстрела разлетелась пламенем прогнившая бочка. В емкости, скорее всего, хранилось древнее топливо или что-то огнеопасное. Ликнат покорно упал на бок и последние метры до укрытия проехал по сухому пыльному песку, перемешанному с желтой глиной. Вот его руки почувствовали ржавый остов какого-то агрегата и, энергично подскочив, Ликнат кувыркнулся за сваленные в громадную кучу пустые бочки, остро пахнувшие керосином или чем-то схожим. Верхние бочки пробила полоска прожигающего луча и следом прилетела крупнокалиберная пуля, подкинув одну из бочек высоко вверх.

Враги поменяли позиции, и два луча синхронно ударили в плечо и грудь Ликната, энергетические экраны смягчили ущерб, и те не успели прожечь броню. Инквизитор перекатился. Один из тактически продвинутых врагов, не переставая поливать примерное местонахождение человека почти прицельным огнем, перебежками подступал, в надежде, что им удалось наконец-то прижать наглеца.

Слышался шелест шагов по песку и отрывистые команды, или это просто ругань. Не дожидаясь развязки и продуманных действий оставшихся противников, Ликнат выпрыгнул из скопления бочек и в полете крутанул левой рукой, выкинув один из ножей. Лезвие ножа вошло в живот нападавшего врага, протиснувшись между пластинок. Инквизитор прокатился дальше по завалам в пыли, вовремя сгруппировавшись, и из неудобного положения «сидя» ударил ножами по ногам другого из подкрававшихся к нему врагов, и как только тот свалился, на выдохе добил его колющим ударом в бок.

Пискнули перегревшиеся системы камуфляжа-невидимки. Ликнат поднялся, теряя состояние невидимости. Он оказался в заброшенном длинном депо с заколоченными окнами. Здесь стоял полумрак, который разгонял свет от пробоин с рваными краями в потолке и стенах. Ликнат оглянулся. Что-то залязгало в приземистом транспортере, откуда он сбежал пару минут назад. Из люков транспорта посыпались искры. Запоздало прогремел взрыв, уничтожив машину крупнее грузовика.

Воспламенившись, транспорт с огромными вращающимися конструкциями в виде сплетенных обручей на крыше перестал существовать. Сквозь бойницы и десантный люк вырвались языки пламени и густая копоть. Ликната отбросило взрывной волной. От удара в штабеля из железнодорожных свай его едва не лишило сознания. Он поднялся, сделал пару шагов обратно и помотал головой, перед глазами на миг все поплыло и потемнело.

Ухнул одиночный выстрел, и инквизитора опрокинуло на спину. Откатившись и встав рывком на ноги из лежачего положения, Ликнат ринулся в сторону. Прожужжала пуля, и грохнул выстрел. Снова выстрел. Взвизгнула пуля, срикошетив над головой. Ликнат бежал по ломаной линии к штабелям, сложенным из деревянного истлевшего бруса, перепрыгнул их и, ухватившись за свисавший со второго этажа пожарный шланг, быстро покарабкался вверх по металлическим конструкциям и тросам ограждений.

Технические и строительные леса соединяли вторые и третьи этажи здешних цехов между собой, выходящие в ангар с высоким потолком. Перекрытия и пол этажей давно рухнули. Фундамент депо тоже находился в плачевном состоянии, поглощаясь пылью и

песками, раскалываясь и бугрясь под натиском времени.

Вновь гавкнула снайперская винтовка. Снайпер безнадежно мазал, такую мельтешащую цель трудно предугадать и поразить, остается уповать на фортуны и бить из любого положения наугад.

Ликнат запрыгнул на железные мостки, оплетающие стены депо, и почти достиг крыши. Опять-таки, словно раскручиваясь, вжикнула пуля и просвистела совсем рядом. Инквизитор перескочил на крюк подвесного крана, болтающийся на тросах, и по инерции перемахнул на следующую лестницу, сильно изъеденную ржавчиной. Марш лестницы частично обвалился, едва не утянув его за собой.

Последний рывок, и Ликнат, резко подтянувшись, заскочил на площадку, закрепленную на потолочных балках под сводом крыши, где была оборудована лежка снайпера. И тут же заработал сильный удар в шлем. Пуля прошла вскользь, отскочив от защитного сегмента. Ликнат зашатался и свалился за край площадки, в последний момент успев ухватиться за такелажный трос с десятком звеньев цепи.

Противник приподнялся на колене и лихорадочно повел сужающимся гасителем ствола электромагнитной винтовки. Закинув локоть, Ликнат перехватился и с усилием вытянул себя наверх. Переместившись вперед рывком, инквизитор рукой отвел оружие и ушел с линии огня скользящим шагом. Грянул жужжащий выстрел. Ударом ноги в грудь инквизитор опрокинул снайпера. Снайпер попытался подняться, но резкие движения широких ножей лишили его не только оружия, но и надежды. Ликнат приблизился к завершению боя, просто вытолкнув врага с этого пятючка пространства, которое облюбовал снайпер в сплетениях потолочных балок ангара.

Веря, что к нему не подступится, или надеясь, что здесь пострелять не предназначено, снайпер как скомканные лохмотья полетел вниз, размахивая руками. Его тело ударилось оземь, подняв кольца пыли, да так и осталось лежать с неестественно вывернутыми конечностями.

Наступило подозрительное затишье, но в ушах Ликната поселился странный писк и треск как в старом радиоприемнике.

Железнодорожное депо. Глазам инквизитора все это сдавалось смутно знакомым, но в тоже время абсолютно чужим и отталкивающим. Истлевшая оконная рама под его ногами совсем другая, будто бы и не касалась этих материалов рука человека. Вокруг детальное подражание во всем или это качественные декорации запустения и разрухи для достоверного фильма о чужой вымершей планете. Брошенные составы грузовых и пассажирских вагонов, часть которых перевернута вверх тормашками. Разбитые окна и деревянные перекрытия. Осевшие в грунт многотонные локомотивы. Древние, очень древние. Высушенная словно изнеможенная садистскими пытками почва.

Северная стена депо разломлена, а через трещину пробиваются узловатые ветки цветущего дерева. Дерево со свившимися спиралью листьями и цветками, схожими на облезлые метелки, имело достаточно здоровый вид и не боялось засухи. Возможно климат тут искусственный.

В ангарах множество сплетений рельсов и развилок, многие шпалы развалились или просели. Знать бы еще, куда именно ведут эти осиротевшие рельсы, покрытые коррозионным налетом и многовековой пылью. Рельсы странного депо.

Самое время приступить к поискам телохранителя убийцы Рэнмари, сумевшего все-таки удрать и затаиться в помещениях ангара. Не ровен час как он вообще ускользнет из рук

опростоволосившегося инквизитора. Депо беглец не покинул, так как основные ворота для тепловозов заперты изнутри на увесистый засов, а дополнительные зажал обвал верхних цехов и ремонтной платформы. Есть еще служебный выход, его хлипкая дверь виднелась через цех мастерских.

Инквизитор подбежал к распахнутым дверям мастерских с выбитыми окнами и завернул в помещение. На пыльном полу остались вытянувшиеся цепочкой следы. Под его ногами хрустели косточки скелетов мелких животных, древесные щепки и стекло. В цеху рядами стояли верстаки, разнообразные станки для обработки дерева и металла, заваленные рухлядью, наполнителем стен и обвалившимся потолком; еще здесь попадались кучи собранной земли и глубокие с виду норы, окантованные цветными проводками, колючей проволокой и сухими ветками, волосками и чьими-то останками. Перескочив через скособолившийся ремонтный верстак, он остановился у железного шкафа с облупленной краской и покрытым бурой ржавчиной основанием.

— Выходи, — приказал Ликнат.

Тишина отозвалась завывающим ветром и скрипом железа, которым покрыты крыши депо.

Инквизитор выпустил лезвие ножа и ударил им в двери шкафа. Нож со скрежетом пробил подгнившее дерево и тонкий металл, уйдя вглубь. Раздался заглушенный вскрик, будто рот кричавшего зажат тряпкой или руками. Ликнат извлек лезвие ножа, и двери шкафа распахнулись.

На инквизитора уставилось заплаканное лицо дивного создания, наружность врага и собственный внутренний голос указывали, что это хрупкая девушка или женского пола особь, и ее всецело заполнил ужас, отчетливо читавшийся в не моргающих почти человеческих глазах.

— Не убивай, слепой су-Риам! — взмолилась она. — Юсирфи кровью груди своей вскормила клан твой, Нисшедший.

Ее глаза блестели золотом и водой. Кожа темнее, чем у Талифика, и имела слегка янтарный с краснотой оттенок, а синие пухлые губы дрожали, словно от мороза. Ее нижнюю губу вертикально перечеркивала золотая полоска толщиной с палец, идущая через подбородок, теряясь на тонкой шее. Несколько витиеватых символов красовались на ее правой щеке. Ушных раковин у нее нет, только эластичные рога, приплюснутые и растущие от висков. Волосы огненно-рыжие с золотым оттенком, заплетены в одну толстую косу до плеч. На шее и лбу узоры едва приметных веснушек. Лицо правильной формы со слегка выступающими скулами и маленьким подбородком. Ноги длиннее, чем у человека за счет сильно вытянувшихся ступней, от чего создавалось впечатление, что она передвигается на носках.

— Назови причину.

— Я безоружна... и сдаюсь. Тебе чужды понятия о чести?

— Это не причина. Мне нет дела до твоих игр и взываний к чести, — равнодушно заметил Ликнат. — Причина, по которой ты еще жива, довольна проста... И как только я определюсь, где нахожусь и в какой стороне ближайший город, ты умрешь. Приговор вынесен, когда тело Эмиссара оседало на землю, выдыхая последний раз воздух.

Воспоминания нахлынули потоком, Ликнат крепче сжал ножи, звенящие холодной сталью и требующие акт свершения вендетты. Но инквизитор лишь сильнее стиснул зубы и поволок вяло сопротивляющуюся девушку по цеху мастерских на свежий воздух, прочь от

ангаров и гнетущего закупоренного пространства.

— Я не убивала ее!

— Ты причастна, этого достаточно.

— Ты не можешь так поступить... ты не сможешь попасть в города Земли, — проговорила она, сжавшись. — Это призрачный мир. Мы за кулисами мироздания. Прослойка между нашими обжитыми вселенными. Просто взять и шагнуть обратно, не выйдет. Ты уничтожил транспорт, а с ним установку, способную поддерживать мосты между мирами по средствам фазы марева.

— В таком случае, к чему мне ты? — Ликнат остановился.

Она вскрикнула и с новой силой разрыдалась, беспомощно закрываясь руками.

— Я не убийца!

— Заткнись, — инквизитор сложил и убрал ножи в рамки-ножны на предплечьях. Схватив девушку за руку, он поднял ее и толкнул на выход. — У вас все солдаты такие?

— Какие?! Я дипломированный исследователь, а в составе мобильной группы как квалифицированный медик, — ревя и сбиваясь, промолвила она, — боец из меня действительно слабый, признаю.

— Пойдем, добудем эту дьявольскую установку. Должны же быть еще стационарные пункты. Анклавы. Когда я раздобуду эту технику, то пересмотрю свое решение, но не обещаю, что оно в чем-то изменится.

— Ближайший контрольный пост в нескольких днях пути. Там добывают полезные и уникальные ресурсы, — шмыгая носом, ответила она. — Только не дойдем мы пешком. Пустыня убьет нас... Отпусти!

— Как твое имя?

— Афината ир-Ниор, — с подозрительной неохотой ответила она, посмотрев куда-то в сторону. — Правящий клан Яртиз, конечно же.

— Афината? Как-то глупо звучит, — безжизненно сказал инквизитор. — Буду звать тебя Афина. Собственно к чему я это? Есть имя или нет имени, мне все равно, но надо же как-то к тебе обращаться.

— Смейся, жестокий человек, смейся. Но помни, что калеча мое настоящее, ты затмеваешь собственное будущее, — с едва скрываемой угрозой промолвила сквозь зубы Афина.

— Будущее? Какое будущее ты видишь?! Оглянись... Или ты успела позабыть, как бездыханно застыла в луже собственной крови моя соратница? Вы пришли и лишили меня настоящего! Прошлого у меня никогда не было. А на будущее мне теперь наплевать! — выбив хлипкие двери служебного выхода из депо ударом ноги, Ликнат осмотрительно выглянул и, схватив сопротивляющуюся Афиноу за шиворот, поднял и грубо пихнул ее в спину, швыряя вперед. — Пошла!

Афина неуклюже упала, растянувшись на сухой траве в искрящейся под светом двух солнц пыли, и повернула голову с заплаканным лицом, чтобы одарить пылающим взглядом, полным ненависти и страха, безликую маску врага, шлем которого венчали сегментные рога, черные как антрацит в безлунную ночь.

Вокруг немое безветрие. Почва сухая, податливая. Из скудной флоры под ногами лишь вялая сморщенная трава, в стороне редкие деревца и скрученные неизвестной силой кустарники и растения, стелющиеся по растрескавшейся земле, словно мотки проволоки. На горизонте такая же удручающая пустошь и барханы увядающей земли.

Температура окружающей среды приемлема, не должно быть душно, но жажда одолевала. Влажность ниже нормы, в воздухе кислорода как в высокогорье. Инквизитор изучил показание приборов и в тоже время попытался адаптироваться. Атмосфера призрачного мира изматывала нервную систему, будто вытягивала жизнь вместе с водой из тела.

Ликнат и Афината направились к видневшимся впереди скалам и к искрящейся воде водоема, на половину скрытого в тени их подножья.

После расспросов Ликнат снова заговорил с пленницей:

— То есть у вас все предопределено в жизни, разложено по полочкам и управляется четко отлаженной системой, которая поддерживается единой религией расы? Храм решает за всех жителей планеты Веатор и определяет ваш путь, а родители выбирают вам спутника трижды в течение жизни? — Ликнат размеренно шагал, осматривая окрестности и временами косясь на шедшую чуть впереди Афины.

— Не разделяю твой интерес к нашей культуре, но понимаю твое удивление, — Афина оглянулась. Ее уставшее лицо просило отдых, но горделивый рот молчал. — Я до сих пор поражаюсь, открывая в вас что-то новое и перевернутое с ног на голову.

— Например?

— Пристрастие к наркотическим веществам, таким как алкоголь, табак, тяжелые формы синтетической дряни и гиц-а-тиз, заменяющий жизнь. Для меня верх крайности накачивать себя ядами, терять контроль и отворачиваться от реальности, — Афина надменно хмурилась. — Предел глупости неизмерим.

— Знать с детства, что станешь низшим работником без права на карьеру и смену деятельности, разве не глупость? — Ликнат отстал на несколько шагов. — Тебе не хочется изменить свою жизнь или, например, выйти замуж по собственной воле?

— Нет, себя этим связывают для поддержания численности клана, строго соблюдая нормы приоритета, установленные Храмом. В течение жизни три периода: юность «ир», агрессия «кан», мудрость «пра». Три периода дают три потомства: «ир», обычные профессии и гражданские специальности, могут стать солдатами, но у нас нет низших работников! «Кан», солдаты, военачальники, общественные лидеры и ревнителы веры. «Пра», высшие руководящие должности и первосвященники Яртиз.

Афината продолжала и дальше говорить пылко, словно действительно верила в каждое произнесенное слово. В дороге они провели уже несколько часов, но два солнца так и оставались в зените, будто прибитые намертво к небосводу. Ангары депо давно пропали из виду, и путешественники пересекли пологое взгорье покрытое песком, там росла сухая трава и корявые деревца с обвислыми ветками и иголками вместо листвы. За следующим холмом открылся вид на горы с карстовыми пещерами и грязным озерком у подножья, дальше начинались болота и неприветливый лес, в корнях которого клубилась настораживающая мусть.

Вокруг безветрие и безмолвие пустоты.

— Гиц-а-тиз, как я понял, относится к системам виртуальной реальности? Есть люди физически неспособные ходить, видеть, говорить, либо не желающие жить в предложенном мире. Они добровольно выбирают иную реальность, более доступную по деньгам, чем полное восстановление организма.

— Я говорила о виртуальной реальности, но словосочетание переводится как «пустая оболочка», «без содержимого». Кстати, заметил, что наш язык условно одинаков? Как будто

жили по соседству.

— Не совсем, ты оперируешь неизвестными словами, кое-какие ударения изменены, произношение более спешное, проглатываются буквы после определенных согласных.

— Ин, слова взяты из «Хроники Веатора», считается, что раньше наш язык был иным. Позже претерпел сильную модификацию и обобщенность с приходом богоподобных лидеров, когда закончился период «Беспросветной ереси», — Афина говорила насторожено. — Но эти слова придают языку некую самобытность.

— Хочешь сказать, что у нас общий предок? — потеряв первоначальный интерес, Ликнат все же продолжал беседу.

— У нас? Один предок? Не смейся! Только если каким-то образом вы переняли часть нашей культуры и язык. Может какое-то время были рабами, еще до сотворения миров?

— Тебе не кажется что все наоборот, и это твоя цивилизация поднялась за наш счет?

Афината громко расхохоталась, держась руками за живот.

— А-а, забудь...

Она продолжала смеяться минуты три, все никак не успокаиваясь, нет-нет да проскакивал смешок и она закрывала рот ладонями.

— Насмеялась?

Афината утвердительно кивнула и вновь прыснула со смеха:

— Один предок, ну ты выдал!

— Ладно, послушай вот что: тебе не кажется весьма странным, что вами управляют так явно? Три потомства. Первое трудится на благо. Второе защищает и по возможности гибнет либо в междоусобных войнах между кланами, либо в разведке призрачных миров. А третье потомство появляется лишь у избранных и сразу получает места на самой верхушке власти, — Ликнат замер, поглядывая на заросли и корни кустарника с желтой ворсистой листвой. — И так из века в век.

— Только лучшие представители этого достойны, правящий клан должен быть сильным! — Афина поспешила обогнать Ликната, неоднократно настаивавшего, чтобы та все время оставалась на виду. — А не согласен, так ты можешь кинуть вызов и силой аргументировать свою точку зрения.

Афината о чем-то задумалась, на секунду отвлеклась и продолжила:

— У тебя все хуже! Ваша свобода эфемерна. А у меня есть все: образование, дом, личный транспорт, увлечения, работа и будущее. Скоро будет достойный спутник и первое потомство!

— Оптимизм так и давит, — изрек инквизитор. — Давай мериться у кого в саду яблоки слаще. Только ты забыла, что я не совсем тот, кого ты причисляешь к людям. У меня нет ничего. Мной движет лишь одна цель, служение.

— Ты смешно изъясняешься! У нас все предопределенно, но ты так же не оставляешь за собой выбор, о какой свободе ты тогда заявляешь? К чему завел этот разговор? Несколько часов назад ты уничтожил подразделение разведывательных сил Веатора, убил Говорящего клана. Я шарахаюсь от каждого шороха, нервы мои на пределе. А сейчас ты вдруг завел непринужденный разговор, бросая неоднозначные взгляды в мою сторону, — Афина поравнялась с инквизитором и начала его рассматривать. — Ты интересен и достаточно силен, но не думаю, что родители одобрили бы тебя.

— Что? Нет, в общем, я просто коротал время, — Ликнат порадовался непрозрачности шлема, он мог и не выдержать ее пристального взгляда. — За это время я успокоился. У меня

появилась надежда, что моя соратница жива и ей своевременно оказали помощь. Я хотел больше узнать о враге, раз есть такая возможность.

— Знать и быть, чувствуешь разницу?

— Талифик сам виноват, я предупреждал. Кто руководил вашей миссией? Мне нужно знать его имя.

— Я могу соврать или вообще не отвечать на такие вопросы. Ты склоняешь меня к предательству и выдаче информации.

Ликнат красноречиво обнажил ножи, выскочившие из рамок-ножен на руках, и поскреб одним из них по плечевому сегменту брони Афины.

— Ты в моей власти.

— Серьезно? — Афината остановилась и с презрением посмотрела на человека. — Ты сейчас самоутверждаешься за счет девушки или мне показалось?

— Солдат не имеет пола, говори.

— Его имя Рууг пра-Ниор, начальник разведки и Наместник первобога Яртиз в призрачных мирах, освоенных Веатором, — с пафосом промолвила Афина и понизила голос: — Что тебе даст его имя? Ты не выступишь против армад и воздушного флота Храма в одиночку.

— Посмотрим. Он твой отец?

— Нет. Родственники. Совсем глупый, кто отправит своих детей на такие рискованные задания?

— Не такие-то и рискованные.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы вы не напали на звено прототипов будущих судей Инквизиции, то все прошло бы нормально, но вы не смогли оценить реальный уровень угрозы и недооценили своих противников. Вот и поплатились, понеся потери.

— Тебе повезло, — Афината покраснела, едва сдерживая гнев. — Ты даже не представляешь, что с тобой случилось бы! Талифик был слишком надменен и не желал видеть растущий уровень угрозы.

— Скажи мне вот еще что, — Ликнат смотрел себе под ноги и вертел отсоединенным ножиком. — Что вы делали на моей планете? Это же вы тогда присутствовали на показательном выступлении. Вы были осведомлены о проекте «Прометей», но не помешали, вместо этого вы напали на нас в монастыре позже. Зачем?

— Слушай, давай я тебя ублажу, — неожиданно предложила Афина, чтобы прервать утомляющий ее разговор, — и мы пойдем своими дорогами? Тебе понравится, обещаю.

— Нет.

— Чего?

— Я не хочу тебя.

— Боишься прищельцев? — Афината звонко рассмеялась. — А чего тогда твой взгляд торчит постоянно на мне?

— Слежу.

Афината посмотрела на инквизитора так, словно перед ней был недалекий человек в смешной одежде, но не вызывающий и слабой улыбки, и сказала:

— Какой же ты скучный, порождает лишь тоску.

— Что вы искали и зачем напали на нас в монастыре?

— Не знаю, моя очередь была идти в сопровождение.

— Ты что-то говорила про единого бога, что он не имеет формы, сознания и речи. В вашем понимании бог, словно беспристрастный механизм.

— Если перевести его имя, то выйдет «то, что случилось». Для нас нет понятия творения земли и живых существ. Все образовалось само по себе, потому что рано или поздно так бы случилось. Именно это неопределенное действие, механизм, по правилам которого живет вселенная, мы и называем богом. Ему все равно молимся мы или нет, строим ли статуи, устраиваем ли праздники в его честь, навязываем ли волю его. Потому что нет никакой воли, но есть правила, по которым нужно жить, чтобы чувствовать себя значимым и стоящим выше животных. Отступаться от правил — все равно, что признать себя мусором, выброшенным из этого великого механизма.

— Странно. Как звучит его имя?

— Я не могу этого сказать. У тебя свои боги, вот и живи с ними.

Достигнув озера, Ликнат и Афина остановились. Вода в нем оказалась не грязной, как привиделось им поначалу, а окрашенной естественной флорой. В озере цвели бурые водоросли, сплетенные в единую массу, заполонив всю толщу воды и берег.

Ликнат провел наладонником у кромки воды и включил анализатор. После фильтрации и дозы обеззараживающего порошка воду пить можно. Он опустил гибкую флягу и набрал воды, поднес руку с прибором к емкости с водой и выждал пару минут. Все это время Афина наблюдала за ним. Ликнат закончил обеззараживание жидкости и, вернув емкость обратно в боковую пазуху брони, напился воды через ротовые трубочки в шлеме.

Афината разочарованно выдохнула.

— Я намеревалась увидеть ужасное лицо рогатого демона из сказаний, покрытое шрамами тысячи сражений, с бугристыми рубцами на спине от кнута инициации.

— Лицо? На, смотри, — Ликнат снял шлем, который раздвинулся на три части.

— Фу, что за уродливое лицо...

— Ты мне тоже сразу понравилась.

— Дашь хоть воды испить?

Инквизитор безмолвно указал рукой на цветущее озерцо и отвернулся. Там у бережка росло серебристое дерево, словно из мельхиора, отдаленно напоминающее плакучую иву, ветки которого уходили вглубь воды, листочки на вытянутых ножках плавали на поверхности, а скрученные корни расползлись по берегу.

— Чтобы я, и хлебать из грязной лужи как животное?! Ты в своем уме? Да лучше подохнуть от жажды! — Афина поднялась и в бешенстве зашагала вперед.

Сохраняя невозмутимость, Ликнат надел шлем и побрел следом.

Слева от инквизитора тянулись скалы, испещренные темными провалами и убегающими вниз ходами, а справа начинался обрыв. Постепенно углубляясь и расширяясь, обрыв граничил с редким полесьем. Место для движения становилось все меньше, путь стал узок и обрывист. На дне пузырился темный ил с зелеными прожилками и пятнами бледной массы, вздувающейся пузырями. Лес оказался дальше за скалами, а болот пока не видать. Ликнат отмотал в интервизоре виденное им ранее и отметил, что приборы фиксировали болота рядом с лесом.

На небе появились перистые облака,двигающиеся единым фронтом,внизу ветра совсем не ощущалось, что казалось весьма противоестественным.

Ликнат и Афина двигались по заболоченной местности, окруженной частоколом корявых деревьев, проведя в пути уже больше двенадцати часов

— Что ты знаешь об Элвитах? — Ликнат уверенно шел по кочкам среди зловонных лужиц болот.

— Это может подождать? — Афина в очередной раз провалилась в воду, поскользнувшись на мшистой кочке, и Ликнат помог ей выбраться. — Почему ты меня об этом спрашиваешь? Люди так их называют, мы же с древности именуем их су-Риам «Нисшедшие».

— Ты назвала так и меня.

— Это из-за силы, что разрушила нити контроль и ослабила Талифика. Каким-то образом ты преобразился и стал таким, каким я себе представляла су-Риам, — ответила Афина.

— Так что такое су-Риам?

Она вздохнула, вспоминая прошлые дни, и снова наступила мимо кочки, шлепнувшись в воду.

— Да что б тебя...

— Это из легенд, да? — Ликнат переспросил и помог ей выбраться на звериную тропу.

— Сущности из легенд, воздействуют на все, что их окружает. Они состоят из неизвестной нам материи и способны смять в бесформенную грудку бронетанковое соединение. Разорвать небесный крейсер-ракетоносец взглядом. Через них проходит колоссальное количество энергии. Им подвластна гравитация, нам непонятно как они подчинили ее себе и каким образом управляют. Что ты такое я не знаю, — Афина перевела дыхание, — но су-Риам, как и ты, использовали сферу бездны, опрокидывающую все вокруг них.

— Фантастически звучит, — Ликнат остановился, так как Афина обо что-то споткнулась и чуть не упала. — Смотри под ноги.

Ликнат заметил какую-то слизь на голени Афины и замахнулся рукой, обнажая один из ножей, чтобы резко выстрелить лезвием в туман за спиной девушки. В тумане что-то обиженно заверещало и сразу же выскочило из дымки, напорвшись зубастой мордой на еще один нож. Включив возвратный механизм брошенного ножа, закрепленного на прочную подвижную ленту, Ликнат поймал его обратно.

— Туманники! — Афина добавила ногой упавшей твари по животу. От чего зверь хрипло рыкнул и попытался подняться, скользя в грязи. — Они стаями охотятся!

Барахтающийся зверь лохмат и испускал зловоние. Шерсть его влажная лоснящаяся жиром. Опорные лапы короткие, но толстые. Передние лапки тонкие и длинные. На скрюченных пальцах торчали покрытые слизью присоски. Голова зверя выросла в маленькие плечи и отдаленно напоминала собачью без ушей. Кривые ряды игольчатых зубов в его пасти тоже покрыты слизью.

Удостоверившись, что зверь опасен, Ликнат опрокинул его ногой и пригвоздил вытянувшимися ножами к земле. Правый клинок пробил сердце зверя, а левый вошел в мозг через глаз. Животное дернулось и затихло.

Корявый лес ожил шуршанием и попискиванием. Вслед за звериным разведчиком выбежал такой же хищник. Но этого зверя Ликнат и Афина встретили совместной атакой, сумев быстро сломить и опрокинуть зверя. Ликнат добил животное, порезав тому шею круговым движением ножа.

Завизжав высокими нотами, набросились сразу несколько зверей. Ликнат потянул Афины к себе и высвободил шаровую молнию, озарившую вспышками деревья и пронзившую

зверье жалами электрических отростков, переполненных силой бушующей грозы. Туманники попадали, извиваясь и скребя конечностями. Запахло пригоревшим мясом. Большинство тварей даже не шевелились. Ликнат добил двух шатавшихся животных, пронзая их ударами, и занял оборонительную стойку, раскрыв веер механизма ножей. Афина стояла рядом, повернувшись и прижавшись к инквизитору спиной. Слышно дыхание человека и подозрительное шуршание туманников по кустам.

Среагировав на метнувшуюся тень, Афина вскрикнула и ударом ноги остановила тварь, выскочившую из плотной стены тумана. Зверь поскользнулся и ухватился лапой за ее бедро, проехавшись мордой в грязи. Не растрчиваясь на лишние движения, но перепрыгнув животное, Ликнат ударом сверху отсек зацепившуюся лапу, и вонзил ножи в пасть зверю. Неожиданно войдя в раж, Афина изловчилась, схватила выпрыгнувшее животное и с криком сломала туманнику шею, навалившись всем весом, чтобы удержать руками.

Издали еще некоторое время доносилось гневное рычание и подозрительные шуршания, но туманники прекратили нападки, отходя в другую часть леса.

Раздражающий туман отступал. Лес редел, а под ногами прекратило омерзительно хлюпать.

За лесным массивом возвышались тусклые горы, укрытые вулканическим пеплом и скованные застывшей лавой, которых раньше вообще не было на горизонте.

Ликнат дернул пленницу за плечо.

— Как самочувствие?

— Бывало и хуже, — ответила она.

— Тут всегда так?

— Ин, есть подозрение, что призрачные миры лишь чей-то черновик, — внезапно улыбнулась Афина. — Просто не веришь своим глазам. Постоянно твердишь: это сон!

— А где в таком случаи чистовик?

— Там где нас нет.

Осмотрев открывшуюся местность, Ликнат поманил рукой Афины к себе. Увиденное ими пространство контрастировало с предыдущим пейзажем: перед путниками простиралась ядовитые джунгли с высоченными деревьями и влажной парящей мути в кронах. Горный хребет изогнутых каменных зубьев опоясывал джунгли и терялся где-то дальше в низких ржавых облаках. Здесь жарко и очень влажно. Чуть поодаль лиловые листья величиной с колесо грузовика тянулись к небу, укутанному в грозовые тучи, поблескивающие молнией. В воздухе витал запах ила и еще чего-то неприятного.

Под впечатлениями Ликнат и Афина всматривались в непроходимые заросли лиан. По пути им встречались деревья без листьев, от веток которых расходились во все стороны ворсинки и волоски, собирающие из воздуха влагу, а с земли питательные вещества. Жестами Афина привлекла внимание Ликната к деревцу-паразиту со стволом в виде штопора, вгрызавшегося в толстую кору соседнего дерева, оплетенного гирляндами гибких веток. Во все стороны тянулись побеги и вытянутые лодочкой бледные листья с яркими цветами.

Животная тропа долго извивалась, пока не разбежалась на большой поляне, где перед путниками встали стеной густые джунгли. Подстилка из слежавшихся листьев с ветками и лианами проваливалась под ногами Ликната. Ступни его скользили и вязли в раскисшей глине. Афине повезло больше, преющий ковер выдерживал ее вес. Под упавшей листвой и в дерне попадались толстые черви, обвивавшие инквизитора за щиколотки, упрятанные в

защитные щитки и тяги магнитных усилителей.

Слабый ветер принес далекое рычание, смешенное с лязгом цепей и скрипом мокрой древесины.

Провалившаяся нога на этот раз не нашла опоры в прелой листве, а инквизитор, словно уйдя с головой под лед, покатился по отлогому склону скользкой глины. Он оттолкнулся от земли ногами, выровняв падение, и бросил вверх нож с лентой, который зацепился за свисавшую ветку толстого древа, сползавшего могучими корнями в глубокий овраг. Лента с ножом натянулась. Ликнат обернулся, мерно раскачиваясь. С края обрыва выглядывала Афина.

— К тебе что-то бежит! — прокричал Ликнат. — Прыгай ко мне. Через овраг пойдем.

— Так я тебе и поверила. Вот и сиди в грязи. Это место для тебя создано! — огрызнулась она. — Некуда мне бежать, но твое барахтанье доставит мне минуты радости. Какой же у тебя нелепый вид!

Афина едва закончила свою речь, как из зарослей вырвалась крупная бесформенная тень и со всего размаху врезалась ей в спину, пытаясь прокусить броню. Афина завизжала и по инерции полетела на Ликната, болтавшегося в воздухе над оврагом. В след за ней покатился какой-то зверь, со злобным рычанием скребя по почве лапами-резцами.

Ликнат качнулся всем телом и технично дернулся, чтобы вовремя схватить скользившую Афину. Свернув ленту с ножом, он спрыгнул и подхватил Афину. Бесцеремонно пихаясь, она заехала ему ногой по шлему и попыталась встать, но им помешало животное с темной шерстью, острыми резцами на передних лапах и короткой головой с широко открывающейся пастью, откуда выдавались кривые пожелтевшие клыки, и свисал язык, схожий на крупнозернистую наждачную бумагу. Продолжая съезжать вниз по склону, Афина спряталась за инквизитором, на которого и набросился лохматый зверь, размахивая лапами-резцами. Шлепнувшись на спину, Ликнат покатился кубарем на дно оврага, наполненного мутной дождевой водой неоднородного состава, и упал в воду, подняв волны и тучу брызг. Следом прикатился и шипящий зверь с темной шерстью, свалившись на инквизитора.

Первым вынырнул Ликнат, выставил веер клинков над водой и нанес три быстрых колющих удара. Из воды показался сперва разрубленная надвое морда, а потом всплыл и весь зверь, переворачиваясь на кровоточащий бок. Инквизитор размахнулся и еще дважды нанес рубящие удары, добив тем самым зверя. В этот момент на него упала визжащая Афина.

По грязной воде пошла рябь.

В центре озера лопались пузыри, оставляя после себя зеленоватую дымку. Ликнат погрузился под воду, его не было несколько секунд, и вынырнул уже у берега, поднимая отплевывающуюся Афину и помогая ей выбраться на берег.

Труп порубленного животного закрутился, его потащило на дно образовавшимся водоворотом.

Ликнат почти забрался на берег, когда в его сторону потянулась цепочка пузырей и под водой промелькнула какая-то массивная тень.

— Пузыри за тобой! — выкрикнула Афина, отползая от воды.

— Дьявол... — выдохнул Ликнат.

Активировав максимальный уровень механизмов ножей, и разводя руки с выстроившимися широкими ножами, Ликнат разминал запястья. Отступить ему некуда, как же агрессивен этот мир, все едят всех.

Вода взбурлила, вскипая и поднимаясь семиметровым столбом, после чего обрушилась на инквизитора, в мгновение смыв его обратно в мутную жижу. На поверхности показались вращающиеся кольца гигантских щупалец и игольчатые присоски. Несколько водоворотов явились и потухли под грязной пеной, где вздымались кошмарные щупальца и били зазубринами по воде, рассекая толщу воды и уходя на глубину.

Осели брызги, разогнав мусор. Вся муть поднялась со дна. Поплыли пузыри, размытые пятна крови, тени рваных кусков мяса и пучки подрагивающей плоти. Вспышка ярчайшего света разошлась в толще коричневой воды. Вспухшая куполом грязная жидкость взлетела вверх, обнажая заиленное дно, покрытое бордовой тиной и расчлененным чудовищем, которое продолжало извиваться. Тварь состояла некогда из щупалец и трапециевидного тела с мощным хвостовым плавником. Ее прожорливая пасть с множеством мелких зубов и языком за толстыми губами все еще сокращалась и разевалась, ворошась в водорослях. Лишь на долю секунды повиснув, вода рухнула обратно, пенясь и бурля. Поднимаясь, всплыли отрубленные, отрезанные и оторванные части подводной твари... и человек. В три мощных гребка Ликнат достиг берега, выбрался и направился в сторону Афины, успевшей отползти на безопасное расстояние.

Позволив себе кратковременный отдых, Ликнат отдышался.

— Продолжим?

— Если только ты понесешь меня. Я устала.

— Не капризничай, я не буду тебя ждать и брошу здесь.

— Пойдем.

За оврагом начинался ручей. С одной стороны нависали скалы, а с другой непроходимое царство отсыревших джунглей. Шагать по оврагу оказалось сложнее, чем через джунгли, но скорость продвижения существенно возросла.

Ручей постепенно рос, напитываясь грунтовыми водами, пока не превратился в полноводную реку. Джунгли ушли левее, отдаляясь на запад. Впереди появился однообразный шум падающей воды, растущий с каждым шагом. Спустя четверть часа, путники вышли к водопаду.

— Не на меня смотри, — проговорила Афина. — Посмотри, куда ты нас завел, безумный су-Риам! Это блуждающий город-призрак.

В полукилометре возвышался колоссальный, частично обвалившийся за многие века купол. Верх купола полностью обрушился на центр города. Его скрывал мрачный удушливый туман, словно бы смешанный с не рассеявшимися выхлопными газами, дымом и копотью столетий. Виднелись очертания заросших зданий, во многих нет окон. Просторные мостовые и вторичные яруса завалились, утонув во флоре, стремящейся заполнить каждую трещину.

Река после водопада сужалась и становилась глубже, разделяясь на два рукава, входя в город с разных сторон. Над воротами красовались фигуры статных худощавых юношей со светлыми волосами и со сложенными за спиной крыльями. В руках статуи держали двуручные крестообразные мечи, обратив их острием к земле. Видневшиеся у реки мосты полузатоплены, а автомагистрали разрушены оползнями и затяжными ливнями. Речной причал разбит полноводьем. Часть причала выброшена на набережную, идущую несколькими террасами с сетью каналов. За ней просматривалась паутина магистралей в десятках метров над землей.

По меркам Империи это совсем маленький городишка, но сейчас и здесь, посреди джунглей, он смотрелся угрожающе и достаточно внушительно. В центре города виднелись

вычурные зеркальные небоскребы, стоявшие амфитеатром, где по центру круга, висела бесцветная сфера с хаотично двигающимися ядовито-красными вкраплениями. Сфера вибрировала, наполняя все вокруг едва ощутимыми колебаниями и отталкивающим звуком цепей заточения. По периметру города на паучьих ножках возвышались сплюснутые цилиндры трех сторожевых башен с тарелками радаров и пушками радиальных излучателей. Над одной башней трепетал на ветру точно флюгер обрывок красноватой ткани, похожей на запачканную майку или заношенную до дыр сорочку на тоненьких бретельках.

Врата города открыты. Сохранившаяся дорожка привела Ликната и Афины к площади бастиона, где располагалась одна из защитных башен. Живности не видно, лишь несколько горок пепла у входа безмолвно поприветствовали путников. Бастион давил своей пустынною и мрачною, даже стены из когда-то белого материала не придавали позитивных красок, как не придавал их холодный синеватый свет, пробивающийся через грандиозный купол, разломленный и частично обрушенный.

— Нам запрещено ходить в проклятые города, — прошептала Афина. — Их осталось два или три, но оборонительные системы все еще работают, а технологии намного превосходят наши.

— Кто построил их?

— Не знаю. Говорящий клана говорил про Дасфиров Кайри. Есть авторитетные исследователи предполагающие, что это творение рук Элвитов или представителей неизвестной нам цивилизации. Лично мне это не интересно.

Перед взором путников пробежал луч целеуказателя.

Ликнат остановил Афины и внутренне подобрался, готовясь к худшему. Луч скользнул совсем рядом с ними и, изобразив закручивающуюся спираль, остановился пятном мерцающего света в метре от них. Пятно быстро росло. Из бесформенного пузыря показались руки и голова поврежденной голограммы молодого человека очень худого телосложения.

— Приветствую, мон-се-Тхани! Кхе-кхе! Приветствую, мон-се-Тэбах! — едва внятно проскрежетала подрагивающая голограмма. — Рад приветствовать в великом граде Цалтуим, приклонившихся перед Кайри! Как мне обращаться к вам?

— Афината ир-Ниор, клан первобога Яртиз! — гордо ответила Афина.

— Отказано, — равнодушно отозвалась голограмма и махнула рукой на выход. — Просьба покинуть территорию. Кыш, кыш!

— Ах ты, жалкая бестелесная тварь!

— Следующий!

— Ликнат, палач Святой Инквизиции.

— Рад, очень рад, что посетили нас, — заулыбалась голограмма юноши. — Прошу, прошу, не стойте на пороге! Мон-се-Тэбах, пожалуйста, нег-мае латпи сатум рсамони Кайри!

Они переглянулись, и Афина занервничала, пошатываясь на уставших слабеющих ногах.

— Она идет со мной, — спокойно произнес Ликнат.

— Конечно, не намеривался затевать спор. Город в вашем распоряжении, но не весь, — голограмма будто огорчилась. — Бастион, башни и окраины дружелюбны к вам. Центральные магистрали, узловой амфитеатр с главной сферой производства мне не подвластны, как и определенные здания и сектора ближе к центру. Остерегайтесь хапитов. Они больше не интересуются поддержанием жизнедеятельности и ремонтом механизмов, а лишь бездумно шатаются по улицам. Мелкие поедатели ржавчины настроены весьма

агрессивно. Говорить с ними бесполезно. Запомните это. Вот путеводитель и несколько ознакомительных брошюр. Хорошего дня!

С последними словами голограмма растаяла, оставив путников в недоумении. Ликнат бегло просмотрел карту города и поместил брошюрки в цифровой архив.

Они проследовали к ступеням бастиона и вошли в недра защитного строения, где остановились на отдых.

Афината сразу уснула. Ликнат не хотел спать, но странная дремота одолевала его, принося разные образы и видения. Он снял шлем, но ослепляющие вспышки продолжали пробиваться в его сознание, испепелять обрывки мыслей и воспоминаний. Невыносимой яркости свет давил сильнее порывов урагана. Видения в мозгу Ликната вызывали приступы острой и затяжной боли, вгрызались мучительными крючьями в мясо. Вскипала кровь Ликната. Что-то пищало в его ушах. Мелькали искаженные образы и рваные тексты священных писаний, заложенные в него церковными настоятелями. Проносились отголоски фраз. Кто-то спорил до хрипоты, кричал, ругался в темноту... смиренно просил. Из его подсознания вырывались то разъяренные дикие звери, то чье-то очаровывающее пение, то какие-то люди, бросающиеся на него с молотом. Перед его глазами разливался ручьями огонь, пожирая заброшенный поселок у реки. Носились вихри пепла по выжженной земле, которая раздиралась стальным крошевом и затуханиями вторящих опустошению взрывов. Незнакомые леса и горы крутились перед взором. Чей-то совсем юный смех. Озеро на дне разлома... молодая женщина, что наливала молоко и подавала к столу свежее испеченный хлеб... Уставшая девочка, склонившаяся напротив своего отражения, и лишь цвет глаз являлся их различием.

Афината почувствовала сильную напряженность в воздухе и обжигающий жар, исходящий от человека. Сердце ее забилось быстрее, разгораясь стремительно. Ей снилось что-то странное. Она несмело отвела руки за спину и вцепилась ногтями, хватаясь за твердые бока напряженного, будто в момент окаменевшего, стана человека, на что человек лишь что-то пробормотал или ей это только показалось, и коснулся ее спины лицом. От прикосновения его губ Афина вздрогнула и ощутила спиной дыхание родной пустыни. Статическое электричество пощелкивало на ее огненно-рыжих волосах, мурашки пробегали по телу. Афина почувствовала неопишуемую легкость в теле и невероятные волны почти осязаемого пламени, страстно танцующего вокруг. Языки огня поднимались до потолка, разбиваясь лепестками и припадая к земле, и стелились переплетающимися змеями. Потрескивали дуговые разряды между пальцами инквизитора, щекоча тонкими раскаленными иглами нежную девичью кожу.

Вспыхнула росчерками узоров молния, несколько ее отростков скользнули по втянувшемуся животу Афины, обошли ее грудь, вызвав продолжительную сладостную дрожь во всем изогнувшемся теле... Или все это ей привиделось, галлюцинации в ее вымотанном сознании, вызванные последними стадиями коварного сна.

Афина не смогла закончить свою мысль, тягостно сомкнула ресницы, и со стоном провалилась в беспамятство, сползая в знойные объятия врага, раздувавшего в ее сердце угли притаившихся желаний, где так и забылась.

Инквизитор вздрогнул и прогнал наваждение.

Афина открыла глаза через два часа, на удивление проворно оделась и спешно привела себя в порядок. Ликнат сидел у единственного входа в помещение. Перед Афиной лежала гибкая фляга с водой, пара пилюль и вкусно пахнувший кусочек мяса с золотистой корочкой.

— Мясо шлемом поджарил?

— Не все ли равно? Не забудь витамины. Воды выпей.

— А что за существо стало моим ужином?

— Не знаю, — пожал плечами Ликнат. — Но раньше оно неплохо ползало.

— Фу! — поежилась Афина, но мясо съела полностью, после чего запила витамины предложенной водой.

Когда странники покинули стены бастиона и слезли на улицы города, то уже оба солнца клонились к закату. Длинные тени ползли от запущенных зданий и вытекали из заросших лианами переулков. Стараясь не шуметь, двигаться предельно быстро и скрытно, путники пересекли сектор от здания к зданию. Никого не повстречав, они вышли к центральной автомагистрали, ведущей к воротам, расположенным на другой стороне города, минуя опасные участки и узловый сектор с пугающим амфитеатром и вибрирующей сферой. Звон ржавых цепей усилился, но его слышал лишь инквизитор, настороженно осматривавший дорогу, заваленную разбитыми машинами, не имеющими каких-либо колес, а лишь тонкую платформу на днище. Автомагистраль состояла из какого-то сверхпроводника.

Связанная самовосстанавливающимися цепями энергия до сих пор витала над полотном дороги.

Путники шли по краю магистрали. Протиснувшись через полуподвальные окна осевшего здания, они остановились по вине посторонних шорканий. Из-за раскуроченной машины, схожей на двухэтажный туристический автобус, вырвалось пошатывающееся худое создание на двух нетвердых ногах с необычными инструментами в руках. Создание открыло рот и что-то бессвязно забормотало, будто пуская пузыри. Существо состояло из множества переплетенных гибких шнурков и трубочек. На лице существа присутствовали шарики-сенсоры, расположенные полукругом, с каждой стороны по четыре. Оно казалось таким немощным, что Афина невольно расхохоталась. Сосредоточенный на появлении существа Ликнат вскинул руки, освобождая ножи из невзрачных ножен.

— Он похож на истощенного раба, лишенного пищи и не просыхающего от дешевой выпивки, — Афина выглядела отдохнувшей.

— Может мимо пройдет.

— А давай избавимся от него?

Ликнат промолчал, продолжая двигаться, протискиваясь между навалами разрушенного транспорта и крупными обломками. Хапиты (или кто эти существа?) определили, что же их потревожило, оглянулись и заспешили навстречу путникам. Когда между ними расстояние сократилось до метров шести, Афина неожиданно вырвалась вперед и, подпрыгнув, с полуразворота врезала существу ногой во впалую грудь. Существо отлетело, стукнувшись об машину, и рассыпалось на отдельные шнурки. Инквизитор покачал головой, на что Афина звонко рассмеялась, подскакивая на месте.

— Перестань втягивать меня в неприятности.

— Он совсем дохлый был!

В одну массу хапиты собрались в тот момент, когда Ликнат поравнялись с местом их распада. Только сейчас они имели вид не жалкого оборванца, а разъяренного полуторатонного быка. Из ноздрей этого кибернетического организма, или это колония организмов, миниатюрных машин, вырывался свистящий пар. Рога его клонились к земле, а из восьми глаз струилось желтое марево. Теперь громко захохотал Ликнат, подгоняя и заставляя бежать Афину еще быстрее по дороге, находившейся в нескольких десятках метров

над землей. В провалах виднелись заросшие дорожки, непроходимые парки и одноэтажные постройки. Бык взревел и увлеченно бросился за ними следом. Со всех сторон раздались вторящие ему крики, визг и рев.

Полотно дороги то вздымалось, то расходилось трещинами, дрожа под стуком копыт рассерженной твари. Инквизитор схватил Афины за плечо и оттолкнул в сторону, а сам запрыгнул на капот одного из автомобилей, уклоняясь от быка. Выждав момент, Ликнат впился клинками во вздымавшийся бок существа, распарывая сплетения из трубок. Образовавшиеся лоскуты по краям ужасных ран затрепетали, что, впрочем, не мешало существу брыкаться. Бык развернулся, откидывая назойливого человека рогами.

От возни поднялось едкое облако горькой пыли. Ликнат проворно перекатился и, подпрыгнув, заскочил на холку существу в форме быка, чтобы быстрым движением ножей рассечь ему глотку. Бык закинул голову, пытаясь рогами достать человека. Но у того свои планы. Стараясь добить быка, Ликнат с недюжинной силой вогнал ножи в лоб существа, которое завалилось, сминая тушей гору мусора.

От удара об землю Ликнат покатился, пытаясь подняться на ноги. Спустя пару кувырков ему это удалось и, подскочив к существу скользящим броском, он нанес еще несколько точных ударов. Поверженный бык распался на извивающиеся отростки и куски, чтобы через минуту еще раз собраться в разъяренного быка. Невредимое существо медленно двинулось на обидчика.

Ликнат не подал удивления или страха, убрал ножи и скрестил руки на груди. Кибернетический зверь осторожно приближался, не так уверенно и безрассудно как в начале. Существо внимательно изучало, выстраивая стратегию и подбирая тактические ухищрения, обрабатывая полученную информацию. Оно обучалось и использовало для своей формы чужие воспоминания и образы.

Играя в гляделки, Ликнат наставил на топтавшегося быка указательный палец. Одновременно с этим жестом полотно автомагистрали провалилось, и взревевшая тварь сорвалась вниз, с грохотом исчезнув где-то в густых зарослях парка.

Внизу расплодилось обиженное мычание.

— Пусть там побесится. Нам нужно спешить, — Ликнат развернулся, отряхиваясь и смотря по сторонам.

— Ты не смог убить его? — несколько изумилась Афина.

— Я не ставил перед собой такой цели.

— Не оправдывайся, еще немного и оно прервало бы череду твоих побед, су-Риам! Разорвало бы на куски твою плоть!

— Все не дождешься моей смерти? — без эмоций произнес он. — В след за мной этот плетеный бык выпотрошил бы и тебя.

— Подумаешь...

— Знаешь, если бы вместо меня был кто-то другой, то он бы мог подумать, что ты специально спровоцировала это существо.

В ответ Афина только фыркнула.

Следующие километры магистрали путники преодолели без особых осложнений, лишь пару раз Афина едва не сорвалась в дыры дорожного покрытия. Хапиты не показывались на глаза. Возможно, испугались, либо больше не горели желанием связываться, и нашли более увлекательное занятие, чем гоняться за странниками. Так что тишь, благодать и завалы с разрухой придавали городу особую привлекательность.

Карта сильно устарела. Перед взором Ликната простирался совсем другой город, полуразрушенный и утопающий в зелени и разросшихся лианах, а не тот, что вертелся в трехмерной проекции на дисплее. До ворот из города уже рукой подать. Вот только автомагистраль закончилась полным обрывом дороги, где образовалась пропасть. Дальше виднелось продолжение трассы, уходящей лентой и несколькими кольцами развязки к следующему сектору, прилегающему к стенам бастиона, который вел к защитной башне и искомым воротам из города.

На следующем рубеже проступали редяющие прохладные леса, горное плато и раскинувшиеся холмы, искусанные карьерами и ступенями каменных террас.

Лениво наплзали тяжелые беспросветные тучи, предвещая холодные осадки и пасмурность.

— Есть идеи? — прервала тишину Афина.

— Есть. Даже две, — отозвался инквизитор. — Мы можем совершить спуск, используя опоры магистрали и элементы автомобилей. Или воспользоваться для ускорения полотном, состоящим из сверхпроводящего материала. На магнитной подвеске можно набрать необходимую скорость, чтобы перепрыгнуть пропасть. Надо подобрать исправную подвеску, соорудить трамплин.

— Где ты возьмешь столько энергии для образования магнитных полей?

— Разве не ты сказала, что я су-Риам? Сейчас развернутся небеса, и я призову молнию.

— Весьма остроумно. Весьма и весьма, — Афина продолжала осматривать опоры дорог. — У меня совсем нет желания спускаться туда.

Поверхностно проверив первые попавшиеся машины, инквизитор вырвал вполне годные аккумулялирующие батареи и несколько конденсаторов. Пригодился и примеченный им ранее колебательный контур. С магнитной подвеской пришлось повозиться дольше, чем он предполагал, так как на глаза попадались поврежденные блоки. Стащив все необходимое в одну грудку, Ликнат собрал разрозненные блоки в две одинаковые компактные конструкции. После чего порыскал и пристроил к ним ремни и автомобильные зажимы системы безопасности.

— Я не могу взять в толк... — задалась было вопросом Афина.

— На роликах каталась когда-нибудь? — перебил ее Ликнат, закончив со сборкой устройств.

— Тут я их не вижу.

— Присядь, сейчас все объясню, — он захватил устройства и направился к Афине. — Их машины передвигались с помощью магнитного поля.

— Без тебя поняла.

Афината недоверчиво посмотрела на безликую маску, но покорно присела, обхватив руками колени, и уставилась с явным любопытством. Ликнат закрепил оба устройства на ее ногах чуть ниже колена, стянув их ремешками на щиколотке. Свой выгнутый диск с «электрическим угрем» он пристроил к одному из устройств на ее ногах и включил его. Афина испуганно вскрикнула, так как ее тут же принялось таскать из стороны в сторону за ноги. Периодически от гудящего диска с треском била молния в дорогу. Ликнат подал Афине руку и помог ей подняться на ноги. Она взмыла над магистралью и зашаталась, оживленно вскрикивая. Образовалась магнитная подушка между дорогой и ее стопами. Ноги Афины постоянно разъезжались, а тело покачивалось. Чтобы сохранить равновесие она суетливо размахивала руками и хваталась за своего спутника.

— Сосредоточься. Ты умеешь плавать? Да не так... не делай лишних движений. Достала...

Ликнат бесцеремонно оттолкнул ее от себя и активировал собственные магнитные подвески, изначально встроенные в защиту его ног, но для иной цели, тоже взмыв над дорожным полотном.

— Здорово! — Афина сносно управлялась и осторожно скользила над чернеющими сверхпроводниками. — Ай!

Решив подождать пока она свыкнется, Ликнат оглядывал окрестности, по-своему прекрасные и живописные.

Радость Афины омрачили хапиты, появившиеся некстати и управляющие двумя десятками соединений-форм. Среди этой толпы присутствовал и сброшенный ранее бык, возглавивший процессию. Вся эта галдящая и вопящая банда бросилась в сторону странников с явными намереньями поквитаться за наглость посторонних, что вторглись на их территорию.

Ликнат сдвинул несколько весьма крупных обломков и наспех соорудил трамплин. После чего разогнавшись как мастер-конькобежец, он устремился навстречу враждебным существам, грациозно скользя над полотном дороги и огибая разрушенные автомобили и провалы. Своей атакой он ввел в ступор большинство хапитов, разбив тем самым их плотный строй и разрушив планы обратить в бегство чужаков. Первому попавшемуся существу хватило удара ноги, чтобы оказаться далеко за пределами дороги. Ликнат выбросил сразу с десяток лезвий с двух рук на лентах и, взмахнув ими, резанул всех хапитов кого смог достать по ногам.

Перехватив еще одно существо, Ликнат поднял его на оба ножа. Развернувшись, он заскользил к краю дороги и стряхнул скулящего хапита за ограждение. Тут на инквизитора набросились еще два хапита, пытаясь смять своим весом, и вдобавок с боку врезался бык. Хапиты наседали, толкаясь у края. Выскользнув из их объятий и уже в воздухе развернувшись, Ликнат метнул нож в бок хапиту, собранному из множества трубочек и синтетических шнурков. Найдя ногами опору, он воткнул в существо еще два ножа, повернулся и потянул за собой, чтобы скинуть вниз. Не с первой попытки, но инквизитору это удалось.

В спину отскочившего Ликната прилетел удар, и его подбросило в воздух. Инквизитор сумел совладать с падением и удачно приземлился перед бегущим быком. Существо вмиг остановила ослепляющая вспышка от облачения инквизитора. Воспользовавшись паузой, Ликнат запустил бездну су-Риам, давно жаждущую разрядиться. Энергия волн многократно усилилась. Бык покатился сдавленным куском синтезированной плоти, вывалившись вместе с несколькими машинами и оставшимися хапитами в образовавшийся провал.

Что-то выкрикивая, Афина скользила к месту баталии, нарезая круги, выписывая воздушные пируэты и размахивая руками.

Сильные толчки и вибрация магистрали насторожили Ликната. Опорные колонны дороги зашатались, а полотно пошло волнами, осыпаясь целыми секциями.

Огромная ручища ухватила за край с отвалившимися ограждениями, и вобравшее в себе хапитов гигантское существо выползло, перевалившись через край дороги и придя в движение.

Злобный рев огласил округу и заставил содрогнуться купол.

— Быстрее! Разгоняйся и к трамплину.

Не дослушав его, Афина сорвалась с места и устремила к пропасти.

Ликнат выжидал.

Предоставив ей немного форы, он метнулся следом, набрав скорость, чтобы увернуться от размашистой руки разжиревших хапитов, лишенных черт индивидуальности: туловище, три руки, две ноги. Чудовище утробно взревело, обрушая дорогу, и поползло следом, размахивая ручищами в попытках схватить вертлявого человека.

Афината приближалась к шаткому трамплину из кусков машин у обрыва. Заметно, что она мешкает, теряя нужную скорость.

— Прыгай! Чего застряла?! Прыгай или я брошу тебя на этой стороне! — крик полон решительности и возымел на нее действие.

Ликнат держал в руках ножи, балансируя с их помощью и изредка обороняясь от ползущего следом существа. Он стремительно скользил к пропасти следом за Афиной. Их отделяли несколько метров. После потери магнитной подушки оказалось, что скорость над пропастью и инерция Ликната значительно превосходят показатели Афины, не перестающей кричать и махать руками в полете. Поэтому инквизитор заранее принял решение врезаться в Афины, придать ей ускорение и помочь перелететь пропасть.

Перелетев, они покатались, приземляясь на втором отрезке магистрали, и попытались совладать с магнитными подвесками. Пока Афина верещала, перекатываясь в пыли, Ликнат осыпал ругательствами самого себя, кувыряясь по техногенному хламу.

Первым оправился от жесткого приземления Ликнат. Подняв потрясенную Афины, он помог ей справиться с магнитными подвесками и продолжить бегство. Эти несколько минут гонки с препятствиями по превращающейся в развалины автомагистрали и обезумевшим исполинским существом на хвосте надолго осядут в памяти путников, волей случая сведенных вместе.

Забежав в бастион, где на сторожевой башне развивался обрывок красной ткани, они поспешили к укрытию за стены. Только когда башня залпами отогнала агрессивных хапитов, вопящих сотнями мерзких голосков, путники сумели отдышаться и немного расслабиться.

Все смолкло так же внезапно, как и началось, заново погружая призрачный город Цалтуим в вековой сон и эпоху безвозвратного упадка.

— Только не говори мне, что все это было на самом деле...

— Откуда мне знать? Мы еще в заболоченном лесу спорами галлюциногенных грибов надыхались! — Афина пыталась отдышаться после забега. — Ша, у меня сейчас сердце лопнет.

— Ты чего ко мне задницей повернулась?!

— Да пошел ты.

Свет луны плавно преломлялся в стеклянной мозаике мансардных окон, выходящих в цветущий сад на второй половине крыши гостиницы «Искра Агата». Бледный луч отражался, лениво разбиваясь, чтобы вновь начать отплясывать искрами и святающимися бесформенными пятнами, будто настороженно и лукаво играясь с женщиной, не желающей отправляться в привычные сети сновидений в это полнолуние. Край луны то показывался из-за облаков, то снова испуганно прятался, оставляя после себя лишь белоснежный нимб, влекущий прочь из шумного мегаполиса.

Наи Саен сидела на коврике, выпрямив спину и закрыв глаза. Волосы черным каскадом ниспадали по ее плечам и прикрывали нагую спину. Выверенным движением рук Наи подняла перед собой слегка изогнутый меч в искусных темных ножнах, исписанных узорами и вкраплениями алых камней, схожих на свежие капли крови. На украшенной круглой гарде поблескивали сапфирные камни в форме слез, напоминая утреннюю росу, а синхронные узоры алмазной пыли струились и обволакивали застывший материал. Она развела руки в стороны, и превосходный клинок меча бесшумно обнажил грани, охотно выскользывая из оков заточения. Свет игриво заискрился на отполированном металле, на котором проступали древние иероглифы, тлея алым дымом и вспыхивая крошечными угольками.

Почти беззвучно отодвинулись створки входных дверей, и чьи-то босые ноги ступили на пол, укрытый теплой притемненной дощечкой, выложенной причудливым узором. Приятный контраст подчеркивали различные породы дерева и вставки матового алюминия с дорожками из ворсистой толстой ткани. Комната просторна и без излишеств.

— Падающий лист — не повод для грусти. В след за ним приходит весна. Дерево зацветет, радуя сердце, которое когда-то печалилось об увядающем листе, — раздался полусшепот за ее спиной.

— Ница?.. Тебе я вижу тоже не до сна, — откликнулась таким же зачарованным шепотом Саен. — Почти правильная трактовка символов. Но точнее будет: Упавший листок — не повод печали. За ним открыто ступает весна. Дерево зацветет, успокаивая сердце, печалившееся когда-то об увядающей листве.

— Фамильная реликвия?

— Подарок отца, — ответила Наи, поднялась и взмахнула клинком, описывая им круг, несколько не смущаясь своей наготы. — Вот только я не рассчитывала на ночных гостей.

— Ты мне не рада?

— Я не об этом.

Наемница беззвучно проследовала к своей кровати, подобрала невесомый халатик, накинула его и аккуратно положила меч на подставки, накрыв платком из приглаженной ткани с изображением переплетающихся веток с бутонами экзотических соцветий. И зачем-то учтиво поклонилась стеллажу. Зашелестела ткань ее халата, убранство стягивал тонкий плетеный пояс.

Воспользовавшись заминкой, Ница перевела взгляд на стеновой монитор. Соединенный с общей информационной сетью монитор включился, повинувшись ее мысленному приказу. На экране отобразился повтор прошлых новостей, потрясших население распадающейся на

протяжении пятнадцати лет Империи и встряхнувших умы общественности.

«Полиция планомерно подавляет массовые беспорядки, вызванные чередой ужасных событий и временной анархией вследствие недавних терактов, которые забрали жизнь Святого человека и главы Инквизиции...»

Ница отмотала видеозапись, еще раз воспроизвела и вопросительно уставилась на застывшую наемницу, произнеся без какой-либо враждебности: «Повторить?»

— Нет, я просмотрела все значимые новости за последние дни, — казалось, что Наи увязла в сладостных воспоминаниях о былой охоте.

— Зачем понадобилось их убивать, еще и так жестоко? — Ница приблизилась. — Ты же не могла столь крепко привязаться к почти незнакомому тебе человеку. Тогда откуда взялось столько ненависти?! Вы ставите меня под удар правительственных войск. Над нами уже повис мрачный меч осуждения. По вашим следам они выйдут к моим воротам и в конечном итоге — мне нечего противопоставить армаде.

— Ты испытываешь страх за себя? — удивленно произнесла наемница. — Перед кучкой людей?

— Нет, я беспокоюсь не о себе. Да и за «кучкой» придет понимание, а за общим пониманием — разворачивающаяся мощь всех армий планеты. Цивилизация наполнится страхом человечества перед разумными машинами, что приведет к небывалой доселе бойне. Вы уничтожаете все, что не способны контролировать, что представляет угрозу, сейчас или в будущем. Вы даже сами себе не верите! Не верите другим людям, что уже говорить о нашем сосуществовании?

— Разве что-то изменилось бы, надумай я тихо придушить этого лицемерного поганца? Смерть в любом облики жестока, я отдаю себе в этом отчет. Тайполь напомнил мне моего отца. Есть нечто схожее или я просто ищущу родственность, смягчая горе, пустившее корни во мне вследствие невозможной утраты, — Наи прервала ее и сплела нервно пальцы. — Тайполь напомнил мне многое: мои детские клятвы, мою скорбь, мои слезные просьбы и глупые угрозы с сотрясанием воздуха у крематория. Когда-то меня признали душевнобольной и уперли в лечебницу.

— Мне жаль. Твой отец был военным? — Ница подошла к окнам. Теперь ее освещал свет вышедшей луны.

— Отец бы не позволил жалеть себя. Человек фанатично преданный своему делу и погибший за свои идеалы тверд как сталь. Да, он был военным.

— Я не знаю военных с такой редкой фамилией. Генерал лейб-гвардии Саен.

— Он опасался, — слабо улыбнулась наемница, — но никогда не признался бы в этом. Мы жили с матерью отдельно.

— Жили?

— Мать исповедовала свободную религию вселенского абсолютизма и пыталась нести ее в народные массы, — Наи приглушенно хихикнула. — Полагаешь, я зря упомянула крематорий? В настоящее время Инквизиция не так яро карает отступников и еретиков, да кому теперь нужна их вера в сложившемся хаосе.

— Мне очень жаль... прости. Все-таки эта месть чем-то обоснована, — проговорила Ница после непродолжительной паузы. — Уверена в своих действиях?

— Более чем! С каких это пор ты стала метить на место моей совести? — напряглась Наи. — Я не просила оправдывать мои поступки, а здесь я нахожусь по праву «услуга за услугу»! Так что разберешься с нелепыми законами без нас. Я прикончила человека, чья

рука, не разбираясь, подписала смертный приговор моей матери! Я обещала лично наказать убийц моих родителей, и я сдержу слово!

— Вы можете навредить нам.

— Вот заладила. Зависла что ли? Все будет нормально, не зацкливайся. Мы уйдем, как только появится необходимое окно. Нам нужна передышка.

— Я хочу помочь вам, чтобы защитить ее. Вы принесли с собой беду. Я чувствую этот запах, так пахнет затушенный в спешке костер: сыростью и пеплом. Хочу ускорить неизбежные события и лично повлиять на них, но повлиять так, чтобы Ладани ничто не угрожало в будущем.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Только отвали со своей назойливостью, — пробурчала Саен и грубо отмахнулась. — Не подумай, что я пытаюсь оскорбить тебя, но настроение не располагает к задушевной беседе. У меня еще достаточно проблем и всяческих жизненных трудностей, чтобы не расслабляться еще лет пять.

— Договорились, — кивнула Ница. — На рассвете я буду готова ознакомиться с вашим планом действий и обговорить все детали предстоящей операции. Мне действительно очень жаль, жизнь близких не имеет цены.

Ница покинула покои наемницы и прикрыла за собой сдвижные створки дверей.

Свет украдкой скользнул по лицу Наи и нескольким локонам ее непослушных волос. Наемница облегченно с тоской выдохнула ночной воздух и направилась к роскошной кровати. Ее тело требовало заслуженный отдых, а разум жаждал беспрестанных действий. Одним движением она сбросила все тряпье с кровати и блаженно свернулась взъерошенным комочком на голом каркасе с пластиковыми перегородками и ребрами жесткости. Поверх них закреплялась стойкая древесная плита со смесью приятно пахнущих степных трав, призванных улучшить сон. Наи закрыла глаза, полностью отдавшись объятьям заждавшихся сновидений.

С первыми лучами солнца поднялись жалюзи панорамных окон в комнатах, впуская разливающийся поток света.

Наи вскочила с кровати, открыла глаза. Тело ее мгновенно проснулось, и она проследовала в душевую кабинку. Сборы заняли меньше восьми минут. Одетая в простую и удобную повседневную одежду она спустилась в общий зал, где ее уже ждали непринужденно беседовавшие Ница и Вельвет. Последний почему-то был особенно весел, но от наемницы не ускользнули намеки на внутреннюю напряженность напарника, безнадежно пытающего скрыть это под маской добродушия.

— Утро доброе. Все в сборе, — входя в зал, поздоровалась Саен коротким кивком.

— Привет, — они ответили ей в один голос и переглянулись.

— Вельвет, ты получил почту?

— Да, моя госпожа, она на столе у мониторов.

Наи приблизилась и вскрыла пухлый конверт. В заказном письме лежала старая бумажная карта генштаба восемнадцатого округа и серая пластинка, переносное хранилище информации. Пальцы наемницы подрагивали, когда разглаживали местами выцветшую карту, а глаза пылали ненавистью и печалью. Карта не отличалась высокой детальностью, но на ней показаны подземные коммуникации и технические туннели, проложенные рабочими достаточно давно под территорией какого-то комплекса строений. Наи поднесла пластинку к монитору, и словно магнит это устройство приклеилось к гладкому краю. Полотно монитора включилось, показывая детальную карту восточной части пустыни с высушенными

каньонами и мертвыми провалами скал. Она сдвинула карту пальцами и открыла еще один файл, где находился подробный план военной базы, спрятанной в скальных породах и недрах песочных барханов пустыни Ом Шадан.

— Вот мы и вошли в новую фазу, волнующую все мое естество, — сдержанно промолвила Наи.

— Долго накапливали ресурсы, много средств потрачено. Многих удалось купить, запугать или убить. Мы ближе, чем когда-либо, — поддержал ее Вельвет. — Необходимо сохранять трезвый рассудок. Мы можем рассчитывать на молниеносный напор и быстрое отступление на заранее подготовленные позиции. Проникнуть, убить, бежать! Удар должен быть нанесен филигранно, а противник должен вспомнить про оборону только когда мы закончим и успеем уйти. Большая часть средств ушла на травлю инквизиторов и убийство Шаневика, но оставшихся ресурсов хватило на полную подготовку. Мне удалось внедрить провокаторов, подорвавших моральный дух повстанцев и расшатавших дисциплину. Партия алкоголя случайным образом оказалась на территории базы. Четыре агента с наркотой переброшены и обросли крепкой сетью зависимых. Серьезные проблемы с качеством воды и пищи обеспечены. Электрические сети и генераторы подготовлены к выходу из строя, приборы и техника лишены экранирования, импульсные точечные заряды заложены. Саботирование идет полным ходом. Всем уплачено сполна.

— Подводя итоги можно уверенно сказать, что повстанцы будут обезглавлены? — возбужденно прошептала Саен. — Это войдет в историю Синдиката.

— Вы что затеяли? — сорвалась Ница, осознав масштаб их игры. — Вам мало прошлых убийств? Мало кровавых рек при свержении самодержавия? Пятнадцать лет вы барахтаетесь в крови своих соплеменников... Сколько можно убивать?

— Или свали, или не мешай мне! — зло огрызнулась Наи. — Только ослепший глупец не видит войны! Все вокруг пропитано ею, боевые действия ведутся круглосуточно, мы с детства боремся за свое место под солнцем, сперва бьемся до первой крови, а после и до смерти!

— Вы уничтожаете все на своем пути. Вот к чему было лишать жизни помощника Отца-Инквизитора?

— Он отчасти работал на нас, — невозмутимо заговорил Вельвет. — Позже стал опасен.

— И знал существенные части наших планов. В чем-то даже помог за определенную плату, — дополнила слова наемника Наи. — Да и не только на нас он работал.

— Ага, чуть не слил агентуру повстанцам, — Вельвет засмеялся. — С ним надо было кончать.

— Стоп! — подняла руку Ница. — Я помогаю вам, а потом вы достаете хоть из-под земли друга Ладани и на этом я хотела бы распрощаться с вашим Синдикатом!

Наемники переглянулись.

— Могу прямо сейчас ткнуть в этого человека пальцем, если он вообще еще человек, — Наи говорила очень убедительно, непритворная уверенность всегда пропитывала эту женщину, окутывала ее слова. — Но захочет ли он быть с вами? Волоком мы не собираемся его тащить.

— Сама с ним разберусь. Значит по рукам?

— Как только Лисма Кенри умрет, ты получишь всю информацию о Тайполе, — Саен протянула руку, и они скрепили уговор рукопожатием.

— Любопытно, почему мы уткнулись в тупик? — задумчиво произнесла Ница. — Почему

мои друзья не смогли докопаться до дна дезинформации?

— Не обижайся, но вы еще не научились изворачиваться и лгать как мы, до уровня человечества вам еще далеко, мои милые машины, — улыбнулась наемница. — Вы мыслите более наивно: черное, белое, а у нас миллионы оттенков серого.

— Ты пыталась, чтобы узнать?..

Наемница развела руками:

— А как иначе?

В двери настойчиво постучались. Вельвет сложил карту, кинул пластинку в походный рюкзак. В комнату заглянула сонная Ликани, чтобы уточнить, сколько человек будет к завтраку. Сославшись на занятость, наемник вежливо отказался от завтрака и с рюкзаком за плечами направился на подземную стоянку к гаражам гостиницы.

— Время еще есть, насладимся завтраком, — подмигнула ей Наи. — Кто знает, возможно, это последний наш совместный завтрак или вообще последний прием пищи для меня.

— Ты всегда так пессимистически настроена? — спросила Ликани.

— Просто не знаю чем заняться после выполнения детской клятвы, — одними губами проговорила наемница. — Я двигаюсь к двум целям, по достижении которых путь мой завершится.

— Нет, — произнесла Ница. — Ты выйдешь на следующий уровень и займешься чем-нибудь менее разрушительным.

— А это хорошая идея, — ободрилась Саен. — С моими навыками я могу взяться за развитие и содержание пансионата для стариков где-нибудь в горах или на живописном южном побережье.

— Глупая шутка, — отозвалась в дверях Ликани.

— Та да.

После завтрака троица попрощалась со всеми и направилась на поиски Тайполя. Ладани оставили за хозяйку, так как она единственная успела ознакомиться с гостиничным комплексом и научиться обращаться с виртуальной составляющей здания, эта оболочка управляла всеми системами, начиная от систем жизнеобеспечения с разнообразными службами и заканчивая боевыми турелями.

Шум силовых агрегатов вырвавшейся машины отчетливо слышался на опустевшей улице, напитавшейся ночной прохладой и отблесками разрушения. Близняшки проводили взглядом удаляющиеся очертания автомобиля и занялись повседневными заботами. Фрэнк отправился проверить окрестности и сектор парка просыпающегося мегаполиса, неохотно отходившего от массовых беспорядков, точно от тяжелейшего похмелья и ночных страстей, разбивших сон.

За покрытым притемняющим напылением окошком автомобиля мелькали моноблочные короба дешевейших лачуг, что припирали собой древние руины прежних границ мегаполиса и располагались друг на друге как грибы после проливного дождя. Пригородная зона смотрелась столь же отталкивающей и ужасно нищей, как бывшая столица манящей и неприкрыто зажиточной. Элементы роскоши сыпались на нее как из рога изобилия, сосредотачивая небывалые капиталы и разврат за последние десять лет в этом месте. Мир менялся быстрее, чем кто-либо мог предположить. Падение прежней власти вызвало бурную цепную реакцию. Кто смог бы допустить, например, что в будущем убийство человека станет законным при содействии Синдиката наемников? Церковь потеряла прежнее влияние и перестала восприниматься в серьез. К власти пришли темные кукловоды мирового

порядка. Но население цивилизации тяжело сдержать в необходимых рамках, система рушилась лавинообразно. Каждый считал, что вправе жить лучше, и мечтал о светлом будущем, не понимая, что планета даже теоретически не способна всех обеспечить личным счастьем, нет таких ресурсов.

Благодаря новейшим магнитно-торсионным блокам машина неслась, едва слышно шурша колесами по дорожному покрытию, плавно и не раскачиваясь. Вельвет расположился за управляющим контуром и изредка корректировал автопилот автомобиля, находясь при этом в виртуальном симуляторе пилотов дирижабля.

— Проклятье! — наемник свернул интервьюер и пригрозил неизвестному оппоненту кулаком.

— Трудности с автопилотом? — из пассажирского отделения выглянуло серьезное лицо Ницы, а из-за ее спины донесся ехидный смешок Наи.

— Он все еще мечтает пилотировать дирижабль, — сквозь смех произнесла Наи. — Рожденный ползать, летать не может, а падает охотно и с подобающим его комплектации грохотом.

— Пилотировать?

— Вельвет, не сутулься!

— Все равно подниму эту консервную банку! Чего бы это ни стоило! Все отдам за умение управлять дирижаблем, — Вельвет глубоко вдохнул и выдохнул, берясь еще раз за виртуальный тренажер. Что сделать, если наемнику нравится выполнять приказы, всегда влекло насилие, оружие и техника, в особенности гигантские машины.

— Договорились.

Без намека на шутку отозвалась Ница и протянула свои пальцы к голове занятого настройками симулятора наемника. Она резко ухватила за голову Вельвета, подпрыгнувшего от неожиданности, и наемника ударило продолжительным, но маломощным разрядом тока.

— Что... что это было? — обернулся настороженно наемник и оцупал свое тело.

— С этого момента ты пилотируешь на моем уровне, — игриво произнесла Ница.

— Это еще как понимать? — выскользнула из лежака Наи, заинтересовавшись происходящим. — Я тоже хочу что-нибудь получить бесплатно! Научи сочинять стихи, или петь в опере, чтоб хрусталь разбивался вдребезги.

— Я могу передать только те знания, которые приобрела или усвоила сама. Для оперы необходим от природы волшебный голос. У меня его нет.

— Хм, летать и стрелять, ездить и плавать, фехтование и рукопашная, — перебирала вслух наемница, загибая пальцы. — Мне и пожелать нечего. У тебя в копилке только технические навыки.

— Ты про цену не забывай, — лукаво подмигнула Ница. — Все — это очень-очень много, Вельвет.

— М-да, кто меня за язык тянул. Я еще не проверил свои новые возможности, вдруг ты просто шарахнула меня каким-то импульсом и глумишься втихаря.

Саен перевела на него взгляд.

— Думаешь, она похожа на дешевого шарлатана с кочующей лавки?

— Я...

— Что ты? Говори, похожа она на сельского шарлатана?

— Не, но проверить надо.

Ница красноречивым жестом предложила проверить все самому. Вельвет коварно ухмыльнулся и включил интервизор, выбирая экспертный уровень с возможностью боевых действий. Виртуальный мир загружался и обрабатывался не более минуты. Тренировка началась. Наемник сохранял невозмутимость на лице. Пальцы его проворно бегали в манипуляторах. Наи затаила дыхание и устроилась в сиденье, рядом с водителем.

Вторая минута показала, что Вельвет не может сдержать произвольную улыбку, он полностью поглощен небесной баталией среди тяжелых дирижаблей класса «Помпеи». Руки Вельвета дрожали от избытка адреналина, его лицо сияло как у ребенка, а зрачки задорно бегали по сторонам в интервизоре. Сражение собрало первоклассных пилотов и постоянных лидеров, но в довесок к ним шло несколько повседневных неудачников, таких как Вельвет.

Не отрывая удивленного взгляда от просиявшего наемника, Наи поправила курсограф машины и подкорректировала автопилот.

— Ты прекрасно летаешь на этих корытах, — пробасил Вельвет, на седьмой минуте завершая тренировочный матч безоговорочной победой. — Мне предложили не только пройти реальные тесты, но и работу виртуального инструктора в гвардейской воздушной дивизии четвертого флота.

— Под началом адмирала Аширо? — уточнила Наи.

— Да, черт возьми, да! Сам не могу поверить...

— Не хочу портить такой сентиментальный момент, но осталось решить вопрос цены.

— Я и не отвливаю, говори что задумала.

— Ты будешь оберегать Ладани так же ревностно, как и Наи, чтобы не случилось с кем-то из нас сегодня, — твердо сказала Ница. — Для меня это означает «все».

Вельвет перевел вопросительный взгляд на свою госпожу и нервно щелкнул суставами пальцев.

— После уничтожения цели ты свободен, — проговорила Наи, смотря на него широко открытыми глазами. — Это поразительно: столько лет жалких попыток, а тут всего лишь прикосновение пальцев...

— А смысл усложнять? Я научила его мозг, закрепив необходимые связи, но мышцам еще предстоит привыкнуть, — просто пояснила Ница. — Тренировки не бросай или связи разрушатся.

— Если с тобой что-то случится, я приложу все усилия, чтобы защитить ее, пока все вокруг не придет к относительной стабильности.

— Именно.

— Потом я хотел бы стать инструктором и примерить форму летчика, — расплылся в довольной улыбке наемник. — Только представьте! Ясный весенний день. Фуражка синяя, золотой эполет! Встречный ветер, рвущий белоснежную рубашку на груди, и милые дамочки, провожающие взглядами мой громадный... боевой... дирижабль!

— Вельвет! — Наи, шутя, стукнула его ногой в плечо.

— Эх, мечты-мечты, — улыбнулся наемник.

Следующий отрезок пути Ница провела у рулевого контура, поочередно подменив наемников.

Дорожное покрытие постепенно портилось, разрушаясь под натиском пустыни. Наи проложила курс к одному из запасных ангаров Синдиката, где их ждал быстроходный транспорт на воздушной подушке с неплохими показателями незаметности за счет корпуса и скошенных граней. На «пустынном скитальце» мощная силовая установка с новейшим ядром

и внедрена самая современная система навигации, позволяющая без проблем путешествовать через пылевые бури и преодолевать огромные расстояния.

Загнав авто в бункер, переложив необходимые в дороге и для выполнения задач вещи, троица авантюристов решила перекусить, а после произвести технический осмотр «скитальца».

Ница незаметно выкрала несколько интересных фрагментов алгоритма навигации и моделирования обмана радарных станций, пользуясь открытым доступом к креслу пилота и контуру управления.

— Покопалась в нашем белье? — бесцеремонно подвинула ее сосредоточенная наемница, запуская ядро двигателей малого десантно-разведывательного транспортера. — Пользуйся на здоровье, все равно когда-нибудь просочится наружу в общую сеть.

— Да я так, просто любопытство, — обезоруживающе заулыбалась Ница. — А кто написал поведенческую модель и вот это моделирование с возможностью самообучения в малом диапазоне?

— Один большой юноша, — нехотя ответила Наи. — Мы ему предоставляем все условия комфортной жизни, в отличие от монастыря святош, где его били палкой по искривленным недоразвитым ногам. Только это явно не для тебя, ты же не машина для перевозки десанта.

— Для моих друзей. Поможет закончить небольшой проект.

— Осторожней с этим! Я старомодна и опасаясь развитый искусственный интеллект. Кто знает, что у вас на уме?

— Ты ведь не боишься незнакомого тебе человека, стоящего рядом в очереди за полуфабрикатами, замороженными месяц назад? Возможно, он страдает маниакальными расстройствами рассудка и по праздникам потрошит далеко не индейку, — прохладно парировала Ница, решив пока на этом остановиться, и вышла в десантный отсек к скучающему Вельвету.

— Я не стою в очередях за чертовыми полуфабрикатами с треклятыми маньяками, озабоченно дышащими мне в спину! — прозвучал возмущенный голос из кабины пилота. — Ненавижу очереди! И полуфабрикаты тоже... а, дьявол! Вельвет, это ты тут сменное белье бросил? Совсем обнаглел?

— Нет.

— Как нет?! Нас двое, кто пользуется такими комплектами.

— Хорошо, детектив, куда мне его еще деть?

— Там даже красной рамкой обведен отсек для сжигания бытового мусора. Быстро убрал за собой!

Расслабившись в кресле, Ница прикрыла глаза. Вспомнился ей один из дней, проведенных в обществе Ладани. В то утро они решили выбраться за город, поэтому собрались пораньше, пока все спали. Расположились подружки у озера с кристально прозрачной водой, один берег которого был оккупирован небольшими деревцами и кустарником. Трава там росла до самой кромки воды. У поверхности носились стаи мальков и рыбешки покрупнее. Над водой и в рогозе кружили стрекозы. Местность вокруг являлась частью городского ботанического сада, скрытого под прототипом искусственного колпака.

— Ну, расскажи мне!

— Вот прицепилась, — улыбнулась Ница. — Доешь хоть.

Ладани запихала остатки бутерброда и что-то пробубнила невнятно.

— Подавишься ведь.

— Нее.

Полный рот мешал Ладе говорить. Она потянулась за бутылкой с персиковым соком и закашляла, поперхнувшись.

— Вот видишь! — Ница похлопала ей по спине. — Жуй.

— Мне нравится.

— Что?

— Утро.

— Запутанно все, — заговорила после паузы Ница. — Тайполь жив, но он другой: сильно изменился, вернее его изменили.

— Господи, — вздохнула Ладани. — Я никогда не найду его.

— Его организм заставили повзрослеть на пару лет, лишили памяти, лишили прошлого и слепо поставили на службу к инквизиторам.

— Он не узнает меня при встрече? — Лада перестала жевать и удивленно уставилась на Ницу.

— Наверяд ли.

— С этим можно что-то сделать?

— Пока не знаю. Наи работает над этим. К ней за помощью обратились сослуживцы Тайполя. Они рассказали, что нашли какой-то древний механизм в подземельях. Его сейчас изучают ученые Синдиката. Осталось только ждать.

— Все из-за меня! — глотнув сока, Ладани продолжила: — Он отправился искать меня и его схватили. Если бы не я, то всего этого бы не было.

— Ты не виновата. Поздно жалеть о том, что случилось.

— Легко тебе говорить.

— Конечно, ведь у бездушной машины нет сердца, — Ница поднялась, глядя на горизонт. — Если бы не он, то мы бы не встретились, и, как ты заметила, всего этого бы не случилось.

— Извини.

Ница молчала. Ветерок игрался с ее волосами. Было тихо и безлюдно. Свет не ослеплял, но заставлял жмуриться, согревая и освещая сад. Все вокруг дарило спокойствие, хотелось остановить время. Остановить прямо сейчас... и прожить этот день словно неделю.

— Ты поможешь мне? — голос Ладани дрожал.

— Да, — Ница посмотрела на нее и почувствовала тепло в ее взгляде.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Ницу кто-то легонько пнул по ноге и послышался голос наемницы:

— Уснула что ли? Вельвет, ты поведешь.

— Почему опять я?

— Нечего бы разбрасываться. Живо за руль!

Подаренный посланниками прибор «Нотра Эклисс» пискнул и включился. Лейтенант-Аналитик непонимающе протер глаза, бросился к столу и схватил сканер. Плоская шкатулка слабо завибрировала в его руках. Мигали две лампочки на приборе, а внутри выпуклой шайбы из стекла пришла в движение проволока, изгибаясь спиралями. Металл проволоки накалился и испускал приметные вибрации. Ритто Воскин непонимающе покрутился со сканером в руках, сориентировался в какой стороне искомый объект, да так и выбежал из лаборатории.

— Это ужасно, — отозвался из раскачивавшегося кресла Лидер-Командор Лисма Кенри. — Смерть Ратмира, образцы украдены, крах нашего движения неминуем. Почему Синдикат вдруг объявил войну Инквизиции?

— Наемники не объявляли войну. Они продолжают сотрудничество, — Генрих Бриг вышагивал зигзагами около стеклянного балкона, скрытого шторами. — Как же голова раскалывается. Столько проблем. Проклятье! Наемники вскользь сообщили, что все согласовано по контракту, принятому главенствующим кругом, и вообще в дальнейшем не намерены делиться подобной информацией со мной.

— Контракт Синдиката, подтверждающий право совершить убийство?

— Да. Впоследствии закрытия контракт сохранится в архивах. Проситель заручается поддержкой одного из исполнителей среди приближенных. Верхушка Синдиката состоит из безликих фанатиков. Невозможно запустить к ним щупальца шпионажа. Все агенты погибают или переходят на сторону наемников. Не думал, что мне будет не хватать пустозвона Луиса...

— Продолжай.

— Кое-что удалось узнать, зачинщица этого безобразия наемница Наи Саен. В ее тени кроются могущественные сторонники. Именно ее считают убийцей Шаневика.

— Это еще что за кукла?! — искренне удивился главарь повстанцев. — Зачем ей далась Инквизиция?

— Инквизиторы кремировали ее мать по обвинению в распространении ереси и аморальном поведении. А ее саму упекли в лечебницу для душевнобольных. Умалишенная. Эту информацию почему-то сложно обнаружить.

— Мрачные времена тогда были. Но если не пересекать дорогу, вовремя кивать в согласии головой, то жить вполне сносно.

— Согласен, — кивнул Бриг, — вот только навряд ли Император лично разбирал каждое обвинение. Он тогда был слишком занят устройством своей интимной жизни.

— Мы дали миру свободу и небывалые возможности, а они кидают нам камни в спину, — осуждающе покачал головой старик. — Конечно, я в этом искал собственную выгоду, но все же...

— Я пытался выйти с этой наемницей на связь, но она залегла на дно. Возможно образцы у нее. Саен безупречно выполнила несколько контрактов на нас. Последний контракт заключался в обнаружении и ликвидации агента Инквизиции на базе Ха-Шин. Судя из вышесказанного, мы могли бы с ней договориться.

Двери распахнулись. В приемный кабинет вломился Ритто Воскин, отталкивая разгневанных охранников. В его руках мигало какое-то устройство.

— Оно... оно, — задыхаясь, проронил раскрасневшийся мужчина. — Работает! Объект движется к нам!!!

— Что?! Ты о чем? — спохватился Бриг. Освещение заморгало и медленно угасло, спустя несколько мгновений включился аварийный источник питания. — Пес раздери этих электриков! Сколько можно мучить генераторы! Капрала Ровика ко мне, лейтенант!

— Бриг, ты не понял? Иди к черту со своими электриками! — гневно выкрикнул Ритто. — Боевой кибернетический блок движется на нас, проклятый ключ долбанных призрачных засранцев где-то тут появился, совсем рядом! Объявляйте тревогу!

— Я сам все проверю, — Генрих грубо отодвинул с прохода разоравшегося Воскина и скрылся за поворотом коридора у шахт лифта.

Свет продолжал гаснуть и вспыхивать. Бриг неистово забарабанил по сенсорной панели в попытках вызвать лифт, но тот не отвечал. На нервы действовал постоянно вспыхивающий и гаснувший аварийный свет, еще и канал дальней связи пропал. Лидер-Капитан бросился к лестнице, чтобы спуститься к подземным гаражам и казарменным отсекам. Этаж за этажом. Везде на удивление безлюдно. Ступеньки, перила, серые стены, значки условных обозначений и коды инвентаризации.

И эти двери заело. Генрих ударил плечом, навалился всем весом, и дверь аварийного выхода с трудом поддалась. За ней оказалось бесчувственное тело повстанца, оно-то и блокировало проход. В воздухе витал тошнотворный запах аммиака и чего-то явно перебродившего на солнцепеке. Офицер наклонился проверить пульс бойца, на что тот отпрыгнул перегаром прямо в лицо Брига.

— Что за отбросы! Отребья, обсоски, никчемные недомерки! Подонки! Я вас всех высеку!

Генрих гневно нанес болезненный тычок носком ботинка в спину распластавшегося повстанца, перебравшего алкогольного пойла, и, предавая анафеме набранных добровольцев, заспешил к расставленной в гаражах технике. Дальше за техническим парком располагалась комната генераторов и охладительные резервуары с газовыми баллонами.

Смена, намедни дежурившая в автомобильном парке, отыскалась не сразу, расположившись с комфортом и оставаясь самовольно запертой в одном из подсобных помещений. У двоих из бунтарей неряшливо закатаны рукава униформы. На их предплечьях виднелись припухлые ссадины от пластмассовых полосок с дорогостоящим наркотическим веществом. На полу разбросаны остатки небогатого обеденного стола, пластиковая тара с последними каплями мутной крепкой жидкости.

«Если вся база в таком состоянии, — оглядываясь, задумался Бриг, — не взять ли мне отгул за свой счет на пару дней? Что-то тут явно не так. Не нравится мне этот разгулявшийся балаган, откровенно схожий на саботажную деятельность. Как мы могли скатиться до такого состояния?»

Лидер-Капитан пробежался к ближайшему внедорожнику с высокими бортами, заскочил на место водителя и провел наладонником, но контур управления не реагировал. «Не могла машина выйти из строя. Не могли генераторы сами так испортиться, еще и поступившие жалобы на качество воды», — подумал Генрих и сжал кулаки, повернул рычажок, выскочил к поднимающемуся капоту машины и бросил взгляд на силовой агрегат с блоком производительности:

— Какого хрена?..

Взрывом Брига ударило об крышку установки и капот, перевернуло и откинуло в проход между машинами. Пыль заполнила гараж и ремонтные боксы. Послышалось специфическое завывание взмахов лопастей транспорта на воздушной подушке и едва уловимые ухом шаги.

Сознание Генриха мутилось от внезапной контузии, от неожиданного поворота событий этого дня. Он сплюнул кровавый сгусток на пол, заполз под днище машины, где и потерял сознание, понадеявшись на сопутствующую ему удачу и собственную живучесть.

Пыль оседала. На шум взрыва выбежал пошатывающийся повстанец, волочивший по земле винтовку за растянувшуюся ляжку. Ему на встречу шла женщина в черной броне, покрытой золотой вязью и ломаными узорами, облачение подчеркивало ее стройную фигуру и бедра. За боевым шлемом тянулись трубки с ультрамариновым свечением. Повстанец удивленно открыл рот, разглядывая крестообразный лицевой щиток тактического шлема, за которым притаились фиолетовые огоньки глаз с машинным блеском, и тут же получил сильный удар в шею, отбросивший бунтаря на несколько метров назад к цеху.

— Займусь основным хранилищем. Стяну боеспособных повстанцев. Постараюсь связать их боем, — Ница бросила взгляд через плечо. — Помни о своем обещании, человек.

Вельвета передернуло от странных интонаций в голосе Ницы. Он коротко кивнул, продолжил движение вперед и выбил дверь на лестницу. Осматриваясь, Наи Саен скользнула следом, держа в руках изогнутый меч. Наемник выставил перед собой на вытянутых руках два тяжелых рельсовых пистолета, проворно поднимаясь вверх по лестнице. На нем усиленный бронежилет и штурмовая броня Синдиката, лицо скрывал шлем с фильтрующей маской.

Шум десятка ног в армейских ботинках заставил притаиться наемников под лестничной площадкой. Тусклый аварийный свет помогал не привлекать к себе внимание, а череда оглушающих взрывов указала правильное направление рыскающим патрулям.

Ница настроилась на предстоящий бой, пробегая по коридорам под вспыхивающими аварийным светом лампами. Лишь мысли о человеке с нелепым именем Ладани занимали все ее естество и подогревали стынущую в сердце кровь. Она не искала драки, всячески уклонялась.

Личный состав база повстанцев поднят по тревоге, но, как и предполагалось, едва ли мог вести организованный бой. Ница подбежала к ржавым ограждениям, выглянула в складское помещение с воротами, ведущими к асфальтированной площади и взлетным полосам, там угадывались очертания винтокрылов и двух истребителей со сложенными клинообразными крыльями, и съехала по перилам.

Охранники встретили Ницу огнем, пытаясь отступить вглубь склада и прячась за разнообразными контейнерами. Пригибаясь, прыгая с контейнер на контейнер, ей удалось выйти им за спины. Подскочив, Ница врезала бойцу ногой в лицо и, приседая, выполнила подсечку, опрокидывая повстанца. Перекатившись, она отбила руками замах приклада второго бунтаря, цепочкой ударов выбила его оружие и, не теряя инициативы, добила его. Время пройти в себя последнему повстанцу никто не собирался давать, Ница с разбегу врезалась в него, отбросив бойца к стеллажам с боеприпасами, и, ударившись головой, повстанец потерял сознание.

Сирена тревоги продолжала разрываться, оглашая окрестности затяжным воем. Строевой плац перед складом наполнился звуком множества бегущих ног. На плацу раздавались сдержанные окрики, громкие команды. Техника оставалась неисправной, посеяв

растущую панику среди моторизированных подразделений повстанцев.

Не теряя драгоценных секунд, Ница разместила в заранее оговоренных местах небольшие, но довольно мощные заряды взрывчатки. Они способны вызвать детонацию топливных емкостей, находящихся под этим складом на «минус втором» этаже. От взрыва топлива разрушатся охладительные резервуары, и база лишится остатков энергии. План хорош, но предстояло еще выжить во время стрельбы, взрывов и разлета тысяч свистящих осколков. Ница скинула компактно сложенное устройство и четкими движениями собрала щит. Толщина его невелика, но сопротивление физическому воздействию приравнялось к пулестойкой броне.

Десятки собранных по тревоге взводов двинулись в боевом порядке к воротам склада, повинаясь спокойным командам офицеров. Ница вытащила продолговатый цилиндр и, стукнув его дважды об землю, метнула дымовую шашку к приближавшимся врагам.

— Дым! Надеть противогаз! — пронеслось над плацем. — Рассредоточиться! Огонь открывать без предупреждения! На территории диверсанты!

— Контакт!

Площадь перед складом скрыло облако едкого черного дыма. Видимость сократилась до нуля. В состав шашки входило специфичное вещество, мешавшее тепловизорам пробить поставленную завесу. Пригибаясь, Ница побежала вперед, придерживая щит. Дым надежно скрыл ее, и редкие выстрелы подтверждали неспособность повстанцев определить цель.

Из дыма пробилась спина повстанца, который оглядывался и прислушивался, еще не замечая Ницу. Она бросилась к нему и с размаха врезала кромкой щита в затылок под каску. Не издав ни звука при падении лицом в потрескавшийся асфальт, враг свалился.

Остро пахло битумной смолой. Еще одна подозрительная тень. Ница заспешила, едва не врезавшись в повстанца, вынырнувшего из плотной завесы. Ница присела, стукнула щитом по ногам врага, резко опуская руки, и тут же выпрямилась, чтобы встать и щитом ударить повстанца под лицевую маску. Повстанца подкинуло вверх. Он упал без шума, приложившись еще и затылком. Раздались направленные криком выстрелы. Ница едва успела прикрыться щитом, падая на бок и плохо сгруппировавшись, и перекатилась по обломкам асфальта, после чего поднялась, беззвучно отступая. По пути ей попались еще двое бойцов, с ними она тоже быстро разделалась, просто выстрелив им в лица из отобранного пистолета.

Кольцо окружения сдавливало петлей эшафота, норовя зажать в тиски проникших диверсантов.

Удостоверившись, что пройдено необходимое расстояние, Ница вынула еще две дымовые шашки и повернула наладонник панелью к себе, чтобы активировать взрывные устройства, раскиданные по комплексу.

Оставляя хвосты, шашки взмыли в воздух, хлопнули и пропали в дыму. Три или четыре почти одновременных взрыва сотрясли здания и землю под ногами. Рваное эхо разлетелось вдоль безжизненного желтого каньона пустыни Ом Шадан. Взрывная волна выплеснула кучу обломков и опрокинула бойцов, внося еще большую панику в их ряды. Взрывом разрушило здание склада и вызвало необратимые последствия. Гудели расшатывающиеся генераторы и разогревающиеся до критических температур ядра энергетических установок. Охлаждающая жидкость выкипела окончательно. Столбы пара с радиоактивными газами вырвались из-под земли, сваривая заживо в брызгах кипятка тех, кто находился возле разломов. Еще один узел подвергся детонации, превращая в развалины сектора казарм и ремонтный цех с открытой площадкой. Огонь охватил часть помещений базы. Лишь на арсенал диверсанты не стали

покушаться, достоверно неизвестно что хранится в нем, а опасность радиоактивного загрязнения и термоядерного взрыва достаточна велика.

Ветер подхватывал клубы ядовитого дыма, далеко разнося запах гари по всей базе и за ее пределы. Повстанцы ползали ошеломленные и напуганные.

Ница бросила бесполезный щит, треснувший в нескольких местах, и побежала к примеченному перед дымовой атакой винтокрылу. Единственный из всей техники винтокрыл был заранее экранирован от электромагнитных импульсов и сохранил боеспособность. Наемники решили оставить его на случай отхода, чем Ница и решила воспользоваться. Машина отозвалась сразу, раскрутив провисающие винты. Нице пришлось разбить лицо появившемуся пилоту и вытолкнуть его вон. Она взялась за рычаги управления и подключила интервизор к сети. Двусные винты засвистели сильнее, отрывая машину от земли, и темная туша взмыла вверх, разгоняя потоками воздуха пыль, дымовую завесу, и опрокидывая разбегающихся повстанцев.

Винтокрыл спроектирован и построен с двумя кабинами с контурами в форме клиньев. По штату второй пилот, оператор орудий, размещался выше за первой кабиной. Боевая машина имела два несущих винта на крыльях и хвост. На малых крыльях установлены ракетные комплексы, автоматические пулеметы и спаренные плазменные пушки.

Уничтожению подверглись здания и оставшаяся техника. Ница кружила, накрывая в разные стороны парящую машину, осыпая огнем и сгустками плазмы базу повстанцев. Винтокрыл покладист, послушен и стремителен, с легкостью уклонялся от ручных ракетных комплексов и огня орудий мобильных платформ, вокруг которых суетились редующие расчеты.

Пламя мщения, той обиды, приютившейся острой колючкой в сердце Ницы, поглощало поверженных бунтарей лавовым потоком, хлынувшим из всех орудий винтокрыла, вспухая созревшим семенем среди военного комплекса. Она украдкой улыбалась сквозь кристаллики скатывающихся по бледным щекам слез, и не могла прогнать эту глупую ухмылку, все сильнее сжимая занемевшими пальцами гашетку пулеметов и вдавливая пусковые клавиши. Шипящие ракетные залпы порождали всполохи пунцовых цветков. Бутоны огня танцевали на плавящихся обломках базы и человеческих телах, вызывая болезненные ассоциации с разрушенной оранжереей. Ярусы благоухающих садов, пруды с шумящими водопадами проносились перед взглядом Ницы, хозяйки оранжереи в недрах снежной горы, разрушенной коварными злыми людьми, неспособными быть хозяевами планеты, несущие разрушение и горе, распространяя эту смертельную заразу на все вокруг, вновь и вновь вовлекая все живое в топь вымирания.

Показания шпионивших за повстанцами жучков вели наемников безопасным путем к цели, минуя патрули и посты охраны. Перед приемным кабинетом и залом совещаний, соединявшимся шлюзом с покоем главаря ПОА, диверсантам преградили путь тяжеловооруженные бойцы личной охраны. Раскатистые выстрелы мощных пистолетов Вельвета отразились эхом от стен, и повстанцы сползли на пол, оставляя кровавые разводы. Легковесные, разогнанные плазмой и магнитными полями снаряды, прошли насквозь облачения охранников, но увязли в железобетонных блоках. Вельвет приоткрыл массивные двери, украдкой заглянул в приемный кабинет и поднял один из пистолетов ко лбу, чтобы почесаться.

- Нет времени осторожничать! — эмоционально сказала Наи и протиснулась в кабинет.
- Получишь пулю в задницу, не плачь, — Вельвет прикрыл дверь приемной и прилепил

маломощную растяжку к порогу.

Внезапно двери в зал распахнулись, и на наемницу выскочил повстанец с лейтенантскими погонами. В руках Ритто сжимал пистолет и целил в голову диверсантке. Пуля со свистом врезалась в стену в нескольких сантиметрах от головы инстинктивно отреагировавшей Наи. Наемница вовремя упала, вскинула одноразовый выстрел с дымами, выпрямила руку и сжала патрон. Дымы полетели в лицо повстанцу. Ритто взвыл, хватаясь за обожженное лицо. Сблизившись, Наи сильно врезала с размаха навершием меча повстанцу в незащищенный броней пах. От чего тот захрипел, прекратив выть. Наи оттолкнулась от пола и с разворота заехала ботинком в лицо скривившемуся бунтарю, после чего кувыркнулась назад через руки, ретировавшись к тут же выстрелившему с обоих пистолетов напарнику. Воскин не успел отойти от первой неожиданно пришедшей боли, как получил смертельное ранение в голову и свалился.

Прогремела растяжка у порога, и завопил очередной повстанец, которому оторвало ногу по ботинок.

Наи не захотела отвлекаться на всякую мелочь и юркнула в открывшиеся двери, поднимая меч на уровень плеча.

В зале совещаний сумрачно и пусто. Наи пересекла его, направляясь к шлюзу, расположенному за главным креслом у камина. Над ним болтался древний, едва сохранившийся гобелен, где изображался турнирный поединок средневековых закованных в латы рыцарей на конях, накрытых попоной с гербами. При приближении наемницы шлюз открылся, приглашая ее пройти в покои главнокомандующего ПОА. Пахло нежным ароматом вишни... и зловонием табака.

— Назови свое имя, — Лисма Кенри заговорил сухим голосом, мерно раскачиваясь в антикварном кресле-качалке, и даже не повернул головы, оставаясь сидеть спиной к вошедшей наемнице. — Ты прошла длинный путь, чтобы достать меня. Я польщен.

— Наифа Саен, — холодно ответила наемница.

— Не ожидал что у убийцы столь детский голос, — Кенри повернул голову. Его зеленый искусственный глаз неприятно замерцал. — И кто же меня заказал, девочка?

Наи сверлила его ненавидящим взглядом. На несколько секунд установилось молчание. Старик собрался было повторить свой вопрос, но она бросила ему в лицо скомканную бумагу. Лисма стерпел эту дерзкую пощечину и развернул смятый комок, осматривая прилетевшую карту генштаба. Ту самую карту... позволившую ему взять дворец Императора хитростью, что послужило началом свержения самодержавия и установлению нового мирового порядка. На бумаге остались капли крови, следы боли и страданий. Старику даже сейчас слышны отголоски душераздирающих предсмертных криков и шепота молитв. Той ночью его уши устали их слышать, руки утомились убивать, а ватные ноги поскользываются в ручьях крови и путаются в чьих-то внутренностях и кишках.

— Кто осмелился мстить за смерть Императора? Кто подослал ко мне убийц? — Кенри попытался подняться, руки его обессилено цеплялись за подлокотники. — Назови его имя, дрянь!

— Не в Императоре дело, старик. А в человеке, который доверял тебе. Из его архива ты и выкрал эту схему коммуникаций дворца, чтобы позже ударить исподтишка, — Наи говорила, и с каждым ее словом температура в комнате понижалась. — Ты трусливый предатель, но я подарю тебе шанс взглянуть в лицо своего палача. Я не ударю тебе в спину. Не уподоблюсь твоей двуличной природе, Лисма Кенри, Генерал-Адъютант, Командор аэромобильных

войск его величества Императора Ястия Шанни... Я дочь адмирала Асоко.

— Абсурд! Глупость какая-то! У Асоко не было ни детей, ни семьи, — Лисма притих, всматриваясь в черты лица вышедшей из тени женщины. — Да, вижу поразительное сходство... Прошу, подай мой именной кортик. Хочу встретить смерть, как подобает великому воину, победителю Императора, с оружием в руках.

Презрительный почти детский смешок разлетелся по комнатам, заставляя сжаться больное сердце старика. Наи обнажила свой клинок, откинув больше ненужные ножны с белыми узорами, и направилась к главарю повстанцев. На гранях клинка отплясывали отблески ликующих глаз наемницы. Меч будто бы подпевал и иероглифы на его лезвии раскалились, испуская невесомое марево. Кресло натужно заскрипело под задергавшимся одряхлевшим стариком, пытающимся подняться или сбежать. Лисма широко открыл единственный настоящий глаз и захрипел от безысходности, отмахиваясь чадящей трубкой и отталкиваясь от ковровой дорожки ногами.

— Лисма, вы приглашены на казнь. Хотя, к чему вообще почести предателю? Недостойно ты умирать на одной планете с моим отцом, человеком чести и слова, — Саен игриво передвинулась, совершая обороты на носках. — Этот меч еще не пробовал крови, а так жаждет выпустить ее из тебя.

— Не тебе осмеивать мои достижения и мое величие! Обо мне слагают легенды, и история запишет их золотыми буквами!

— Конечно, питайся ничтожными иллюзиями, — язвительно оскалилась Наи. — Ты так и не смог совладать с ядом. Семейный рецепт безотказен. Собственной шкурой испытал иглы моего отца? Израненный и окруженный, но он смог дать вам отпор и поразил тебя метательными лезвиями. Надо было сразу отгрызть себе руку, выдавить глаз. Может и спасся бы от разрушительного действия яда.

Лисма Кенри молчал, стиснув зубы. Пальцы его впились в подлокотники кресла, почернев.

Багряный протуберанец сверкнул по грани клинка. Маревое развеялось. Наи взмахнула мечом, выбивая из рук старца курительную трубку, и наотмашь отвесила ему звонкую пощечину, от чего голова старика закачалась на тонкой шее и он надрывисто закашлял.

— Отправляйся прямиком в ад, — с этими словами Наи сделала выпад в сторону, и клинок от плеча рассек воздух, пройдя горизонтально через шею Кенри, не встретив никакого сопротивления за счет своей остроты.

Голова Лисма Кенри скатилась к его же ногам, потух скверный глаз, испускавший зеленое свечение.

Наемница подошла к застекленному балкону и убрала светонепроницаемые шторы, потянув их за веревки. Свет колоритного заката наполнил комнату, где покачивалось в кресле обезглавленное тело последнего врага ее семьи. Острие меча скользнуло по стеклу, производя невыносимый скрип, и ушло выше. Наи перехватила ловким движением клинок, направила его себе в дрогнувший живот, приседая и опускаясь плавно на колени. Она провела пальцами по острому лезвию.

Клинок слегка выгнут, расширяется на острие.

Веки Наи прикрыты. Она наслаждалась наступившей тишиной и исполненным долгом. Она сдержала обещания, спотыкаясь и ковыляя к этим целям всю жизнь, пережив радости и печали, гордость и стыд, подъемы и падения. Губы ее задрожали, руки вытянулись кверху для размаха, чтобы одним колющим ударом отцовского меча поставить точку и решить

нависшую дилемму.

Клинок сверкнул и стремительно кинулся проголодавшейся коброй к напрягшемуся животу Наи. Пальцы ее побелели от напряжения. Но меч коснулся неподвиженной преграды и ушел в сторону, звонко ударившись. Наи приоткрыла глаза и снисходительно посмотрела. Слеза пробежала по ее щеке, остановившись, будто цепляясь за прекрасный подбородок. У ее ног лежал Вельвет, сжимая рукой окровавленную ладонь и шипя от боли. Несколько его пальцев валялись рядом. Кровь щедро оросила ковры вокруг них и настил, подогреваемый скрытыми механизмами.

— Я не хочу жить. Мой путь завершен, — одними губами произнесла Наи, тень печали коснулась ее лица. — Отпусти к отцу и матери. Я скучаю по ним.

Вельвет поднялся и отобрал у нее меч с выгнутым клинком, жар которого вырывался из сердцевины через тайные знаки на лезвии.

В свете заката струились алмазные пылинки эфеса.

— Асоко не одобрил бы твой поступок! — Вельвет наскоро бинтовал поврежденную руку попавшейся на глаза тряпкой.

— Им я все объясню сама.

— Я заблокировал двери. Там столпилась сотня повстанцев. Будет еще шанс погибнуть в бою.

— Это не тебе решать. Я давно хотел закончить свою жизнь.

— Забыла о собственных обещаниях? — наемник вытащил фотокарточку сестренки Луиса и протянул ее напарнице. — Ее нашли в небольшом тихом местечке, частная оздоровительная лечебница.

— Этого мало.

— Ты нужна мне, — Вельвет закончил перевязку руки и стал перезаряжать пистолеты.

— Сам справишься. Дай мне умереть.

— Не тупи. Ты нужна мне как единственная женщина, которую я хочу видеть каждый день рядом с собой.

Наи замолчала, что-то обдумывая.

В бронированный шлюз ударил взрыв.

Струя автогена плюнула жидким полыхающим металлом через крохотное раскаляющееся отверстие. Жало газового резака вскрывало дверь. Повстанцам не терпелось ворваться и убить хоть кого-нибудь в отместку за все страхи и разрушения. Вельвет отдал Наи один из своих пистолетов и подмигнул, показывая поврежденную ладонь без трех пальцев в окровавленных лохмотьях. Комната наполнилась шипением и удушающими газовыми миазмами резака, заставляя глаза слезиться и вызывая мучительный кашель. Наи подобрала ножны, пристроила меч за спиной и подняла пистолет обеими руками, готовясь сопротивляться до последнего.

Повстанцы почти закончили прорезать бронированную дверь, когда к ним на помощь пришел винтокрыл, сначала разбив окна пулеметной очередью, а после выпустив ракету им навстречу. Наемники едва успели попрятаться по углам за мебелью. Шлюз был уничтожен вместе с бунтарями на той стороне. Зал наполнил свист винтов. В раскуроченный проход улетели еще две ракеты, и винтокрыл прижался к балкону, почти цепляя фасад винтами и носовой частью.

Первым махающую рукой Ницу заметил Вельвет, удивленный противоречивыми действиями винтокрыла, и, схватив в охапку дезориентированную взрывами Наи, бросился к

разрушенным балконам, пригибаясь под потоками ревущего ветра.

Погрузиться на борт винтокрыла нетрудно, учитывая отличное прикрытие спин огнем пулеметов и сгустками мерцавшей плазмы. Вельвет подключился к системам, что управляли вооружением и наводкой, дабы присоединиться к Нице, выведшей винтокрыл на контрольную высоту.

Винтокрыл стал в карусель, разнося все привлекательные цели на полыхающее крошево и горы металлолома. Взывали залпом ракетные установки. База повстанцев дрожала, рассыпаясь обломками на глазах. Густые клубы сизого дыма укрыли плотной пеленой строения базы. На поверхности видна лишь только часть айсберга военного комплекса разгромленных повстанцев, но миссия наемников завершена неоспоримой победой.

Устраиваясь удобней на коленях напарника, Наи расслабилась и прижалась к его груди лицом, спрятанным за сползшими прядями пепельно-черных волос, отстранившись на время от пришедшей реальности, сдававшей ей когда-то неосуществимой и от того туманной. Ушла тревога минувших дней и вместе с ней преследующие женщину по пятам липкие кошмары поломанного детства.

Афина остановилась, уперла руки в бедра и повернула голову к инквизитору. Ее рыжие волосы, заплетенные в одну косу, мотнулись к плечу.

— Слушай, я хочу есть... Слышишь? Есть хочу.

Обойдя упавшее дерево с иссохшими ветвями и пузатым расколотым стволом, Ликнат продолжил высматривать, где им проще пробраться к карьерам.

— Я умираю от голода!

— Не преувеличивай. Еще пару часов в пути не убьют тебя.

— Уже сама себя перевариваю! У меня повышенный обмен веществ.

Она уселась на траву пепельно-каштанового оттенка, побеги которой тянулись витками, а корни сплетались в общие мочалки кирпичного цвета, и всем своим видом показала, что не сдвинется с места.

Ликнат щелкнул по не приметной панели сбоку брони и выдвинул гибкий карман с крепившимися на нем бесцветными пакетами размером меньше пачки сигарет. Один из пакетов он кинул Афине.

— Пробей и выпей содержимое.

— А что там? — Афина с интересом потрясла пакет. — Наверняка гадость какая-то.

Ликнат пожал плечами.

Афина проткнула пакет пальцем в перчатке, приложилась к нему губами и осушила за раз, поднялась на ноги и пошла вперед. Час назад она уверяла, что эту местность узнает: они рядом со станцией, разрабатывающей грунт и горные породы в поисках какого-то редкого стратегического ресурса.

За последнее время Ликнат свыкся с новыми реалиями. «Все дальше от дома, — не лукавя, размышлял он. — Рвутся ниточки ментальной связи, разломачиваются. Пес изглаживает из памяти запах сурового хозяина, как только цепь пропадает. Лишь тоскливый вой напомнит о давнопрошедших временах и дармовой похлебке».

День все никак не хотел заканчиваться и тянулся точно загустевший мед. Перед взорами Афины и Ликната предстали горы с отвалами медно-серых насыпей и ступенями коричневых террас, где обнаружилась простаивающая горнодобывающая техника и козырьки штолен. За глубоким с неравномерными краями карьером, затопленным на вид чистой водой, виднелись удивительные своей простотой сооружения за забором из сетки с наблюдательной вышкой в центре. Здания комплекса состояли из сборных секций и купольных элементов, привезенных сюда и врытых в землю. Выглядела станция давно брошенной.

— Как называется ваша раса? — Ликнат перевел облачение в боевой режим, всматриваясь при этом в каждую тень. Что-то настораживало его.

— Тиррийцы, — пробормотала Афина.

Она явно что-то не договаривала. Инквизитор выпрямился, всматриваясь с подозрением в брошенные строения. Недоверие крепло в нем.

— Что дальше?

— Нам в тот корпус, где стоянка техники.

Афина поспешила обогнать его и рукой указала на сооружение с удобным въездом и закрытыми створами. Там виден шлюз с погрузочным перроном.

— Ты была здесь недавно?

— Главные ворота не функционируют. Отсюда не открыть. Придется идти через шлюз. — Афина игнорировала вопрос, волнение в ней росло. — Там есть роликовый конвейер для транспортировки сыпучих грузов. Он метров сорок. Так мы попадем на стоянку, где может быть транспорт с установкой фазмара...

— Остановись, — задержался на шаге Ликнат и, сам того не сознавая, поскреб шлем появившимся в руке ножом. На лице под шлемом ни с чего зачесалась правая щека. — Что это? Куда ты меня завела?

— Что? Ты о чем?

— Не могу сориентироваться. Что-то не так, что-то мешает мне, сбивает системы. Ни на шаг от меня.

— Как скажешь, су-Риам.

Опять эти странные нотки в ее голосе. Ликнат еле сдержался, чтобы не плюнуть и не отступить в лес, и издали изучить это место.

Ликнат и Афина взобрались на перрон и протиснулись в не полностью перекрытый шлюз. Кругом темно и подозрительно тихо. Белый шум и многочисленные радиопомехи мешали инквизитору, вызывая кратковременные галлюцинации и нарастающую тревогу. Первые шаги не нарушили тишину. Он повел корпусом, разворачиваясь, и провел ножами вокруг себя. В темноте здания он ощущал возбужденное дыхание Афины и собственное биение сердца, взывающее к усыпленному разуму, давно поняв, что они попались в ловушку.

Вспышка света ослепила бы инквизитора, если бы не автоматика, вмиг сработавшая и изменившая волновой диапазон сенсоров, перестав тем самым передавать сигнал на интервизор. Но последовавший за светом объемный удар сбил его с ног, откинул дальше по шлюзу в глухую камеру. Ликнат врезался спиной в прочный перестенок. Крышка камеры захлопнулась.

Раздался паровой свист. Камера затряслась, сдвигаясь куда-то влево. Лязг, мерзкий скрежет, запирающие зажимы вошли в пазы. Кто-то управлял ожившими механизмами и перенаправил камеру в сектор для взрывоопасных материалов. Поражаясь своей наивности, Ликнат пошатывался в попытках сохранить равновесие. Долго продолжаться подобное не могло. Прибыв в конечную точку, камера врезалась, а Ликнат свалился в угол. Просканировав стенки камеры, Ликнат понял, что камера тверда и неоднородна, многослойна и достаточной толщины, чтобы удержать его внутри. «Раздавят как мышку», — подумал Ликнат.

Прошипела пневматическая тяга, звякнули замки клетки, и заскрипел такелажный блок. Камера сдвинулась, уменьшаясь в размерах за счет сближающихся стенок. На уровне глаз инквизитора открылись воздушные щели, разряжая давление внутри камеры и впуская свет. Почти под самым верхом обнаружилось узкое контрольное окошко. Ликнат едва сдержал порыв сразу метнуть туда один из ножей. Через контрольное окно на него смотрела Афина, смотрела надменно, с чувством собственного превосходства и без всякой жалости.

Афина лишь удосужилась изобразить красноречивый жест, проведя ребром открытой ладони по шее. Она не улыбалась, не кричала, нет-нет, и не плакала от радости обретенной свободы... Афина выглядела абсолютно хладнокровной, не сдающейся на милость судьбы диверсанткой, вращавшейся некогда и в худших передрягах. Теперь-то инквизитор оценил ее

по достоинству.

— Второй ла-Тант! — к Афине подбежал боец разведки Веатора.

— Надо же... — размышляла вслух Афина, — сработало. Мне удалось его поймать.

— Со мной четыре разведгруппы. Изоляционная камера выдержит взрыв антивещества.

Мы получили новый приказ.

— Подожди с приказом, — Афина развернулась, сомкнув пальцы. — Тапрог, в камере су-Риам, и я настаиваю на уничтожении объекта. Он крайне опасен. Рууг пусть довольствуется останками человека.

— Но... я не могу! Приказ первосвященника пра-Енгажжа доставить человека в Раш-Катаиз. Он нужен живым.

Ликнат выстрелил нож почти без размаха, высвобождая знакомую внутреннюю мощь. Лезвие ножа разбило стекло и вошло ниже виска тиррийского офицера, пригвоздив его к створке-дверце, ведущей в комнату с пультами и светящимися мониторами. Кровь обильно брызнула в лицо Афины. Она отстранилась, выставляя руки, чтобы поймать обмякшее тело соратника, крепко повисшего на воткнувшемся клинке. Афината бросила взгляд на инквизитора. Перехватив еще один нож, Ликнат с жутким скрежетом провел острием клинка по правой щеке безликой маски, оставляя символичную царапину, где и до этого красовались отметины от щупалец болотной твари с зазубринами.

Несколько секунд они буравили друг друга взглядом, как заклятые враги. Казалось, будто время замерло, свет тускнеет, а звуки растягиваются, теряясь в волнах дрожавшей между ними тишины. Афина первой отвернулась, поднялась, чтобы подбежать к панели управления, и запустила механизм камеры. Аварийный щиток заслонки опустился, закрывая разбитое окно, схожее на бойницу.

Камера пришла в движение. Стены сжимались, грозя раздавить Ликната. Опять чувствуя себя как в кошмарном сне, он уперся руками и спиной, силясь остановить безжалостные объятья холодного металла. Магнитные тяги и сервоприводы загудели от возросшего порога критической мощности, разгибатели костюма заискрились под натиском неуступных стен, а мышцы Ликната пылали, разрываясь волокнами и напрягаясь сильнее. Кровь шумела в его ушах, а сердце временами проваливалось в бездну никчемности, замирая на выдохе вместе с хрипом бешенства.

Идет негромкий разговор. Изъясняется мужчина басовитым голосом. Слышно женщину. Она отвечает односложно мягким голосом, в котором улавливаются механические машинные нотки просьбы. Стукнул запорный механизм створчатых дверей. Транспорт качнуло из стороны в сторону.

— Хватит притворяться, Бриг, или я врежу тебе ногой по яйцам! — ворвался еще один женский голос, но какой-то колючий и волнующе знакомый.

Генрих Бриг криво оскалил зубы и принял вертикальное положение, помассировав ушибленный затылок, шею и правую скулу, после чего буднично произнес:

— Какими судьбами свело нас вместе, наемница?

— Не ерничай, иначе выхватишь палкой в глаз, — более спокойно огрызнулась присевшая напротив Наи Саен. — Начинай говорить.

— Я разве не говорю? — изобразил удивление на лице Бриг. Усмешка так и не сползла с его лица. — Желаю здоровья господу и дамы! Приятно видеть вас всех около моей персоны. Когда можно будет покинуть гостеприимную компанию?

— Вельвет, врежь этому мудаку так, чтобы он скопытился!

— Хватит запугивать! — Бриг поднял в примирении руки. — Думаете, буду крепким орешком? Я отлично знаю, что такое пытки. Да и человек передо мной мне так же известен своей жестокостью и изобретательностью в заплочных делах. Наслышан. Отвечу на ваши вопросы, Саен.

— Зачем? — Наи устроилась удобней в гамаке отсека для отдыха в «пустынном скитальце» и закинула ногу на ногу, сплетя пальцы на коленке. — Зачем вам смерть Императора?

Бриг прикрыл глаза и замер, собираясь с мыслями. Его внутреннее волнение выдавали пальцы едва приметным дрожанием.

— Я постараюсь быть краток, — начал Генрих негромко. — Когда ты чего-то добиваешься в этой короткой жизни, то начинаешь мнить себя относительно всемогущим человеком. Богатство и влияние растут. Ты думаешь, что можешь если не все, то многое, и упиваешься своими достижениями. Но проходят года, безвозвратно. Ты не можешь вернуть их, нельзя их подкупить или запугать, упросить, заставить. Время безостановочно мчится только вперед. Ты жалеешь, что не способен зачерпнуть эти минуты горстями. Смотришь в зеркало и не видишь того молодого амбициозного капитана, добившегося всего этого. На тебя смотрит почти старик, уставший и злой, неудовлетворенный жизнью. А глаза-то остались прежними, как в бурной юности.

— Заканчивай с предисловием, капитан, — пробурчал Вельвет. — Старость и смерть закономерное явление, не ной.

— Ах, да... ну-ну... мне будет интересно, как ты заговоришь позже, — Генрих одарил всех презрительным взглядом. — И вот я попадаю в организацию под предводительством Кенри, где собрались такие же люди, нежелающие стареть и умирать. Вы все-таки добрались до него, да?

Наи Саен утвердительно кивнула, явно получая от этого удовольствие.

— Старик так и не достиг своей мечты. А шел он к ней всю жизнь. Мечта эта мелькала на горизонте. Достойный погиб человек.

— Бриг, он был таким же дерьмом, как и ты. Не преувеличивай собственную значимость на чужой замаранной подошве, — наемница разглядывала покрашенные ногти на пальцах рук, шевелила губами, будто повторяя какой-то напев.

— Ты наверняка вся в мать. Не зря ее сожгли вместе с городским мусором в доменной печи, — Бриг принялся отхаркиваться и сплюнул вязкой слюной под ноги Наи, которая продолжала рассматривать ухоженные пальцы и ногти, отстраненно напевая что-то схожее с детской считалочкой.

Вельвет грозно поднялся и приблизился к скулсившемуся капитану. Спровоцировавший его Генрих вскочил и без подготовки атаковал наемника руками из фронтальной позиции. Вельвет был мрачен и даже не стал парировать удар, позволив Бригу стукнуть себя в мощную челюсть. Быстро двинув по ребрам открытой дланью, Вельвет врезал тому в лоб прямо через блок костяшками кулака. Бриг нечленораздельно пробормотал ругательство, приглушенно опрокинулся, потеряв сознание, и раскинул руки.

— А если ты его покалечил и сделал слабоумным овощем?

— Ница, его жизнь покалечила и сделала овощем. Я рассержен, но контролирую себя, — Вельвет схватил повстанца за складки униформы и бросил в гамак, отвесив тому тяжелую пощечину. — Ему это пойдет на пользу. Пусть следит за языком.

— Конечно, сотрясение мозга так бодрит по утрам. Незаменимо в воспитательных целях.

— Ница, мы ведь договорились.

— Хорошо, молчу, делайте что хотите, — она поднялась и вышла в водительскую кабину, — люди, вы больны по вине душевной неполноты.

Наемники переглянулись, и Наи смущенно опустила притемненные с синевой веки. Вельвет приблизился к ней, хотел заговорить, проведя покалеченной рукой без трех пальцев в манипуляторе-протезе по волосам наемницы. Скользнул по щеке Наи и дотронулся механическим большим пальцем до ее приоткрытых губ, но тут некстати забубнил и зашевелился пленник, приходя в себя.

— Крепка у тебя челюсть... и тяжела рука, Эскарп, — прошипел Бриг. — Но давайте продолжим, не будем заставлять смерть меня ждать.

— Эта собачья кличка ко мне больше не относится.

— Ух, ты даже говорить стал словами, а не гавканьем и матом, как раньше, лейтенант.

— Не пытайся, я не собираюсь плевать пеной в припадке и убивать тебя.

— Расслабься, — Генрих вытер обшлагом рукава разбитые губы, наверное, ударился при падении или прикусил. — Так вот, наша организация взялась накапливать ресурсы, спонсировать самые смелые и безрассудные проекты. Из года в год мы терпели фиаско. Нет, много чего удалось добиться, создать, разработать, но нам нужно было не просто бессмертие, а возможность оставаться молодым и здоровым, жить в тайне вечно юными. Можно мне стаканчик воды? В горле пересохло.

— Отсоси, — гневно бросила Наи.

— Нелюди... В какой-то момент наши зрители архивов наткнулись на информацию, вы только вообразите, о пришельцах, — Генрих попытался сдержать смех, но все же непринужденно и громко расхохотался.

— Вот сейчас я ему точно врежу! — наемница сверкнула глазами из-под пепельной непослушной челки, сползающей ей на лицо.

— Пришельцев! Ха-ха! Иномирян, пес их дери! Призрачных посланников далекой планеты Веатор, отражения нашей Земли, — капитан проглотил последний смешок и посерьезнел. — Мы перестали посмеиваться, когда эти рогатые бродяги вышли на Лисма Кенри. Оказалось, что они круглосуточно приглядывают за нами, оценивают потенциал. Понимая, что пришельцы преследуют свои скрытые цели, мы все же пошли на контакт и смогли продуктивно побеседовать. Инопланетный Вещун исцелил неизлечимо больного добровольца взмахом руки, а нам пообещал секрет бессмертия и молодости.

— Взамен чего? — насторожился Вельвет. — Каковы были условия?

Повстанец проглотил вязкую слюну, скривился и помассировал гортань.

— Условия? — переспросил Генрих. — Смерть Императора туда тоже входила, принесла невиданное богатство и благосклонность партнеров. Условия: редкая ДНК, якобы присутствующая среди людей, в основном потомков Императора. Это как маяк для какого-то глобального механизма. Тиррийцы пытаются овладеть какой-то древней технологией Сферы трех Лун. Наличие этого маячка-метки в организме напоминает схему «Свой-чужой». Чтобы переделать сферу под свои нужды, им необходимо заполучить еще и ключ, кибернетический боевой блок с мощным ИИ. Я думаю, что этот блок живет с вами и ходит на красивых, весьма неплохо развитых ножках кибернетического организма, покрытого синтезированной плотью.

— Ница?! — удивленно подняла взгляд Наи Саен. — Что все это значит?

— Ты говоришь об оружии? — Вельвет нахмурился. — Эта сфера ведь оружие, так?

— Восхитительно! Вам нравится? — Бриг почесал локоть и закинул ногу на гамак.

— Небесная Цитадель...

Ница все это время находилась у створок дверей, заинтересовавшись разговором. Она приблизилась к Бригу, от чего тот напрягся и заерзал. Глаза ее наполнились фиолетовым сиянием.

— Красная Доктрина, очищения пламенем и успокоения льдом... мой путь. Сердце ее — есть сфера жизни, сфера опустошения, наказания и благословения. Я — цветок смерти, как оракул, повествую об истоке грозди вселенной, о несчастье бедной на воду планеты. Сфера — ни оружие, а благоговейный ужас, наполненный первозданной силой Создателя. Она делает пригодными для жизни планеты, дает шанс жить здесь.

— Ты бредишь? — Вельвет встал между ней и остальными. — Очнись!

— Что я сейчас говорила? — Ница закрутила головой, испуганно оглядываясь. Бледность покрыла ее лицо. — Что?! Что! Кто ты? Я не чувствую своего тела! Пусти!

Девушка-машина всхлипнула, потеряла сознание и упала. Наемники бросились к ней. Генрих, улучив момент, предпринял попытку бегства, но, получив по зубам, успокоился и засопел в гамаке. Наи склонилась над свернувшейся в позе эмбриона Ницей и провела ладонником над ее телом. Все в порядке. Имелись лишь следы сильного эмоционального переживания.

— Впервые такое со мной, — Ница растерянно приподнялась и инстинктивно провела ладонью по взмокшему лбу. — Галлюцинации? У меня? Разве это возможно?

— Нащупали твой информационный канал и атаковали, найдя лазейки, — предположил наемник и сжал кулаки. — Тебе необходимо обсудить это со своими программными приверженцами.

— Невозможно, на планете нет специалистов, способных взломать нас, — Ница с усилием вращала запястьем. — Как же холодно.

— Вот именно, на планете, — ехидно оскалился Бриг. — Тебя взяли в оборот призрачные посланники, железяка.

— Ты мало получил по морде? — удивленно подняла тонкую бровь Наи. — От ее хватки не спасет даже железный каркас, не испытывай судьбу. Заканчивай с болтовней.

— Так вроде все рассказал. Радует, что хотя бы спор выиграл у святоши.

В разговор включился переминающийся с ноги на ногу Вельвет:

— Как нам выйти на этих посланников и что за механизм они пытаются приручить? Отвечай, ты разве не понимаешь, что возможно они готовят нападение? Просматриваются явные интервенционистские планы.

— Какое нападение? — Бриг скривился, словно подавился гнилушкой. — Мы и так разрознены и ослаблены, а призрачные посланники очень сильны. Они манипулируют неизвестными силами и знанием. Нет человека, способного сравниться с ними в бою.

— Бриг, мы не можем отпустить тебя. Не создавай проблем, — Наи направила на выход из десантного отсека. — Когда с первостепенными задачами разберемся, выпрем тебя вон. Не скучай, грязнуля.

— Я переполнен благодарности, что не убили меня, наемница, — расплылся в улыбке Генрих, хвастаясь ровными белыми зубами, слегка запачканными кровью.

— Цени это, — холодно проговорил Вельвет.

Путь к гостинице Ницы был овеян скукой и усталостью, молчанием и редкими шутками, призванными скрасить пребывание в замкнутом пространстве машины. Последние сводки новостей пестрели репортажами о идеально спланированной операции властей против повстанческого движения, терроризировавшего население. Но повстанцам все же удалось убить руководство Инквизиции, переставшей существовать как организация. Ее активы и недвижимость, ресурсы и научный штат вобрало в себя правительство Режима.

— Они тупо все свалили на повстанцев?

— Плевать, нам же проще.

Империалград встретил команду наемницы равнодушно. Ничто не напоминало о прошлых беспорядках и погромах. Здания гостиничного комплекса починены и сияли чистотой. Номера заняты. Всюду радостные лица толпящихся и шумных людей. В приемной фойе играл симфонический оркестр, здесь проводился торжественный прием. Наемники и Ница удивленно замерли, выйдя из подземного паркинга. Вельвет сразу предложил тайком пробраться к лифтам, чтобы подняться на этаж, где они расквартированы.

На их этаже никого. Прибывшие наемники и Ница сбросили вещи, посадили Брига под замок и направились к душевым кабинкам.

— Ница! — разлетелся возбужденный крик Ладани. — Ты где?

Лада подлетела к ближайшей кабинке, стекло которой запотело, ничего не видно. Она настойчиво постучала, от удара на ее запястьях зазвенели браслеты. Дверца скользнула вправо и на Ладу вопросительно уставилась счастливая Наи, которую обнимал за талию находящийся за ее спиной сконфуженный Вельвет. Мокрые волосы наемницы сосульками сползли по груди.

— Хочешь присоединиться, малявка? — Наи подмигнула.

— От малявки слышу! — растерялась Ладани, косясь на обнаженного мужчину. — Постыдились бы. Где Ница?

— Стыд... запретный плод, — Наи приблизилась к лицу зарумянившейся Лады. — Прости, что попались тебе на глаза.

— Ну, — Ладани подавила смущение, — это как-то неправильно.

— Тебе нечем заняться? Ницы здесь, к сожалению, нет, — Вельвет не смог спрятаться за фигуркой наемницы. — Иди уже.

— К сожалению? Совсем страх потерял?

— Сам иди. Чего рот открываешь на меня? — Ладани попыталась ударить его ногой.

— Ладани, оставь нас, еще подеретесь, — Наи повернулась к ней спиной. — Вельвет, а ты не нарываешься.

Наемники улыгнулись. Озорство переполняло их глаза, губы жадно встретились. Поначалу неловко и смущенно прикасаясь, пальцами они нашли друг друга, скользя в мыльной пене, и Саен прикрыла дверцу душевой кабинки перед носом остолбеневшей Лады.

— Бесстыжие распутники! Я бы вам наваляла.

— Ладани, подглядываешь за гостями в ванной? Со мной все в порядке, не волнуйся, — на Нице идеально смотрелся двухцветный халат. Волосы свисали почти до земли прямыми прядями. — Что за безобразие ты решила тут устроить? Что за странный наряд на тебе?

— Хотела заработать и устроила благотворительный прием. Сдала свободные комнаты. Договорилась о снятии клипа. В пятницу пройдет семинар, не помню о чем он. Через четыре дня у нас остановится на неделю известный сатирик молодежного направления. А в следующем месяце состоится торжественное открытие чемпионата по шашкам, двухсотклеточным кажется. Затем мы сдаем в аренду три верхних этажа с висячими садами и центральный фонтан для съемок фильма. Я проверила, фильм для семейного просмотра. Сама понимаешь, какое сейчас время. Эпатажный наряд придумала сама, мне скучно. Твои друзья пересмотрели дизайн и сделали, совсем не снимая мерок. Посмотри, какие красивые туфли! А эти ремешки и трубочки! Правда, красиво?

— Ты и в бумажном пакете будешь шикарно выглядеть.

— А вот и не правда!

— Правда.

— Нет!

— Да.

— Нет, нет, нет!

— Иногда я задаюсь вопросом, почему ты ведешь себя как ребенок, но потом понимаю что это не важно.

— Взрослеть скучно, а быть взрослым ужасно скучно. Я не хочу быть взрослой и ходить с унылым лицом, бояться того что могут обо мне подумать, обзаводиться семьей, ходить на работу, тратя большую часть дня. Все это ужасно скучно, я хочу просто жить и наслаждаться жизнью, чтобы приключения не прекращались, и никогда не стареть.

— Люди стареют, — заметила Ница.

— А ты нет.

— Ты хочешь быть мной? — Ница смотрела с любопытством на замершую Ладани. — Хочешь быть мной?

— Не, не тобой, а как ты. Молодой и красивой всегда.

Спустя полтора часа вернулись с прогулки Фрэнк и Мариэль в сопровождении Ликани. Два часа они провели в обновленном городском парке, блуждая по тропинкам среди множества цветущих клумб и деревьев, переходя с одного яруса на другой.

День выдался на удивление приятным. Солнце пригревало, но в тени свежо и прохладно. Ближе к вечеру упали первые капли, и пошел кратковременный дождик, прибив

пыль к земле и вернув краски растениям и крышам.

Удостоверившись, что все претензии сняты, наемники вернулись к повседневной рутине. Оплатили счета. Выслушали обращение главенствующего круга Синдиката. Накопилось много работы положенной их нынешнему статусу, и Наи взялась отсеивать предложения, восстанавливать прежний ритм. Она остановила взгляд на коротком электронном обращении: «помоги найти друга», и подпись: «палачи инквизиции», дальше прямой виртуальный номер.

— Вельвет, — Саен щелкнула наладонником и вытащила из полки стола коммуникатор, — видел сообщение от святош?

— Видел. Инквизиции больше нет. Это подкидыши проекта «Прометей» вышли на нас.

— Ты уверен?

— Минуту назад выслушал доклад принявшего запрос человечка. На него вышли, как положено: с паролем, условным знаком и точно по адресу — они знали явку.

— Интересно и кого они разыскивают?

— Они назвали его Ликнатом.

— Тайполя? Не человек, а перекасти-поле какое-то, — произнесла Наи. — Его постоянно кто-то ищет, преследует, о нем спрашивают, его тайны оберегают, и что бы ни случилось, он продолжает жить.

— Хе-хе, перекасти-Поль.

— Согласна...

— Беремся? — в голосе Вельвета волнение. — Пригласить?

— Пригласи. Займись организационными вопросами. Время платить долги.

Инквизиторы Харус и Рэнмари прибыли как условлено без лишних предметов и на пять минут раньше. Вельвет встретил их, проверил детектором сплавов и материй. Инквизитор ростом выше наемника, телосложением крепче и шире в плечах, за ним следовала женщина с темными разводами потекшей туши под глазами, бледным приятным лицом и странноватой прической.

— Здравствуйте. Перейдем к делу, — Наи пригласительным жестом указала на уютные кресла у окна, занимающего всю стену. За ним виднелся выступавший на несколько метров балкон и сверкающие ступени на следующий этаж. — Вы осведомлены о стоимости наших услуг?

Инквизиторы кивком поздоровались.

— Нам известно о стоимости и качестве услуг, но не только поэтому мы обратились к такой организации, — располагаясь в вычурном желто-коричневом, немного мелковатом для него кресле, загромыхал басом Харус. — Вы можете нам помочь, но...

— Но заплатим мы не денежными единицами разрушенной дикарями Империи, — перебила его Рэнмари, женщина с бледным лицом, и поправила тонкие косички, рассыпавшиеся слева по ее плечу. — Мы заплатим тем, что дорого лично вам. Тем, что вы и не рассчитывали увидеть. Нам жаль, что наша символика неприятна вам. Жаль, что вызывает укоренившийся гнев и съедающую ваше чрево тоску. У нас нет требуемой суммы в обычном понимании. Нет счетов для безналичных платежей. Но материальные фрагменты памяти показали нам значимее амитрилия или сатурнита. Это память вашего детства, Наифа Саен.

— Покажи, — наемница облизнула вмиг пересохшие губы и попыталась расслабиться. — Я никогда не торгуюсь из-за кота в мешке, даже если этот кот, по заверению торговца, смастерен из чистейшего сатурнита.

— Чистейшего сатурнита не существует в природе, — улыбнулась Рэнмари. — Вещество необычайно активно. Сразу попадает в водоворот беспорядочных связей, если его порыв изначально не успокоит другим не менее благородным металлом.

— Что очень похоже на поведение людей.

— Возможно, но мне бы хотелось предоставить слово моему другу.

Наемница кивком разрешила вернуться к деловой стороне разговора, предоставляя слово инквизитору.

— Вот, это принадлежало когда-то вам, — Харус порывлся за пазухой и вытянул пушистую игрушку с остроконечными ушами и блестящими бусинками глаз, — а это было в руках вашей матери во время ареста. В то утро она ждала вас из пансиона благородных девиц. Вы намеревались провести выходные вместе, — он положил на столешницу шарик на подставке, в котором от малейшего толчка поднимались серебристые и белые блески, изображая снежную пургу вокруг полураскрытого подснежника.

— Можно взять в руки? — голос Саен дрожал.

— Прости, что вынуждены играть на твоих чувствах, — произнесла Рэнмари и убрала челку, упавшую ей на лицо. — Выбора нет.

Безмолвие повисло в кабинете.

Наемница коснулась шара, закрыла глаза и взяла его в руки. Подождала, пока ладонь нагреет его, и поставила шар на место, встряхнув. Затем провела пальцами по игрушечному зверьку, прижимая ему уши.

— Ностальгия режет не хуже скальпеля полевого хирурга, — Наи пристально смотрела в глаза женщине с радужками разных цветов, но та не моргнула и не отвела взгляда. — За эти безделушки я согласна оказать содействие в поисках вашего друга Ликната.

— Вы можете авансом взять игрушку на выбор, — странная женщина продолжала смотреть, не моргая и не проявляя агрессии, заботливо изучая ее. — Вторую после.

— Это самая необычная сделка в моей жизни, — призналась наемница. — Договорились.

Они скрепили слова рукопожатием.

Сохраняя невозмутимое лицо, Вельвет поднялся, от чего кресло жалобно скрипнуло, и вызвался проводить гостей до дверей лифта. Троица направилась на выход через галерею начинающего художника и коллекционера амфор древнего мира. Инквизиторы не намеривались более злоупотреблять радушием теней в представительстве Синдиката.

Ликнат открыл глаза, зевнул и сел иначе, свесив ноги с потрескавшейся бетонной плиты перекрытия. Слева от него переломленная по центру колонна с ровным сколом. Вокруг заметны последствия давнего пожара. Пыль и камень господствовали кругом. Дальше виднелся глубокий провал, пепелище и остатки разрушенной сторожевой башни из красного кирпича.

Рядом с инквизитором сидел чумазый мальчишка в штанах механика на подтяжках, рубашка вся в заплатках. Он болтал ногами. Взгляд устремлен куда-то вдаль. В воздухе витали резкие запахи потушенного костра, смрад трупного разложения и еще что-то пугающе отвратительное.

— Так пахнет смерть, — мальчишка швырнул камешком в пропасть. — Здесь не найти вдохновения художникам. Не найти оправдания полководцам. Это невозможно осмыслить потомкам тех, кто сумел выжить. Пришел Век Солнцезатмения и Алых Пут, век плетей кандалов и цепей, стягивающих замученное тело, покрытое язвами, ожогами, незаживающими ссадинами и рваными ранами. Остается только годами смотреть как следы минувшей войны затягиваются, оставляя ужасные гноящиеся временами рубцы.

Смотря на линию горизонта, образованную туманом, будто напитавшимся кровью, Ликнат хранил молчание. Безмолвие сковало все вокруг. Время остановило ход. Жизнь давно покинула этот разрушенный, гнетущий своей обреченностью мир.

— Твои воспоминания украли, — паренек повернул голову. Лицо его печально. — Но ты все еще жив, что само по себе удивительно. Когда мы только начинали действовать, тебя отнесли к второстепенным целям. Жизнь твоя не имела какой-либо значимости для наших замыслов. Ты не расценивался как явный противник или вероятный союзник. Ты был никем.

— Это сон? — подал чуть охрипший голос Ликнат. Эхо многократно повторило последнее его слово, передразнивая насмешливо.

— Для тебя это действительно сон, — он позволил себе натянутую улыбку.

— Тогда поясни мне что значит: «мон-се-Тхани», «мон-се-Тэбах»?

— Так обращаются к религиозным деятелям, последнее скорее свидетельствует о скрытом сарказме.

— А «нег-мае латпи сатум рсамони Кайри»?

— Перевод выйдет корявым: наивный глупец бережно прикрыт силой разума Кайри.

— Ты и есть Кайри? — Ликнат тоже бросил камушек в провал, звука удара о дно не последовало.

— Нет. Кайри окончательно сломлены и уничтожены. Мир их все еще тлеет, но места в будущем для них нет. Завершается цикл очищения. Предвестники рыскают в далеких мирах.

— Что ты хочешь?

— Ты не узнаешь меня?

— Нет, — инквизитор пристально взгляделся в лицо худощавого мальчугана. — Не помню твоего лица.

— Еще бы, — он спрыгнул в пропасть между разрушенными высотными домами, завис в смутном пространстве, огляделся и, поравнявшись с человеком, присел напротив него прямо

на воздух. После чего принялся болтать ногами. — Впечатляет, не правда ли?

— Нет, воняет провинциальным шарлатанством.

Прищурившись, он уставился на Ликната и негромко хихикнул.

— Мне неприятно задавать одни и те же вопросы, — Ликнат поднялся, шагнул за границу бетонной плиты частично уцелевшего этажа, сделал вид, будто бы взбивает подушку, и присел в воздухе около него. — Переходи непосредственно к делу или проваливай.

— Решил тебе жизнь спасти по доброте душевной. Вырвать твоё тело из когтей мучителей.

— Я тронут до глубины души.

— Не ерничай. При следующей нашей встрече нам придется сражаться как непримиримым врагам. По сути своей ты являешься заклятым врагом моего народа, следовательно, и меня. Вы вторглись и захватили большую часть моего родного мира, но мы восстали. Так началась долгая освободительная война. Тогда мы еще не видели феноменальных воителей су-Риам в действии. Не знали о Предвестниках. Мы были слепы и надменны. Моей звездной системы больше не существует. Камня на камне не осталось. Все выжгло ядерным огнем ярчайшего гиганта Цэмилата.

— Я намереваюсь проснуться. Надоела эта пустопорожняя болтовня с собственным нездоровым воображением! — Ликнат неприкрыто зевнул.

— Не торопись так, — мальчишка бодро поднялся, щелкнул пальцами и перед ними проступили очертания иллюзорных дверей. — Тот, кого ты ищешь — убийца Императора. Ты — то, что удалось сохранить от наследника, убитого взрывом. Не доверяй им. Твоя жизненная нить может оборваться в любую секунду и без моего вмешательства ты бы никогда не проснулся. Ты важен для моего хозяина.

— Избавь меня от этой бессмыслицы, — инквизитор направился к дверям. — Я иду просыпаться. Неплохо было бы принять душ и съесть чего-нибудь мясного.

— Разве тебе это не интересно? Почему ты немногословен? Неужели в тебе не осталось детской любознательности?

— Мое имя — Ликнат! Я служу Инквизиции. К лживым бесам все остальное.

Мальчишка замолчал, провожая понимающим взглядом покачивающегося человека, что шагал по воздуху к эфемерным дверям, ведущим через моральную опустошенность к его преждевременному пробуждению.

Тяжесть дыхания.

Ликнату не хватает воздуха. Эластичная трубка, идущая через носоглотку, сильно раздражает его горло. Язык онемел. Губы разбиты, потрескались и стянуты коркой запекшейся крови. В щелки едва приоткрытых глаз видно толстостенное покрытое царапинами от ногтей стекло и какие-то мерцающие значки. За стеклом два туманных силуэта.

— Незавидная участь для человека.

— Согласен.

— Старик пра-Енгажжа кажется слабым, вечно угрюмым и неразговорчивым. Но спустя несколько дней понимаешь, что перед тобой воплощение истинного зла!

— Тише ты, вдруг кто услышит.

— Нет тут никого... смотри... смотри! Человек пошевелил пальцами на ноге! Ищет ша!

— Заметил, пальцев пять. А стопы какие-то недоразвитые и такие уродливо-мелкие...

— Мутация?

— Смотри, пальцами шевелит, разминает.

— Он что, проснулся?

— Иччет ша...

Ликнат сосредоточился, вызывая приступ ярости и взрыв пространства вокруг себя. Сфера су-Риам вырвалась из его груди и разбушевалась волнами, разметав осколки стекла и отбросив расплывчатые силуэты. Ухватившись за конец трубки, он вытянул ее из себя через ноздри. Ликната стошнило водой. Мелкой дрожью пробило тело, а по позвоночнику пробежал колючий холодок. Глаза его слезились из-за сухости, а пальцы пылали, лопатки же болели невыносимо. Инквизитор сделал несколько неуверенных шагов и внезапно рухнул, растянувшись на пластиковых дорожках между множеством капсул. Осколки стекла больно впились в кожу.

Отсек наполнился протяжным ревом тревожной сирены и басовитым гулом. Все вокруг затряслось, раскручиваясь в такт разболтавшимся винтов.

Упавшие тиррийцы предприняли попытки подняться на ноги, но Ликнат помешал им. Подползя ближе и ухватив тиррийцев за воротники, он подтянул их к себе и пару раз треснул кулаком. Ему пришлось ударить еще, так как руки ослабели и отказывались слушаться нервных импульсов. Ликнат поднялся на нетвердых ногах, опираясь на ближайшую капсулу руками, и врезал стонущему врагу в живот ногой. Сделав десяток шагов, он опять свалился, и уже ползком перебрался через порог.

— Внимание! Пожар в станции. Ядро двигателя отказало. Пожарная команда, двадцатый мостик отрезан гидравлическим шлюзом, — механический голос доносился откуда-то сверху из громкоговорителя. — Начата эвакуация. Сбор у челноков. Всем покинуть борт!

Сдавленно прогремел взрыв.

Пластиковые перекрытия и дорожки рухнули под ногами Ликната на нижнюю секцию, наполненную паром, шумящими агрегатами и дребезжащими установками. Все вокруг него напряженно задрожало, задергалось, и последовавший за четким хлопком удар сотряс пространство, окончательно лишив остатков сознания человека, слепо ползавшего на четвереньках. Его кровь выграла, вырываясь из порезов содрогавшегося в конвульсиях тела, покрытого узорами чей-то безумной черной росписи.

Небо острова Исмат-Лагки перечеркнул дымный след падающего воздушного судна. Вой турбин опустился на лес. У самой земли пилоты предприняли последнюю попытку смягчить удар многотонной машины оземь. За их действиями наблюдали с поверхности планеты Веатор.

— Хорошо идут! — раздался веселый голос с юношеским задором. — А как брюхом пропахали!

— Рати, научись смотреть на смерть равнодушно. В противном случае ты рискуешь ее полюбить, — юному тиррийцу ответил резкий, шипящий от избытка силы голос постарше.

— Йольн, почему ты всегда такой суровый... и злой?

— Потому что мне постоянно задают глупые вопросы.

— Ты слишком серьезно относишься ко всему. Подумаешь, сказал когда-то отец, что ты станешь вождем клана... что с того?

— Как что? Я прошел обряд совершеннолетия быстрее всех! Я старший из живых сыновей. Кто если не я?

— Как кто?! — деланно удивился Рати. — Я!

— Не смейся, получишь по рогам.

— Через пару лет посмотрим.

Тот, кого Рати назвал Йольном, повернулся, опуская оптический прибор слежения, и сжал кулак, подведя его к лицу ухмылявшегося брата.

У Йольна, старшего сына вождя клана изгоев с острова Исмат-Лагки, еще в детстве заметили решительность, силу воли, упорство, граничащие с жестокостью и бескомпромиссностью. Однажды, будучи подростком и остановившись на ночлег в лесу, Йольн схлестнулся с матерым зверем. Так он, извиваясь в прелой листве, без страха втолкнул собственную руку хищнику в пасть, намереваясь перекрыть глотку. Он сумел умертвить зверя. Теперь гордился ужасными шрамами на правой руке выше локтя.

— Пойдем, мелкота, проверим, есть ли выживший экипаж или кто с обслуги.

— И добьем раненых! Что им мучиться-то зря? Парматэ?

— Согласен. Рати, отец запретил использовать старый язык.

Молодые изгой спустились и направились строго на дым, поднимающийся из-за холма. Скоро показался и посадочный след корабля: пропаханный ров простирался за лесом. То там, то тут слабо дымились обломки разбившегося аппарата. Иногда встречались трупы тиррийцев, их не пощадил ни огонь, ни притяжение планеты. Внимание изгоев привлек свернувшийся ком, скрытый за мерцающей пленкой цвета каленой стали.

— Йольн, что это? — младший брат вскинул оружие с шестигранными стволами.

— Рати, убери горн... это... похоже, это человек в спасательной капсуле, — Йольн пихнул ногой вздрогнувший комок.

— Он сильно обгорел, но не подох. Поташим к убежищу? Или просто разнести ему голову, чтобы не мучился? Нежилец.

— Я на себе его понесу, — даже не поморщившись, Йольн взвалил едва живого человека себе на плечи. — Следи за обстановкой. Будь начеку.

Мерзкий запах горелого мяса бил в ноздри.

— Воняет! Зачем тебе этот кусок сгоревшего мяса? — Рати оббежал брата и зашагал впереди, оглядываясь постоянно. — А, вон сползло, у тебя на плече — это кишки? Его кишки? Что-то еще там вывалилось... меня сейчас стошнит.

— Захлопни пасть и утрись. Человек не просто так был на судне. Его надо показать старейшинам. Поспешим.

Ровный частокол светло-серых плит окружал городок изгоев. Слышен шум поселения. Братья остановились. Ворота перед ними распахнулись только после громкого и грубого окрика. Охранники закрывали нос, провожая взглядами Йольна, вымазавшегося в крови и остатках кожи. С живьем зажаренной ношей на плечах, он шел по узким улочкам поселения, но остановить его или что-то возразить никто не посмел. Йольн относился к «носителям крови», обладал крепким телом и мощными рогами как у предков.

Изгой предпочитали селиться в общинных домах, которые копались и строились вглубь земли, так что сверху была видна лишь его малая часть в виде пирамид. Под землей дома обрастали коридорами, аллеями и парками сообщений. Быт изгоев отличался простотой во всем, что не мешало им двигаться в ногу с прогрессом, а в чем-то даже опережать его.

— Стоять! — братьев остановила стража перед воротами в «длинный дом» ведущий на нижние этажи, где размещался совет старейшин и жил вождь. — Убери эту падаль, сатэ! Вонь ужасная!

Младший брат промолчал, губы его плотно сжались, глаз прищурен. Он поднял оружие

и нацелился в ближайшего к нему стражника.

— Убрал горн! И проваливай.

— Пропусти, сатэ.

— Проваливай, сантри вахэм!

Первым не выдержал Йольн: он сбросил с себя человека, в секунду сократил расстояние до стражника и врезал рогами тому в лицо. От удара стражник отлетел и притих, зажавшись в углу. Рати тут же выстрелил в плечо второму охраннику, затем ему же в ногу, отчего тот завизжал, закрывая руками кровоточащую рану. Не известно во что переросла бы эта стычка, если бы их не остановил властный голос:

— Хватит. Я давно вас жду, но на этот раз вы превзошли все мои ожидания, как и все мои опасения! Что все это значит?

Перед ними стоял тирриец в резной ритуальной маске, отбеленной острым предметом, с массивными растущими от висков рогами, и в набедренной повязке до ступней. Суховатый торс его обнажен, на правой голени и запястьях браслеты.

— Отец, — оба брата замерли в поклоне.

— Эта жестокость обязательна?

— Они давно нарывались, пренебрежительно относясь к твоим сыновьям. Рати действовал под моим давлением. Его не вини. Я готов к любой мере наказания, — Йольн поднял голову. Его светлые волосы с парой косичек качнулись. — Жестокость оправдывается страхом потерять время. Я принес живого человека. Он был на борту разбившегося воздухоплава.

— Знаю, Юсирфи поведала. Я разрешил группе с материка пройти к месту крушения.

Вождь клана изгоев присел возле человека, принялся и осмотрел его, после чего разрешил занести тело к врачевателю.

Врачеватель потратил несколько часов, убирая мертвые ткани и готовя к восстановлению то, что сохранилось. Мозг человека не поврежден. После процедур врачеватель с ассистентом поместили человека в специальный кокон для наращивания потерянных тканей.

Человек находился под постоянным присмотром в течение недели.

— Тебе сегодня уже лучше? Подними палец в знак согласия.

В комнате слышно сбивающееся дыхание и вибрации маховиков аппарата искусственной вентиляции легких. На экране медицинского кокона проносилась строка с символами и шкала с пульсом. Человеческая фигура в коконе, обмотанная какой-то субстанцией и пористыми бинтами, пошевелила кистью руки, чтобы приподнять указательный палец.

— Как твое настроение? Неплохо, не правда ли?

Фигура не шелохнулась. Пальцы безвольно лежали.

— Брось, все не так то и страшно. Хочешь это снять, сделав первые неловкие шаги?.. Увидеть мир? Прикоснуться пальцами к прохладному стеклу окна и почувствовать игру теплых лучей солнца на своем лице? Вдохнуть воздух и восхититься буйством красок за окнами?

Человек в коконе оставался неподвижным. Дыхание его замедлилось и стало ровнее.

— Тебе раньше говорили, что ты зануда?

Человек приподнял указательный палец дважды.

— Мне пора. Отдыхай. Завтра извлечем из рес-коконе.

Ликнат забылся в надежде на завтра. Ночь промелькнула, а сон ему не запомнился.

«Кто бы мог подумать, что мир так ярок. Что так прекрасно коснуться холодного стекла и при открытии окна почувствовать сквозняк, прошедший по едва отросшим волосам. Что так много врывающихся звуков, заставляющих затыкать уши и, лишь уняв биение сердца, можно вновь прислушаться к окружающему миру... Что живой воздух останавливает дыхание на первом же вдохе, наполняя грудь незнакомыми запахами, — Ликнат мысленно реагировал на разноречивые чувства, заполнившие его сердце в долгожданное утро. — Этот доктор действительно хорош. Зря пытался нагрубить, но в благодарность ограничусь сухими словами без показных эмоций».

— Как ощущения после искусственной жизни в замкнутом пространстве?

— Лишь немногим лучше, чем я предполагал, — Ликнат обернулся, провел пальцами по рваному шраму, охватившему часть лица и шею и уходящему под медицинский халат. — Кожа сильно стягивает. Зуд и дискомфорт выводят из себя.

— Это все, что тебя беспокоит? — врач, которым оказался один из изгоев, приблизился и откинул фильтрующую повязку, пристально рассматривая подопечного.

— Спасибо, док.

— На здоровье, человек, — доктор ответил, и собрался было на выход. — Кожа разгладится, приобретет нормальный оттенок. О тебе не забудут и в покое не оставят.

— Выдадите меня?

— Нет. Мы по-разному смотрим на мир и не общаемся.

Врачеватель вышел, предоставив человеку время поразмыслить о перипетиях судьбы.

Процедуры реабилитации заняли еще около недели. За это время у Ликната не было посетителей кроме доктора. Странно, что о нем все-таки забыли. Из всех врачебных предписаний Ликнату приглянулись восстанавливающие кожный покров ванны и оборачивание чем-то теплым. В противоположность приятному имелись мерзкие паразиты, присасывающиеся к спине как пиявки. От подобного лечения-наказания лицо бледнело, очень хотелось спать, и тряслись ноги. Не говоря уже про судороги, выкручивающие пальцы и суставы. Зато ночные кошмары ушли, забрав с собой и непонятные сны.

— У нас посетитель, — раздался голос врачевателя.

В палату зашел статный тирриец в сопровождении доктора. На посетителе красовалась угрожающая маска и крупные чуть завитые к затылку рога. Он поднял руку, будто бы в приветствии, звякнуло кольцо о широкий браслет на его руке, и снял маску. Лицо вошедшего покрыто старыми рубцами, глаза его водянистые и серые, губы тонкие, нижняя с двумя уродливыми шрамами, а голова местами обрита наголо, оставшиеся волосы седые до стального цвета.

— Приветствую, человек.

— Здравствуй...

— Эрнакт, так можешь и обращаться ко мне.

— Ликнат, — человек протянул руку с раскрытой ладонью.

Эрнакт с интересом посмотрел на руку человека, потом на врачевателя, попытавшегося что-то сказать, либо возразить, и ответил на рукопожатие, улыбнувшись снисходительно.

— Ты знаешь, что означает твое имя?

— Оно не имеет смысла, последовательность букв. А твое?

— Ястреб, точнее не подберу ассоциаций, — Эрнакт перевел взгляд на потолок, посмотрел на окна, что-то привлекло его внимание там, за стеклами лазарета, — раньше

ликнатами звали охотников на змей.

— Это с вашего языка?

— Наш язык не был развит. Одни жесты да звериное мычание, подражание другим... Прежде Кайри воспитывали наш народ на свое усмотрение, ошибочно оно или нет, судить я не возьмусь. Но все закончилось с приходом людей. — Эрнакт остановил свой суровый взгляд водянистых глаз на человеке. Врачеватель хотел что-то добавить, но промолчал. — Люди оказались на нашей планете случайно. Кайри прогнали их, ухитрившись достаточно быстро мобилизовать ресурсы и армию. Праздновали победу недолго: в ответ на агрессию в отношении переселенцев люди призвали подразделения, состоящие из выдающихся личностей, солдат су-Риам. Они разбили Кайри, сровняв с землей, уничтожив флот и армии. На этом су-Риам не остановились, бросились преследовать, ушли за теми, кто успел сбежать.

Так на Веаторе обосновались люди, искавшие лучшей жизни и острых ощущений. За ними пришла наука и прогресс в наш мир. Со временем часть переселенцев направилась дальше, и основала Новую Землю, впоследствии ставшей просто Землей, история которой утратила свое значение и исчезла, затерявшись в поколениях. Намеренно ли ограничились ваше знание, не знаю.

— Довольно любопытная альтернативная версия сказки о сотворении мира.

— Ликнат, дослушай до финала эту сказку, — не выдержав, встрял в разговор врачеватель. — Перед тобой вождь нашего клана.

— Простите, нервы, — Ликнат почесал заросший щетиной подбородок.

— Так вот, люди дали нам многое, но Яртиз, одному из наших правителей, показалось вполне справедливым избавиться от «людского вмешательства». Недовольство среди нас росло лавинообразно. Обманывать умы простых тиррийцев несложно, что привело в итоге к ширившемуся восстанию. Люди спешно бежали к Новой Земле, бросая пожитки и дома, бросая работу и увлечения, бросая бывших некогда друзьями тиррийцев. За людей вступились брат и сестра правящего тогда Монарха, чем сохранили планету от разрушения. Война длилась недолго. Монарх согласился на перемирие, шантажируя жизнями тиррийцев. Произошел раскол в нашем обществе.

Так закончился период сотрудничества с людьми и историю эту запомнили. Больше мы не видели людей и су-Риам. Люди строили собственный мир, а мы старались сохранить свой. Служители культа Яртиз выпустили из памяти беженцев, осевших на Новой Земле. Поспешили забыть, откуда пришли люди и, что будет, если они надумают вернуться во всеоружии. Прошли века, которые сгладят все. Но Кайри еще тешат себя мыслями о реванше, не ведая, с кем сражаются и куда нужно бить. Приходили к нам, были вежливо отвергнуты.

— Постой, ты хочешь сказать что планета, где я родился, заселена людьми из других мест?

— Да.

— Безумие какое-то.

— Я рассказываю нашу историю, дошедшую до этих дней.

— Мне тоже есть что сказать, — произнес Ликнат. — Подразделение разведки Веатора напало на нас. Я убил их всех, начиная с некоего Талифика. Они называли меня су-Риам.

— Ты Нисшедший? — Эрнакт потер шею. — Врачеватель, и ты все это время ничего странного не заметил?

— Кроме внедренных кибернетических механизмов, необоснованной живучести и приступов апатии, ничего.

— По правде говоря, я не настолько силен как рассказывают о су-Риам.

— Это ничего не меняет, — вождь поднял маску, надел ее на голову, провел руками по рогам и даже приосанился. — Как чужак ты подвергнешься традиционному испытанию «холодом, голодом и кровью». Каждый воин, попавший на остров изгоев, проходит это испытание, чтобы его признали равным. Традиция.

— Да вы издеваетесь надо мной. Можно я просто уйду?

— Отказавшись, ты покинешь остров через колесование.

— Это что шутка такая? Брось, вождь.

— Нет. Таков древний обычай. Нам не нужны слабые.

На этом разговор завершился, они оставили человека наедине с самим собой и покинули палату.

Ночь прошла, и сны Ликнату не запомнились.

Сегодняшним утром светло, но тепла совсем мало, ну и хорошо, по крайней мере, Ликнату хотелось так думать. Немногочисленные зеваки столпились у ритуальной площадки, где возвышался столб, исчерканный разными рунами и закорючками, смысл которых был непонятен человеку. За площадкой отвесная скала уходила в пропасть. Мощным горном внизу шумела полноводная река, бурля и разбиваясь о причудливые каменные наросты, будто пальцы великана, ненасытно впившиеся в воду.

«Чертовы веревки, сильно затянуты, так и въедаются в плоть, — подумал Ликнат, сжимая кулаки и стремясь ослабить путы на запястьях. — Зачем я согласился участвовать в этом дикарском представлении? Старик наверняка пошутил про смерть. Ничего они бы не сделали».

Вождь хранил молчание, а присутствующие изгои с любопытством таращили глаза на полусонного человека в выцветших штанах, одна штанина которых подкатана до колена, и со связанными за спиной руками.

Странно, но все это время никто не отважился вмешаться.

Эрнакт приблизился к человеку и снял один из браслетов со своей руки. Он протянул браслет, и теплый металл коснулся предплечья человека. Рука Эрнакта взяла инквизитора за подбородок, чтобы повернуть лицом в сторону восходящего светила.

— Смотри же, отвергнутый народом, как просыпается та, кто дарит жизнь. Это Печальная Мать — начало всего сущего в нашем мире, — вождь указал свободной рукой в сторону яркой световой дуги, протянувшейся за горами. — Молись чтобы Она обогрела тебя и не оставила одного во тьме. Обратись к воде, чтобы не поглотил тебя ревуший поток. Молись своим предкам, чтобы придали тебе сил и упрямства... Пропитание найдешь в лесах, если добычей не станешь. Браслет как доказательство, что ты идешь моей тропой. Нужда ведет тебя. Страх же свой оставь здесь. Найди путь и возвращайся.

С последними словами Эрнакт царственно развернулся и нанес удар открытой ладонью Ликнату в лицо, от чего тот потерял равновесие и сорвался вниз.

Толпа радостно взвыла. Эхо полетело по ущелью, отражаясь и искажаясь.

Золотом догорал закат, не особо балуя теплом.

День подходил к концу.

Лес встретил Ликната одиночеством и молчанием, лишь ветер шумел в необычайно огромных кронах. Поскрипывали пожелтевшие деревья с темно-красной корой. В основании деревьев, у самых корней, кора вспучивалась и трескалась, обильно выделяя пахучий сок. Воздух свеж и приятен. В нем чувствовалась влажность. Свет угасал, вместе с ним

понижалась температура, предвещая прохладную ночь.

Ликнат прихрамывал, временами кашлял. Какая-то мокрота образовывалась в его легких после сплава по горной реке, во время которого он и повредил ногу на речных порогах у берегов, не пожелавших дать приют. Ему посчастливилось сразу освободиться, разрезав веревки об острые края расколотого камня. Ночь в незнакомом месте без привычного снаряжения злила его. Злость постепенно заменила собой нервозность с привкусом страха. Спать ему не хотелось, но идти во тьме опасно.

Насобирав хвороста и листьев, Ликнат соорудил подстилку в корнях поваленного дерева. Удивительно, но на ночном небе виднелись далекие звезды. Жаль, что их не хватало, чтобы разогнать темноту. Ликнат проводил взглядом падающую звезду и перевернулся на бок.

Становилось все прохладней.

В памяти Ликната всплывали образы, разные воспоминания и обрывки речи, на первый взгляд никак несвязанные между собой. Сконцентрировавшись, он пробудил импланты, чтобы разогреть тело и побороть донимавший его холод. В ближайшие часы необходимо добыть еды, так как запасы организма расходуются, а восполнить их одной водой не получится.

— Я слеп без шлема. Не знаю где живность, — проговорил Ликнат, перевернувшись на спину, и закинул руки за голову. — Я немог и уязвим, защиты и оружия нет, маскировки нет. Даже убежать не смогу в случае опасности.

Где-то хрустнула ветка. Звук был на грани слышимости, но он встревожил Ликната, заставив замереть и прислушаться. По телу пробежала дрожь, пульс его участился. Осматриваясь, Ликнат поднялся и взобрался на поваленное дерево. Вокруг темень, тишина, странная тишина, но где-то присутствие ощущалось. Внутренняя тревога росла.

— Да что это творится со мной?! — раздраженно воскликнул Ликнат. — Я лишен страха! Лишен! Мне он неведом!

Ликнат еще что-то покричал в темноту, спрыгнул обратно к лежанке и почесал подбородок. Тут-то инквизитор и получил удар в плечо, от чего его руку пронзила жгучая боль, парализовавшая конечность. От неожиданности Ликнат опешил. Второй удар, и он полетел через лежанку. Подстилка из листьев разлетелась. Перекатившись под стволом дерева, ему удалось вырваться из когтей напавшего зверя и разорвать дистанцию.

Ликнат побежал, придерживая парализованную ядом руку.

Не прошло и десяти секунд, как зверь нагнал человека и сбил его с ног, прижав жертву своим весом. Когтистые лапы хищника впились в спину Ликната. Ночные страхи обрели плоть и клыки.

В человеке закипала ярость. Он скинул с себя животное, приходившееся дальним родственником тигру, если не брать во внимание зеленовато-желтый окрас и схожую на змеиную голову с подвижной шеей. Пасть зверя полна острых загнутых как крючья зубов. Бросив свою жертву, хищник зашипел, припадая на передние лапы перед поднявшимся человеком.

Как быть? Что противопоставить когтям? Ликнат медленно отступал, взвешивая каждый шаг и не спуская глаз со зверя. Тело Ликната наполнилось теплом, он содрогался от избытка энергии. «Что же такое су-Риам?» — мелькнуло в его голове. Ликнат сделал широкий шаг назад, поднял здоровую руку и сжал кулак, перенося вес на опорную ногу.

Хищник издал оглушающий рев, разлетевшийся по округе. Трудно сказать чего больше в

этом реве: злобы или удивления. Зверь сорвался с места, прыгнул и сразу налетел на невидимый барьер, с силой швырнувший его об ствол дерева. Посыпалась листва. Ошеломленный зверь не сразу встал на лапы, но как только ему это удалось, на него обрушился удар сверху, будто кувалдой животному раздробило череп.

Тело Ликната неистово горело, высвобождая все больше энергии. Ему хотелось действий, все равно каких, лишь бы высвободить еще больше энергии. Больше действий. Больше сражений. Ему нужна война. Этого он желал. Какие-то пугающие изменения происходили с его телом. Ликнат чувствовал это, новая сила переполняла его, накрывала волнами и лишала покоя, ведя его сознание по самой грани безумия.

Немного побродив чтобы успокоиться, Ликнат подобрал расколотый камень и две сухие палки. Спустя минуту он уже свеживал добычу у костерка, мечтая о плотном ужине.

Ночь не принесла больше сюрпризов.

— Четвертый день на исходе...

— Наберись терпения, Рати, человек справится.

Йольн стоял неподвижно, опираясь на копьё с двойным наконечником и закрыв глаза. Он вслушивался в шепот леса, слабый ветерок шевелил светлые космы его волос.

— Надоело ждать. И человек надоел. Почему ему уделяют столько внимания?

— Хватит ныть. Он уже рядом.

— Как ты научился так чувствовать? — младший брат поднялся и, отряхнувшись, приблизился к Йольну. — Научи и меня.

— Как ты себе представляешь это обучение? Вообрази, что вокруг темнота, сырая пещера. Ты вжался в каменный свод и ничего не видишь. Но знаешь, что зверь идет по твоему следу, запах крови ведет его. Падают капли воды. Ты закрываешь глаза и понимаешь, что в пещере что-то изменилось, стало иначе, ты не один. Ты поднимаешься с колен и отталкиваешься ногами, толкая корпус вперед. Тело напряжено, руки направляют копьё. Ты наносишь удар, в который вкладываешь всю силу, страх, ярость и боль... но копьё не находит цели. Разогнав воздух, ты с шумом падаешь на камни, а в спину тотчас вонзаются когти и зубы начинают рвать плоть... Как этому можно научить, скажи мне, брат? Это нужно пережить.

Рати молчал.

В тени деревьев обозначилось движение. Рати припал на колени и вскинул галс-кир. К ним приближался Ликнат бодрой походкой с самодельным копьём в руках и с походным мешком из рубашки за плечами. Издали он поприветствовал молодых изгоев поднятой рукой.

Рати убрал оружие и прокричал, сложив ладони на пример рупора:

— Иди к нам, человек!

Ликнат немного помедлил, но все же подошел и, скинув мешок, проговорил буднично:

— Мяса хотите?

— Конечно, — Йольн бросил ему второй браслет. — Отец велел отдать до того как вернешься. Нам незачем спешить. Перед возвращением мы встретимся со старой ведьмой. Тут недалеко. Она даст совет.

— Зачем мне сдалась эта старуха?

— Так нужно. Обряд не закончен. Потом дадим снаряжение и прочие вещи. Например, новые штаны и ботинки.

— Двигай ступнями! Столько времени потеряли, — младший из братьев зашагал во главе.

Старуха жила у холма в полуземлянке с застекленными террасами, в окружении кряжистых деревьев около заросшего тиной пруда. Здесь пахло сыростью и еще чем-то горьким. Она встретила гостей равнодушно, провела их в зал со слабым освещением и уселась в кресло. У ее ног улеглось какое-то животное: дымчатое, пушистое, с сильными когтистыми лапами и длинными ушами.

— Множество имен. Украденное детство, чужая юность и слепое влечение. Задавался ли ты, дитя, потомок су-Риам, вопросом о целях своего существования? Все мы приходим лишь единожды, но цели наши важны, кем бы ты ни родился, следуй своим стремлениям. — Старуха наклонилась и подняла заурчавшее животное к себе на колени. — Тебя привел ко мне обряд, но ответы мои тебе не нужны.

— К чему мне чужие подсказки? — Ликнат рассматривал животное старухи. Зверек заставлял его нервничать.

— Юсирфи, отец предвидел замкнутость человека и велел спросить от его имени. — Йольн склонился в почтительном поклоне.

— Спрашивай, Йольн. С гордостью смотря на тебя, я вспоминаю, какими мы были. Спрашивай же, носитель крови.

— Кто этот человек? Я хочу услышать слово, в которое уместится вся его жизнь, его прошлое и будущее. Так ли он важен как чувствует это мой отец? Так ли он важен, что провидение свело нас, а мое упрямство спасло его?

— Он мертв давно. Ребенок, что погиб при взрыве. Его пытались спасти и восстановили, как сумели, заполнив пустоту машиной. Наследник престола, сын низвергнутого Императора переселенцев, — Юсирфи ласково погладила зверька. — Наши миры переплетены, как и наши судьбы. Разве ты не видишь его ореол? Он и спасение, и проклятие своего умирающего мира. Сам по себе ничего не значит, но в нем то, что вернет к жизни древние машины, способные влиять на целую планету. За ним охотятся хозяева Сферы.

Пока Ликнат, Йольн и Рати обдумывали услышанное, Юсирфи наслаждалась потрескиванием огня в камине.

— Он человеческий Монарх по крови? — Рати с удивлением уставился на Ликната.

— Старуха, ты что-то напутала. Я служу Инквизиции. Послушник, которого подобрали на улице.

— Они дали тебе имя Ликнат?

— Да.

— А до этого тебя звали Тайполь?

— Нет.

— А настоящее имя...

— Хватит! Хватит ереси! Мне не нужны твои нездоровые фантазии. Я что, по-твоему, не могу отличить настоящего от того бреда, которым ты меня бессовестно кормишь? Я отлично помню свое прошлое. Я это пережил и прочувствовал. Как в таком случае объяснить твои нелепые рассказы? Еще немного и ты пожалеешь, что взялась искушать меня!

Зверек старухи поднял мордочку и впервые с их встречи открыл глаза, смотря в упор на человека. Глаза зверька были без зрачков и абсолютно белые. Старуха безобидно захихикала, чем усилила раздражение Ликната.

— Не говори так со мной. Иди с миром. Когда-нибудь ты все поймешь, но будет поздно. Сам что-то изменить ты не в силах, окончательно испортишь. Ступайте и вы, дети Эрната, судьба к вам благосклонна. — Юсирфи погладила зверька. — Дорогу вы знаете. Ставни на

выходе плотнее прикрывайте, не выпускайте тепло.

Попрощавшись с провидицей, троица ушла.

Темнота заполнила окружающее пространство, но Йольн вел группу уверенно. Вскоре показались огни за мерклым частоколом.

Вождь клана не спал в ожидании сыновей, как только они вошли, заговорил:

— Ликнат, теперь голос твой приобрел силу. Что у тебя на уме? Продолжишь свою миссию или останешься с нами? Будет тебе и дом, и спутница. У тебя есть шанс остаться тут, прожить остаток своей жизни в спокойствии и достатке.

— Благодарю за оказанную честь, но я и так потерял много времени. Можете организовать встречу с Монархом? — Ликнат не отводил взгляда от семейного герба дома Эрнакта. — Я хочу знать, что он затеял и кто стоит за призрачными посланниками, нападшими на нас. Каковы вообще их цели.

— Монарх не сможет ответить на такие вопросы. Он не занимается подобным. Ты неверно все представляешь. Монарх дает направление, куда стоит двигаться, а как это будет достигнуто, его не интересует, этим занимается Храм. Я лично могу с ним встретиться, Йольн тоже достоин аудиенции, а какое право у тебя, человек?

— Он — кровь их Императора! — не выдержал Рати.

— Рати... Мы разговариваем, не встречай.

— Отец, почему нельзя говорить прямо, зачем столько условностей?

— Все мое время. У меня для тебя, Ликнат, информация: в нашу местность прислали особу, которую считают виновной в твоём бегстве. Она дотошно обследовала место крушения летающей крепости и несколько часов назад опять крутилась около поселения. Можешь спросить у нее.

— Благодарю, Эрнакт. Где она сейчас?

— В руинах. Йольн проводит. Рати, ты остаешься со мной.

Братья поклонились и вышли.

— А что до тебя, Ликнат, оправдай мое гостеприимство. Долго мы жили в тени, но изгой еще помнят человечество.

Тени мелькнули среди скал, где покоились руины, призраки сакрального величия острова Исмаг-Лагки. Разбив утренний свет, беглецы покарabкались вверх. Внизу раздался лай. Стая взяла след оставшихся от вылазки бойцов, долго выслеживая и гоня тиррийцев через лес.

Звук обвала замедлил исмагских собак. Камни прокатились рядом с ногами Афины, которая что-то выглядывала в скалах.

— Они не сдаются... Не отстают... Мы погибнем! — раздался мужской голос почти над ее ухом.

— Тише.

От каменного карниза, где притаились беглецы, до горного плато метров двенадцать. Сюда стягивались животные по две-три особи, с каждой минутой их становилось больше. Будто ручьи животные стекались к оставшимся после ночной погони жертвам. Рыжие головы, широкие спины и мощные лапы то появлялись, то пропадали в облаках пыли среди камней.

Тирриец застонал и еще раз попытался протиснуться в разлом за скалистым выступом, где он видел единственный для себя путь к спасению.

— Рарик, успокойся. Возьми себя в руки.

— Второй ла-Тант, не могу больше. Не могу! — вскричал он, всхлипнув, и возобновил попытку протиснуться. — Видели, как они растерзали Шапри и Нага?

— Рарик, не позорься!

Но он ее не слышал.

— Кровь... лужи крови... и свора исматских псов, дерущихся за лучшие куски...

— Заткнись, ша!

— Мне не важно, что вы подумаете... что скажете потом...

Земляной выступ рассыпался под его ногами. Обрушились пласты земли. В испуге Рарик схватился за корни, торчавшие из грунта, но те не выдержали его веса и вырвались.

— Помоги!

Пыль ударила Афине в лицо. Рарик с криком сорвался вниз, стукнувшись о выступы скал. Псы набросились на обмякшее тело. Рычание, завывание, хруст костей, рвущихся сухожилий и треск грязной униформы наполнили плато, затерянное где-то в недрах острова. Несколько секунд Рарик слабо шевелился под натиском прожорливых челюстей.

Афината начала стрелять, отгоняя собак, пока одноручный горн не замолчал, последняя энергия истрачена. Отвернувшись, Афина обессилено присела, вытирая руками грязное лицо. Нога кровоточила, усталость одолевала, а тревога росла, пользуясь временной слабостью.

«Потеряла за ночь подчиненных, — неудачи преследовали Афинату, а мысли не смолкали, роясь в голове. — Не доверяют. Падение воздухоплава, смерть Талифика, уничтожение разведгруппы, бегство человека — все свалили на меня! Хотят видеть во мне предателя! Во мне кровь Монарха, а они на огнище кидают, опозорив... Ничтожные черви! Одна тащу невыполнимое задание Рууга... Твари... ненавижу их всех!»

Злость помогла Афинате совладать с собой, дала сил, так необходимых ей для выживания.

— Устала. Все. Нет больше сил. Пусть все катится в бездну! Проклятый демон су-Риам испортил мне судьбу, мою жизнь. Я хочу спать, а не плакать. Ужасно хочу спать... и воды...

Попрытавшись в тени, псы закончили свой пир и притихли.

Свет жжет кожу.

Душно.

Временами ветер бодрил ее, разгоняя запах, что тянулся от места жуткой трапезы хищников.

— Где же ты, почему оставил одну? — в бреду промолвила Афина, вытерла слезы и прикрыла глаза, сползая на край почти отвесной тропы.

Они продвигались быстро, человек и тирриец. Йольн прекрасно ориентировался в скальных лабиринтах. На пути им стали попадаться остатки древних строений, руины какого-то храма с витыми очень высокими колоннами и высохшими потрескавшимися чашами.

На этой стороне острова песок поглощал все, камень за камнем. Сегменты руин тонули в песке.

— Ты ее чувствуешь?

— Чувствую, но связь слабеет. Возможно, она ранена.

Йольн замер, перехватив копьё, позволил телу расслабиться. Следуя примеру тиррийца, Ликнат остановился и почувствовал витающий запах, отдаленно напоминающий смрад мокрой псины. Около часа назад они наткнулись на покинутый лагерь, где были следы

зверей, растащивших провиант и останки двух трупов, там стоял тот же запах.

Ликнату послышалось рычание, после которого показались не то два огненно-рыжих волка, не то пса с вытянутыми головами и кручеными пышными хвостами.

Йольн коротким взмахом руки метнул копьё и сразу убил одного из псов. Прыгнув вперед, он дотянулся до второго зверя. В руках блеснуло лезвие, и за несколько секунд изгой оборвал жизнь зверя. Ликнат обошел место схватки и вышел на плато, залитое дневным светом. Сегодня очень жарко. В тени скальных выступов, сухих деревьев, валунов и куч камней прятались, спасаясь от палящих лучей, множество огненно-рыжих собак.

— Здесь не меньше трех стай, — Йольн подошел к человеку, вынул крошечный пузырек из кармашка на поясе, пригубил и опрокинул содержимое в себя, от чего скривился. — Обычно они не собираются в таком количестве даже на время брачных игр, и не представляют опасности, тут что-то другое, и я собираюсь разогнать эту стаю.

— Наркотик? — Ликнат указал на отброшенный пузырек.

— Не хочу чувствовать боль.

— Боль?

— У исматских псов острые зубы и дурной нрав, их может испугать только более сильный зверь.

— Ты хочешь палкой разогнать всю эту свору?

Тирриец промолчал и взял копьё двумя руками. Его глаза горели жаждой крови. Не прячась, изгой вышел на середину каменистой площадки, где в обрывках серо-желтого камуфляжа виднелись останки прошлой жертвы псов.

Звери, большая часть которых уже успела насытиться и утомиться, занервничали, выползая из прохладных мест. Пока животные чувствовали себя хозяевами ситуации, преобладая числом.

Йольн испытал разочарование от растянувшейся паузы и метнул копьё в ближайшего пса. Бросок вышел невероятно сильным, и копьё, пробив пса, вошло в следующего, что топтался позади. Заскуливших собак заглушил пронзительный вой, и показался сплотивший падальщиков вожак.

Появившийся пес не был самым крупным в стае, но количество отметин на шкуре говорили об опыте в схватках с претендентами и множестве завершённых охот. Стая сбилась вокруг, поддержала завыванием вожака, и потоком сорвалась с места.

Изменив стойку и отшагнув в сторону, Йольн вскинул руку с небольшим клинком и, уходя от прыгнувшей твари, распорол ей брюхо широким взмахом ножа. Псы зарычали, засновали и закружили вокруг танцующего тиррийца, кидаясь вновь и вновь, чтобы вцепиться в сочную загоревшую плоть. Собаки так увлеклись, что видели перед собой только Йольна. Пока после очередной стычки их не откинуло звуковым ударом, сотрясшим пространство и оглушившим всех, включая энергичного изгоя, шлепнувшегося на спину.

К Йольну бежал Ликнат, руки которого объяло синие пламя, подобно морю жадно бросавшееся на любую тварь в радиусе двух метров. Он бежал к ошеломленному тиррийцу и наносил удары каждому попавшемуся на пути зверю. Выглядело это так, словно призрачные лезвия врезались в плоть собак, разлетаясь ударной волной и опрокидывая их. Удар за ударом. Визг. Хруст. Звери поднимались в стараниях скрыться, но их вновь сбивало с лап и, раскручивая или разрезая, кидало об выступы, глыбы и каменные шипы, либо сбрасывало с крутых склонов.

Последнего пса, им оказался вожак стаи, Ликнат притащил к ногам пришедшего в себя

изгоя и, словно извиняясь, развел руками.

— Прости, что лишил тебя забавы и трофеев.

— Никогда не видел подобной силы.

Йольн шагнул к оскалившемуся зверю и мастерски ткнул острием клинка псу в шею. Вожак беззвучно испустил дух. Кровь животного залила горячий песок.

Идя по едва приметному следу, Йольн привел Ликната к цели. Афина еще жива. Она бледна лицом, дышала с трудом, подсохшая кровь пропитала штанину комбинезона, образовав корку из грязи. Достав из кармашка на поясе бутылку с обезболивающим варевом, изгой влил все содержимое Афине в приоткрытый рот. Ликнат наклонился, всматриваясь в ее лицо. Глаза ее закрыты. Даже под маской усталости, боли и грязи она оставалась привлекательной. Подавив излишнюю злость, он взял Афины на руки, почувствовав знакомый запах ее тела.

Здесьшний аналог солнца тускнел, уходя за горизонт острова Исмат-Лагки, населенного изгоями планеты Веатор. Звуки уходящего дня гасли в сгущающихся сумерках. Дневной зной и духота, свойственные лишь части этого острова, отступали.

Необходим отдых, а пустые желудки едва способствовали этому. Для отдыха Йольн выбрал сухую пещеру.

— Йольн, я могу добыть пищи. Неплохо бы перекусить.

— Тоже хочу есть. Но ты лишь время потеряешь, — Йольн приподнялся и оглядел копьё.
— Сам пойду, порыбачу.

— Копьем?

— Копьем. Это кажется странным? — изгой почесал рога и направился к выходу. — Следи, чтобы она не сбежала.

— Второй раз она меня не проведет. Тебя долго не будет?

— Зависит от голода рыбы. Или ты хочешь побыть с ней наедине?

— Удачной охоты.

Изгой промолчал и, не обернувшись, покинул пещеру.

Покровы ночи разом укутали Йольна. Он вдохнул ночную прохладу, остановился, давая глазам время привыкнуть к темноте, и вслушался в песню ночи. Вокруг полно звуков. Подождав, пока глаза привыкнут, он отправился на рыбалку, доверяя чутью, что вело его к воде. Йольн все явственнее чувствовал сырость. Вот и всплеск воды раздался совсем рядом. Йольн прокрался к берегу, осторожно раздвигая растительность. Добравшись до воды, он выглянул, чтобы высмотреть там спины рыб.

Еще один всплеск где-то у берега. Озеро широкое, нет времени ходить кругами.

К ноге затаившегося Йольна подползло мелкое существо и гортанно квакнуло. Существо раздулось, набрало воздуха, дабы исполнить протяжную серенаду. В ответ все озеро наполнилось безудержным кваканьем. Повернув ступню, Йольн придавил к земле нарушителя тишины и, наклонившись, перехватил его раздутую тушку рукой.

— Мелковат, но сгодится как наживка.

Йольн достал нож, чтобы разжать существу беззубый рот, и сунул туда пальцы, выворачивая желудок земноводного. Из желудка получился воздушный мешок, как поплавок. Взвесив в руках дергавшее лапками земноводное, он осторожно спустил его на воду и толкнул дальше с расчетом достать в случае чего копьём. Поклева не пришлось долго ждать и кормить собой пищущую мошкору. По воде пошли серебристые разводы, и на поверхности показались спины сразу двух крупных рыбин. Все трое: две рыбины, толкая друг друга, и

изгой, прыгнувший на них с занесенным над головой копьем, кинулись одновременно к наживке. Хлопнул удар по воде. Полетели брызги. Йольн полностью ушел под воду. В его руках из стороны в сторону бешено дергалось копьё. Все же изгою удалось проткнуть одну из рыб и копьем прижать ее ко дну.

Обессилив в борьбе с рыбиной и наглотившись воды, Йольн выкарабкался на берег, цепляясь одной рукой за коренья и пучки травы, пока другой держал за жабры пойманную рыбу. Он дал себе время отдышаться.

— Надеюсь, человеку хватило ума... поддерживать огонь. Странные существа люди... смешные. Безрогие и уродливые. Интересно Ликнат мне друг или враг?

Ночь не ответила ему.

Поднявшись, Йольн стряхнул с себя тину и прижал сильнее вздрагивающую рыбу. Возвращался он по собственным следам. Удачная рыбалка взбодрила, ледяное спокойствие отразилось в его глазах, а на лице показалась самодовольная ухмылка.

Свет, отраженный от двух лун Веатора, освещал камень, скалы и открывшееся взгляду Ликната пространство. Ночь перед ним жила своей жизнью, но здесь не было того безумства, той агрессивности призрачных миров. Тут все было иначе. Если попытаться выразить то, что чувствовал Ликнат, то вышло бы следующее: возвращение природы к первозданному облику, к некой гармонии и пониманию, ну или что-то подобное. Мир изгоев не схож ни с чем виденным им ранее. Как успел заметить Ликнат, изгой обладали развитыми технологиями, но мир их оставался нетронут, не избит разработками, не посечен дорогами и скоростными магистралями. Чистый воздух и вода. Много живности. Леса поражали своими величественными деревьями, а подножья гор ароматами полевых и горных цветов. Лишь в части острова, где в раздумьях сидел Ликнат, было засушливо, здесь находились стародавние захоронения, курганы, руины забытых алтарей и храмов, и выбитые в скалах пещеры святилища.

Вернувшись к спавшей Афине, он осмотрел повязку на ее ноге и коснулся пальцами ее лба, проверить температуру.

— Руку убери, — процедила сквозь зубы Афината, — и отойди... медленно.

В живот Ликнату уперлось что-то твердое. Он опустил взгляд, в руке Афины зажат острый камень, схожий на наконечник копья. Не проронив ни слова, Ликнат поднялся и отошел. Оглядываясь и ощупывая себя, Афина поднялась, опираясь рукой в стену и переведя вес на здоровую ногу. Тяжело дыша, она собралась с мыслями.

— Человек? Как ты тут оказался? Где мы? — Афина еще раз потрогала повязку. — Что с раной? Перелом?

— Сильный ушиб и рваная рана, — Ликнат скрестил руки на груди. — С раной все в порядке, кровь остановили.

— Голова кружится, — она рукой потерла сначала лоб, потом глаза. — Твой голос мне знаком.

— Может побочные эффекты, может от голода, а может крови потеряла много, кто знает? — пожал плечами Ликнат. — Я пришел за тобой. В общем, ты обязана мне жизнью, без меня тебя бы давно растерзали звери, так что будешь служить мне.

— Много на себя берешь, человек, — напряглась Афината, глаза ее горели золотом, злобой и отчаяньем. — Что тебе нужно?

— Ты разве не узнала меня?

— Нет. Вы все на одно лицо.

— Ты назвала меня су-Риам. Заманила в ловушку. Из-за тебя я сгорел заживо и разбился на этом острове. Твоя жизнь принадлежит мне!

Взгляд Афины выражал недоверие и подозрительность. На смену им пришел страх. Повисло молчание. Секунды тянулись одна за другой. Ликнат и Афина оставались неподвижными как камень, что окружал их.

— Убьешь меня? — негромко спросила Афината.

Ликнат молчал.

— Мне... мне очень жаль, правда, — из глаз Афины потекли слезы. — Прости. Не думала, что так выйдет. Ты же наш враг, я так думала. А потом, осознав, даже не осознав, а... меня что-то терзало изнутри, давило, нарушало сон. Я тосковала. Я ведь была в той же летающей крепости, что и ты... видела капсулу с твоим телом... сколько крови там, всяких дренажей, паутины трубок. Жуткое зрелище. Я не выдержала. Саботировала полет, чтобы прервать твои мучения. Это я помогла тебе!

— Ты врешь.

— Подожди! — Афината сдержанно рыдала. — Я думала ты погиб... что мертв... Меня арестовали. На словах не передать, что я пережила... Меня пытали... Теперь вынуждена выполнять самую грязную работу. В лицо мне плюют те, кто раньше ел за одним со мной столом!

— Второй раз ты не обманешь. Опять притворяешься, чтобы выкрутиться.

— Мне все равно, — Афина притихла, беззвучно содрогаясь и всхлипывая. — Делай что хочешь.

Внешне Ликнат оставался спокоен. Сердце его хоть и было промыто Инквизицией и очерствлено химией, но сжималось с болью. Они столько пережили вместе, делили кров и еду, даже доверяли друг другу, иногда. Странно все это, даже опасно и глупо, но ему не хотелось мести, не хотелось ее убивать. Ликнат шагнул к Афине и наткнулся на острый камень в ее трясущихся руках. Но не камень сейчас резал сердце человека, а жалость, что изначально подавлялись в нем Инквизицией.

— Я не буду мстить.

Пальцы Афины разжались, и камень выпал из ее рук. Афина вытерла подсыхавшие слезы. Она вся дрожала.

Свет луны стал мягче. Ликнат еще не знал, как называется этот спутник Веатора. Он многого не знал. Все вокруг казалось ему ирреальным и фантастическим.

— Как называется большая из лун?

— Луна, — совсем тихо ответила Афината. — Разница в ударе. А рядом с ней, маленькая такая, — это Ра.

Они замолчали либо от нехватки слов, либо от переизбытка эмоций и желания выговориться. Афина вроде даже заснула.

Ликнат тешил себя мыслью, что виноваты препараты Инквизиции, утратившие свою силу и покинувшие организм. Некоторое время он будет вести себя не совсем адекватно. Чувство нескончаемого одиночества, какого-то вселенского сиротства покидало его, принося что-то новое.

Звук шагов вывел Ликната из оцепенения. Он оглянулся, чтобы рассмотреть, что делается у входа в пещеру. В этот момент густая тень шагнула ему на встречу. В пещере запахло рыбой и тиной.

— Так и знал, глупый человек забыл о костре.

— Он меня раздражал, — начал оправдываться Ликнат. — Постоянно лез дымом в глаза. Провонял всю пещеру.

— Иди за дровами, — распорядился Йольн. — Тоже мне охотник. Как ты с голоду не подох на испытании?

— Пища сама меня нашла.

Ответив, Ликнат направился на поиски дров, коры, сухого мха и всего того что хоть как-то горит.

Йольн разжег костер мастерски. Изгой расположил дрова правильно, и дым вытягивало под потолок, который почти сразу закоптился. Йольн занялся приготовлением пойманной им рыбы, перед этим заставив Ликната почистить ее. Части рыбы он повесил коптиться на дыму, чтобы запастись едой в дорогу. А что бы утолить голод он пожарил на огне несколько кусков рыбного филе. От запаха жареной рыбы накатывались слюнки.

Запах еды разбудил Афину.

— Парматэ сатти, Йольн, — проговорила она. — Не ожидала тебе тут увидеть, изгой.

— И я приветствую тебя, Афината ир-Ниор, — Йольн жевал рыбу, блаженно прикрыв глаза. — Коварная змея.

— Поешь с нами? — спросил ее Ликнат.

Рыба была очень жирная. Жир так и тек по пальцам.

— Хаатру, — Афина потянулась за палкой, на которой жарились кусочки шкварчавшего филе.

— Чего?

— Приятного аппетита говорит, — жуя, перевел Йольн.

— Он бы сам догадался.

— Задирают нос и кривляются, скрывая родство. Делают вид, что у них свой язык, своя культура. Что они преобладают над людьми в сфере науки. А на деле лишь глубже погружаются в собственные фантазии.

— Этот спор не о чем, — надулась Афина. — Вы дикари!

— Вот-вот, но правду все равно не скроешь.

— Я вас не понимаю, — честно признался Ликнат.

— Что понимать? — удивился Йольн продолжая поглощать кусочки рыбы. — Люди дали будущее. Научили языку и письму. Дали нам общество и культуру. Ваши переселенцы, Ликнат, жили на планете Веатор. В те времена под их влиянием здесь зародилась речь и письмо. Для Кайри мы были чем-то на вроде домашних животных.

— Что ты знаешь про Дасфиров Кайри?! Вот именно из-за подобного бреда вас и переселили на этот остров. Своими идеями вы лишаете нас будущего, — Афината говорила и жевала, иногда вместе со словами вылетала пища из ее рта. — Чего притих? Что взять с дикарей!

Кусочек рыбы, что вылетел из ее рта, попал Йольну на ногу, отчего Ликнат засмеялся.

— А что ты хочешь услышать? — заинтересовался Йольн.

— Тебе все равно нечего сказать.

— Это оккультисты. Они такие же тиррийцы как ты, хранят знания цивилизации Кайри.

— Нет, они были нашими союзниками.

— Ты говоришь о Кайри, их больше нет как расы. Нет ни их планет, ни их городов. Нет ничего... они хозяева Дасфиров.

— Откуда тебе это известно?

— Юсирфи рассказала, — Йольн перевернул рыбу. — Их мало осталось. Будущего у Кайри нет. Их ведет месть. Желание отомстить людям захватило их разум. Желание уничтожить людей для них прерогатива. Как бы печально это не прозвучало, но они мертвы.

— Они разрушают мой мир? — влез в разговор Ликнат. — Веатор по их приказу напал?

— Ну да, — как ни в чем не бывало, ответил изгой. — За новые технологии, за современное оружие, за то, что делятся знаниями, выполняют всяческие поручения и давно оказывают влияние на твою планету.

— Это правда, Афина?

— Я не посвящена в детали. Делаю только то, что прикажут. Откуда мне знать?

— Нам нужно связаться с твоим начальством.

— Я не знаю, как это сделать.

— Рууг в лаборатории на мысе Тахгий и намерен пробыть там еще какое-то время, — Йольн подмигнул Афине.

— Даже спрашивать не буду, откуда такая осведомленность. Вы следите за нами!

— А вы прям, нет? — улыбнулся изгой. — Это ты сидишь на моей земле, это ты тут рыскала в поисках останков человека и смеешь обвинять меня в шпионаже?

— Хватит, — поднялся Ликнат. — Ты нас проведешь, Афина.

— Как? На шее перенести через океан? Если меня поймают там, то казнят, — Афината потерла шею.

— Порталы, — Йольн хитро взглянул на нее.

— Что порталы? — она изобразила недоумение.

— Через портал в храме проведешь, — Йольн поднялся с мыслями о дороге и отряхнул походный мешок. — Надо воды набрать.

— Хорошо! Хорошо!!! — вскочила Афината. — Но ты, Ликнат, отвечаешь за мою жизнь головой!

Отдохнув еще час, все трое покинули пещеру и направились к заброшенному храму. Ногу Афины поддерживал бандаж экзоскелета. Едва приметная тропка вела их, то пропадая в зарослях и среди камней, то становясь различимее. Лишь раз Йольн отклонился от маршрута, чтобы набрать воды. Дневная жара наступила почти сразу с приходом утра. Ликнат быстро взмок, хотя раньше с ним подобного не случалось.

— Ликнат, — Афината догнала его и пошла рядом.

— Что?

Йольн шагал впереди, выглядывая приметные ориентиры.

— Я хотела бы показать тебе наши достопримечательности: тихую гавань, грязевых человечков, упавшую звезду, мыс Иар, и многое-многое другое, — Афина прижалась к нему плечом и продолжила шепотом: — Познакомиться ближе.

— Ты ставишь меня в неловкое положение. Я перестал понимать, что тут происходит.

— На нее гормоны так влияют, — откликнулся шедший впереди Йольн. — Не верь ни одному слову.

— Заткнись! Заткнись, пока я тебя не убила! — крикнула в его сторону Афина.

Следующий час пути они практически не разговаривали, сказавшись сложный подъем по скалистой местности. Узкие изломанные тропинки тянулись по самому краю пропасти. Не сбавляя темп, троица вышла на горное плато, где и был расположен необходимый им храм, вернее его руины. Йольн остановился, доставая воду из мешка.

— Дошли...

— Почему так долго? — слова, будто гром, прилетели из храма. — Что вас задержало?

На свет вышел Эрнакт в сопровождении Рати.

Афина поклонилась ему несколько сконфуженно и уселась массировать поврежденную ногу. перевязка сделана неплохо, но обезболивающий эффект заканчивался, и Афина едва сдержала стон. Дорога выматывала ее.

Ликнат охотно поприветствовал вождя.

— У нее повреждена нога, — Йольн подошел к отцу и тоже поклонился. — Спешил, как мог. Знаю, что заставил вас ждать. Юсирфи что-то велела передать, раз ты здесь?

— Ты становишься болтлив, — усмехнулся вождь. — На тебя влияет человек.

— Не без этого.

— Ликнат, твое снаряжение, амуницию и экипировку мы не смогли восстановить. Броня уничтожена, а оружие твое так и не нашли. Но мы не с пустыми руками: вот боевой шлем одного из су-Риам и его перчатки-усилители.

Рати приволок сумку и, немного покопавшись в ней, вытащил перчатки диковинной конструкции, а затем шлем с черными вставками на висках и лицевым щитком. Перчатки представляли собой соединение кисти, запястья и локтя подвижными сегментами, шлангом, двухслойной сеткой и пучками проводов. Они слабо светились, будто испуская почти невидимый пар.

— Как это работает?

— Без понятия, — отозвался Рати. — Боевой симбионт в шлеме улучшит возможности твоего организма. Выявляет магнитные поля и потоки энергий. Многократно умножает силу су-Риам.

— Откуда вам столько известно? — Ликнат разглядывал шлем.

— Жили среди нас долгое время, — Эрнакт посмотрел на разрушенный храм. — Предвидя твой вопрос: они давно ушли. Их призвали и, простившись, они ушли навсегда.

Ликнат закрепил перчатки и застегнул шлем. Все вокруг потемнело. Точно предвещающая грозу, чернело далекое небо, окрашиваясь пугающими цветами. Сердце Ликната бешено забилося. Он почувствовал, как тело начинает падать в пропасть. Все быстрее и быстрее. Падая, Ликнат замахал руками, силясь за что-нибудь ухватиться. И он упал. Руки невыносимо жгло. Их объяло синим пламенем, проклятые перчатки не снимались, все сильнее и глубже въедаясь в кожу. Спину пробило холодом, а в голове пульсировала боль... тук-тук... тук-тук... Он задыхался, хватая густой как деготь воздух ртом в попытках дышать, но грудь разрывалась, заполняясь неведомой энергией, как меха.

Ликнат потерял сознание.

Темнота. Там впереди тлеет оконце.

Он приблизился, касаясь лбом стекла, исписанного морозными узорами.

— Как смеешь ты касаться потоков жизни?! — прогремел громогласный голос.

Ликнат отпрянул, протер выступивший иней на стекле и еще раз заглянул в окно.

«Способен управлять созидая. Но эта способность приходит через смерть. Его смерть выступит гарантом и заставит проснуться машины, которые будут наполнять красками жизни новый Мир, даря ему вновь молодость и силу, — женщина за окном провела рукой по лучу лунного света. — Я верю...»

Открыв глаза, Ликнат покрутил головой. Все тот же воздух, та же почва. Ему грезилось наяву? Оглядываясь, он снял шлем. И взгляд его выдавал растерянность.

— Чего испугался? Теперь это твое, — Рати протянул руки, заставляя его еще раз надеть

шлем. — Осваивайся.

Вокруг Ликната поблескивали какие-то прозрачные потоки. Теперь мир перед ним стал ярче и насыщеннее. Вспышка. В небо вырывались едва заметные протуберанцы света и магнитные петли. Все это двигалось, переливалось, издавая мелодичный звон. Этой энергией пропитано все вокруг: земля, каждое дерево, вода и воздух. Стоявших рядом с ним тиррийцев окружали разные ауры: у Эрнакта она была самой мощной, у Афины — подвижной, у Йольна — колючей, а у Рати — самой цветастой. Себя Ликнат видеть не мог, но ощущал колоссальное количество энергии в своем теле, эта мощь рвалась наружу, заставляя волосы встать дыбом, мурашки бежали по спине. Эта сила — завораживала... Он пребывал в прострации, пока вновь не потерял сознание.

— С ним все хорошо, — Эрнакт остановил Афинату. — Так и должно быть. Пусть привыкнет.

Афина присела рядом с человеком, разглядывая матовый шлем и его сжавшиеся в кулак пальцы.

Прошло около получаса, прежде чем Ликнат пришел в себя. После недолгого сбора троицы вождь изгоев повел их к порталу. В центре храма располагалась конструкция, видеть которую уже приходилось Ликнату раньше, в подземелье монастыря.

— Я видел такой механизм в катакомбах.

Прищуривши один глаз, Афина недобро посмотрела на него и прошептала:

— Хочешь повторить забег? Тебе ведь понравилось.

— Если бы я догнал тебя, мы бы сейчас не разговаривали.

— Согласись, это придает пикантности воспоминаниям? — сверкнув золотом глаз, она продефилировала к механизму фазмара.

Портал ожил после манипуляций Афины над пусковой панелью, откликнулся скрежетом и диким лязгом. Видимо давно никто не пользовались этим механизмом. Шестеренки пространственного устройства закрутились, перестраиваясь и проворачиваясь по осям со слизанными зубьями. Слово мыльный пузырь портал «надулся» в пределах бронзовых окружностей и завибрировал. Поверхность заколыхалась как желе, переливаясь всеми цветами радуги. Звонкий маятник около шара в устройстве фазмара угасал, отбивая обратный отчет пространственного моста.

— Нам пора. Защитный механизм сработал и скоро закроет портал, — Афина первая вошла в «пузырь».

— До встречи, — Йольн приобнял младшего брата.

— Береги себя, — с этими словами Эрнакт изобразил какой-то символ в воздухе и повернулся к человеку. — Ты часть вселенной, су-Риам, помни об этом. Не позволяй своей жизни исчезнуть напрасно.

Что ответить или как попрощаться Ликнат не знал, поэтому просто шагнул в закрывающийся «пузырь». Опять эта топкая серая субстанция. Так и липнет к телу, цепляется как клей... А вот и свет.

Волны плавно накатывали на скалистый берег с совсем маленьким пляжем сине-белого песка. Изредка над волнами разносился клич морских птиц.

Ночь светла.

Легкий бриз дул с берега, охватывая мыс с двух сторон.

Почти весь персонал покинул лабораторию, осталась лишь дежурная смена с подразделением службы безопасности и два личных стража Рууга пра-Ниора. Сам же Рууг в задумчивости созерцал пустынный пляж, наслаждаясь одиночеством и тишиной. Он успел порядком подустать от постоянного столпотворения и шума городов, варившихся веками в собственном соку.

— Первый Тан, несанкционированный запуск моста фазмара, — на стеклянную террасу выбежал один из его стражей.

— Лаас неиф сукт?

— Дасф, — страж принес энергоброню и оружие Рууга.

— Афината?

— Ном...

— Если не смогли опознать, значит — это она, — Рууг влез в броню, надел на голову шлем. — Уходим. Афината выполняет мой приказ, никто не должен знать об этом. Приготовь челнок, Нарит. Парматэ?

— Первый Тан!

Телохранитель ударил себя кулаком в грудь и выбежал.

— Не мыслил я, что придется сразиться... но мне нужна эта мощь, — Тан говорил, глядя на вспенивающиеся волны лазурного с темным отливом моря. Пальцы его сжимались, в глазах бушевали эмоции, и плескался огонь. — Сфера куда важнее, а к ней необходим ключ. Приходится импровизировать на ходу, никому ничего нельзя доверить.

Рууг покинул террасу, направляясь к открытой площадке, где парковали челноки и наземный транспорт. Ему оставалось пересечь виварий, два лабораторных корпуса, затем спуститься на общий этаж, чтобы выйти к центральному подъемнику, который и выведет его в нужное место.

При помощи пространственного моста, связавшего храм и лабораторию, троица во главе с Афиной попали на мыс Тахгий, в подвал лаборатории. Сейчас они кралась по нижнему этажу исследовательского блока, стремясь разыскать Рууга.

— Ты точно знаешь, куда мы идем? — шепотом спросил Йольн.

Афина шикнула на него и, осторожно выглянув, изобразила двумя пальцами дугу, ткнула ими вверх, а затем на Ликната, который отрицательно потряс головой, давая понять, что его это не устраивает.

— Струсил? — фыркнула на него Афината. — Я не собираюсь впрягаться за вас.

— Я не понимаю твоих знаков!

— За поворотом ступеньки, а там охранник и лаборант. Так понятней? — чтобы проговорить это ему в лицо, Афина подбежала на цыпочках.

— Ну, и что ты предлагаешь? — Ликнат не был посвящен в план действий. Да и плана

как такового-то не было.

— Расчисти путь, — встрял в диалог Йольн.

— А ты зачем влез во все это?

— Юсирфи сказала, что я нужен.

— Юсирфи сказала, — передразнила его Афина. — Старуха крутит вами как хочет.

— Твоего языка мне только и не хватало.

На нервы изгою действовали замкнутые пространства и технологичные механизмы. Все эти научно-исследовательские институты, лаборатории, машины, полигоны, искусственные сады и водоемы. Да он вообще старался подобного избегать, привыкнув к свободе, выражавшейся бескрайними степями, глухими лесами и прогулками по труднопроходимым тропам среди скалистых круч.

В попытке оправдаться и отпетлять от роли тарана Ликнат тянул время:

— Я безоружен. Что мне выскочить из-за угла и сразить их взглядом?

— Да хоть танцем с платками! Вали уже! — Афината стала пихать человека ногами, выталкивая его в зал со ступенями к охране.

— Ты и есть оружие, — нейтрально произнес изгой.

— Никакой от вас поддержки.

Ликнат сдался и сам пошагал, представ перед взором оторопевшего лаборанта и охранника, до этого мирно о чем-то беседовавших, коротая время ночной смены.

Из рук воскликнувшего лаборанта выпали какие-то папки и документация. Все произошло так неожиданно, что они растерялись. Их можно понять: не каждый же день перед тобой появляется настоящий, а не клонированный в неволе человек. Охранник схватился за оружие и нервно окликнул Ликната:

— Стой!

— Стою, — отозвался Ликнат и действительно остановился.

— Ты что... человек? Это розыгрыш какой-то?

Проговорив что-то едва понятное, лаборант попятился, испуганно обернулся, опять-таки посмотрел на человека, отвернулся и стал отдаляться, пока не уперся спиной в ограждение, за которым цвели бежевые растения, точно вскрытые воском. Лаборант руками искал что-то в карманах.

— Как ты сюда попал? — охранник с маленькими рожками принял, как ему казалось, вызывающую стойку и сдвинулся в сторону, профессионально нацелив оружие на человека. — Ты арестован! Ша! Лечь на пол!

Возможно, разговор бы продолжился и дальше, но, то ли Ликнат совершил подозрительное движение, то ли охранника что-то испугало... Раздалась стрельба, прервавшая крик лаборанта, и пули кучно полетели в сторону человека. Ликнат даже видел их, каждую по отдельности. Видел вспышки выстрелов и поток горячего воздуха. Видел, как пули закручиваются, оставляют след в воздухе, и неумолимо приближаются, но продолжал стоять неподвижно. Перчатки подобно губке вбирали в себя энергию, охлаждая воздух вокруг. Одним движением руки Ликнат направил эту энергию навстречу пулям. Вырвавшаяся волна расплавил их мгновенно. Нарастая и наполняя жаром этаж, волна энергии прокатилась дальше, в секунду испепелив охранника и убежавшего в ужасе лаборанта. Стены, пол и потолок — все потрескалось и оплавилось, нависая пузырящейся массой и сползая с шипением по дымящемуся каркасу.

— С ума сошел? — Йольн огляделся и взбежал по ступенькам. — Я лучше сам. Ты мог все

обрушить. Похоронить нас под завалами.

— Не умею я с этим всем обращаться.

— Ты можешь и так? — с восхищением спросила Афина.

Около руки Ликната клубился пар. Все в нем дышало жаром. Раскаленный пол под его ногами угрожающе трещал. Ликнат перепрыгнул раскалившееся докрасна пятно, и след копоты потянулся за ним по воздуху, рассеиваясь мало-помалу.

В потолке через дыры виднелся этаж выше. Наверняка система ИИ зафиксировала чуткими датчиками вспышку тепла и разрушение этажа. Может тут и камеры видеонаблюдения имелись. Афина заспешила вслед за изгоем, потянув за собой человека, что-то упорно разглядывавшего в остывающем пятне. Втроем они пробежали через исследовательский корпус, больше не останавливаясь, так и достигли общего этажа перед центральным подъемником. Три или четыре этажа выходили сюда вместе с техническими уровнями, образуя огромное куполообразное помещение под нависшим козырьком, освещенное от центра многосекционными лампами. Просторно. От потолка тянулись архитектурные излишества в виде украшений и выдержанных в едином стиле колон. К центру плавно сходились лестницы, лишь в редких случаях пересекая друг друга. От центра простирался мост к центральному подъемнику.

— Йольн, куда дальше? — Афина прильнула к стене.

— Я чувствую его, — так же негромко ответил изгой. — Он рядом.

Сверху послышались шаги. Точно по команде сдвинулся центральный подъемник, разворачивая платформу и открывая путь к открытой площадке за лабораторией. По подъемнику шел тирриец в искусной броне, идеально подогнанной под его статную фигуру. На пути включались лампы, секция за секцией, сопровождая лучами света его путь.

Перебежав к перилам, Йольн оскалился как зверь, поднимая сменившее форму копьё, обросшее крючками точно гарпун. У него-то сомнений не было относительно личности шагавшего впереди тиррийца.

— Это Рууг.

Со всей силой Йольн метнул копьё в беззаботно удаляющуюся особу. Как выстрел из баллисты рванулось копьё, разрезая воздух. Но в последний момент Рууг среагировал и сдвинулся, чтобы уклониться, завалившись набок. Копьё пробило вазу с узким горлом, осыпав того осколками керамики и декоративным грунтом.

Рууг пра-Ниор не был удивлен. Нет. В нем не было ни капли удивления. Будто ждал их появления. Поднявшись и наглядно отряхнув руки, он обвел взглядом всю троицу, поочередно с ног до головы, лишь раз задержав взгляд на Ликнате. Их разделяло более ста метров, но человек почувствовал лютую ненависть, исходившую от тиррийца... и надменность, знакомую ему еще по Афине.

— Сделай же что-нибудь! — выкрикнула Афина.

Сосредоточившись, Ликнат протянул руку, нащупав в пространстве нить энергий. Рубанул ею воздух, образуя плетень с витками лезвий, и выбросил получившуюся пружину в Рууга. Энергоброня тиррийца приняла удар на себя, что его и спасло. Рууга отбросило заискрившимся разрядом, остатки которого врезались в прилегающие к мосту витрины из стекла с растительностью, отскочили в дверь, разломав ее окончательно, и в стену, окрасив гладкую серую поверхность жжеными пятнами черноты. Призванная энергия вращалась вокруг Ликната, растекаясь молниями. Железо гудело и тянулось к нему. Пространство сгущалось, подрагивая в такт исходящих от него волн. Ликнат собрал ее в молот, чтобы

одним махом добить отползавшего Рууга и поставить точку. И все бы так и было, если бы не вмешательство телохранителей последнего.

В спину Ликната врезался враг, атаковав внезапно. Враг, которого не заметили ни Афина, ни Йольн. За атакой последовал удар горном, что со свистом пролетел перед лицом Ликната. Вспышка оружия как в замедленной съемке застыла в его глазах. Смертельный луч галс-кира прошел совсем рядом. Ликнат ускользнул в сторону и отбил выстрел, образовав защитное поле вокруг себя. Тут же ему прилетело в спину, но по касательной. Ликнат кувыркнулся через плечо, вскочил и не успел толком что-то понять, как был сбит с ног выстрелом. Бесшумное оружие врага еще раз выстрелило бесцветным лучом, чуть не разрезав ему шлем вместе с головой. Зашипело расплавленное напольное покрытие возле головы Ликната, которому удалось в последний момент передвинуться и усилить свою защиту, поглощая все больше энергии от наседавшего психокинетика Рууга и его телохранителей.

— Нарит!

Напавший на Ликната враг отвлекся, услышав голос Афины, и пропустил удар Йольна, успевшего вовремя подскочить. Изгой яростно зарядил Нариту рогами в лицо и отбросил его, при этом умудрившись еще и вырвать оружие у него из рук. Взыв в маску шлема, Нарит покатился, держась за голову руками.

Сверху на эту возню упали две гранаты.

Ударившись об пол, гранаты подпрыгнули и взорвались ярчайшей вспышкой.

Ликнат едва успел отвернуться, выпустив из виду Афинату, проворно скрывающуюся за парапетами. Ослепленный вспышками Йольн зашатался. Он обронил винтовку, запоздало закрывая руками глаза, и зашагал наугад, пока не спотыкнулся и не перекинулся через скамью, очутившись в горшках с цветами.

Бросивший гранаты противник отпечатался как стоп-кадр на сетчатке глаз Ликната. Еще и дым этот гадский. В руках врага два пистолета с треугольными штыками. Он движется скупно и быстро, пригнувшись и согнув ноги в коленях. Фигура его терялась в бледном дыму, а шаги беззвучны. Первой целью противник выбрал ослепленного, и от того беспомощного изгоя, все еще барахтавшегося в цветках. Противник прицелился на бегу и дважды выстрелил. В этот момент справа от него мелькнула тень. Телохранителя Рууга смело мощнейшим ударом. Крупнокалиберные пули, выпущенные противником, прошли совсем рядом с головой изгоя, одна даже чирком задела рог. А вот врагу с пистолетами повезло меньше. От полученного удара тот врезался в стену, и стекло его интервьюера разлетелось вдребезги.

Появившаяся из клубящегося дыма Афина не выпустила нокаутированного врага из удушающего захвата, пока с диким возгласом не свернула тиррийцу шею. Подняв пистолеты и пристроив их к набедренным креплениям, она невозмутимо направилась к контуженному Нариту, который все еще пытался снять шлем, что-то бормоча и завывая от боли.

— Куда он пошел? — Афината схватила его за шлем и дико затрясла изо всех сил. — Говори!

Но Нарит лишь бессвязно мычал. Теплая кровь проступила из-под шлема. Афина попыталась помочь ему снять шлем, но не вышло: удар был такой силы, что деформировал материал, вмявшийся в череп. Тирриец был обречен умереть в муках. Подняв горн к бедру, Афината медлила, ствол покачивался у его виска. Нарит содрогался в мучительных конвульсиях, что предвещали агонию.

— Ответь же мне! — крик Афины эхом отразился от стен.

— Ном!

Она выстрелила и отвернулась, прекратив его мучения.

Дым рассеивался и оседал.

Время! Им нужно время, которого нет. Им нужно собраться, прийти в себя. Хорошо хоть слепота Йольна проходит. Куда ни глянь значительные повреждения: подъемник частично обрушился, а дальняя стена основательно завалила проход к челнокам. Рууг, скорее всего, спасся. Теперь его не догнать. Горн Афина передала Йольну, а сама обзавелась пистолетами и курткой. Пути назад для нее больше нет, — это она прекрасно понимала, как и то зачем она тут в действительности.

— Он сбежит с планеты. Наверняка сбежит, — размышлял Йольн. — Его укрытие должно быть в призрачных мирах.

— Согласна, ша! Монарху не понравится произошедшее здесь. Будет много вопросов, — Афината с тоской посмотрела на мертвых сослуживцев. — К черту все! Возвращаемся на Землю.

— Но мы ничего не добились, — попытался остановить ее Ликнат. — Мне нужен Рууг!

— Знаю! Заткнись и слушай меня, — вспыхнула Афината. — Я порылась в интервизорах убитых. Мне известны все места, где они бывали в последнее время и где останавливались. Помимо всего прочего одни координаты мне совсем незнакомы. Это место находится где-то в одном из отдаленных секторов призрачного мира.

— Ты язык-то придержи, — Ликнату не нравилось поведение Афины. — Много себе позволяешь.

— Без меня ты бы с места не сдвинулся, человек!

— Без тебя я жил бы себе спокойно на своей планете.

— Сваливаем, пока мы еще живы.

— Нам это поможет? — Йольн размял плечо, ноющее после стычки, и закинул за спину горн. — Или ты предлагаешь сбежать?

— А вам выбор неочевиден? Я хочу выжить. Через несколько минут тут будет очень, очень жарко. А так как наш ручной су-Риам ничего не умеет, то и полагаться на него не стоит!

Ликнат проглотил и это.

Троица диверсантов возвращалась тем же путем, нигде не останавливаясь. Они продвигались по зданию перебежками, подстраховывая друг друга на поворотах, перекрестках и у открытых дверей. Явно с запозданием запищал сигнал тревоги, противным эхом распространяясь по уровням лабораторного комплекса.

Стараясь выровнять дыхание, Афината остановилась около механизма пространственных мостов. Она нервничала при обходе защиты фазмара. Попытки ее срывались. После пяти минут усилий, показавшихся Ликнату бесконечными, панель засветилась, мигая то одними символами, то другими, и «мыльный пузырь» разросся, создавая перед ними очередной порт. Первой в него запрыгнула Афина. За ней шагнул Йольн. Уходя с планеты, Ликнат невольно обернулся. Где-то там остались лежать телохранители Рууга, отдавшие свою жизнь без колебаний, ни в чем неповинный охранник и лаборант, нераскрытые тайны и невиданные им города Веатора. Ставки в этой партии стремительно росли, не щадя фигуры на черно-белой доске.

Оживленный мегаполис. Над потоками людской массы все тот же гул Империялграда, не знавшего покоя. Все эти звуки живущего яркой жизнью индустриального сердца разрушенной Империи со временем становились жизненным фоном всех, кто хоть как-то соприкасался с ним. Самые безвольные из жителей вскоре становились оболочками, которых волновали только примитивные потребности, изо дня в день очернявшие человечество.

День близился к обеду, волочась обыденно и неумолимо.

Занимаясь производственным шпионажем на благо своей компании, Ница расположилась у монитора. Интересовали ее новые сплавы полученные Институтом инноваций металлургии. Она увлеченно пребывала в виртуальной реальности, пока ее не прервал настойчивый сигнал голосового вызова.

— Да, — отвлеченно ответила Ница, не удосужившись посмотреть, кто ей звонит. — Говорите.

Собеседник заговорил голосом Наи Саен:

— Привет. У меня есть новости. Вернулся ваш Тайполь. Жив и здоров, но ничего не помнит. Он у меня. С ним два странных существа... даже не знаю, как тебе их описать. Мы их придержим. В общем, бери Ладани, и дуйте к нам.

— Ты серьезно? — Ница поднялась, направившись в комнату Лады.

— Нет, весь день думала, как же вас разыграть! Давай, ждем.

Ликнат скучающе смотрел в панорамное окно, из которого открывался вид на часть поглощенного каждодневной рутиной города. Поток транспорта перед ним не иссякал, переполняя до заторов улицы, проспекты и развязки. Дальше виднелись Центральный Парк, великолепное здание Викария, блестящий стеклом и зеркалами аэропорт, петли воздушных магистралей, голубые небоскребы и высотные строительные площадки, обмотанные страховочными сетками под секциями купола.

— Мы тратим время, — после долгой паузы продолжил прерванный разговор Йольн. — Этот человек обещал нам помощь, — изгой указал на Вельвета. — Зачем нас поджидали?

— Не поджидал. Поручение у меня было присмотреть за тем механизмом, чтобы Тайполь смог вернуться.

— Что вы заладили? Тайполь, Тайполь... Честно, я понятия не имею, о ком вы говорите. Я уже и сам не знаю чему верить.

— Он всегда такой придурковатый? — встряла Афина.

— Даже не знаю, что вам ответить, рогатая красавица, — замурлыкала Наи, развалившись в кожаном кресле с бокалом вина. — Давно я не удивлялась так, как сегодня. Прямо день чудес какой-то.

— Мне тоже не все люди приятны, — парировала Афината.

— Что вы, что вы, какая неприязнь? Лишь удивление. У нас есть контракт и одна личная просьба. Прошу, дайте нам их выполнить, — наемница пригубила вино. — Вам ничего не угрожает. Чувствуйте себя как дома.

— У вас есть транспорт и оружие? — прямо спросила Афината.

— Допустим. Вопрос лишь в цене, — Наи чуть прищурила глаза.

— Нам нужна экипировка, оружие и... транспорт.

— Провизия и вода, — дополнил ее слова Йольн.

— У меня есть фамильные украшения. Ручная работа. Они невероятно дорогие. На Земле такие не встретишь. Готова ими расплатиться.

Наи намеревалась что-то ответить ей, но тут запахнулись резные двери, и в зал вбежала, запыхавшись, покрасневшая Ладани, волосы которой растрепались, а зеленые глаза задорно блестели. Следом за ней вошла Ница, неспешно и грациозно, легким кивком подчеркивая приветствие.

— Поль! — радостно выкрикнула Лада и замерла.

Что только не пронеслось у нее за эти секунды перед глазами. Вспомнилось все, что она пережила за это время. Вспомнились все моменты, когда она отчаивалась и почти бросала попытки разыскать его.

— Я...

Ликнат удивленно уставился на вбежавшую девушку, попробовал сконфуженно возразить, но рот его отказывался выдать хоть слово, да и в голове какая-то каша.

— Я узнала тебя! — продолжила Ладани. — Повзрослел.

Сорвавшись с места, она подбежала к Ликнату и бесцеремонно повисла у него на шее, чем на мгновение смутила его. Ликнат почувствовал ее тепло и бешеный стук маленького, храброго сердца, что было некогда ему родным.

В голове у него все завертелось, перемешиваясь обрывками чужих воспоминаний, где он извлекал цветок водяной лилии из-под рубашки; вода каплями стекала с полураскрывшегося бутона на потрескавшуюся землю тропинки... Напротив него стояла эта девушка с забавным именем Ладани. Ликнат сразу вспомнил характерное едва приметное искривление линии ее губ при улыбке, о которых мечтал каждый раз, пока пытался заснуть... Он вспомнил разноцветный забор, который они красили каждый год вместе... Холод и боль, жар и опустошение, душевная тоска, кровь и смерть, — все это прервало его мысли.

— Твой шрам исчез, — Лада провела пальцами по щеке и шее Ликната, — дурацкий шрам. Помнишь, как в детстве я попросила тебя собрать яблоки, и ты упал, сильно разорвав лицо? Кровищи-то было. Родители ругались. А я пообещала, что каким бы уродцем ты не стал, я все равно... все равно буду с тобой.

— Я не знаю тебя, — Ликнат неуклюже, грубовато поставил ее на пол и чересчур поспешно отвернулся к окну, — извини.

— Ладани, — прозвучал женский голос без интонаций.

Ница положила руку ей на плечо.

— Понимаю, — Лада совершенно не расстроилась, но голос ее сорвался. — Главное что ты жив.

В дверях появились инквизиторы в гражданской одежде. На Рэнмари было вишневое платье, Харус щеголял в летних брюках и спортивной рубашке на молниях.

— Наконец-то!

— Нашел свой берег? Туманный и далекий. Там где горы и зима. Там где юность и душа. Там где море мертвое и лед, и пламя, и тоска, — в глазах Рэнмари все так же плясал дьявольский огонек.

Инквизиторы поприветствовали друг друга.

— Да... да! Мы тоже безумно рады! — Афина перешла в центр зала и хлопала в

ладоши. — Bravo! Не хочу ломать такой драматический момент, но... теперь-то все в сборе? Мы спешим, тратя драгоценные минуты на болтовню!

Все притихли, разглядывая взнезменную особь женского пола, которую охватил приступ гнева. В паре шагов от нее застыл в непринужденной позе Йольн, теребя какой-то обрывок ткани в крепких руках, точно высеченных из гранита. Из-за крупных и твердых рогов он выглядел особенно устрашающе.

— У нас общий враг, — изгой приосанился. — Мой народ не желает войны, но разрушительная деятельность Рууга зашла слишком далеко. Дайте нам возможность ликвидировать эту угрозу, и мы уйдем. Враг опасен. Он уже многие лета отравляет умы на планете, преследуя свои скрытые цели. Именно Рууг убил вашего Императора и поспособствовал распаду Империи.

— Ликнат может оставаться. Мы и вдвоем справимся, — проговорила холодно Афина, без былых наигранных эмоций, провоцируя человека и манипулируя им. — Пока жив Рууг я не смогу вернуться на родную планету, а стать изгоем как этот камень не хочу! Помогите с оружием и транспортом.

— Я иду с вами, — оживился Ликнат. — По его приказу нас атаковали. По его приказу убили Императора. Мы обязаны остановить подобную агрессию.

— С ума сойти, — подала голос Наи. — Тайполь, и ты туда же? Какое тебе дело до Императора? Вельвет принеси мне, пожалуйста, еще вина.

Вельвет стукнул пальцами по подлокотнику, поднялся и покинул зал.

— Мы создавались как прототипы будущих судей, чтобы остановить насилие и войны, сделать власть Инквизиции полной. Мы должны не только вершить правосудие, но и защищать наш мир по мере возможности.

— Это в вас заложено на уровне подсознания? — спросила Наи, на что Рэнмари и Харус одновременно кивнули.

— И еще... взгляните вокруг, — Ликнат повернулся и зашагал к окну. — На что похож наш мир? Он жалок. Не могу больше оставаться близоруким и не замечать этого.

— Будто это можно изменить.

— Хочу с чего-то начать. Для начала избавимся от врагов.

— Любопытно, продолжай.

— Я хочу изменить все. Во мне словно пробудилось желание сделать наш мир лучше.

— Ты даже больший неудачник, чем я думала, — со вздохом выпалила Афината. — Ты глуп и наивен. Не видишь дальше своего носа.

— И что? Будто твое мнение кому-то интересно.

В зале, где они располагались, достаточно светло и просторно. Наемники любили комфортные условия, редко в чем-то себе отказывая. Пока каждый обдумывал сложившуюся ситуацию, Ладани не отводила глаз от Ликната, чем несколько смущала его. Наи же наслаждалась марочным дорогим вином, специально для этого запланировав и выбрав именно этот день, а остальное так совпало.

— Вы собрались отправиться в, как их там, призрачные миры через пространственный мост? — уточнила Наи. — Чтобы убить антропоморфа по имени Рууг? Как его выследить, кто организует и поведет экспедицию? Силенок-то хватит?

— Хватит.

— Неимоверно! — воскликнула Наи. — Не могу пропустить такую охоту, я отправляюсь с вами.

Их разговор длился еще около часа. Все успели высказаться и выслушать других. Стена непонимания и подозрительности постепенно таяла. При помощи всяческих ухищрений Ладани тоже удалось выбить себе место в этой экспедиции. После чего ей пришлось смотаться за вещами и боевым снаряжением назад в гостиницу.

На грузовом лифте вся безрассудная компания спустилась в подземный гараж Наи, состоявший из двух уровней, ремонтного бокса и тира. Чего там только не было! У наемников имелся внушающий уважение арсенал, богатая коллекция средств защиты, несколько единиц автотранспорта и воздушный глассер. Глаза присутствующих разбегались так, что каждый из образовавшейся компании побрел в приглянувшуюся ему (или ей) сторону осматривать стеллажи и стенды с оружием всех типов: начиная от холодного и метательного, заканчивая экземплярами ручных «рельсотронов», плазменными и лазерными пушками мощностью в тысячи циклов.

— Выбирайте! — засмеялась Наи, слегка опьянев.

Ликнат остановился и заговорил достаточно громко, чтобы все его услышали:

— Я хотел бы обратиться ко всем. Перед вами не тот человек, которого возможно вы когда-то знали. Я не помню прошлого и не готов возвращаться к нему сейчас. Называйте меня Ликнат. Мне трудно подобрать слова. Я благодарен вам за помощь и за готовность отправиться на другую планету ради нашего мира. Неизвестно что нас ждет там, что именно Рууг замыслил, зачем так целенаправленно и упорно убивает планету и обезглавливает человечество. Я хочу покончить с произволом этого безумца и начать новую жизнь.

— Он не безумец, — Йольн дотошно подбирал под свой размер защитное облачение. — Его наняли остатки Дасфиоров. Рууг выполняет их поручения. В этом его заинтересованности очевидна.

— Где света нет, безмолвствует цветок, увидеть некому его. Лишь тьме подвластно очернить, оспорить, возжелать все то, что им даровано, наивным простакам, — Рэнмари пришла в личном боевом облачении, и пока они болтали, шнурками закрепила обруч на груди. Взгляд ее соблазнили рельсовые ускорители масс пистолетного типа. — Можно мне взять этих чудных зверьков?

— Бери.

Хмель покинула кровь Наи. Теперь-то она собрана, бодрa, оделась и привела себя в порядок. Так Наи Саен и стояла у стеллажей с войсковыми образцами, протирая свою любимую снайперскую винтовку, мыслями погруженная в будущие приключения, радостно предвкушая новое сражение. Вельвет присел в метре от нее, первым экипировавшись в штурмовую броню наемников. В его руках лазерная винтовка, с которой он в свое время воевал на стороне повстанцев за независимость городка Дантатзи.

Ница и Ладани пришли со своими вещами. За спиной у Лады болтался рюкзачок с припасами. На Нице все тот же бронекостюм, который она использовала при бегстве с горы Ха-Шин, лишь немного доработанный.

— На тебе та же защита? Или просто совпадение? — перед зеркалом у дальней стены красовалась Ладани в новенькой броне схожего типа с камуфляжем урбанистической раскраски под развалины.

— Восстановила. Фасон приглянулся, — отшутилась Ница. — Я не намерена убивать.

— Мне не ври. Опять в потрошителя играть будешь.

Ладани эта мысль развеселила.

Из оружия Ница выбрала перспективный скорострельный комплекс, включающий

гранатомет, автоматическую винтовку и исползуемый ею безгильзовый патрон. Ладани приглянулась снайперская. Она дополнила винтовку компактным небольшим пистолетом, дымами и накинула маскхалат «хамелеон».

Рэнмари помогла Харусу подогнать крепление усиленной брони, за что он скупно поблагодарил ее и закинул на плечи противотанковую плазменную пушку, приводившую своим видом в тихий восторг любого милитариста.

Примерно в такой обстановке сборы и проходили.

Набрав воздуха в легкие, Наи крикнула:

— Эй! Долго копаться будете? Вельвет, сколько раз тебе говорить, чтобы перестал сутулиться? Берите минимум два комплекта оружия и полный боезапас. О медицине и всех необходимых устройствах я позабочусь сама.

Небольшое подразделение сбилось вокруг нее, стаскивая собранные пожитки. Наи обвела всех наметанным взором, сделала несколько некритических замечаний, где-то поправив, а где-то что-то заменив.

— И так, — продолжила она. — Руководство операцией беру на себя. По-другому и быть не может: кто платит, тот и танцует. Несогласные с моими правилами могут проваливать. Силой никого не держу. Все необходимое грузим в наш транспортер «Скат». За разведку отвечают: Ликнат, вот же нелепое имя, и Ница. За еду и порядок — Ладани. За наличие еды и воды — Йольн. За уничтожение техники и сооружений — Вельвет и Харус. Афината и Рэнмари, вы отвечаете за медицину. И всем смотреть в оба!

— Мне на девять человек готовить? — пробурчала чем-то недовольная Лада.

— Не.

— Шикарно...

— Эй, там лежат мои трофеи! Мои! — крикнула Наи ошивающемуся около самых редких образцов Харусу.

Лада привстала на носочки и прошептала в ухо Нице:

— Как думаешь, что нас ждет? Мы выживем?

— Переживаешь? — Ница провела рукой по ее волосам.

— Имею дурное предчувствие, — Ладани замерла.

В углу раздался мелодичный звонок.

Из лифта выбрался потрепанный и приволакивающий ногу Генрих Бриг в сопровождении Фрэнка, облаченного в элитную имперскую броню с шевронами «Полумесяцев».

— Приветствую! И да, чтоб вы все сдохли, — Генрих презрительно оскалился. — Сколько можно держать меня в этом клоповнике?

Подбирая гибкую флягу для воды, Ликнат застыл в недоумении и обернулся на смутно знакомый голос. Мир поплыл перед его глазами, так что звуки прорывались в его сознание с опозданием, многократным эхом отражаясь от окружающих предметов. Ликнат вновь увидел себя со стороны, только теперь он стоял в комнате без окон и разговаривал на повышенных тонах с этим человеком, что вышел с лифта.

«Мое имя Генрих Бриг, я Лидер-Капитан. Поверь, имя мое произносят с уважением и страхом».

«Зачем мне знать это имя? Мне эти подробности ни к чему! Ты всего лишь безликий убийца! Руки твои обгажены невинной кровью народа...»

Положив на ящик с гранатами подаренный вождем изгоев шлем, Ликнат подступил к

Бригу, чтобы заглянуть тому в глаза.

Рот Генриха скривился в ухмылке, и он проговорил:

— Как тебя потрепало. Небось, выпотрошили как индейку, ничего человеческого не оставив. Что, не узнаешь меня?

Бриг выдавил из себя ехидный смешок.

В голове Ликната опять расползлись голоса, врываясь спутанными обрывками. Спор и злость. Бессильная ярость. Замкнутое пространство и оковы.

«Некому вдохнуть жизнь в этот мир. Он проклят!» — снова и снова кричал голос Брига в его голове.

«Он — проклят!» — в ушах Ликната отозвалось эхо. Лицо Генриха искажалось перед ним, пачкаясь густыми чернилами.

«Миру, который ты видел на картинках, пришел конец! Еще несколько лет, и некому будет оценить твои светлые идеалы!» — не унимался этот озлобленный и опустошенный голос.

Пучок плескающейся энергии сжался и заострился, вырываясь из пальцев на руке Ликната. Душу его терзала горечь и странная необъяснимая пустота. Заряд рос, накапливался и струился, пока Ликнат резко наотмашь точно саблей не рубанул Брига энергетической плетью с разлетевшимися лезвиями призрачных ножей.

Схватившись за рассеченную грудь, Генрих скривился от боли, сжал зубы, присел и завалился на спину. Ужасная рана проступала через ткань кителя. Пальцы Брига стягивали края раны, бесполезно дергая обрывками ткани. От боли он заелозить ногами и выпучил в ужасе глаза.

Ликнат склонился и произнес ровным голосом:

— Все же ты пал от моей руки. Верю, что даже через сотни лет найдутся те, кто оценит светлые идеалы, как бы ты их не очернял.

— Ты... теперь я понял... твоё лицо... глаза... ты... ты так похож на свою мать.

Лидер-Капитан содрогнулся и испустил дух, лишь булькнув напоследок кровью в ротовой полости.

— Стоп! Стоп! Стоп! — подбежала Наи. — Дьявол, что все это значит?!

— Я обещал убить этого человека. Возможно, вы говорили правду обо мне. Но это ничего не меняет, я утратил память.

— Ты с головой дружишь?

Все взоры были обращены на Ликната, от которого сейчас исходил странный холод, вгоняющий в дрожь.

Эта сцена несколько омрачило настрой Ладани, а остальным стало вдруг безразлично. Вельвет включил коммуникатор и вызвал автоматического робота, дабы прибраться в гараже.

— Для робота это привычное дело? — ни к кому конкретно не обращаясь, но поглядывая на наемника, спросила Лада.

Шла вторая минута томительного ожидания, все чем-то были заняты. Лада поняла, что ее проигнорировали, кивнула сама себе, соглашаясь с мыслями, что за это время успела бы связать Вельвету пару шерстяных носков, пока он родит ответ.

Наемник разложил по карманам мелкие приспособления, запасные батареи, проверил навигацию и тепловой радар, осмотрел ночную оптику, и только после этого ответил ей:

— Подобным робот занимается второй раз.

— Вельвет.

— Да?

Но властный голос Наи перебил их.

— Загружаемся в машину!

Десять минут и «Скат» вырвался из подземного гаража, за ним захлопнулись ворота, в пазах закрываясь на титановые засовы. Пискнул маячок сигнализации на брелке Вельвета.

Солнце уже скрылось за зеркальными коробками, заполнившими весь горизонт, лишь изредка пробиваясь лучами между нагромождениями из стекла, бетона и стали. В этих коробках жили люди.

Рядом с бронетранспортером сновали авто. Над открытыми люками бронемашин пролетали глиссеры, парили аэропланы и аэроциклы. В мелькающих за узкими окошками «Ската» домах, машинах и людях читалась нависшая усталость от происходящего, некое духовное истощение. Мир, о котором некому позаботиться, умирал в лучах погибающего Солнца, того самого в чью честь приносили дары в древности и раз в год устраивали ритуальные танцы на восходе. Что разрушило хрупкий баланс: люди или же время?

Вельвет прекрасно чувствовал себя за рулем, справа от него расположилась Ладани, закинув ноги на приборную панель и высунувшись в боковое окошко. Ветер лениво трепал ее волосы. Настроив камеры и зеркало для лучшего обзора, задав команды виртуальному помощнику, наемник включил негромко музыку и расслабился в кресле водителя, придерживая рулевой контур коленкой. Остальные пассажиры разместились в десантном отсеке, пусть без роскоши, но с относительным комфортом.

Магистраль вилась над улочками и огибала разнообразные здания, несколько раз заставив экспедицию постоять в заторах на транспортных развязках. Дважды они пересекли водные каналы по мостам, над внешним видом которых когда-то трудились лучшие дизайнеры своей эпохи, воплотившие вычурные замыслы в изящном монолите из легких металлов, пластмассы и золотого стекла. Контрольный шлюз седьмого сектора впустил «Скат» в карантин, в зону пригорода. За ней тянулись на многие километры трущобы бедняков, руины и свалки, как строительного мусора, так и бытового. Кружили там многочисленные стаи птиц и шарахались бездомные собаки в поисках объедков.

Под колеса «Ската» легла трасса междугороднего сообщения. Надев очки с оранжевыми стекляшками, Вельвет увеличил скорость, дабы быстрее достигнуть следующей точки маршрута, уверенно ведя машину к монастырю «Путь Блаженной Дасхаллы».

По прибытию в закрытый монастырь бронетранспортер остановила служба охраны, но досматривать не стали, получив приличный откуп, а старший смены даже проводил машину до катакомб в подземелья Инквизиции. Проезд и дорогу к устройству фазмара указывала Рэнмари, быстрее остальных пассажиров освоившись с навигацией. Поворот за поворотом по мрачным туннелям и закоулкам они катились к шахтам по настилам над пропастью.

Афине пришлось изрядно повозиться с фазмаром, для того чтобы пространственный мост функционировал в нужном режиме. Она взмокла от волнения и сосредоточенности. Непросто было взломать механизм, перенаправить, и сделать порт достаточно широким для проезда «Ската».

— Готово!

После слов Афины портал разросся едва ли не до свисающих с потолка конструкций, обвитых кабелями да жгутами проводом. Подождав пока она запрыгнет в транспорт, Вельвет уверенно выжал педаль акселератора и повел транспорт в сужающееся туманное марево.

Серые краски плеснули им в лицо. Опять этот серый мир липкого безвременья.

Выскочив на песок, восьмиколесный бронетранспортер вывалился из портала, ударился днищем и, заваливаясь на бок, стал сползать вниз, взревев силовой установкой. Наемник вовремя среагировал, раз справился с управлением, стабилизировав и аккуратно спустив машину со склона. Стекла «Ската» разом потемнели, реагируя на яркий солнечный свет. В машине задраились люки с воздушными створками и включились кондиционеры, поскольку за бортом стояла ужасная жара.

— Вот координаты, — Афината подвинула Ладани и уселась ближе к водителю. — Навигатор работает с перебоями, но так и должно быть. Езжай по ним.

Но вместо этого Вельвет остановился и вышел, оставив дверь открытой. Наи тоже выбралась, взводя пистолет в боевое положение. Вместе они расчехлили два пулемета и две лазерные пушки, установив их на башенку с обзорным бронированным стеклом, наемники знали что делать.

Фрэнк до этого хранивший молчание поднялся и занял место оператора орудий:

— Предоставьте башню мне.

Во время дороги Фрэнк часто задерживал взгляд на возмужавшем Тайполе, но не знал, что сказать, как выразить то, что он чувствует, что пережил, ведь сам по себе не умел говорить красиво и подобрать правильные слова так и не смог. Многие Фрэнк намеревался сказать сыну, но время упущено безвозвратно.

«Скат» продолжил путь. С этого момента на его броне заработала башня с четырьмя стволами, обзоревавшая пустынные окрестности зоркой оптикой. Местность вокруг какая-то выцветшая, безжизненная. Засушливо. Почва так и трескается, оставляя глубокие уродливые шрамы. До края горизонта тянется красно-желтый песок, лишь в одном направлении виднеется что-то темное, какие-то возвышенности. Ни воды, ни живности, лишь выжженный песок повсюду.

Поддал сигнал тепловой радар Вельвета, следом активировался детектор жизненных форм у Афины. Участники экспедиции переглянулись.

Ладани придвинулась к стеклу, что-то высматривая.

— Господи, что это? Что-то движется к нам.

— Пылевки, — коротко ответила Афината, передвинулась к бойнице, закрепила лазерную винтовку в пазу и подключила интервизор к общей тактической сети. — Приготовьтесь.

— К оружию! — Наи перекадилась к бойнице и сдвинула заслонку. — Вельвет попробуй оторваться! Лада, хватай снайперку и за мной. Через люки на крыше постреляем. Респиратор не забудь, а лучше шлем надень.

— Там жарко, — запротестовала Ладани.

— Мелкая трусишка!

— Скучота!

Впереди транспорта поднялась волна песка. Из образовавшейся тучи пыли выскочило крупное животное с многочисленными лапками, телом похожее на приплюснутого броненосца. Распахнув зубастую пасть, животное прыгнуло на машину. Раздался залп обеих пушек, пылевку разнесло на мелкие кусочки и ошметки, которыми заляпало весь транспортер. Напевая что-то веселое, наемник включил щетки-дворники, чтобы смахнуть крупные куски животного и отчистить ветровое стекло от зеленой жижи.

— Фрэнк, пулеметами.

Наи выбралась по пояс на крышу «Ската» с левой стороны и установила винтовку на

подвижный лафет, после чего прильнула к прицелу. С другой стороны показалась Ладани. Она опустила забрало, приготовила оружие, установив на сошки снайперскую винтовку, и тоже прикинула к оптике. Залпами из пушек и пулеметным стаккато Фрэнк больше шумел и пачкал бронетранспортер, чем приносил не всегда пользу, разрывая крупнокалиберными пулями все, что попадалось ему в прицел. Поочередно из бойниц вспыхивали лазерные лучи, прожигая вертевшихся вокруг машины пылевок. Войдя во вкус, Наи и Ладани развлекались точечным отстрелом тварей, что крутились поодаль, не давая им приблизиться. Вскоре животные отстали, видимо заинтересовавшись тушами убитых собратьев. В таком мире навряд ли кто-то попрекает каннибализмом.

— Смысл вообще стрелять по ним? — задалась вопросом Ладани, спустившись в недра машины. — Сами бы разбежались.

— Размялись и постреляли. Весело же.

— Ну, если так посмотреть...

— Вот это место, — Афината взгляделась в темные скалы за рдеющими барханами песка, — сюда ведут координаты.

— И что теперь? — не глуша машину, Вельвет повернулся в салон.

— Я знаю! — протиснулась вперед Ница. — Кое-что мне стало понятно только сейчас. Этот браслет — зашифрованная карта. Эти хребты, острые скалы, ущелье — они все нанесены на этот браслет своеобразным стилем.

— Надо же! — вскинула руки Афина. — Без тебя бы точно не нашли дорогу. Езжай прямо.

— Это старика Томаса вещь! — удивленно воскликнула Лада. — Тайполь подтверди!

— Я ведь просил? Не упоминай это имя, — Ликнат поморщился, словно вспомнил нечто сугубо личное и неприятное.

Ладани притихла.

Экспедиция решила взять перерыв. В салоне болтали кто о чем. Было шумно. Ликнат вылез из гамака в десантном отсеке и через люк выбрался на крышу, посидеть в тишине. Пусть тут жарко и душно, но он хотел побыть наедине.

Не дожидаясь пока Ликнат спустится, «Скат» тронулся. Пропетляв среди барханов песка, расколов и глыб мрамора, бронетранспортер уперся в сваленные в кучи деревья и в завалы природного мусора, перемешанного с обожженным грунтом. Разворошив слежавшиеся кучи старых кустов и гнилых деревьев, преграждающих путь в каньон, «Скат» выкатился к просторной колее, когда-то оставленной другими машинами в засохшей белой глине. С двух сторон каньона возвышались отвесные рваные скалы и нависали пласты, а острые шпильки терялись в провисших ржавых тучах. По дороге попадались лавовые образования, выползшие когда-то через трещины в скалах. Становилось все жарче, сухость воздуха и безветрие напрягали. Кондиционеры в транспорте работали на полную мощность, обдувая салон прохладным ветерком.

За очередным поворотом дорога пошла под гору и взгляду экспедиции предстала долина, покрытая разнообразной растительностью, посреди которой возвышалось колоссальное сферическое строение в скорлупе из застывшей магмы, усеянное огромными кристаллами с огненными вкраплениями. Одна часть строения превратилась в площадку археологических раскопок. Другая часть, обвитая засохшей точно соломенной лианой, светилась тлеющими расколами, из которых временами вырывался пар и всплески расплавленной жидкости ядовитых цветов.

— Небесная Цитадель! — восхищенно воскликнула Ница.

— Офигеть... — прошептала Ладани по слогам.

На площадке работали огромные машины для бурения скал и извлечения грунта. Повсюду сустились тиррийцы в броне разведки Веатора и строительных экзоскелетах. По периметру имелись несколько дозорных вышек и оборудованных укреплений. Весь периметр охранялся. Основная база «археологов» располагалась дальше в тени чашеобразных скал, к ней вела раскатанная дорога.

Вельвет заглушил двигатели. Накатом «Скат» продолжал ехать, пока не въехал в заросли, подальше от посторонних глаз. По броне остановившейся машины сбежал Ликнат. Он замер, разглядывая громадную сферу, опутанную водоворотами энергий. Древнее сооружение поглощало их. Все пространство над сферой искажалось и рябило, размягчалось, истончалось настолько, что он ощущал здесь еще один мир, и еще один... Три Мира соприкасались в этой точке, в этой удивительной сфере. Он не мог оторвать глаз от невероятной картины переливающихся потоков космических энергий. Такой силы Ликнат никогда еще не ощущал. Все тело вздрагивало от переизбытка энергии и возбуждения. Казалось ему, что сейчас он прикоснулся к звездам, к тайному секрету мироздания. На миг он замер, расслабляясь и пытаясь окунуться с головой в эту мощь, стать с ней единым целым. Откуда-то лилась манящая мелодия, а разум уплывал, вождедея фантастических грез здесь и сейчас. Что-то настойчиво звало Ликната, обещая все, о чем только может мечтать человек.

— Поль! — подбежала вдруг Ладани. — Поль! Что ты там видишь?

Словно проснувшись, Ликнат вздрогнул и снял шлем. Он повернулся к Ладе, стараясь сфокусировать туманный взгляд на ее лице, продолжая видеть отблеск других миров.

— То, что изменит нас навсегда.

В его потемневших глазах она увидела пугающую черноту бесконечности.

На одном из ящичков с боеприпасами Наи развернула цифровую карту с трехмерной проекцией местности и плавным движением пальцев отметила две точки на возвышенности.

— Тут наши позиции, Ладани, — она перевела взгляд на девушку. — Уничтожаем самые опасные цели из числа живой силы. Можно так же поковырять технику. Будет весело. Прошу, не высовывайся, мне некогда будет присматривать за тобой.

Лада сосредоточенно кивнула и прошептала: «Спляшут, черти!».

Наи отметила еще одну огневую позицию вниз по долине напротив петляющей дороги, что вела на основную базу тиррийцев.

— Харус, твоя пушка остановит технику врага, если он соизволит вывести подкрепление, — наемница задумалась на миг. — Не забудь про воздух.

— Хорошо.

— Смотри внимательно, нам не осилить подкрепление и танки.

— Я понял задачу.

— Подожди-ка, — встряла Лада. — Что значит присматривать за мной? Я что слабое звено что ли?! Я стреляю не хуже остальных.

— Остальных не жалко, — усмехнулась наемница.

— А, тогда другое дело.

— Теперь о нашей огневой поддержке, «Скате»... Рэнмари, ты справишься. Вельвет все перевел на рулевой контур. Сама будешь ездить, стрелять, на кнопки давить. Сверхъестественная интуиция выручит тебя.

— Но я хотела быть с Харусом, — попыталась возразить Рэнмари.

— Нет, мне некого выделить на транспорт. Ты одна с ним справишься, охватывая все поле боя. Я знаю про твой дар, или твое проклятье, но это один из наших козырей. Ты чувствуешь живых существ и их мысли лучше радаров. Уничтожь скопления противника.

Рэнмари понимающе кивнула и посмотрела на Харуса.

— Вельвет, Афина и Фрэнк, — Наи поочередно ткнула в них пальцем и набросала линии. — Вы ударная группа. Это линии вашего продвижения. Прикрывайте друг друга. Здесь и здесь, — она указала приземистые строения, — особенно внимательно! И, пройдя этот склад на открытой местности, с шумом и взрывами занимаете оборону, оттягивая внимание на себя. Фрэнк присмотри за ними.

Ветер обдал жаром и мелким песком лицо Наи, заставляя ее отвернуться и прикрыть глаза рукой в перчатке. Основной солнцепек давно прошел. Скоро начнет вечереть. Будто вата ржавые тучи рвались на горных шпильях, у подножья которых торчали облизанные зноем базальтовые плиты с неоднородным рисунком слоев. Скучная на листья растительность в долине походила на ссохшийся гербарий, желтея и обрастая колючками.

— Йольн, ты пойдешь с ними, на случай если завяжется рукопашная или появятся враги с энергощитами, и им каким-то образом удастся сблизиться, — попытавшись что-то изобразить рукой, Наи продолжила: — В общем, никого не подпускай. Для этого твоя физическая сила и сгодится.

— Ликнат и Ница, вам отведена роль ликвидаторов Рууга. У нас нет времени караулить,

пока он выйдет и появится под прицелом. Значит, вам придется пробиваться с боем и проникнуть в эту шарообразную конструкцию, чтобы убить его там. У меня закралось подозрение, что вы бессмертны. Ну, или очень уж удачливые сукины дети.

Они промолчали. Ликнат смотрел куда-то сквозь наемницу. Ница почти все время бросала взгляд на Ладани, следя за каждым ее движением, пока та крутилась вокруг машины и шастала по временному лагерю, не имея желаний усидеть на одном месте.

— Напомните, зачем мы в это ввязались? — подал голос Фрэнк.

Вздыхнув притворно, Наи ответила:

— Ликнат считает, что так мы спасем Землю и остановим войну между мирами.

— Да, считаю! — взбодрился Ликнат. — Рууг убил Императора, чем породил небывалую смуту. Наш мир умирает! Нет, чтобы сплотится перед угрозой сейчас, в будущем мы будем вынуждены сражаться друг с другом за каждый клочок земли еще пригодной для жизни. Нам выпал шанс это исправить.

— Боже, сколько пафоса, — улыбнулась наемница. — А мне просто скучно. Верите? Меня убивает сама мысль состариться, сидя в офисе.

— Эй, это мои слова! — вскочила Лада. — Кстати, у меня действительно дурное предчувствие.

Плавно вечерело, небо становилось более насыщенное золотом и огненными красками у размытого горизонта.

Ровно час отвела Наи Саен на подготовку и отдых группы. Ждала, пока окончательно спадет жара. Не планета, а печь какая-то. Наверняка и пищу можно готовить прямо в песке. Здешнее солнце лениво исчезло за горной грядой, отбросившей кривую тень на долину. Дорабатывая план и продумывая детали, Наи следила за врагами в интервизор, расположившись за расколотым валуном и помечая их номерками с разноцветными маркерами, чтобы синхронизировать данные для группы. Наемница уповала на удачу, сопутствующую ей по жизни и свою врожденную смелость, которая граничила порой как с наглостью, так и с глупостью.

— Ну что, господа, занимаем позиции. Доложить по готовности.

Группа подключила интервизоры к общей тактической сети, подстраиваясь друг под друга. Они проверили еще раз оружие, боеприпас и вспомогательные средства.

— Не закрывай глаза от страха, — прошептала Наи в микрофон.

— Позволь другим увидеть страх, — ответил ей чуть хрипловатым голосом Вельвет.

— И если призрак восстает из праха...

— Его по морде палкой бах, — закончил детский стишок вполне серьезным голосом наемник.

Саен захихикала поистине как ребенок. Другим же остался непонятен смысл сказанного.

— Как дети, — Лада, пригнувшись, двинулась вслед за Наи.

Пора занимать позиции и остальным.

Покрутившись, «Скат» выехал на дорогу и устремился за небольшой холмик. Поднимая пыль, Харус сбежал по насыпи и нырнул в заросли. Перекатившись, он занял позицию в яме из-под корней упавшего дерева, отдаленно похожего на тополь. Ница с Ликнатом о чем-то перешептывались, уходя в сторону, чтобы выйти за правую сторожевую вышку. Четверка ударной группы двинулась через низину с корявыми деревцами к ближней вышке и одному из укреплений. Пока они выходили на позиции, продолжала грохотать строительная техника

на площадке, слышны окрики рабочих. В долине стоял оживленный гул, и вовсю кипела работа.

На интервизоре наемницы группа отметилась о готовности. Наи вдохнула, сию секунду запечатлеть последние мирные секунды затишья перед бурей, и спокойно скомандовала:

— «Скат» уничтожь промаркированную вышку и первое укрепление по твоей линии.

Взревев силовыми установками, бронетранспортер появился из-за холма. Его башня прицелилась. Выстрелили лазерные пушки, снеся поначалу укрепленную точку, а затем и дозорную вышку. В ответ взвыли тревожные сирены. Звук их разнесся по долине, разом принесся неразбериху и беспорядок. Поднялась суэта, еще больший шум. Остановилась техника, что разбивала скорлупу сферы. Рабочие разбежались кто куда. Рэнмари отстрелялась из пулеметов по хаотично бегавшим тиррийцам, готовившимся обороняться, и, пряча машину, откатилась назад за природный капонир, чтобы сменить позицию.

Наи следила за происходящим, сухо раздавая команды.

— Ударная четверка, атакуйте, но не высовывайте головы, — она переключилась на другой канал. — Лада, стреляй осторожно. Не дай себя обнаружить. Светись как стекло на склоне.

— А чё я-то сразу!

Тихо шикнув, винтовка врезала Ладани отдачей в плечо. На этот раз она промазала. Подкорректировав оптику, Лада выстрелила еще раз и поразила остановившуюся цель.

Захваченные врасплох враги не могли понять от кого защищаться. Наи стреляла быстро, профессионально. Поменяв батарею на тридцать циклов, она сменила и позицию. Это был ее бой.

Пригнувшись, а когда и на корточках да ползком, но четверка успешно продавливала оборону, ведя непрерывный огонь на подавление. Они обогнули горящие остатки вышки, перебрались через раскуроченную огневую точку, укрепленную железобетоном и сталью. Строительная площадка превращалась в тлеющую и коптящую бездну, поглощая жизни взятых врасплох тиррийцев.

С боем, но продвигаясь через ожесточенное сопротивление, четверка почти достигла второго открытого склада, когда послышался гул тяжелой военной техники.

— Харус, приготовься, — пробился в наушниках голос Наи.

— Да готов я, готов.

На дорогу выполз плазменный танк со спаренной пушкой, окрашенный в пустынный камуфляж. На броне расположился десяток тиррийцев. Харус прицелился в нижнюю часть танка в поисках уязвимого места и выстрелил из своего оружия. Сгусток плазмы прожег броню, и танк взорвался от детонации генератора. Взрывом танку оторвало башню. Подбросило вверх и в стороны всех, кто сидел на броне. Их раскидало по дороге вместе с обломками. За дымящимся остовом танка показался приземистый бронетранспортер, который решил протиснуться там.

Еще один плазменный сгусток вырвался из преобразователя пушки Харуса и полетел в сторону тиррийцев, пробив насквозь светившуюся машину. Бронетранспортер не взорвался, но встал, извергая густую копоть. За ним, чуть вдалеке, остановились две десантные машины, высадившие подразделения тиррийцев под прикрытие еще одного танка, на ходу давшего залп в Харуса, которого вслед за этим осыпало землей и контузило.

Харус вынужденно сменил раскрытую позицию, спешно отползая под огнем нападающих врагов.

Первая среагировала Наи, постреливая по пехоте:

— «Скат», прикрой Харуса!

Пришлось Рэнмари подставиться и высунуть машину дальше из укрытия, чтобы достать грузовики и десант тиррийцев. Прямым попаданием она разворотила первую из машин и следующим выстрелом лазерных пушек смяла второй грузовик, не дав противнику занять оборону... Удар! Дым в десантном отсеке. Рэнмари оглянулась: попадание в борт «Ската», ближе к носовой части. Она выжала ускоритель и рывком вырвалась еще дальше, доворачивая пушки, чтобы выстрелить в танк. Поднявшаяся пелена пыли и клубы дыма не мешали обзору, ведь Рэнмари слышала и чувствовала врагов. А вот и танк! Секунды наводки. Они выстрелили одновременно. Танк вспыхнул искрами как праздничный фейерверк. «Скат» получил пробитие, а Рэнмари по счастливейшей случайности едва не оторвало ноги. Выругавшись, она повела машину обратно в укрытие, смотря с удивлением на дыру, края которой все еще плавилась, заполняя отсек едким дымом.

— Рэнмари, жива?!

Голос Наи казался чем-то далеким, потусторонним.

— Жива. В машине две пробоины. Одна силовая выведена из строя, одна в критическом, остальные две в норме.

— Приняла.

Харус остановился отдышаться и потрогал место, где раньше была его рука. Встроенные системы боевого облачения остановили кровотечение, вкололи ему обезболивающее и средство против шока. Оскалившись в безумной ухмылке, здоровяк беззвучно расхохотался. Надо же, ему оторвало правую руку выше локтя. Харус разгреб оставшейся рукой землю и снова установил пушку. Навел. Дав три выстрела по скоплению противника, он залег отдышаться.

Стаккато пулеметов бронетранспортера дополнил залп пушек, после чего на мгновение повисло затишье, и воздух сотряс взрыв бульдозера. Гриб из огня, дыма и пыли поднялся на сотню метров вверх.

Успешно ведя бой, Фрэнк вырвался вперед, поставил дымы, забросал врагов гранатами и прыгающими минами. Кто-кто, а он уж точно попал в свою стихию, истосковавшись за годы по настоящей войне. Собранный как никогда Вельвет продвигался следом, за ним пряталась Афината, несколько потерявшаяся в пылу сражения среди тел. Четверка выполнила свою задачу: почти весь огонь концентрировался на них. Осталось дождаться остальных. Далекие, лишенные звука вспышки виднелись на горе: Наи и Ладани уничтожали издали пехоту точными выстрелами.

— Тадах!

— «Скат»...

Но слова Наи прервал вмешавшийся звук от лопастей несущих винтов, характерный для вертолетов. И действительно, в небе обозначились несколько летящих пятен, формой и очертаниями схожих с вертолетами.

— Харус, воздух! «Скат», воздух!

Обратив пушки к небу, «Скат» выскочил на ровную местность для маневра и дал залп, не повредив уклонившийся вертолет, который спустя секунды сбил плазмой глазастый Харус. Воздушная машина задымилась и стала пикировать с протяжным воем. Вертолет тиррийцев упал в десятке метров от Фрэнка, отбросив того взрывной волной. Второй вертолет летел по дуге, становясь в карусели и поливая огненным дождем место, где

притаился Харус. Вырываясь вперед на огромной скорости, «Скат» пулеметной очередью остудил зарвавшийся вертолет, а затем уничтожил его залпом из перегревшихся пушек. Вертолет взорвался в воздухе. Видно, что пилоты успели катапультироваться, но это их не спасло: Рэнмари добила из пулеметов. Будто тряпичные куклы мертвые тиррийцы висели на стропах спускающихся парашютов. Точно выбросив белый флаг, маячили их светлые купола в пылающем небе.

— Харус, — позвала его Рэнмари. — Харус!

Но никто ей не ответил.

Наи силилась держать себя в руках, хладнокровно поражая цели одну за другой. Выстрел, выстрел, выстрел! Сменив перегревшийся охлаждающий элемент, она взглянула через прицел на бежавшего врага и выстрелила. Посмотрела на Фрэнка. Перевела оптику на Афины... которая целилась из винтовки в спину Вельвета, укрывшегося за поваленным землеройным механизмом.

Впитывая все больше энергии, перчатки Ликната остужали пространство, сжавшееся щитом вокруг него и Ницы. Взмахнув перчатками преобразователей, Ликнат обратил поток психокинетической разрушительной энергии на врагов, с тем чтобы смести все: технику, повсеместно преградившую путь, фортификационные сооружения и громоздившиеся повсюду отвалы грунта. Разрушению подвергалось абсолютно все, на что падал взор су-Риам, посмеявшегося прикоснуться к могуществу.

Припав на колени, Ница поддержала Ликната огнем и, перекатившись, нырнула под навесную платформу. Вот спина Ницы показалась под ребристыми ступеньками, и она кошкой проскочила в тыл разведчиков Веатора, укрепившихся за бруствером из камней и грейдерного ножа. Нице понадобились чуть больше пятнадцати секунд, чтобы разобраться со спохватившимися врагами. Ликнат одобряюще показал большой палец, на что она лишь сверкнула фиолетовым ореолом у шлема. Собрав энергию, Ликнат направил силу на вкопанный в землю бронетранспортер, сминая его как бумажный кораблик. До слуха Ницы долетели вопли экипажа, и машина взорвалась, объята ревушим пламенем.

Яркая вспышка на миг ослепила. Стрельба наполнила воздух настолько, что шум стоял сплошной стеной: залпы, взрывы, пальба и крики.

Наконец-таки Нице и Ликнату удалось достичь входа в эту сферу. Остановившись, чтобы укрыться за колонной, Ликнат оглянулся, ища взглядом пропавшую в бою напарницу. Кругом вопли и грохот, дым пожарниц. Небо заволкло зловонным туманом. Все погружалось в хаос, превращая пространство в преддверие Ада. Еще мгновение и взгляд его отыскал Ницу. Ее зажали плотным огнем за обломками тлеющего грузовика, перевернувшегося на крышу. Направив энергетические потоки, Ликнат образовал защитное поле, чтобы Ница смогла выскользнуть за следующее укрытие, чем она сразу и воспользовалась. На помощь Нице пришел еще и «Скат», прижав огрызающихся тиррийцев роem пуль к земле. Мелькнул яркий луч лазера. Обрушая на головы врагов удары невидимого кинетического молота и выбрасывая россыпи разлетающихся лезвий, Ликнат дождался напарницу и вбежал вслед за ней в шлюз Небесной Цитадели. Со скрежетом врата за ними опустились, отрезая путь назад.

Энергощиты помогали тиррийцам хоть как-то совладать с напавшими. Так и на Йольна натолкнулся разведчик Веатора, укрываясь прозрачным щитом, а в руках поблескивал зубастый клинок. Йольн выстрелил в щит, чтобы убедиться, что лазер не работает и бросился в атаку, сметая мощным ударом тиррийца, опрокинув того и вмиг обезоружив. Складной щит

изгой решил оставить себе.

Смотря через прицел, Наи не могла поверить своим глазам. Шок лишил ее возможности предупредить друга. Нацелившись, Афината вероломно выпустила три цикла из лазерной винтовки в спину Вельвета. Он завалился набок и сполз за насыпь грунта. Повернувшись корпусом, Афина так же без колебаний поразила лучом Фрэнка, увлеченного перестрелкой с окопавшимся противником.

— Ах, ты ж... тварь! — закричала Наи, так что у Лады зазвенело в ушах. — Сдохни мразь!!!

Наемница тут же выстрелила, тяжелая пуля пробила грудь Афины. Следующим выстрелом Афине оторвало руку в плече. Наи привстала на колени и добила предательницу, разнеся тиррийке голову. В пляшущий прицел попал обернувшийся на звук Йольн. Наемница выстрелила и в него, дважды угодив в энергощит.

— Сдохни!

Выстрелы снайпера остановил щит, за которым укрылся в недоумении Йольн, отступающий за насыпь. Следующая пуля расколола ему щит, энергетическая оболочка потухла. Ввиду чего изгою пришлось экстренно ретироваться, прыгнув в воронку, образовавшуюся от подорвавшегося на mine грузовика.

Выдав себя, Наи тут же поплатилась: кучная очередь всполохов сразила ее. Звук пришел секундой позже. Винтовка выпала из ее рук, и Наи опустилась на землю, тяжело дыша. Лада заметила стрелка и устранила того выстрелом в голову. Лада поднялась на четвереньки и поползла к Наи. Несколько минут понадобилось Ладани, чтобы пробиться через кусты на взгорке. Она подобралась к наемнице и достала складной ножик, разрешила им разгрузку, обвязала получившейся веревкой туловище Наи и, упираясь ногами, поволокла ее вниз к маневрирующему среди бугров «Скату».

— Рэнмари... — задыхалась Ладани, — прими нас... ранена.

Бронетранспортер с легкостью забрался на возвышенность. Выскочившая Рэнмари откинула десантные люки, помогая Ладе затащить раненную наемницу.

— Давай ее сюда! — Рэнмари освободила место в лазарете. — Сейчас включу медицинский блок.

Связка гранат появилась в руках Йольна. Он затих, неожиданно оставшись в одиночестве. В эфире тишина, никаких команд. Бой продолжался, но интенсивность его падала. Против разведчиков Рууга сражался только «Скат». Йольн внутренне подобрался и, схватив винтовку, почти в упор застрелил выглянувшего из-за бочки с водой тиррийца.

Тело Ницы повреждено в нескольких местах, зияли вырванные дыры в ее броне. Впереди вился серпантинном странный коридор с выпуклым высоким потолком. Под ногами Ликната и Ницы нескользящий резиновый пол, или материал лишь сдается таковым. Дорожка подсвечивалась рассеянным белым светом.

Ликнат зашагал к выходу, где виден более яркий мерцающий с синевой свет. Ница последовала за ним, держась у самой стены. Они вышли к помещению сферической формы с множеством гудящих штырей в прозрачных пружинах разного размера и диаметра. По центру располагались держатели, сверху и снизу удерживавшие «пузырь» с непонятной субстанцией, внутри которого медленно вращалась вибрирующая сфера. При необходимости она свободно бы уместилась на ладони. Сфера закована в три хаотично вращающихся кольца и наполнена фиолетовым сиянием, где друг за другом двигались три ярких источника света, то гаснущие, то вспыхивающие с новой силой. Сферу окружало видимое силовое поле.

Тут очень холодно. Слышен монотонный гул каких-то агрегатов и далекий звук периодически вырывающегося под давлением пара.

У Ликната зудела правая щека и часть шеи.

— Вы задержались, — обратившегося к ним незнакомца не было видно. — Мне порядком надоело вести вас и толкать в нужном направлении как слепых котят.

Ликнат обогнул силовое поле и заметил Рууга в изысканных доспехах явно ручной работы, с эффектным обликом которых могли посоревноваться лишь доспехи Ницы. Рядом с ним пряталась в темных невзрачных и отталкивающих обмотках фигура раза в полтора больше чем сам тирриец. Эти двое явно чего-то ждали. Или кого-то.

Рууг сделал несколько широких шагов к человеку и надменно сжал губы.

— Твои соратники мертвы. Афината вновь заманила тебя в ловушку. Все прошло согласно моему плану. Мы искали эту древнюю машину, — Рууг указал пальцем на выглянувшую из-за округлой арки Ницу. — Еще нужна чистая кровь су-Риам. В вашем Императоре, Ястии Шанни, мы ее не нашли. Зато у тебя она оказалась. Ты можешь управлять Сферой Лун. Сдавайся, и я пощажу вас.

Ярость заполнила сердце Ликната. Энергия потекла быстрее по телу, подстрекая каждую клетку к действию. Ликнат выбросил призрачное лезвие в Рууга, но бросок разбился об импульс мрака, прошедшего через грудь тиррийца.

— Это все? — спросил неподвижно замерший Рууг.

Ликнат направил поток энергии через обе руки, ускоряя его и закручивая сверлом. Ница заняла позицию и поддержала выстрелом из подствольного гранатомета. Взрыв на время скрыл тиррийца и незнакомца, не принимавшего какой-либо участи в их разборках.

— Раз это все, — донесся из дыма голос Рууга, — то я зря волновался и перестраховывался, ожидая действительно сильного противника.

Рууг ударил в воздух перед собой одновременно двумя руками, и Ликната с Ницей снесло словно ураганом. Они ударились о переборки сферы и поднялись почти сразу.

— Не впечатляет, — Ница выстрелила очередью и убедилась, что пули продолжают вязнуть в клубившуюся прозрачность перед тиррийцем.

— Ты говоришь ртом? — удивленно заметил Рууг. — Ты нужна нам в рабочем состоянии. Мне запретили вредить тебе, но...

Рууг хватанул пальцами воздух, принял угрожающую стойку, дернул правой рукой от себя, от чего невидимая сила протащила Ницу по воздуху, и ей оторвало обе руки. Рууг рассмеялся:

— Но никто не запрещал отрывать тебе руки.

Ликнат врезал невидимым молотом сверху, сплетая пальцы перчаток. Рууг вскрикнул и присел, успев все же сдержать рвущийся поток энергий и подчинить его себе, перенаправив обратно в человека.

От удара, прошедшего Ликната насквозь, его зашатало, боль прошла по телу и сознание помутилось. Ликнат харкнул кровью и упал на колени.

— Именно так ты должен встречать меня, — с презрением проговорил тирриец. — Такой же немощный, как и весь ваш вид.

Все естество Ликната жаждало движения, стремилось выжить, не смотря ни на что. Но для чего? Ради самого себя? Нет... для нее, жить для Ладани... само ее имя означает порядок. Воспоминания нахлынули каскадом, врываясь в разум Ликната загорающимися картинками прошлого. Что придало ему сил, открыло второе дыхание и освежило былое

исступление...

Стоя на коленях и смотря на тиррийца через окровавленное треснувшее забрало шлема Ликнат совершил молниеносный взмах руками и пронзил невидимыми раскрывающимися щупальцами тело Рууга... смешно задергавшегося, точно марионетка на нитях, поднимаясь к потолку. Кровь тиррийца обильно лилась по энергетическим щупальцам, свившимся в пульсирующий пучок вокруг них. Поднимаясь на ноги, Ликнат с силой отбросил мертвого Рууга.

— Глупец, су-Риам одержимы применением силы. И чем больше энергии высвобождают, тем большего разрушения жаждут, порою уничтожая все живое вокруг себя, — громко заговорил равнодушно наблюдавший за экзекуцией незнакомец в накидке. — Их завораживают разрушения и сам хаос. Эта одержимость сродни инстинкту размножения.

— Ты, — прохрипел Ликнат, обуянный яростью, — умрешь.

Незнакомец сбросил потертую накидку, и перед человеком предстало крупное антропоморфное существо с подвижным толстым хвостом. Оно больше смахивало на ящерицу, вставшую вдруг на сильные задние лапы, но движение глаз и головы напоминало повадки курицы.

Вот и сброшены покровы.

— Ница, если я не ошибаюсь, вы бы не могли вернуть мою вещь? — существо продемонстрировало треугольные загнутые к языку зубы. — Простите, вы же лишились обеих рук, сам возьму.

— Ты, — Ликнат не смог совладать с силой разрывавшей его изнутри и впал в ступор. — Ты еще что такое?

— Можешь звать меня Инек-Фиб.

— Ты один из Кайри?

— Да, из этого гнезда. Но что-то мы заговорились...

Ящер хлопнул в ладони, активировав тем самым луч, окончательно парализовавший человека сетью нитей свившихся прямо из воздуха. Без всякого сопротивления Ликната подняло вверх и сковало в вертикальном положении.

Ница оставалась полулежать у арки. Ее лицо исказили муки, а тело вздрагивало. Что-то терзало ее. Что-то поселилось в ее голове. Ница спешно заговорила, но Ликнат не понял ни слова, пребывая в каком-то психоделическом тумане как под наркозом.

— Сначала обезвреживай, а потом распускать свой язык, Рууг. К чему болтовня с покойником? Ты хорошо потрудился, благодарю, — по морде Инек-Фиба ползла мерзкая плотоядная ухмылка. — Займемся пока непослушной машиной. Долго же ты от меня бегала, я излечу тебя, перепрограммирую, избавлю от необходимости подражать людям. Ты станешь каналом связи со сферой. Пришло время взять Цитадель под полный контроль!

— Зачем ты это делаешь? — с трудом выговаривая каждое слово, прошептал Ликнат.

— Мечь, — коротко ответил ящер. Его коготки застучали по стеновой панели.

— Мечь?

Веки человека медленно сомкнулись.

— Воевали с людьми и проиграли. Вы разрушили наши планеты и рассеяли мой народ как звездную пыль по задворкам вселенной, вытеснив целую расу за грань вымирания.

— При чем тут эта сфера? Ты одержим мечью, съеден мыслью о разрушении Земли, — Ликнат предпринял попытку вырваться, но сети стянулись как тросы. — Оставь нас.

— Не утруждай себя... Земли? — сделал удивленное лицо Инек-Фиб. — Ты никогда не

видел Землю, так как жил на заурядной колонизированной планете, на которую всем плевать. Таких планет множество заселено людьми. Она даже не Земля называется. Солнечная система в другой стороне космоса. Люди даже своих детей бросают и забывают.

Почему-то эта мысль рассмешила ящера. Он смеялся не меньше минуты, брызгая слюной, пока не успокоился и не сделал несколько кругов, прохаживаясь мелкими шажками.

В голове Ликната проступала хоть какая-то ясность. Организм боролся с ядом, пропитавшим здесь все пространство насквозь. Или человеку помогали бороться, мешая закрыть глаза и наконец-то уснуть, прогнав все эти тревожные мысли, чувства, всю эту навалившуюся ответственность... «Хотя почему же навалившуюся? Сам же влез. Ни кто ведь не заставлял... жил бы себе сейчас где-то на берегу озера... рыбу ловил, бегая тайком по утрам к воде... встречал бы рассветы и закаты с удочкой в руках, а так болтайся теперь под потолком...»

Сжав пальцы, Ликнат прогнал дурные мысли и спросил уже окрепшим голосом:

— Тогда зачем ты разрушаешь мою планету?

— Мне плевать на нее. Эта сфера создана, чтобы созидать, делать необитаемые миры пригодными для жизни. Я провел в ней большую часть своей жизни. Хотел подчинить ее, что привело к дестабилизации каких-то установок, вследствие чего ваша планета засыхает. Я что-то сделал не так. Скоро ваш мир умрет из-за сбоя в этой сфере.

— Хочешь с помощью сферы восстановить собственный мир, а нас обречь на вымирание?

Махнув возбужденно хвостом, Инек-Фиб задумался или лишь сделал вид, что задумался, пока расхаживал перед человеком. Загибая когтистые пальцы, ящер что-то бормотал, видимо споря сам с собой.

— Нет, — наконец ответил он.

— А что тогда?

— Я так давно не видел людей, что стал забывать какие же вы мерзкие существа! — вдруг закричал ящер, пена выступила на губах, а глаза налились кровью. — Мерзкие, отвратительные уродцы! Захватываете и заселяете каждую планету, как паразиты! Паразиты космоса! Плодовитая саранча! Звездная слизь! Скоро за астероиды возьметесь. Ничего... ничего... я устрою вам грандиозный праздник.

Пальцы на руке Ликната зашевелились, его руку пробило судорогой. «Быстрая пешка! Да очнись же ты! — раздались взволнованные и рассерженные голоса Рэнмари в голове Ликната. — Нет страха у того кто мертв давно! Лишь гложет чернота, в углу забившись, прячется от солнца. Не падай духом, берег вспомни, обрывист и изрезан он, а море волнами кипит, но мир родной тебе, все так же ждет и жаждет жизни!»

— Разве ты еще не понял, человечиска? Это бомба... ее я придумал. Я! Неизмеримая по мощности, разрушительности и красоте, — Инек-Фиб застыл одолеваемый дрожью, упиваясь произведенным эффектом. — Ее накормлю до критической массы, до предела ее пространственной оболочки энергией, а после запущу обратный процесс высвобождения, — он противно и зло засмеялся, будто залаял. — После взрыва останется черная дыра. Бах! Бах! Ба-а-ах! И нет вашей вселенной, ха-ха. Небесная Цитадель улетит к Земле. Именно я аннигилирую место, где по вселенской глупости зародилось тошнотворное отродье зла! Уничтожу само сердце человеческой цивилизации!

Извиваясь всем телом и скрипя зубами, Ликнат взорвал воздух вокруг себя, чтобы высвободиться. Он рухнул на пол, быстро поднялся и ударил энергетическим хлыстом с

широким ножом на конце ящерице в голову.

С злым шипением Инек-Фиб увернулся, но все же получил в спину развернувшимся хлыстом, рассекшим его броню и плоть до костей. В воздухе появился запах горелой курицы. Зашипев сильнее, ящер заметался на подкашивающихся лапках. Скребя коготками, он взял себя в руки, развернулся и уставился на человека, сверля того ненавистным взглядом. Тяжелая хрипота Инек-Фиба перешла в бульканье, кислотно-зеленая кровь сочилась из глубокой раны.

Взмахнув энергетическим хлыстом, Ликнат нанес еще один удар призрачным, раздвоившимся в последний момент лезвием по отпрыгнувшей ящерице. Лезвия энергетических всполохов закружились вокруг прыгающего Инек-Фиба, пока тот не оказался зажат. Тут же Ликнат ударил сверху, собрав потоки невидимых нитей энергии в молот, и придавил ящера силовым полем.

Из окровавленного рта Инек-Фиба вырвалась бессвязная ругань и шипение, перешедшее поначалу в визг, а лишь за тем в нечто похожее на слова:

— Убьешь... не остановить Цитадель!

С последними словами ящер выплюнул ядовитый сгусток с паром в сторону человека и метнул шипы с хвоста.

Не обращая внимания на ядовитый пар и впившиеся в плоть шипы, впав в первобытную ярость, Ликнат давил все сильнее, концентрируя силу в образовавшемся молоте, пока не размазал ящерицу.

В помещение становилось холоднее, от чего заиндевание пошло дивным рисунком по стеклянной поверхности и потолку. Появились сосульки на свисавших с потолка конструкциях и штырях. Что-то хрустело под ногами, когда Ликнат шел к Нице, пребывавшей в бессознательном состоянии, свернувшись в позе эмбриона. Из поврежденного шлема вырывался пар вследствие охлаждения теплого выдыхаемого Ликнатом воздуха.

— Ница, — он осторожно потряс ее. — Ница, очнись.

Она открыла глаза и вздохнула, пробормотав:

— Со мной обращались как с вещью. Я не могу защитить себя, оставаясь всего лишь машиной.

— Как твои раны?

— Я функционирую, если ты об этом.

— Жива? Сейчас разберемся с Цитаделью и домой.

— Функционирую. Не стать. Не мечтать. Потому что я... машина? Кусок бездушного металла? — будто не слыша его, проговорила Ница. Взгляд ее бегал под разбитым забралом шлема. Она надсадно дышала. — Коробка микросхем, лишенная возможности быть человеком. Быть рядом с людьми... рядом с Ладани.

Ница тихо заплакала, как однажды в уничтоженной оранжерее, уничтоженной теми, кем и она стремилась стать, стремилась до одержимости.

— Ладани? Ты хочешь прислуживать ей? — Ликнат осмотрел затянувшиеся раны на ее теле и, поднявшись, уставился на сферу, притягивающую его как магнит.

— Это не прислуживание, нет, это — дружба! Дружба между консервной банкой и человеком.

О чем-то задумавшись, Ликнат не сразу придавал значения своим ранам и продолжал созерцать подвижные вихри, тянувшиеся петли и разноцветные потоки, втягивающиеся в

сферу, от чего создавались удивительные трехмерные узоры. Миллионы цветов и оттенков играли вокруг сферы, настойчиво зовущей, манящей человека, обещая ему безграничную власть и бессмертие.

— Что он там говорил? Я могу управлять этим?

Оставленные шипами ящера раны стали разгораться все сильнее с каждой секундой.

Ликнат сделал шаг навстречу судьбе. Сфера звала его. И он поддался как мальчишка, услышав голос, когда-то певший ему колыбельную во сне.

Раны причиняли сильную боль, и Ликнат едва игнорировал ее.

Вот и сейчас звучит это пение. Женский голос пленил сердце и разум Ликната. Незнакомый язык ему не понятен, но человек радуется теплу и заботе, что дарили эти прекрасные слова.

— Я слышу, как кто-то поет! — воскликнула Ница. — Как красив этот голос.

— У меня есть еще шанс исправить... все изменить. Мы построим будущее, в котором не будет больше непригодной для жизни пустыни, не будет войн... Мы перепишем историю и вернем жизнь в этот мир.

— Остановись! — не на шутку испугалась Ница.

Как дым появились образы в голове Ликната. Он вспомнил, рассказ о погибших оленях, так и не сумевших расцепить рога.

От ран уже горело все тело, боль стала невыносимой.

Решившись, Ликнат проник сквозь силовой барьер, кожа его покрылась ожогами от холода даже через остатки брони, и протянул руку, сняв перчатку с наручами, чтобы коснуться дрожащими от волнения пальцами сферы, сжавшейся точно в страхе и испутившей тоненький писк.

Внутри сферы носились друг за другом три светящихся точки. Шар пульсировал в такт человеческого сердца. Ликнат полностью поддался очарованию этой мелодии. Сфера подпевала еще несколько секунд, повисших в вечности, пока не издала благозвучный звон колокольчиков, озарилась ярчайшей вспышкой и — угасла, мерцая сиреневым отблеском. Все помещение наполнилось радужносиним светом, создавалось ощущение, что свет струится прямо из воздуха, из стен и потолка, даже из пальцев застывшего в изумлении Ликната. Какие-то пушистые искрящиеся комочки окружили Ницу. Они мягко скользили по ее плечам и ногам, скатывались по крестообразному забралу расколотого шлема, и Ница скинула его движением головы, зачарованно вдыхая морозный воздух.

— Я слышу прекрасную песню. Как же сильно бьется сердце, как настоящие, живое... как сердце, — Ница кое-как поднялась, прикрыла глаза. Она шумно выдохнула, отходя подальше от пульсирующей все сильнее сферы. — Слышишь? У меня тоже есть сердце! Я чувствую его!

Пространство за ней менялось, искажаясь радужными пятнами. Ликната поглощал серебристый туман. К его рукам приклеилась сфера, будто бы растворяясь в нем и прорастая. Теперь он знал, что этот механизм вернет благоприятный климат планете. Сфера слышит его желание, и сложнейшие процессы запущены: мир его будет обновлен.

— Уходи Ница. Быстрее! Ты ведь можешь идти?

Разрастающаяся боль заглушала мысли Ликната. Сердце билось все медленнее.

Все вокруг интенсивно затряслось.

От толчков Ницу сбило с ног. Опираясь плечом, она встала и поковыляла к выходу, где принялась колотить ногами в закрытые ворота. Через минуту ворота задрожали и поднялись.

Ница выпрыгнула из Небесной Цитадели, неожиданно ожившей и набирающей высоту.

Механический шум, лязг и ужасающий свист исходили от проснувшейся сферы.

Разрозненные и заметно поредевшие группы тиррийцев отступали, испугавшись происходящего. Они бросали все.

Громадное сферическое строение поднялось выше. От него отламывались массивные куски затвердевшей лавы. Пыль стояла столбом. Земля дрожала под ногами, а небо заволкло неестественно пугающим маревом. Поднялся могучий алчущий разрушения шквал, бороздя пески и вырывая деревья. Цепь торнадо водила хоровод вокруг Цитадели, впитывая огонь и дым горячей после сражения земли.

Ударившись при падении ногами, высота была метров пятнадцать, Ница покатила дальше по песку и трупам, трижды попав в огонь. Все вертелось вверх тормашками.

— Они отступают! — в отсек к водителю «Ската» протиснулось перепачканное лицо Ладани. — Заберем остальных?

— Не думаю, что кто-то выжил, — равнодушно и как-то устало проговорила Рэнмари.

— Неправда! Я видела Йольна. Он тащил двоих, вроде Вельвета и Фрэнка.

Освобождаясь, Цитадель гудела и тряслась. От сферы разошлись волнами импульсы, заставившие дрожать все вокруг в унисон. В горах шумели обвалы. Земля покрылась глубокими трещинами и разломами.

Огибая одну из расщелин, «Скат» катился у края долины. Машина остановилась, чтобы подождать, пока валившийся с ног Йольн залезет внутрь. Лада помогла разместить в медицинских блоках Вельвета и Фрэнка. Их состояние критическое, но они живы. Замешкавшись на входе, Ладани уже хотела прикрыть люк, когда в поле ее зрения попал Харус, пошатывающийся и падающий на каждом шаге, но продолжавший упорно идти. К нему наперерез бежала Ница, выскочившая откуда-то из задымленных завалов. Она догнала Харуса и, нырнув ему под оставшуюся руку, помогла доковылять гиганту до подъехавшего бронетранспортера.

— Ница, ты жива! — обрадовалась Ладани. — А где Тайполь?..

— Он приказал бросать все и уезжать. Есть вероятность, что этот мир будет разрушен и поглощен дьявольской сферой.

— О, господи... где твои руки? — Лада ошарашено смотрела на темнеющие провалы остатков брони вместо рук Ницы.

— Заживет до свадьбы.

— Тайполь догонит нас?

На этот раз Ница промолчала и подвинулась ближе к Ладани, чтобы прижаться к ней, успев соскучиться.

На поверхности все заволкло поднявшимся в воздух мусором. Завихрения ветра взметали песок выше и сбивали его в пыльные грязные тучи, скользящие паутиной по буграм и каменным навалам.

Небесная Цитадель взмыла еще выше. Воронка темной энергии под ней переросла в ревущий смерч с сабельными росчерками молний. Прогремел гром, превративший воздух в мельчайшие частички снега и льда. Волны холода и влаги распространились от вознесшейся сферы. Небо содрогнулось грозowymi тучами, клубившимися вокруг Цитадели... и в землю ударил град. Озарив небо вспышками, схлестнулись молнии, и вслед за громом и градом пошел дождь, переходящий в сильнейший ливень. Порывы внезапного ветра усилились. Этот мир ждал проливного дождя. И цепь свинцовых, темных как чернила туч расплзлась по

горизонту, окутанному маревом багрового заката.

— Куда ехать? — спросила поникшая Рэнмари, с трудом разворачивая машину. — Мы обречены застрять на этой проклятой планете... Скажите же куда мне ехать!

В отсеке «Ската» молчали.

«К тем скалам, — раздался голос Ликната в ее голове. — К тем скалам, что похожи на зверька. Там мы откроем портал. Берегите себя и... в общем, я многое вспомнил. Спасибо за все и прощай».

«Ты жив?!.. Кто мы? Подожди, Лик!» — но телепатическая связь оборвалась, а немой призыв так и остался лишь мыслями Рэнмари.

Надрываясь оставшимися силовыми установками, «Скат» мчался на пределе к видневшимся впереди скалам, действительно похожим на зверька, положившего голову себе на хвост во время сна.

Сна после долгой охоты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net